АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АНТРОПОЛОГИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1937 ЛЕНИНГРАД.

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Непременный секретарь академик *П. Горбунов*

Председатель редколлегии академик И. И. Мещанинов

Ответственный секретарь С. Н. Замятин

Члены редколлегии: В. А. Городцов, П. П. Ефименко, В. И. Равдоникас

Секретарь редакции В. В. Храмова

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.,

Наши задачи в области археологических исследовании, в связи с решениями ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР об учебниках по истории 1

статьи

О. Н. Бадер (Москва). Лихачевский могильник 19
П. П. Ефименко (Ленинград). К истории западного Поволжья в нервом тысячелетии н. э. по археологическим источникам 39

материалы

В. В. Федоров (Ленинград). Рыболовные снаряды неолитической эпохи из долины р. Оки ... Г 65
С. В. Киселев (Москва). «Афанасьевские» курганы у сел Сыды и Теси . . . 71
А. В. Збруева (Москва). Ананьинскпй могильник 91
В. А. Городцов (Москва). Подчеремский клад 113
Е. В. Жиров (Ленинград). Древппе ижорскпе черепа 151

АРХЕОЛОГцЧЕСКАЯ РАБОТА ЗА РУБЕЖОМ

И. М. Лурье (Ленинград). Город Тель-Эль-Амарна 161

МЕЛКИЕ СООБЩЕНИЯ

В. И. Громов (Москва). Некоторые итоги полевых исследований по палеолиту СССР в 1935 г. 186
С. А. Локтюшев (Ворошиловград). Редкое погребение и остатки стоянки в Донбассе 195
А. А. Мансуров (Москва). К материалам по изучению химического состава ископаемых металлических изделий 199
Г. И. Петров (Ленинград). Некролог.Генри Фэрфндьд Осборн 201

археологическая хроника

А. С. Стрелков (Москва). Третий международный конгресс по иранскому искусству и археологии 205
С. А. Трусова (Ленинград). Пленум комиссии по изучению ископаемого человека Советской секции 1NQUA 215
В. И. Селиванов (Ленинград). Археологическая работа Государственной академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в 1935 г. 221
И. Н. Третьяков (Ленинград). Экспедиция по изучению «Арктического палеолита» 227
Э. В- Зчберт (Ленинград), Археологические находки на Аляске 228

Н. З а х а р о в (Краснодар). Пограничное укрепление Боспорского государства на Северном Кавказе н Краснобатарейное городище.... 229
М. З- П а н и ч к п н а (Ленинград). Обзор археологических находок за 1934 — 1935 гг. в СССР по газетным сообщениям.... 230
К. Р а б и н о в и ч (Ленинград). Работа сектора доклассового общества Государственного Эрмитажа в 1935 г.... 241

SO MM AIRE

Page

Mëmoires

Notre tâche aetuelle dans le domaine des recherches archdologiques à la lumière de la décision du Comité central du Parti communiste et du Conseil des commissaires du peuple de l'URSS concernant les manuels d'histoire.... 1
0. B a h d e r (Moscou). Le cimetiere de Likhatchevo 19
P. E f i m e n k o (Leningrad). Contribution d l'histoire de la partie onest du pave de la Volga dans le 1-er millenaire de notre ere d'apres les sources archeologiques.... 39

Matériaux

V. F e d o r o v (Léningrad). Engins de peche neolitbiques de la vallee de l'Oka . . 61
S. K i s e l o v (Moscou). Les tumuli du type d'Afanassievo pres dee villages Syda et Tessa, region de Minoussinsk.... 71
A. Z b r u e v a (Moscou). Le cimetiere d'Ananino.... 93
V. G o r o d c o v (Moscou). Le tresor de la Podtcherema.... 113
K. Z i r o v (Leningrad). Cranes anciens de Г Цора.... 151

L'arcbeologie a l ' ë t ranger

1. L o u r i e (Leningrad). La ville de Tel-el-Amarna.... 161

Brèves communications

V. G r o m o v (Moscou). Quelques resultats des recherches sur le Paleolithique de l'URSS en 1935 189
S. L o k t f u S e v. (Vorochilovgrad). Sepultures rares et restes d'une station dans le bassin du Donetz.... 195
A. M a n s u r o v (Moscou). Materiaux pour l'etude de la composition chimique des objets mctalliques trouves dans les fouilles.... 199

Nécrologie

G. P e t r o v (Léningrad). Henry Fairfield Osborne.... 201

Chronique

A. S t r e l k o v (Moscou).- Le 3-e Congres international d'art et d'archeologie iraniens.... 205
S. T r u s o v a (Leningrad). Rdunion plenière de la Commission de l'Homme fossile de la Section Sovietique de F1NQUA.... 215
V. S e l i v a n o v (Leningrad). Les travaux archeologiques de l'Acadeinie N. Marr d'Histoire de la culture materialle en 1935 221
P. T r c t . j a k o x - (Léningrad). L'exp édition pour l'etude du «Paleolithique arctique» 227
E. S i b e r t (Leningrad). Trouvailles archeologiques a 1'Alaska.... 228.
N. Z a c h a r o v (Krasnodar). Les retrenchements a la frontiere uordcaucasienne de l'Etat du Bosporo et le gorodistche de Krassnaia-Battareia.... 229
M. P a n i 6 k i n a (Leningrad). Apertju des trouvailles archeologiques faites en 1934—1935 en URSS d'apres les communications des journaux.... 230
B. R a b i n o v i C (Leningrad). Les travaux du Sectcur pour l'etude de la societe prchaTqne de I'Ermitage en 1935 241

НАШИ ЗАДАЧИ В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, В СВЯЗИ С РЕШЕНИЯМИ ЦК ВКП(Б) И СОВНАРКОМА СОЮЗА ССР ОБ УЧЕБНИКАХ ПО ИСТОРИИ

Решения ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР об учебниках по истории вместе с замечаниями товарищей Сталина, Жданова и покойного С. М. Кирова на конспекты учебников имеют огромное, в полном смысле поворотное значение для развития исторической науки в СССР, значение, далеко выходящее за пределы указаний, прямо относящихся к составлению учебников. В этих исторических решениях и замечаниях с исключительной глубиной вскрыты все коренные ошибки и недостатки, которыми страдает наша историческая наука, и вместе с тем указан путь к ее оздоровлению, к преодолению вредных, тормозящих ее развитие тенденций и влияний. Для каждого советского историка, в какой бы области он ни работал, решения партии и правительства об учебниках и замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова являются основополагающими документами, ставящими цели и указывающими пути для его дальнейшей исследовательской работы.

Это в полной мере относится и к археологии, являющейся одной из важных отраслей единой исторической науки и страдавшей теми же недостатками, которые указаны в решениях ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР. Вредное влияние школы М. Н. Покровского, заключавшееся в «антимарксистских, антилеппнских, по сути дела ликвидаторских, антинаучных взглядах на историческую науку» (Ц. О. «Правда»), проявлялось и в области археологии, где конкретное изучение фактов нередко подменялось у нас абстрактным социологизированпем, голым схематизмом, голым теоретизированием. Поэтому каждый советский археолог доляген со всей глубиной продумать решения партии и правительства об учебниках и сделать из них до конца все выводы по отношению к своей науке и к своему участию в ней.

Необходимо также вспомнить, что еще в недавние годы троцкисты-вредители, хозяйничавшие в таких ведущих археологических учреждениях, как Гос. Академия истории материальной культуры, ставили под сомнение далге самую возмояшость существования археологии, как марксистско-ленинской науки, и тем самым дезориентировали некоторую часть ученых, работающих в области археологии. Одни из критиков,

выступавших в дискуссиях, имевших место в Ленинграде и Москве,, и на страницах археологических изданий, отводили археологии скромную роль «вспомогательной исторической дисциплины», другие считали, что археология должна быть заменена историей материальной культуры, третьи доходили до требования полного упразднения археологии как самостоятельной науки. Крайнего выраягения этот сумбур мнений достиг в некоторых выступлениях на археолого-этнографическом совещании в 1932 г., когда один из наиболее рьяных критиков В. К. Никольский^ кстати сказать, ни в какой мере авторитетом в археологии не являющийся,— призывал разрушить археологию так, чтобы от нее не осталось «камня на камне».[1]

В то же время в некоторых изданиях («Сообщения» и «Проблемы» ГАИМК) предпринимались попытки опорочить и ликвидировать едва ли не все методы и приемы, которые археолог должен применять в практике своей исследовательской работы. Изучение стратиграфии культурных напластований, изучение археологических памятников по целостным комплексам, типологические классификации, сравнительное изучение культурных остатков и другие приемы археологического исследования в тех же пздэниях были просто объявлены буржуазными методами.[1] [2] Взамен точного методического изучения вещественных памятников и но ним — конкретной истории и конкретной истории культуры, предлагалось изучать, как «единицу исторического исследования», общественно-экономическую формацию, без какой-либо методики, начисто выброшенной за борт.

Все эти крайности являлись результатом безответственной, а подчас и просто вредительской критики, направленной к дезориентации широких кругов советских археологов и к разрушению самой советской археологии. Без сомнения, беспощадная критика всех враждебных и чуждых марксизму-ленинизму взглядов и установок является необходимым условиелг развития советской науки. И советская археология не могла бы развиваться в должном направлении, если бы серьезная критика буржуазных методов, буржуазных взглядов п борьба с различными извращениями марксизма-ленинизма не расчищали перед ней правильный путь. Критика и самокритика были и будут абсолютно необходимым звеном нашей исследовательской работы. Но критика должна вестись с правильных марксистско-ленинских позиций и с глубоким знанием дела, в противном случае она. принесет вред, а не пользу. Особенно вреден в критике антимарксистскпй, ликвидаторский мелко-буржуазный радикализм, всегда готовый с помощью пустой звонкой фразы выбросить за борт любые ценности, любые достижения, созданные наукой и культурой человечества.

---

[1] См. материалы п статьи, печатавшиеся в связи с археолого-этнографическим совещанием в Сообщениях ГАИМК за 1932 год.

[2] См. статью И. И. Смирнова: «Возможна-.та марксистская история материальной культуры?» Сообщения ГАИМК 1932 г., .№ 1.

И если попытки этих враждебных марксизму-ленинизму критиков не имели прямого успеха, получив решительный отпор, то все ясе связанные с ними и питавшие их тенденции продоляшют существовать и действовать до настоящего времени, причиняя существенный вред нашей науке.

Нельзя отрицать, что конкретно-исторические исследования и в археологии до сегодняшнего дня нередко подменяются вульгарно-социологическими рассуждениями по поводу тех или иных памятников, подвидом, якобы, изучения по ним социально-экономических формаций. Даяге в наиболее серьезных археологических работах, выходивших в последние годы, мы наблюдали постоянное стремление авторов прослеживать по археологическим фактам лишь самые общие, так сказать, типовые черты социально-экономической структуры и социально-экономического развития изучаемых обществ, без ягелания углубиться в изучение формы их конкретного исторического существования. Достаточно просмотреть только тематику большинства наших исторических исследований по археологическим материалам, чтобы понять, на чем авторы их сосредоточивают свое внимание. Такие темы, как «Родовое общество в Приуралье», «Разлоягение рода и феодализм на Енисее», «Родовое общество в степной полосе Восточной Европы», «Родовое общество в Приднепровье» и т. и. являются типичными в этом смысле. В этих работах речь обычно идет об этапах и так называемых вариантах социально-экономических формаций, причем авторы нередко пользуются готовыми, априорно взятыми схемами и лишь переносят эти заранее построенные схемы на свой материал, вместо того, чтобы с помощью марксистско-ленинской методологии делать объективные, непосредственно из материала вытекающие конкретно-исторические выводы. В результате получается, что, например, родовое общество пунктуально, до мелочей одинаково разлагалось на Енисее, в степях Восточной Европы, в предгорье Урала и в Средней Азии. В результате получается, что мертвая схема в работах некоторых наших археологов подменяет живую историческую действительность.

Бесспорно, что изучение истории материального производства и социально-экономической истории по археологическим данным является нашим достижением, нашим существенным продвижением вперед по сравнению с буржуазной археологией, занимающейся, как правило, формальным изучением вещей без стремления использовать их в качестве полноценных исторических источников. Но, неуклонно продолжая работу по изучению истории материального производства и социально-экономического развития общества, необходимо избеясать голого социологизирования и схематизма, приводящего к подмене подлинного исторического знания ненужным шаблоном из штампованных фраз-

Значительный уклон в сторону социально-экономического схематизма и социологизирования чрезвычайно существенно помешал советской археологии выполнить ее прямые и весьма ваяшые задачи. Изучая общие типовые черты социально-экономических структур по археологическим

данным, археологи часто забывали о том, что общее всегда проявляется в особенном и частном, что культура общества не существует вне ее этнической формы, т. е. не существует вне племени, союза племен, народа или нации. Культурные остатки прошлого, с которыми советский археолог непосредственно имеет дело как с историческим источником, всегда являются прежде всего памятниками истории различных этнических групп — племен и народов, некогда населявших или населяющих и теперь территорию Советского Союза. Поэтому археология может быть особенно полезна в деле изучения истории племен и племенных культур, начиная со времени первого появления человека на территории нашей родины и до возникновения письменности, точно так я;е, как и в деле изучения истории народов (и их культуры), до великой пролетарской революции не имевших письменности. Конкретное историко-археологическое исследование не мо;кет не быть исследованием по историй и по истории культуры того племени или того народа, на изучении вещественных памятников которого оно строится, т. е. исследованием, вскрывающим этнические формы и местные этнические особенности исторического процесса. Подготовить и внести свой вклад в историю народов СССР, разработать историю первобытно-коммунистических племен, обитавших на территории нашей страны, разработать историю народов, поздно овладевших письменностью, собрать и обработать полноценный материал по истории — особенно древней истории—культуры всех народов СССР — вот задачи, которые на первом месте стоят перед советской археологией, задачи особенно ответственные н важные в тот момент, когда партия и правительство призывают всех советских историков к тщательному, глубокому изучению конкретной истории народов СССР.

Между тем, наши археологи этими задачами занимались в гораздо меньшей степени, чем изучением общих вопросов социально-экономического порядка. У нас крайне мало исследований, которые ставили бы своей целью проследить историю хотя бы одного племени пли народа с помощью археологических фактов, как тем более нет общей картины конкретной, т. е. племенной истории нашей страны в первобытно-коммунистическую эпоху. И если авторам учебников по истории СССР справедливо ставится в вину, что они смешали в общую кучу дофеодальный и феодальный период истории, то значительная доля этой вины падает на археологов, так как именно археологический материал дает наиболее благодарные возможности изучить особенности дофеодального периода истории в различных районах территории СССР, периода, до сих пор еще надлея;ащим образом не изученного нами.

Необходимой и ваяшой частью истории пародов СССР являются вопросы о самом происхоягдении народов, об их формировании из более ранних первобытных племен, т. е. вопросы этногонни. И если эти вопросы чрезвычайно слабо у нас разработаны, то ответственность за это ложится опять-таки в значительной степени на археологов, имеющих в своем материале большие объективные возмояшости для разработки

этногонических проблем. Необходимо составить на основе тщательного, кропотливого изучения культурных остатков карты расселения племен на территории нашей родины в различные эпохи их существования, необходимо проследить, когда, почему и хгаким образом возникали из отдельных племен крупные племенные союзы, как эти союзы укрупнялись и на грани классовой истории, в борьбе друг с другом и с внешним врагом, превращались в народы, уже хорошо известные письменной истории. Одна проверенная и убедительно обоснованная материалом племенная карта ценнее десятка псевдо-социологических сочинений «по поводу)» археологических памятников, а между тем, где у нас эти нарты? Где исследования по вопросам этногонии? Археологи еще не принялись всерьез за эту совершенно необходимую для исторической науки работу. Они или отмахивались от разработки этногонических проблем или и здесь сбивались на схематизм, пользуясь готовыми априорными концепциями.

Так, своевременная, правильная и нужная борьба против бурягуазного миграционизма и теории заимствований, имеющих своей подосновой антинаучную расовую теорию, некоторыми исследователями, совершенно неправильно прикрывавшимися именем Н. Я. Марра, была истолкована в смысле полного отрицания всяких переселений и всяких заимствований. Отсюда возникла странная схема этногонического процесса, с помощью которой происхождение каждого народа объяснялось так, как будто этот народ неподвияшо сидел на одном месте со времен глубочайшей древности и при этом находился в полной изоляции от всяких влияний даиге соседних с ним племен и народов. Вместо решения строго исследовательскими приемами с помощью анализа конкретных фактов вопросов о том, имело или не имело место в каждом конкретном случае расселение, переселение или заимствование, исследователи нередко хотя бы молчаливо пользовались этой ненаучной схемой, забывая о том, что в действительной истории переселения и заимствования не представляли ничего необычного. Достаточно напомнить о трудах Л. Г. Моргана и о «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса. В этих книгах, как известно, приведено немало примеров, конкретно показывающих, как первобытные племена распадались на части (сегментация племен), выделяя вторичные племенные группы, которые расселялись, занимая новые и новые территории, а иногда и переселялись в места, далеко отстоящие от их первоначальной родины, что сделали, например, ирокезы в Северной Америке. Не будет ничего удивительного, если подобная сегментация, расселение и переселение племен имели место в отдаленной истории нашей родины, и надо не отрицать заранее такого рода факты, а изучать их и только с помощью конкретного материала.

Конкретно-историческое исследование требует тщательного, методического и объективного изучения первоисточников с максимально полным их охватом, с исключением субъективного к ним отношения и произ-

вольных, объективно необоснованных мнений. Между тем, схематизм развращал мысль исследователей, приучал их к верхоглядству, к пренебрежению объективными фактами, к безответственному отношению к своей науке и к своему материалу. Некоторые авторы с поразительной легкостью, вернее — легкомыслием, переходили в своих работах от одной наспех построенной схемы к другой, столь же лишенной серьезных научных доказательств— и это выдавалось за важные исследования. Рекорд в этом отношении побил В. К. Никольский, который ухитрился почти в каждой новой печатной своей работе давать новую периодизацию истории доклассового общества, устанавливая и затем упраздняя в этой истории новые этапы и даже новые формации. Другим примером крайнего субъективизма в археологии может служить свойственная ряду авторов бездоказательность исторической интерпретации вещественных памятников, заставляющая их с легкостью переносить одни и те же памятники из одной эпохи и даже формации в другие эпохи и другие формации. Так, один исследователь (В. Л. Богаевский) в разных печатных своих работах последовательно истолковывал один и тот аie комплекс памятников — то как принадлежащий могущественной морской державе, то как относящийся к эпохе феодализма, то как свидетельствующий о наличии разложения родовых отношений в данном обществе, — с тем, чтобы в конце концов отнести этот комплекс памятников к эпохе матриархата.

Указанные примеры далеко не единственные. Подобное отношение к науке в той или иной степени было свойственно ряду наших исследователей. Необходима глубокая конкретная критическая работа, чтобы вскрыть все подобные ошибки и это должно явиться одной из ближайших задач советской археологии.

Такого рода неустойчивость и произвольность исторических заключений без сомнения прямо или косвенно связана с разоблачениям партией отрицанием объективности исторического знания, характерным для М. Н. Покровского п его школы. Сам М. И. Покровский, пользуясь, в частности, и археологическим материалом, очень легко переходил от одних своих суждений к другим, иногда прямо протпвополояшым суждениям, не давая себе труда обосновать столь решительные перемены в своих взглядах. Так, в четырехтомнике по русской историп он утверждал, что славяне были в Восточной Европе и даже в верхнем Поволяхье автохтонами, сидели здесь с первобытных времен, а в «Сжатом очерке» и в более поздних статьях писал, что славяне явились сюда как завоеватели и колонизаторы «небольшими группами», покоряя и истребляя ранее ягившие Здесь автохтонные племена. Ни то, ни другое мнение не было обосновано М. Н. Покровским глубоким изучением конкретных фактов.

Идеалистическое в своей оенове отрицание объективности исторического знания и субъективизм в науке не имеют ничего общего с марксизмом-ленинизмом, строящим объективно-истинную подлинную историческую науку. В гениальных работах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина

даны непревзойденные образцы объективных, строго проверенных, обоснованных огромным множеством фактов и потому незыблемых исторических выводов. Каждый историк, каждый археолог в процессе своей исследовательской работы должен непрестанно обращаться к трудам основоположников марксизма-ленинизма, глубоко штудировать эти труды, стремясь научиться тому, как нужно по-настоящему строить подлинную объективную историческую науку.

Чтобы избежать произвола и субъективизма в историко-археологических работах, нужно овладеть методикой и техникой историко-археологического исследования, добиваться точности и скрупулезности в добывании и обработке материала, овладеть мастерством научного исследования. Наплевательское отношение к приемам исследования, выработанным наукой, не к лицу историку и археологу марксистам. Критический пересмотр методики, употреблявшейся в старой археологии, совершенно необходимый, вовсе не требует и не означает полной ликвидации всей этой методики, как, к сожалению, думали некоторые авторы. Так, например, глубоко характерный для старой археологии типологический метод совершенно правильно раскритикован у нас в качестве универсального метода построения археологического знания. Но тот же типологический метод в качестве вспомогательного приема первичной классификации археологических находок по типам, а иногда даже в качестве приема хронологизации, имеет законное право на свое существование и йрименение в советской археологии. Не разобравшись в массе вещей, не расклассифицировав их по материалу, форме и назначению, невозможно приступить к дальнейшей стадии их изучения — к исторической интерпретации. То же самое следует сказать относительно таких, выработанных старой наукой приемов, как изучение стратиграфии, сравнительное изучение и т. д. Необходимо внимательное и бережное отношение ко всему лучшему, что было выработано наукой в прошлом, с беспощадным устранением всего, что устарело, что тормозит дальнейшее развитие науки.

Овладение научным наследием прошлого и в области фактического Знания и в области методики является важным условием успешности дальнейшей разработки науки и дальнейшего совершенствования ее исследовательских приемов. Новые задачи, которые стоят перед советской археологией, копечно, требуют и новых методов, новых приемов, над разработкой которых должны неустанно работать наши археологи, все более совершенствуя свои приемы исследования, все более повышая качество своей работы.

Успех конкретно-исторического исследования в значительной степени зависит от полноты источников, которыми располагает исследователь. Неопубликованный археологический материал обычно недоступен для широких кругов исследователей. Отсюда необходимость в систематических описательных публикациях новых археологических материалов, количество которых накапливается у нас с чрезвычайной быстротой в связи

с огромным размахом наших полевых экспедиционных исследований^ К сожалению, и число и качество наших археологических публикаций значительно отстает от того, что действительно требуется в этой области нашей наукой. Если подсчитать число и объем в листах, с одной стороны, вышедших у нас в свет археологических публикаций материала, а с другой, — обобщающих работ, большею частью страдающих грехом социологизирования и схематизма, то получится разительная диспропорция не в пользу археологических публикаций. Многие раскопанные памятники даже исключительного научного значения, как палеолитические стоянки Мальта, Костенки, Тимоновка, как находки в Пазырыке на Алтае, как неолитические памятники северо-запада СССР, памятники эпохи бронзы Северного Кавказа и т. д., до сих пор не опубликованы. При этом качество имеющихся, относительно немногих публикаций, за некоторыми исключениями, очень невысоко. В публикациях вещественных памятников исключительно важную роль должны играть точные воспроизведения памятников в рисунках, чертежах, фотографиях и т. д., потому что внешний вид и форма памятника и являются в первую очередь опорой для исторических заключений. Иллюстративная часть в археологических изданиях должна быть поэтому безукоризненной, иначе пропадает самый смысл таких изданий. Между тем наши археологические публикации, особенно соответствующие издания Гос. Академии истории материальной культуры имени II. Я. Марра, в большинстве печатаются на плохой бумаге со множеством опечаток и неточностей, с чрезвычайно плохими, почти газетными иллюстрациями, по которым, как правило, совершенно невозможно составить себе верное представление об опубликованных памятниках. Какая польза от таких публикаций?

Необходимо приступить к систематическому, лучшее всего серийному изданию вновь открываемых археологических материалов, с соблюдением всех требований, которые советская археология вправе предъявить к публикациям вещественных памятников.

Недостаток конкретных историко-археологических исследований и публикаций материала, недостаток крупных синтетических трудов в этой области, которые могли бы привлечь к себе широкое общественное внимание, послужили, может быть, важной причиной к тому, что археология не завоевала еще у нас достойного места в советской исторической науке, не показала доляшым образом то значение, которое она может иметь для построения исторического знания. В частности, это выразилось и в том факте, который не мол!ет не вызывать тревоги, что археология до сих пор не получила развернутого преподавания в советских исторических вузах. Только в Ленинградском Институте истории, философии и лингвистики читались некоторые специальные курсы по археологии в смешении их с курсами по этнографии и при таком учебном плане, который не может обеспечить подготовку специалистов. На истфаках университетов были введены лишь краткие курсы по истории доклассового общества,

задача которых — дать лишь общее представление об основных этапах развития доклассового общества как на археологическом, так и на этнографическом материале. Между тем, современная археология представляет весьма сложный комплекс научных знаний, тесно увязывающийся, с одной стороны, с рядом естественно-научных дисциплин, а с другой, —являющийся необходимым дополнением ко всем разделам истории, особенно ранних эпох.

Овладение современными археологическими знаниями и навыками исследовательской работы требует нескольких лет упорного труда,, без чего не может быть подготовки археологов-специалистов. Необходимо высказать горячее пожелание, чтобы развернутое систематическое преподавание археологии со всеми смежными с ней дисциплинами было организовано как преподавание особой специальности в советских исторических вузах, хотя бы в некоторых из них. Иначе трудно было бы разрешить вопрос о подготовке кадров новых советских археологов, в которых все более и более ощущается острая нужда.

Необъятная территория нашей родины изобилует множеством археологических памятников, представляющих музейные ценности часто огромного значения и являющихся важными, иногда единственными источниками истории различных эпох, начиная от времени первого появления здесь человека. Каждый год открываются у нас все новые и новые палеолитические стоянки — эти древнейшие свидетельства истории человечества,—и палеолит территории Советского Союза в лице таких памятников, как Костенки, Гагарине, Мальта, Елисеевичи, стоянки Кавказа и Крыма, по своему значению давно уже встал по меньшей мере в один уровень с классическим палеолитом Западной Европы. Многочисленные неолитические стоянки нашей лесной полосы вместе с относящимися к ней памятниками искусства, например наскальными изображениями, точно так же, как памятники неолита и энеолита более южных районов, например, Триполье, могильники и курганы эпохи раннего металла, — являются драгоценными источниками истории племен, обитавших на территории СССР в эпоху развитых родовых отношений. Поселения и курганы со скорченными костяками эпохи бронзы во множестве разбросаны в наших степях, более поздние памятники которых — скифские и сарматские курганы своим золотом знамениты во всем мире, а для нас они особенно ценны в качестве источников истории ранних кочевнических племен и их союзов. Античные города-колонии северного Причерноморья, бесчисленные городища, курганы и могильники славянских и финских племен, памятники народов Кавказа, Средней Азии, дальнего Севера и Дальнего Востока и т. д. без конца — представляют огромные, скрытые в земле научные сокровища, которыми в праве гордиться народы СССР, потому что в этих памятниках запечатлелась их история. На обязанности— почетной обязанности — советской археологии лежит охрана, разыскание, раскрытие и историческое изучение этих бесчисленных.

и разнообразных памятников. Здесь колоссальное поле для работы многих поколений, здесь, без сомнения, нужны новые кадры хорошо подготовленных, любящих свое дело, владеющих мастерством этого дела людей и, конечно, организация подготовки молодых археологов-спецыалиетов должна быть у нас поставлена сейчас в неотложный порядок дня.

Ликвидаторские тенденции и в области археологии должны быть нами изжиты раз и навсегда. Советская археология имеет необъятную область для работы и законное право не только на существование, но и на блестящий расцвет в Советском Союзе, предосявляющем безграничные возможности для научной работы. Ее задачи определяются совершенно четко, как разыскание, раскрытие, обработка, оформление и изучение вещественных памятников в качестве исторических источников. Достигнет ли в ближайшее время расцвета советская археология— .Это зависит от самих археологов. Но непременным условием ее дальнейшего развития является неуклонное выполнение, применительно к этой области исторического знания, всех требований, которые партия и правительство в своих решениях с такой мудростью и глубиной предъявили к советской исторической науке.

Наша великан социалистическая страна требует великой исторической науки. Советская археология должна внести достойнхлй этого требования вклад в общее дело создания великой науки истории нашей родины.

Редакция

NOTRÊ TACHE ACTUELLE DANS LE DOMAINE DES RECHERCHES ARCHEOLÓG1QUES A LA LUMIERE DE LA DÈCISION DU COM1TË CENTRAL DU PARTI COMMUNISTS ET DU CONSEIL DES COMM1SSAIRES DU PEUPLE DE l'URSS CONCEllNANT LES MANUELS D'HISTOIRE

RfiSUMÉ

La dècision du Comitè central du Parti communiste et du Conscil des commissaires du people de l'CltSS concernant les manucls d'histoire el les observations des cainarades Staline, Jdanov ct Kirov relatives à ccs manucls out une trcs grande importance pour le dèveloppemeut de la science liistorique dans PUnion soviètique, et lcur poi'teé depasse de beaucoup les limites des indications se rapportant directemcnt à la rédaction des manucls. Elies mcttent en lumière les crreurs et les dél'auts dont soufi're noire science et montrcnt en тёше temps la voie de la guérison. Pour tout historien soviètique, dans quel domaine qu'il ne travaille, elles constituent des documents fondamentaux qui 1'ixent les buts à atteindre et trace nt la voie a suivre dans les recherches ultcrieurcs.

Ccci s'applique pleinement aussi à l'archéologie, une des branches les plus importantes de la science liistorique. L'influence nuisiblc de Pécole

de M. Pokrovskij s'est fait sentir ́egalement sur le terrain arch́eologique, oй l'étude concrète des faits ́etait souvent remplaćee par une sociologisation abstraite, un scheḿatisme pur, une theorétiśation dans le vide.

11 est ńecessaire de rappeler que récemment encore les trotskistes saboteurs, qui étaient les maitres dans quelques-unes de nos principales institutions arch́eologiques, telles que FAcadémie d'Histoire de la Culture niatérielle, mettaient en doute la possibility тёше de l'exisstence de l'arch́eologie en taut que science marxiste-leńiniste et déśorientaient par là une partie des savants travaill ant dans le doinaine de Parcheologie. Certains auteurs assignaient `a Parcheologie le modeste rôle de «branche historique auxiliaire», d'autres estimaient qu'elle devait céder la place ii l'bisloire de la culture matérielle, d'autres encore allaient jusqu'ii exiger sa suppression pure et simple comme science autonome.

En тёте temps on tentait de disc-réditer et de «liquider» presque tous les métliodes et procédes appliqués par les archéologues dans la pralique. Certains critiques déclaraient que c'étaient des «métliodes bourgeoises»; qui ne devaient pas trouver place dans la science soviétique. A.u lieu de 1'étude des monuments matériels et, d'apres eux, de l'histoire et de l'histoire de ila culture concretes, ils invitaient `a ́etudier la formation économico-sociale, en tant qu'«unité de Finvestigation historique», sans aucune méthode archéologique spéciale, celle-ci etánt tout honnement jeteé par dessus bord.

Ccs tentatives de «liquider» l'archéologie comme science et de dénigrer ses métliodes de recherche ́etaient une manifestation du radicalisme petits bourgeois hostile au inarxisme-léninisme, quand ellcs n'étaient pas tout siinplement le fait de saboteurs, qui poursuivaient le but de désorienter la masse des archéologues soviétiques et de détruire Parchéologie soviétique elle-même. Et bien qu'elles n'eurent pas de succes immediat, grace à la résistance énergique qu'elles rencontrerent, les tendances dont elles étaient Г expression continuent d'exister et d'agir aujourd'bui encore, faisant un tort sensible a`notre science.

On ne peut nier qu'à l'lieure actuelle, les recherches historiques concrètes continuent fréqueminent ii être remplacées par des considérations sociologiques sur tel ou tel monument, sous prétexte d'étudicr d'après eux les formations économico-sociales. Mémo dans les travaux archéologiques les plus sérieux parus dans ces dernieres annees nous conslatons une tendance constante de leurs auteurs `a ne dégager des faits archéologiques que les traits les plus généraux, pour ainsi dire typiques, de la structure et de révolution économico-sociale des societés etudieés, sans vouloir approfondir les formes de leur existence historique concrète. II suffit de lire les litres de la plupart de nos études historiques basées sur des matériaux archéologiques pour reconnaitre sur quoi ces auteurs concentrent leur attention. «La sociéle de clan dans la ŕegion de l'Oural», «Le déclin du clan et le féodalisms sur I'lénisséi», «La sociéty de clan dans la zone des steppes de l'Europe

orientale», «La societe´ do clan dans la re´gion dn Dniepr», etc. — voilà de litres typiques de ce genre. Dans ces travaux, les auteurs utilisent souvent des schémas tout fails, acceptés à priori, se bornant tout simplement à reporter ces schémas élablis d'avance sur les matériaux rassemblés par eux au lieu d'en tirer a` l'aide de la me´thode marxiste-le´niniste les conclusions historiques concrètes objectives qui en de´coulent directement. C'est ainsi ([u'on aboutit, par exemple, `a ce que la socie´te´ de clan s'est décomposée d'une manière exactement identique, j usque dans les moindres de´tails, sur l'le´nissei, dans les steppes de l'Europe orientale, dans la re´gion subouralienne et en Asie Centrale. Le schéma abstrait sc substitue ainsi à la réalilé historique vivante.

La déviation marquée vers le sch´ematisms et le sociologisme a grandement entravé l'accomplisseinenl des tâches directes et fort importantes de l'archéologie soviétique. Les archéologues oubliaient souvent que le g é a é r a l s'exprime toujours dans le s p e c´i a l et l e p a r t i c u l i e r, que la culture de la societe´ n'existe pas en dehors de sa forme ethnique, c'est-?i-dire en dehors de la tribu, de l'union de tribus, du peuple ou de la nation. Les restes de culture du pas´se, que l'arch´eologue soviétique utilise comme sources historiques, sont toujours avant tout des monuments de l'hsitoire des différents groupes ethniques qui habilaient jadis ou habitent encore le territoire de l'URSS. L´etude historico-archéologique concrète doit forcément être une ´etude de 1'bistoire de la culture de la tribu ou du peuple, sur les monuments mate´riels desquels elle se fonde, c'est-a-dire une ´etude qui dégage les formes ethniques, et les parlicularités ethniques locales, du processus historique. Élucider l'liistoire des tribus cominunistes primitives qui peuplaient noire pays, l'histoire des peuples qui se sont assimilé tardivement l´ecriture, rassembler et ´etudier une documentation historique intégrate, surtout sur l'histoire de la culture ancienne de lous les peuples de l'URSS—telles sont les tâches qui se posent en première ligne devant l'archéologie soviétique, tâches particulièrement difficiles et importantes ii l'heure présente, lorsque le parti communiste et le gouverneinent invitent tous les historiens sovíetiques `a une ´etude scrupuleuse et approfondie de l'histoire concrète des peuples de 1'URSS.

Or nos archéologues s'occupent beaucoup moins de ces tâches que de questions gén´erales d'ordre économico-sociah Si les questions de l'origine même des peuples, de leur formation a` partir de tribus primitives plus anciennes, sont si mal éclaircies chez nous, la responsabilité en retombe en grande par tie sur les arch´eologues, qui avaient à leur disposition un matériel permettant d'aborder largement les problèmes etbnologiques. Une carte des tribus véril'iée et élablie sur des documents sûrs a plus de valeur qu'une dizaine d'ouvrages pseudo-sociologiques écrits «à propos de» monuments arch´eologiques, et pourtant les arch´eologues cherchaicnt ii éviter les problèmes ethnogéniques, ou bien se fourvoyaient ici aussi dans le sche´matisme, utilisant des conceptions toutes faites.

C'est ainsi que la lutte opportune, justifiée et nécessaire contre les théories bourgeoises des migrations et des emprunts, qui s'appuyaient sur la tliéorie antiscientifique raciale, a été comprise par certains auteurs dans le sens d'une négation absolue de tout emprunt ou migration. II en est résulté un étrange schéma du processus ethnogonique, selon lequel tout people apparaissait comme fixé une fois pour toutes au même endroit depuis l'antiquité la plus reculée et compl ètement isolé de toute influence extérieure, même de la part des tribus et peuples voisins. Ces auteurs oubliaient qu'en réalité les migrations et les emprunts n'avaient rien d'exceptionnel dans l'bistoire. II suffit de rappeler les travaux de L. H. Morgan et «L'origine de la famille, de la propriété et de l'État» de F. Engels, oil sont cités, comme on sait, nombre d'exemples de tribus primitives qui se sont scindées en plusieurs parties, dont chacune allait s'établir à part, et qui parfois émigraient dans des régions fort éloignéés de leur patrie première. II n'y aurait rien d'étonnant à ce que pareilles segmentations et migrations de tribus aient eu lieu aussi dans l'histoire ancienne de notre pays, et on doit non pas nier par avance les faits de ce genre, mais les étudier à l'aide des materiáux concrets.

Les recherches historiques exigent une étude approfondie, métliodique et objective des sources premières, au lieu que le schématisme corrompait la pensée des historiens, les habituant à mépriser les faits. Certains auteurs passaient avec une surprenante facilité, ou plutôt légèreté, d'un schéma hâtivement construit à un autre tout aussi fragile, et cela passait pour des recherches scientifiques. Le record en ce genre était détenu par У. Nikolskij, qui a réussi à donner presque dans chaque nouveau travail publié par lui une nouvelle périodisation de l'histoire de la société primitive sans classes, établissant, puis supprimant dans cette histoire des étapes, voire des formations nouvelles. Un autre auteur interprétait tour à tour le même complexe de monuments tantôt comme appartenant à un puissant état maritime, tantôt comme datant de l'époque féodale, tantôt encore comme témoignant de la décadence des relations de clan dans la société donnée, pour finir par rapporter ce complexe a l'époque du matriarcat.

Pareils instabilité et arbitraire dans les déductions historiques se trouvaient certainement en connexion directe ou indirecte avec la négation de l'objectivité des connaissances historiques, caractéristique pour M. Pokrovskij et son école. M. Pokrovskij lui-même, qui utilisait aussi entre autres les matériaux archéologiques, passait avec la plus grande facilité d'une opinion à une autre, parfois diamétralemcnt opposée, sans se donner la peine d'exposer les raisons de changements aussi brusques dans sa manière de voir.

Pour éviter l'arbitraire et la subjectivife dans les travaux historico-archéologiques, il l'aut s'assimiler la méthode et la technique de la recherche historico-archéologique, acquérir Part de l'investigation scientifique. La revision critique des méthodes appliquées par l'ancienne archéologie, abso-

lument indispensable, ne signifie aucunement leur abolition complete, comme Гоп cru malheureusement certains auteurs. Ainsi, la methode tjpologique, critiquee a bon droit cbez nous en tant quo methode universelle de la science archeologique, est tout a fait justifiee comme procede de classification des objets archeologiques par types, et parfois meme de chronologisation. 11 en est de meme de precedes elabores par l'ancienne science archeologique tels que l'etude stratigraphique, l'etudé comparative, etc.

L'assimilation de l'hcritage scientifique du j>asse tant dans le domaine des faits que dans celui de la methode doit etre la base de l'cdification ultérieure de notre science et du perfectionnement de ses methodes d'investigation.

Le succès des recherches historiques concrètes dépend dans une large mesure de la plenitude des sources que le savant a a sa disposition. Malheureusement, nos publications archeologiques sont encore loin de satisfaire, comme nombre et comme qualite, aux exigences reelles de notre science. Beaucoup de monuments découverts, dont certains offrant un interet scientifique exceptionnel, comme les stations paleolithiques de Malta, de Kostenki, les trouvailles de Pazyryk (Altai), les monuments néolithiques du nord-ouest de l'URSS, les monuments de l'epoque .du bronze dans le Caucase du Nordt etc., ne sont pas encore publics. De plus, la qualité des publications faites jusqu'ici laisse beaucoup a desirer, a de rares exceptions pres. Les illustrations des ouvrages archeologiques doivent etre d'une execution impeccable, autrement leur édition meme n'a pas de sens. Or nos publications archéologiques, comme par exemple celles de l'Académie Marr d'Histoire de la Culture matérielle, sont imprimées pour la plupart sur du papier de manvaise qualite et abondent en fautes d'impression et en inexactitudes.

Les defauts que presentent nos recherches bistorico-archéologique? et la publication de nos materiaux, et le nombre insuffisant de grands travaux syntlietiques dans ce domaine dignes de susciter l'intérêt général, out étc peut-être une des causes essentielles de ce que l'archéologie n'a pas encore conquis chez nous la place qui lui serait due dans la science historique soviétique. Cela s'est traduit, entre autre, dans le fait alarmant que l'archéologie n'est pas encore enseignee comme il convient dans nos ccoles supérieures d'histoire. Pour se familariser avec les methodes modernes des recherches archéologiques, il faut plusieurs annees de travail assidu, sans lesquelles la formation d'arclicologues specialistes n'est pas possible. 11 est indispensable d'organiser l'enseignement de l'archcologie et de toutes les branches voisines en tant que science spéciale dans les écoles superieures historiques, an moins dans quelques-unes d'entre elles. Autrement, il serait difficile de résoudre le problème de la formation des cadres de nouveaux arcbéolognes soviétiques, dont le besoin se fait sentir toujours plus vivement.

L'immense territoire de notre patrie abonde en monuments archéologiques, qui ont souvent une enorme valeur pour les musees et constituent des sources importantes, parfois uniques, pour Г etude de l'histoire des dif-

férentes époques, depuis la premiere apparition de l'homme dans le pays- Depuis longtemps déjà le Paléolithique de l'URSS, représenté par des monuments tels que Kostenlti, Gagarino, Malta, Élisséiévitchi et les stations du Caucase et de la Crimée, a acquis une importance pour le moins égale au Paléolithique classique de l'Europe occidentale. Les nombreuses stations néolithiques de la zone forestière et les monuments néolithiques et énéolithiques des régions plus méridionales — par exemple Tripolié, les cimetières et tumuli de l'ancien âge du métal — sont des sources précieuses pour Γ étude de l'histoire des tribus qui habitaient le territoire de 1'URSS à l'époque du développement des relations clanales. Les monuments plus récents — tumuli scythiques et sarmates, antiques villes-colonies du littoral nord de la mer Noire, gorodistché, tumuli et cimetières innombrables des tribus slaves et i'innoises, monuments des peuples du Caucase, de l'Asie Centrale, de l'Extrgme Nord et de l'Extrême Orient, etc., etc. — représentent d'énormes trésors scientifiques cachés dans la terre, trésors dont les peuples de l'DRSS peuvent être tiers, parce que ces monuments reflètent leur bistoire. Un champ d'activitd immense s'ouvre ici pour de nombreuses générations à venir, et il exigera sans contredit des cadres toujours plus nombreux d'archéologues bien préparés, aimant leur metíer et en ayant acquis la maitrise.

L'archéologie soviétique a devant elle un vaste champ de travail. Eller peut prétendre de plein droit non seulement à l'existence, mais aussi à un brillant avenir, car l'DRSS offre des possibilités illimitées au développement du travail scientifique. Notre grande patrie socialiste exige une science historique digne d'elle, et l'archéologie soviétique doit contribuer a la créer dan» une mesure qui repónde a cètte exigence.

С Т А Т Ь И

О. Н. БАДЕР

(н.-иссл. ИНСТ. АНТРОПОЛОГИИ мгу)

ЛИХАЧЕВСКИЙ МОГИЛЬНИК

(if *вопросу о хозяйственной основе так наз. фатьяповской культуры.)*

По материалам Калининского музея

После первой сводки относящегося к могильникам фатьяновского типа материала, сделанной А. А. Спицыным («Медный век в Верхнем Поволжье») в 1903 г. и дополненной им в 1905 г., сколько-нибудь существенных исследований этих памятников на верховьях Волги не производилось вплоть до 1925 г., когда В. И. Смирновым был исследован могильник у с. Говядиново под Костромой. В 1928 г. на средства Ярославского музея мною были произведены проверочные раскопки могильника у дер. Фатьяново, нуждающиеся в продолжении. В последнее время, в 1933 г., руководившейся мною экспедицией по линии работ на новостройках были произведены раскопки и обследования фатьяновских местонахождений на Волге у дереве ь Санниково [1] и Рыболовка,[1 2 3] а экспедициями Д. А. Крайнова в 1934 н 1935 гг. — раскопки и разведки в районе дер. Ваулово близ г. Тутаева. Однако этот материал почти не издан. В то яге время старый материал изучен далеко не достаточно. В настоящей работе, оставляя пока в стороне результаты незаконченных мною раскопок собственно-Фатьяновсхгого могильника, я хочу остановиться на материале старых раскопок Н. Е. Макаренко на Лихачевском могильнике, представляющем значительный интерес, и в связи с этим затронуть некоторые общие вопросы.

* * *

В 1903 г. Н. Е. Макаренко произвел небольшие раскопки на одном из верхне-волжских дофеодальных городищ, расположенном на левом берегу Волги, ниже впадения в нее р. Щербахи, близ с. Троицкого, километрах в 10 от г. Зубцова Калининской области (б. Тверской губ., рис. 1). По имени его тогдашнего владельца, городище было названо Лихачевским.

[1] О. Н. Бадер. Отчет о работах экспедиции ГАИМК на Москва-Волгострое в 1932—1933 гг. Изв. ГАИМК, вып. 109, 1935.

[3] О. Н. Бадер и М. В. Талпцкий. Могильник у д. Рыболовки, там яге.

В двух из шести сделанных на городище раскопов, под толщей культурных отложений этого памятника, в подстилающем их грунте были обнаружены два древних погребения фатьяновсгсого типа.

В том же году Н. Е. Макаренко было сделано сообщение об этом на Тверском Археологическом съезде, напечатанное в «Трудах» съезда.[1] Отчет о раскопках на Лихачевском городище был напечатан в 1904 г. в «Известиях» Археологической комиссии.[1] [2] В этом отчете довольно подробно издан найденный в погребениях инвентарь.

При осмотре материала в экспозиции и научном хранилище Калининского музея мною были замечены некоторые черты, побудившие меня

Рис. 1.

более внимательно заняться этим забытым могильником. В результате, при содействии Калининского музея, мне удалось произвести реставрацию керамики и сделать ряд заключений, проливающих новый свет как на Лихачевский могильник, так и, отчасти, на всю группу аналогичных ему памятников Верхнего Поволжья.

Материал из Лихачевского могильника невелик. Раскопками были случайно вскрыты всего два погребения (рис. 2).

Погребение 1 найдено в траншее I на глубине 1.78 м. Плохой сохранности скелет взрослого человека лежал на правом боку, повидимому, в скорченном положении, с неправильно раскинутыми костями

---

[1] Н. Е. Макаренко. Результаты археологических экскурсий в Тверской и Ярославской губерниях. Могильник медного века в Зубцовском уезде Тверской губ. Тр. Второго обл. археол. съезда, изд. Тверск. уч. архивы, ком., Тверь, 1906 г., стр. 63—72.

[2] Н. Е. Макаренко. Поездка 1903 г. по верхнему течению р. Волги. Изв. Археол. ком.,вып. 6, СПб,, 1904, стр. 79.

ног, головой на запад, с горшком в ногах и несколькими орудиями и украшениями.

Погребение 2 найдено в траншее IV на глубине 1.07 м. Еще менее сохранившийся детский костяк был обнаружен на спине, кости ног в беспорядке, первоначальное полоясение их неясно. Ориентировка головой на западо-северо-запад, у головы глиняный горшок, при погребении также несколько вещей (см. отч. Макаренко).

Надо думать, что костяки в обоих погребениях первоначально леягали в обычном для этих могильников скорченном положении. Положение второго костяка, лежавшего на спине, встречается и в других могильниках, что отнюдь не свидетельствует обязательно о том, что именно это пололгение было первоначальным.

В 1930 г. при раскопках Кузьминского фатьлновского могильника на р. Дубне (Московской обл.) я имел возмоягность кроме типичного положения на боку наблюдать скорченное положение, с верхней частью туловища, завалившейся на грудь.[1]

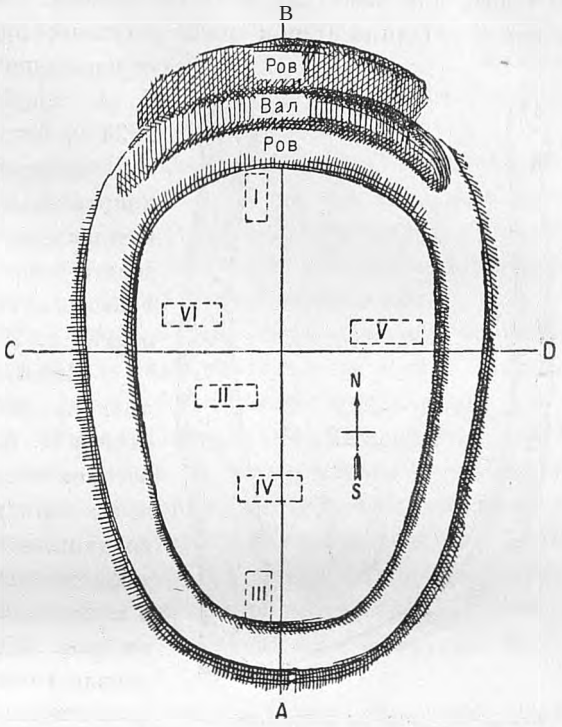


Рис. 2. План раскопок Лихачевского городища и могильника (по Н. Е. Макаренко).

Беспорядочное положение некоторых костей скелета, в данном случае — костей ног, наблюдается и в других могильниках (напр., в моих раскопках в Чувашии в 1934 г. и т. д.). Очевидно, это результаты хозяйничанья в могиле животных, проникавших туда через нору.

Однако, и заваливание трупов на грудь или на спину, и расчленение, и приведение в беспорядок костяка возможны скорее всего при условии, что труп погребенного в это время находился не в сягатом землей, тесно ограниченном положении, а в достаточно значительном пустом пространстве. Из этого моясно сделать тот вывод, что могилы некоторых фатьяновских кладбищ в момент погребения не заполнялись землей,

[1] О. Н. Бадер. Раскопки Кузьминского фатьлновского могильника на р. Дубне в 1930 г. Доклад, читанный в Научно-исслед. Иист. антропологии МГУ 2 111 1931 г.

а оставлялись пустыми, будучи, надо думать, лишь сверху как-то прикрыты, защищены от расхищения животными.

К аналогичному выводу пришла О. А. Кривцова-Гракова при раскопках Горкинского фатьяновского могильника Ивановской обл., изучая разрезы могильных ям.[1]

В пользу того же заключения о пустом пространстве в могилах говорит, мне кажется, и обнаруженное мною в Кузьминском могильнике укрепление стенок могилы путем обмазки их глиной, а также остатки скреплявшего могилу сруба, обнаруяенные Д. А. Крайновым в исследованном им в 1934 г. Вауловском могильнике.[1 2 3]

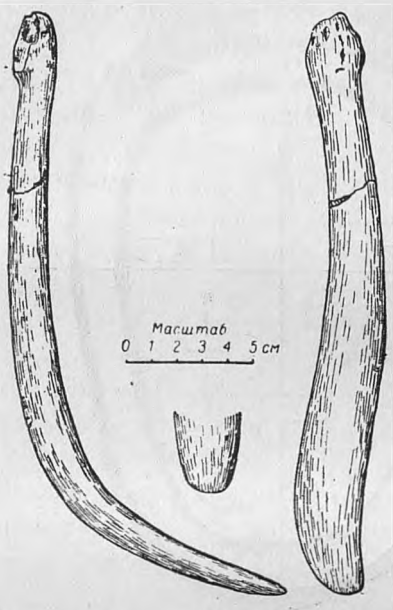


Рис. 3. Орудие из рога северного оленя.

Наконец, о том яге свидетельствует неправильное полоягение костяков и в некоторых других погребениях времени «бронзового века», например, в курганах «Три брата» в Калмыцкой обл., раскопанных в 1934 г. П. С. Рыковым, и др.

Что касается найденных при погребениях предметов, изданных в упомянутом отчете Н. Е. Макаренко, то мне хочется остановиться па трех моментах. Прежде всего — рисунки в отчете Н. Е. Макаренко, данные в разных масштабах, не всегда дают достаточно наглядное представление о предметах. Таково изображение топора на рис. 15. В натуре этот предмет представляет собою весьма крупный кремневый полированный топор клиновидной формы с симметричным профилем, — в свое время это было великолепное орудие для обработки дерева. Обращает на себя внимание его неолитическая форма.

Исключительный интерес представляет найденная в Лихачевском могильнике своеобразная «костяная поделка неизвестного назначения в виде лопаточки с искривленною рукояткою» (отчет Макаренко, рис. 14). Разбирая кости скелетов из погребений, мне удалось среди них обнаружить вторую часть этого орудия и склеить ее с первой, в связи с чем изменился и облик предмета (рис. 3).

Как оказалось, орудие сделано не из кости, а из рога. По определению, любезно произведенному для меня проф. С. Н. Боголюбским, мате-

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Раскопки Горкинского могильника. Доклад, чптанпый в засел. Комисс. по изуч. фатьяновской культуры МОГАИМК, 1 II 1935 г.

[3] Д. А. Крайнов. Отчет о раскопках Вауловского фатьяновского могильника в 1934 г., читанный на Пленуме ГАИМК в Ленинграде 7 II 1934 г.

риалом для изготовления этого орудия послужил рог северного оленя. Орудие представляет собою изогнутый предмет 30 см длиною по изгибу и 25.3 см по прямой. Длинная, округлая в сечении рукоятка не имеет следов специальной обработки, но поверхность ее сильно сглажена от употребления. Обработанной частью орудия является его рабочий конец, состругганный с двух сторон, больше с внешней, сильно уплощенный, шириной около 2 см, с острым, равномерно округлым в плане краем. Сторона рабочего края, внешняя по отношению к общему изгибу орудия, чрезвычайно сильно сглажена от употребления; противоположная сторона тоже сглажена, но не столь сильно, не больше, чем ручка. На внешней стороне орудия сохранились 8 поперечных насечек лезвием.

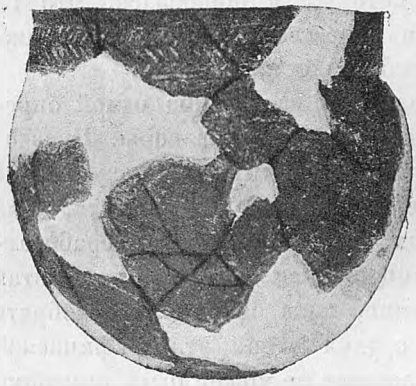
Какому назначению могло отвечать описанное орудие? Мне не удалось с достоверностью выяснить этого вопроса ни самому, ни с помощью целого ряда московских этнографов, к которым я обращался. Это не лощило для керамики; оно неудобно в качестве обычного кочедыка. Может быть, оно имело не только какое-либо одно назначение.

Возможно, напротив, что оно служило для какой-либо одной определенной цели, например, для особого вида плетения из коры. Правдоподобным кажется использование его при сдирании крупных кусков коры с деревьев и шкур с животных. Наиболее вероятным мне кажется, судя по расположению и характеру сглаженных от употребления и сработанных частей, применение его в качестве лощила или гладила при работах с кожами или чем-либо подобным. Конечно, пока не удастся подобрать для объяснения назначения описанного орудия ясной этнографической параллели, ни одна из вышеприведенных догадок не может быть признана вполне достоверной. Необходимо учесть, что упомянутое орудие было найдено при женском погребении.

При погребениях найдено также по одному глиняному сосуду. Оба горшка оказались разбитыми на мелкие куски, хотя на рисунках погребений они представлены в цельном виде. Возможно, что в момент их обнаружения они, будучи раздавлены землей, еще сохранили свою форму, но при попытке взять их, распались на части. Однако, нужно отметить, что в коллекции Калининского музея представлены далеко не все части этих сосудов. Отчет Н. Е. Макаренко не дает ответов на возникающие в связи с этим вопросы.

Сосуд из погребения № 2 весной 1934 г. нам удалось частично склеить и реставрировать при помощи гипса (М. В. Талицкий). Это бомбовидной формы сосуд с почти цилиндрической, низкой (2 см) шейкой (рис. 4) и с обычным для подобных сосудов характерным вдавлением на дне (диам. 2.5 см), слабо выступающим также с внутренней стороны сосуда и являющимся, невидимому, следами положения пальцев мастера при выделке круглой чашки — будущей основы сосуда. Наибольший диаметр сосуда около 13 см, диаметр шейки 11 см, общая высота 11.8 см, средняя толщина стенок 4 мм. Цвет сосуда красноватый, местами с темно-

коричневым оттенком. Шейка покрыта орнаментом из густых вдавлений тонкого, короткого, кажется, зубчатого (неясно) штампа в виде густого ряда трехколенчатых вертикально-направленных зигзагов, которые заключены мея;ду двумя горизонтальными линиями. Последние прочерчены тонким орудием с угловатым концом, давшим неглубокую черту с ровным дном, двумя углами и крутыми стенками (рис. 4). Под нижней чертой в основании шейки орнамент переходит на плечи сосуда в виде одного, время от времени прерывающегося ряда густо расположенных вдавлений того же штампа, нанесенных группами по 7—9 вдавлений. длиной по $1^1/_2$—2 см каждая, с короткими промежутками между ними. Вся остальная поверхность сосуда от орнамента свободна.



Рпс. 4а.

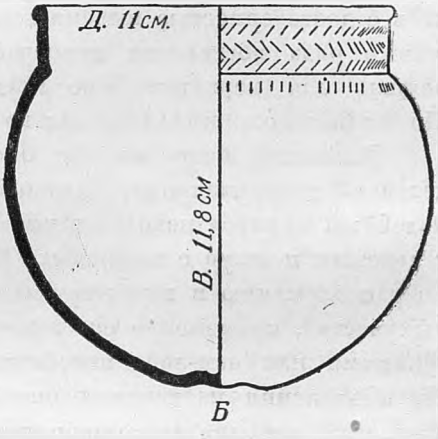


Рис. 46.

Глиняный сосуд из погребения 2 № 2.

Описанный сосуд вполне типичен для могильников фатьяновского типа.

В исследованных двух погребениях Лихачевского могильника нет сверленых каменных топоров-молотов. Однако В. А. Плетнев [1] сообщает: «В поле имения Ив. Фед. Лихачева, селе Троицком, выпахан каменный топор-молоток (опись Тверск. музея, № 5653)».

Благодаря любезности Е. А. Мирожиной (Калининский музей) я получил возможность поместить здесь присланные мне ею описание и фотографии этого топора (рис. 5). Он сделан, повидимому, из серого мелкозернистого песчаника; длина его 12.5 см, наибольшая ширина 5.5 см, толщина в средней части (длина сверлины) 4.5 см, у лезвия — 4.7 см и у обушка — 2.5 см. Лезвие сбито. Диаметр сверлины 3.2 см. Форма топора, как видно по его фотографии (рис. 5), простая, клиновидная, и для

[1] В. А. Плетнев. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь,. 1903 г., стр. 90.

Верхнего Поволжья не нова. Связь этого топора е описываемым могильником или соответствующим последнему поселением — вполне вероятна.

Всего в 3 км от с. Троицкого, в с. Терешкове, известны находки еще двух каменных сверленых топоров; такие же находки сделаны еще немного ниже по Волге, у с. Спасского и у дер. Иружи. [1] Речь об этих находках будет ниже.

Наблюдавшиеся на черепе второго погребения следы окиси меди связаны с каким-то небольшим предметом, повпдимому, тонким украшением, легко подвергшимся разрушению. Весьма вероятно, что здесь мы имеем дело с несохранпвшейся бронзовой сережкой — тонким спиральным колечком со слегка сплющенными концами, какие не раз были найдены у черепов в подобных погребениях, в особенности в самое последнее время. Следы окиси находятся на ушном отверстии и под скуловым отростком левей височной кости.

Рис. 5. Каменный топор-молот, найденный близ Лихачевского могильника.

Из материалов, представленных в коллекции Н. Е. Макаренко, особо следует подчеркнуть находку костей животных. Несколько бус представляют собою позвонки рыбы, повидимому, щуки. Длинные, тонкие пронизки сделаны из трубчатых костей птиц или мелких хищников. Среди украшений из просверленных зубов жнвотных представлены поделки из зубов медведя и кабана. Среди костей погребения № 1 мне удалось отделить несколько зубов и части челюсти свиньи, а также лучевую кость рыси (по определению проф. С. Н. Боголюбского). Не подлежит сомнению, что части этих животных были в момент погребения намеренно положены в могилу. К созкалению, место их в могиле восстановить невозмозкно. Наконец, как я указывал, одно из орудий в погребении № 1 сделано из рога северного оленя.

Эти определения такзке прибавляют несколько существенных новых штрихов к сумме наших сведений о фатьяповской культуре. Медведь, а также рысь и северный олень, найденные здесь в погребениях этого типа впервые, позволяют нам с полной уверенностью говорить о климатических условиях и преобладающем ландшафте того времени на Верхней Волге.

---

[1] В. А. Плетнев, ук. соч.

Несколько слов необходимо сказать о палеоантропологических остатках могильника. В материалах раскопок представлены далеко не все части двух найденных скелетов. Причина этого лежйт в плохой сохранности костяков. Оба черепа раздавлены на много частей. Остатки переданы для реставрации и хранения в Гос. музей антропологии МГУ. По определению старшего научного сотрудника Музея Т. А. Трофимовой, скелет погребения № 1 принадлежал женщине среднего возраста. Череп длинноголовый, низкий, со слабо развитым рельефом как в области надбровья, так и в затылочной, с отчетливо выступающими лобными буграми и сохранившимся метопическим швом. Плечевые кости грацильного строения.

Погребение № 2 принадлежало ребенку в возрасте около 5 лет.

Повидимому, череп из погребения № 1 вполне соответствует длинноголовому антропологическому типу, установленному А. П. Богдановым до черепам собственно-Фатьяновского могильника.

Лихачевский могильник, в первых же незначительных раскопках давший столь интересный материал, без сомнения, должен быть подробно исслрдован, и по возмоягности скорее. Условия расположения его на городище чрезвычайно облегчают его дальнейшее исследование и, будучи связаны с неизбежным предварительным снятием всей площади вышележащих культурных отложений городища, придают этим комбинированным раскопкам своеобразную сложность и двойной интерес. Большая разбросанность могил, создающая значительные трудности поисков их при раскопках почти каждого фатьяновского могильника, в данном случае исключается, так как расположение могильника на нешироком мысу с крутыми склонами естественно и резко ограничивает пределы его распространения, по крайней мере с двух сторон (рис. 2). С третьей стороны поиски могил, конечно, не должны ограничиваться пределами городища. Раскопки, начатые на внутренней площадке городища, по исчерпании последней должны быть продолжены под его валом и на площади вне городища; это единственное направление, куда, помимо площадки городища, можно продолжать раскопки могильника. Таким образом вместо обычной при начале исследования фатьяновских могильников гадательности здесь мы имеем возможность заранее планировать раскопки с полной определенностью и на относительно незначительной площади. В то же время, судя по находкам Н. Е. Макаренко, могильник обещает быть весьма содерятательным.

При раскопках могильника, помня о выпаханном неподалеку в поле топоре-молоте и о прочих фатьяновских находках поблизости, необходимо произвести самые внимательные поиски следов соответствующего поселения в окрестностях.

Говоря о расположении Лихачевского могильника на древнем городище, я должен сказать несколько слов но поводу тех соображений, которые были высказаны в последнее время К. Я. Виноградовым, в частности,

на моем докладе по поводу данного памятника.[1] Соображения К. Я. Виноградова касаются взаимоотношений между фатьяновской и дьяковской культурами.[2] В недавно напечатанной статье[3] в числе новых фактов, которые дают обследованные ни могильники, К. Я. Виноградов подчеркивает: «Наблюдается частое наличие на одном и том же месте памятников фатьяновской культуры и эпохи „дьяковских городищ'[1]». «Характерно, что в культурных слоях дьяковских городищ попадались неоднократно вещи типа фатьяновской культуры». Эти замечания могут создавать неправильные представления относительно взаимоотношения между фатьяновской и дьяковской культурами. Необходимо сказать со всей категоричностью, что о каком-либо взаимоотношении поселений и могильников названных культур, разделенных солидным промежутком времени, не может быть речи. Их совпадение в одних и тех же местах имеет характер исторической случайности; о какой-либо связи здесь можно говорить в той же мере, как о связи меягду фатьяновскими могильниками и русскими поселениями, такисе нередко встречающимися на одних и тех же местах. Находимые нее в дьяковских слоях кремневые пластины,[1] похожие на фатьяновские, вообще мало характерны, могут являться случайно подобранными почти на любом раннем памятнике и прежде всего свойственны самим городищам дьяковского типа.

Конечно, материал преяших раскопок фатьяновских памятников фрагментарен. Некоторые находки и даже результаты целых раскопок и раньше считались недостоверными и плохо документированными. Подчас на них трудно опираться. Данные новых, последних раскопок чрезвычайно интересны, но лишь в небольшой мере нашли свое отраягение в печати. Однако и раньше при внимательном рассмотрении наличного материала и надлежащем направлении исследования моягно было сделать целый ряд весьма существенных заключений и выводов. До последнего времени в этом отношении было сделано очень, мало. Главное внимание было направлено, помимо описания материала, — на его типологическую систематизацию и на рассмотрение вопросов о возмоя:ных путях появления соответствующей древней культуры. Но не подлежит сомнению, что, например, давно пора попытаться дать характеристику основных форм хозяйства древнего общества, соответствующего могильникам фатьяновского типа. Только при этом условии в дальнейшем мояшо пытаться дать характеристику общественного строя соответствующего общества,— Этим будет облегчено и разрешение вопросов о соотношении памятников

---

[1] О. Н. Бадер. Фатьяиовские могильники верховьев Волги. Доклад, читанный на засед. «Фатьяновской» комиссии МОГАИМК, 21 П 1935 г.

[s] Термин «культура» я употребляю в настоящей работе условно, как чисторабочий термин.

* К. Я. Виноградов. Новые данные о памятниках фатьяновского типа. Проблемы, № 11—12, 1934.

фатьяновского тппа с другими группами памятников центральных областей Европейской части СССР.

Обо новныхформах хозяйства древнего «фатьяновского» общества нашими исследователями до сего времени сказано очень мало и совершенно недостаточно. А. А. Сищын в своей первой сводке 1903 г.[1] и в дополнении к ней,[1] [2] так же как и в своих последних работах, вовсе не разрабатывал этого вопроса. В. А. Городцов в сводной работе, напечатанной в 1915 г.,[3] отмечает: «До сих пор остается совсем неизвестным, был ли Знаком владелец фатьяновской культуры с земледелием, имел ли он домашних стадных животных, занимался ли рыболовством, металлургией и т. и.». И далее: «Признаки стадного скотоводства и речного рыболовства в фатьяновской культуре совершенно отсутствуют, хотя по времени могли быть присущи ей». Охота считалась основным средством существования «фатьяновцев». В 1927 г. В. А. Городцов, возвращаясь к вопросу о фатьяновских могильниках,[4] пишет: «Население занималось преимущественно охотничьим промыслом, ради которого оно, вероятнее всего, и углубилось в средне-руі ские леса».

В 1929 г. К. Я. Виноградов[5] подтверждает: «Охота на диких зверей и птиц составляла их главное занятие». А истекшей зимой, он же, заключая свою статью,[6] в которой приводит обширный свеже-добытый материал, лишь призывает «быть болое осторожными в выводах по ряду вопросов, как, например, по вопросу о главной отрасли хозяйства того времени, каковой раньше считали охоту»; но ни одного положительного хотя бы предположения относительно этой главной отрасли хозяйства он сам не делает. Остановлюсь коротко на некоторых своих соображениях по этому вопросу, поскольку он, мне кажется, освещается материалами и наблюдениями, касающимися верховьев Волги.

Охота на диких животных безусловно играла большую роль в хозяйстве «фатьяновцев». В инвентаре погребений представлены орудия охоты — кремневые наконечники стрел и копий. Правда, количественно этот инвентарь не очень велик. Он как бы оставляет место чему-то другому, более существенному. Зато в фатьяновских погребениях в виде украшений, орудий или отдельных костей найдены остатки следующих диких животных: бурого медведя, волка, лисы, рыси, северного оленя, а также

---

[1] А. А. Сппцын. Медный век в Верхнем Поволжье. Зап. Отд. русск. п слов, археол. 11 РАО, т. V, вып. 1, СПб., 1903 г.

[2] А. А. Сппцын. Н вые сведения о медном веке в средней и северной России. Зап. Отд. русск. и слав, археол. ИРАО, т. VII, вып. I. СПб., 1905 г.

[3] В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Росс, истор. музея за 1914 г. Москва, 1915.

* Бронзовый век на территории СССР. Болып. Сов. Энцикл., т. 7,1928, стр. 617.

[5] Три этапа культуры у Ивановой горы на р. Рузе. Изд. Волоколамск, музея,. 1929 г.

[6] К. Я. Виноградов. Новые данные о памятниках фатьяновского тппа. Проблемы истории докапптал. общества, № 11—12, 1934 г.

хомяка (Кузьминский и Лихачевский могильники дают весь этот список). Однако исследование могильников не дает нам возможности установить количественно — преобладавшие, излюбленные фатьяновскими охотниками виды животных; на присутствие или отсутствие в могилах костей тех или иных животных, несомненно, влияли и обстоятельства идеологического порядка; на поставленный вопрос может в какой-то мере ответить только исследование поселений. Относительно способов охоты, помимо употребления вышеуказанных орудий, мы не имеем пока конкретных указаний.

Не подлежит сомнению и наличие рыболовства. Вещественные доказательства этого, как было отмечено, налицо в том же Лихачевском могильнике в виде позвонков щуки (?).

Находки раковин обыкновенной речной улитки, ореховой скорлупы (Кузьминский могильник) и пр. свидетельствуют о том, что некоторую роль играло также собирательство, но роль эта, даже на ряду с охотой и рыболовством, едва ли была велика.

Охота, рыболовство и собирательство не составляли единственного источника существования носителей фатьяновской культуры и не были даже в этом отношении основными. Хозяйство фатьяновцев определяется в первую очередь наличием и ведущей ролью разведения домашних животных и мотыжного земледелия. Эту точку зрения за последние годы я неоднократно высказывал как в устных выступлениях, так и в печати.[1] Необходимо эти положения обосновать и развить. Я рассчитываю сделать Это по другому поводу, здесь же укаягу лишь на некоторые факты и соображаясения.

Отдельные находки остатков некоторых видов домашних ягивотных известны уже давно, но почему-то не привлекали к себе соответствующего внимания исследователей. Так, в собственно-Фатьяновском могильнике И. С. Поляковым в 1878 г. был обнаружен скелет молодого козленка,[1] [2] А. А. Спицыным в 1895 г. на Великосельском могильнике найдены кости животных, правда, вне погребений.[3] Здесь были обнаружены «кости коровы (бабки от трех коровьих и пары телячьих ног)».[4] В 1903 г. раскопки Н. Е. Макаренко на Лихачевском могильнике дали кости свиньи.[5]

---

[1] 1) Археологические исследования Научно-исслед. Инст. антропологии МГУ за 10 лет. Наука и жизнь, № 1, 1935 г. 2) Археологические исследования на Москва-Волгострое. Наука и жизнь, № 4, 1935 г. 3) Работы экспедиции ГАИМК на Москва-Волгострое в 1934 г. Сдано для печати в ГАИМК в 1934 г. 4) Археологические исследования ГАИМК на Москва-Волгострое. Сдано для печати в Москва-Волгострой. 5) Отчет о работах ГАИМК на Москва-Волгострое в 1934 г. Сдано для печати в ГАИМК.

[2] А. А. Спицын. Медный век в Верхнем Поволжье.

[3] Там же.

[4] Архив ГАИМК, дело № 79, 1895 г. Цитирую по П. Н. Третьякову (к ист. докл. общ. Верхи. Поволжья).

[5] Н. Е. Макаренка. Поездка 1903 г. по верхнему течению р. Волги. Изв. Археол. ком., вып. 6, СПб., 1904 г.

В 1925 г. второе погребение козленка найдено В. И. Смирновым в Говядиновском могильнике. Начиная с 1928 г., находки погребений свиньи не раз повторялись в раскопках К. Я. Виноградова, Д. А. Крайнова и моих (могильники Ивановогорский, Буланинский, Кузьминский, Сущевский и Вауловский). Для Буланинского могильника отмечена также кость овцы. В Балановском могильнике ЧАССР отмечены амулеты из «зубов, повидимому, лошади».[1] Уже перечисленных указаний на присутствие домашних животных достаточно для того, чтобы разрешить вопрос о существовании скотоводства в древне-фатьяновском обществе в положительном смысле. Но мои раскопки Кузьминского могильника на р. Дубне, произведенные в 1930 г., не оставляют больше никаких сомнений. По определениям, сделанным в 1932 г. В. С. Слодкевичем (Академия НajК), здесь представлены: козел или баран, свинья, корова, лошадь и собака. Все изложенное дает основание установить окончательно, что в древнем фатьяновском обществе существовало вполне развитое скотоводство, объектом которого служили все основные виды домашних животных.[1] [2] Если домашние животные так хорошо представлены даже в могильниках,[3] то изучение соответствующих Этим могильникам поселений даст, несомненно, еще большее количество костей домашних животных. И лишь раскопки поселений, как отмечалось уже в отношении охоты, дадут в наши руки материал для суждения о большем или меньшем значении в скотоводстве «фатьяновцев» разведения каждого отдельного вида домашних животных. Впрочем, уже сейчас необходимо отметить, повидимому, особое значение, которое имели свинья и коза, что следует как из количества находок их, так и из целого ряда наблюдавшихся захоронений их целых или почти целых особей при погребениях человека. Скотоводство в древне-фатьяновском обществе никак не могло быть кочевым, как предположил недавно П. Н. Третьяков.[4] Список домашних животных свидетельствует о том, что это было скотоводство оседлое. Молено заранее предположить, что оно было связано с земледелием.

Если заключение о существовании скотоводства в соответствующем обществе базируется на достаточном количестве неоспоримых фактов, то для обоснования существования здесь земледелия в настоящее время мы еще не располагаем таким количеством бесспорных данных. Некоторые факты и соображения все же можно привести.

Следует решительно отвергнуть сделанную Московским историческим музеем попытку доказать существование плужного земледелия

---

[1] И. Тихонов. Археологические раскопки в Чувашии в 1933 г. Проблемы, № 2, 1934, стр. 123.

[3] Северного оленя здесь нет пока основании относить к числу домашних животных.

[3] В Кузьмине, напр., вскрыто всего 5 могил.

[4] П. Н. Третьяков. Из материалов Средне-Волжской экспедиции ГАИМК. Сообщения ГАИМК, № 3, 1931.

(с каменными лемехами) в хронологически близких «фатьянову» обществах нашего севера.[1] Значительно больший интерес для нас имеют находки зерен пшеницы и земледельческих орудий в андроновских (раскопки О. А. Кривцовой-Граковой 1930—1935 гг.) памятниках, следы земледелия в некоторых территориально более близких культурах европейской части СССР [1 2], а также явно земледельческий характер срубно-хвалынской культуры.

На территории распространения фатьяновской культуры каменные мотыгообразные земледельческие орудия известны в некоторых стоянках позднего неолита. Правда, мы не имеем никаких оснований считать, что земледелие в то время играло большую роль в хозяйстве, которое продолжало оставаться рыболовно-охотничьим.[3] Здесь и в более поздних стоянках Волго-Окской обл., безусловно, очень близких к «фатьянову»- по времени, уже наблюдается процесс, который в конце концов приводит к преобладанию земледелия, к изменению характера поселений и т. д_ Таким образом еще в очень раннее время земледелие было не чуждо для населения бассейна Оки и Волги. Здесь же следует отметить находку трех бронзовых серпов на Нижней Клязьме, о которой упоминает В. А. Городцов.[4] Позднее место этой находки было обследовано Н. М. Соколовым и П. И. Поповым,[5] а в 1927 г. мною. К сожалению, дюна Полонижиик, на который сделана находка, очень сильно разрушена, и культурные остатки на ней настолько бедны и фрагментарны, что затрудняют даже отнесение их к какому-либо определенному типу памятников.

Говоря о земледелии у «фатьяновцев», мне хочется прежде всего- отметить, что высказанное некоторыми исследователями предположение,, будто бы известные фатьяновские кремневые топоры клиновидной формы являются земледельческими мотыгами, безусловно ошибочно. Это не мотыги, а топоры и тёсла хорошей работы, о чем прежде всего свидетельствуют их острота и характер сработанности лезвия. Однако, мне кажется, на основании других находок имеется возмояшость говорить и о мотыгах. В этом отношении чрезвычайно интересна находка Д. А. Крайнова в Вауловском могильнике, представляющая собою каменное орудие из довольнр крупной, уплощенной, удлиненной формы гальки с заостренным концом и сделанными с противополоягного конца с двух сторон выбоинами, образующими удобный перехват для скрепления орудия с рукояткой. Способ скрепления ясен: это мотыгообразное орудие с попе-

[1] Напр., см. А. Я. Брюсов. Древние поселения на рр. Суне п Черной, «Сов.. Карелия», 1930, № 9—10, стр. 94.

[3] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецквй. Родовое общество степей Восточной Европы. Изв. ГАИМК, вып. 119, 1935 г.

[3] О. Н. Бадер и М. В. Воеводский. Стоянки Балахшшской низины. Изв. ГАИМК, вып. 106, 1934 г.

[4] Культуры бронзовой эпохи в Средней России.

[6] Н. М. Соколов и П. И. Попов. Заметки о современном состоянии дюнных, стоянок в долине реки Клязьмы в окрестностях гор. Вязников Владимирской губ.. Владимир, 1917 г.

речным к плоскости рукоятки «лезвием». Рабочий конец орудия зашлифован пли, вернее, сильно сглажен от употребления, и характер сработанности орудия почти не оставляет сомнения в том, что оно было в постоянном соприкосновении с землей.[1] Учитывая его форму, можно считать упомянутое орудие земледельческой мотыгой. Весьма желательно его скорейшее издание.

В связи с вауловской приобретает для нас особое значение находка каменной лее, несколько более крупной, но аналогичной по форме мотыги, сделанная О. А. Крпвцовой-Граковой в раскопках ранне-земледельческого поселения срубно-хвалынского типа в урочище «Волчий Овраг» у сел. Пустынь, б. Пензенского уезда (выставочные залы Гос. Исторического музея).

Возможно, что в качестве костяного наконечника мотыги служил «обломок кости домашнего животного с заостренным концом, длина 25 см» из Михеевского могильника.[1] [2] К сожалению, я не могу высказаться об этой находке с большей определенностью, так как К. Я. Виноградов на описании этого орудия не останавливается, а определить его сам я не имел возмояшости (хранится в Калужском м\зее).

Наконец, повидпмому, вполне достоверной находкой следует считать зернотерку, найденную в Говядиновском могильнике В. И. Смирновым в 1925 г. Говядиновский могильник еще не издан, но краткое описание Этой находки приводится П. И. Третьяковым.[3] Она представляет собою «большой плоский курант от ручной мельницы... Его большие размеры (16 см в поперечнике) дают право видеть в нем не что иное, как орудие переработки зерна».

Помимо приведенных фактов можно привести еще один весьма существенный довод. В 1924—1928 гг., во время многочисленных обследований древних поселений в бассейне Ниящей и Средней Оки, я установил на большом материале одну вполне определенную закономерность, а именно, что распололсенпе древних поселений в различных топографических условиях, в различном соотношении с водоемом, на различной над ним высоте — тесно связано с культурным содеряганием этих поселений.[4] Древние, типичные рыболовно-охотничьи неолитические стоянки, как правило, располагаются нпзко, у самого водоема. Для поздних стоянок, например, стоянок с «текстильной» («сетчатой») керамикой и кремневым инвентарем орудий — наблюдается все менее прочная зависимость

---

[1] Аналогично тому, как в 1926 г. я установил земледельческое назначение костяпых «клевцов» из костеносных городищ («Городища Повстлужья»).

[3] К. Я. Виноградов. Новые данные о памятниках фатьяновского типа. Проблемы, № И—12, 1934 г.

[3] К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. Изв. ГАИМК, вып. 106, 1934 г.

[4] O. Bahder. Zur Erforschung der neolithischen YVolinplatzen im Okatalile. Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsingfors, 1929.

от водоема, все более частая удаленность от него, повышение уровня расположения над водоемом. И, наконец, наблюдается общий переход иосе-- ленний на высокие берега, в условия, характерные для наших современ» ных поселений тех лее районов; последнее характерно для древнейших^ памятников дьяковского типа. Существенное изменение топографически» условий расположения поселений было продиктовано коренным изменением ведущих форм хозяйства, а именно—переходом от хозяйства рыболовно-охотничьего к земледельческо-скотоводческому. Недавно собранный М, В. Воеводским и А. В. Збруевой материал в Верхнем Поволожье заставил меня сделать те яге выводы и для этих районов.[1]

Изменение условий расположения поселений не ограничивается одним повышением их над водоемами, что моягет быть вызвано отчасти и другими причинами, например, потребностью укрепления поселений и пр. Одновременно начинается постепенное расширение зоны, занятой поселениями, углубление их все дальше и дальше во внутренние лесные массивы, нередко в сторону от озер и речек, постепенное и все более полное освоение оседлыми поселениями самых глубин страны в сторону глухих водоразделов (к соягалению, районы самих водоразделов, по вине плохого планирования наших обследований, очень плохо изучены). Это — поселения дьяковского типа (включая сюда и самые поздние дофеодальные поселения) и, позднее, — русские поселения. Описанное явление представляет собою не что иное, как процесс последовательного освоения страны земледельцами.[1 2]

Вернемся к могильникам фатьяновского типа. Мы не можем сейчас говорить о соответствующих им поселениях, но не подлеягит сомнению, что последние располагались невдалеке от могильников. Следовательно, районы располоягеипя могильников—-это районы обитания «фатьяновцев». Где, в каких частях страны располагаются могильники? Из числа 10 могильников, изучавшихся мною лично, один располояген на берегу озера (Владычиио), три на берегах крупной реки Волги (Лихачеве, Санниково, Рыболовка) и один у заболоченной долины незначительной реки (Кузьмино). Остальные нять находятся в иных условиях: один — на берегу ничтоягной реченки или, скорее, ручья, в глухом лесном крае, вдали от более крупных водоемов (Взгляднево); второй — в расстоянии около 20 км от Волги, но в стороне от какой бы то ни было речки (Фатьяново), третий — в чрезвычайно глухой лесной местности, изобилующей заболоченными участками, в нескольких километрах от истоков маленькой реченки (Мытищи); четвертый — на самом водоразделе меягду бассейнами Волги и Оки, близ болота, меягду истоками двух небольших, текущих в разном направлении

[1] М. В. Воеводский, А. В. Збруева и О. Н. Бадер. Работы на строительстве Ярославской гидроэлектростанции (Средволгострой). Участок по р. Шексне. Изв. ГАИМК, № 109. Выводы.

[2] О. II. Бадер. Археологические исследования Научно-исслед. Инст. антропологий МГУ за десять дет. Наука и жизнь, № 1, 1935 г.

речек (Протаеово); и, наконец, пятый — в нескольких километрах от последнего, невдалеке от одной из упомянутых речек (Икша). Окрестности названных пяти могильников вообще мало характерны или вовсе не характерны для расположения древних рыболовно-охотничьих стоянок. К тому же мои усиленные поиски близ могильников следов каких-либо поселений таких стоянок ни разу не выявили.

Аналогичную картину дает ряд отдельных находок вещей фатьяновского типа, известных мне в Московской области.

С целью проверки этих наблюдений я произвел опыт картографирования находок каменных сверленых топоров на территории Калининской области, воспользовавшись для этого главным образом книгой и археологической картой В. А. Плетнева и собраниями Калининского и некоторых районных музеев,[1] а также, отчасти, и материалами Комиссии МОГАИМК по изучению фатьяновской культуры.[1 2 3 * * * *] К сожалению, не во всех отмеченных на карте случаях имеются точные топографические данные о пунктах находок. Однако имеющиеся данные и общее расположение местонахождений на карте повторяют картину, уже отмеченную для первых десяти случаев, а именно: около половины местонахождений располагается вдоль Волги, неподалеку от нее, на берегах притоков и у озер. Другая половина широко разбросана по всему краю, иногда связана с мелкими речками у самых водоразделов, иногда же вообще с ними не связана.[8] Для полной убедительности этого довода необходимо привлечение значительно большего материала, и я это рассчитываю сделать; но и вышеприведенные примеры дают много (рис. 6).

Таким образом картина распространения памятников фатьяновского тина, как мы виделп, частью вполне естественно совпадает с картиной распространения в стране охотничье-рыболовческих поселений, частью я!е не совпадает с нею. Условия расположения этой последней группы фатьяновских памятников аналогичны расположению позднейших поселений, земледельческий характер которых не оставляет сомнений.

В самом деле, какие иные обстоятельства могли побудить и «фатьяновцев» к оседлости нередко в самых недрах лесных массивов? При каких хозяйственных условиях существование таких поселений было возможно? Предположения об охоте и рыболовстве для объяснения этого вопроса отпадают. Древние рыболовы-охотники, как мы знаем, такясе проникали

---

[1] Приношу глубокую благодарность Е. А. Мирожиной, составившей для меня список сверленых топоров Калининского музея, в отношении которых имеются сведения о месте их находки.

[3] Некоторые из известных мне лично топоров-молотов я пе занес на карту, так как отношение их к фатьяновской культуре сомнительно.

[3] Здесь необходимо учесть, что более слабая заселенность водоразделов п в наше время снижает, по сравнению с другими районами, самую возможность обнаружения древних памятников, а большая удаленпость от центров затрудпяет поступление находок в музеи.

далеко в глубь страны, но их поселения всегда оставались на берегах рек, речек и озер, которые могли служить для рыболовства. Скотоводство также не могло являться здесь решающим условием. Скорее, напротив, выпас скота удобнее производить близ рек, в речных поймах. Особенности распространения фатьяновских памятников, быть может, позволяют поставить вопрос, не были ли в это время приречные районы заняты поселениями других обществ с иным хозяйственным строем, рыболовно-охотничьим? Но факты свидетельствуют, как будто, об ином. По крайней мере Верхняя Волга дает нам время от времени на своих берегах явно фатьяновские находки.

Итак, трудно объяснить себе особенности распространения фатьяновских могильников иначе, как лишь ведущей ролью земледелия. Только на базе земледелия возмояшо было такое расширение зоны оседлого обитания.

После того, как приведен целый ряд доказательств в пользу существования земледелия в древнем «фатьяновском» обществе, следует отметить полную вероятность предположения о том, что именно с земледелием связано появление в фатьяновской культуре большого количества кремневых топоров клиновидной формы. В самом деле, это наиболее часто встречаемая в могильниках категория орудий. На стоянках неолитического типа, даже самых поздних, шлифованные кремневые топоры являются относительной редкостью, хотя техника их изготовления была прекрасно освоена. Клиновидный топор[1] был [одним из существеннейших орудий фатьяновцев и является одной из черт, придающих культуре лесной характер. Именно фатьяновский кремневый топор очень удобен для обработки дерева. Он отличается нередко значительными размерами, имеет сильно уплощенную форму, обычно расширенное, тонкое лезвие и, как правило, очень остро наточен. Такой топор мог в значительной мере обусловить самую возможность «подсечного», лесного земледелия и играть здесь такую же роль, которую позднее, несомненно, сыграл в распространении земледелия железный топор. Мы знаем о наличии в рассматриваемой культуре также и металлических, медно-бронзовых топоров, но они, в силу ряда причин, не могли играть, на ряду с кремневыми топорами, сколько-нибудь заметной роли в борьбе с лесом.

Фактом огромного значения является открытие для фатьяновской культуры прочной металлической пилы с широким лезвием, ясные следы действия которой имеются на описанном мною молоте из бивня мамонта, найденном в Рыболовском могильнике.[2] Однако, в виду не абсолютной достоверности отношения этой интереснейшей находки к фатьяновскому могильнику, о пиле, до подтверждения ее присутствия новыми находками, не буду пока говорить. *[3]

---

[1] Иногда это не топоры, а тёсла.

[3] О. Н. Бадер и М. В. Талпцкий. Могильник у д. Рыболовкн. Изв. ГАИМК, вып. 109.

Мы не можем еще сказать ничего определенного о фатьяновских поселениях. Но мы знаем теперь, что это были поселения прежде всего земледельцев п скотоводов. Я думаю, что поселения эти могли носить характер не «стоянок», а «селпщ», т. е. поселений, обычно выше расположенных, без обязательного н непременного соседства с рекой или озером, т. е. как мы имеем это, например, для селищ дьяковского типа и русских селищ. Это общее сходство распространения и условий расположения памятников и является причиной нередко случайного совпадения памятников этих типов на одном и том же месте. Как будто выясняется, что отдельные фатьяновскне местонахождения нередко группируются в весьма ограниченных районах, что я имел возможность наблюдать не раз.[1] Этот представляет значительный интерес, так как, весьма возможно, в будущем позволит нам говорить о вполне определенных гнездах, очагах расселения родовых групп этого времени на территории лесистой страны, как это мы в свое время отмечали в отношении неолитических стоянок.[1 2 3]

При рассмотрении вопроса об экономической основе каждой древней культуры необходимо прежде всего выяснить вопрос о природных условиях, в которых развивалось соответствующее общество. Мы знаем, что «за промежуток времени[3] между началом отступания последнего оледенения и исторической эпохой был, по крайней мере, один период, отличавшийся климатом более сухим и теплым, чем современный», — так называемый «ксеротермпческий» период. «В это время ландшафтные зоны, по сравнению с теперешними, были смещены к северу, и лесостеиье, возможно, доходило до берегов Финского залива». Во всяком случае, в интересующем нас районе, а именно между г. Калининым и границей Ивановской Промышленной обл. А. П. Ильинский[4] обнаружил «степные» формы растительности на песчаных грядах в волжской долине. По мнению А. П. Ильинского, эта растительность представляет собою в Верхнем Поволжье реликт безлесной фазы послеледниковой эпохи.

Не была ли фатьяновская культура связана именно с ксеротермическим периодом? Некоторые московские археологи в последнее время склоняются в сторону положительного ответа на этот вопрос, что ведет к совершенно своеобразному подходу при разрешении проблемы происхождения и социально-экономического облика фатьяновской культуры.

---

[1] Напр., О. Н. Бадер п др. Археологические памятники зоны Москва — Волгостроя. Изв. ГАИМК, вып. 109; О, Н. Бадер. Отчет о работах экспедиции ГАИМК на Москва — Волгострое в 1934 г.

[2] О. Н. Бадер и М. В. Воеводский. Стоянки Балахнпнской низины. Изв. ГАИМК, вып. 106.

[3] Л. С. Берг. Ландшафтно-географические зоны СССР. 1931.

[4] А. П. Ильинский. К истории развития флоры Средней России. Изв. Главн. бот. сада, XXI, вып. I, 1922.

Мне представляется несомненным, что фагьяновская культура — типичная лесная культура. Одним из убедительных доводов в пользу этого является присутствие в ней не только таких животных, как лиса и волк, но также медведя, рыси и северного оленя.

Все вышесказанное позволяет нам совсем по-иному посмотреть не только на затронутые здесь могильники верховьев Волги, но и на всю фатьяновскую культуру в целом. Я не останавливаюсь на всех прочих вопросах изучения этой культуры, многие из которых могут быть более или менее разрешены на уже наличном в настоящее время материале. Конечной задачей нашей работы здесь явится восстановление конкретной формы общества «фатьяновской культуры», которое, без сомнения, было обществом родовым, и последовательных этапов истории этого общества. Но разрешению этой задачи должны предшествовать суммирование и изучение всего имеющегося археологического материала. Одним из первоочередных требований этого изучения является картографирование фатьяновских местонахождений на ряду с картографированием памятников некоторых других культур, наиболее близких фатьяновской хронологически. Сопоставление таких карт может дать исключительные по своему значению результаты.

O. BAHDER

LE CIMETIÈRE DE LIKHATCHEVO

RÉSUME

En 1903, N. Makarenko a exécuté des fouilles archéologiques du gorodistché de Likhatckevo, dans l'ancien district de Zoubtsov du gouvernement de Tver (aujourd'hui région de Kalinine) (fig. 1). II a mis au jour 2 sépultures d'âge beaucoup plus ancien (fig. 2), se rapportant à la culture dite de Fatianovo de l'époque du bronze. D'après certains indices, Г auteur incline à croire que lors de l'inhuraation les deux tombes n'ont pas été ensevelies sous un amas de terre, mais seulement protégées en dessus par quelque recouvrement.

Dans le compte rendu publié par N. Makarenko, certains des objets trouvés dans les sépultures n'ont pas été décrits avec suffisamment de détails, comme par exemple les vases de terre cuite à fond rond, l'un des petits tessons (fig. 4) et un curieux instrument, fait en bois de renne d'après la détermination du prof. S. Bogoliubskij (fig. 3). Parmi les pièces conservécs au musée de Kalinine, il se trouve également une hache-marteau perforée en pierre (fig. 5), recueillio près du cimetière et s'y rapportant apparemment. D'après T. Trofimova, une des sépultures appartient à un enfant de 5 ans environ, l'autre à une femme d'âge moyen. Le crâne

tie celle-ci répond entièrement au type dolichocéphale établi par A. Bogdanov sur les matériaux du cimetière près du village de Fatianovo.

Le cimetière de Likhatchevo ne fournit pas de données suffisantes pour juger de l'aspect économique de la culture à laquelle il se rapporte. Jusqu'à ce jour, la culture de Fatianovo était considérée comme étant essentiellement celle de chasseurs. Cependant les matériaux rassemblés précédemment, et surtout les résultats fournis par les fouilles exécutées dans ces dernières années par l'auteur, lui permettent d'y établir en outre l'existence de la pêche, de l'élevage et de l'agriculture — l'élevage et l'agriculture jouant justement un rôle prépondérant dans l'économie de cette époque. Comme animaux domestiques, on y a déterminé le chien, le porc, la chèvre, le mouton, la vache et le cheval. L'existence de l'agriculture est attestée par des trouvailles d'instruments agricoles (par ex. houe en pierre, mesures pour le grain), ainsi que par la situation des monuments de la culture de Fatianovo dans des conditions de paysage qui diffèrent, comme l'a constaté l'auteur, de celles où se trouvent les stations néolithiques, en ce sens que ces monuments s'écartent du voisinage de l'eau, encore obligatoire pour ces dernières. La notation sur la carte des différentes trouvailles de haches-marteaux perforées sur le territoire do l'ancien gouvernement de Tver (fig. 6) confirme aussi en partie l'affirmation de l'auteur. La culture de Fatianovo apparait done comme la première étape de l'assimilation économique par l'agriculture et l'élevage des parties du pays couvertes de forêts inhabitées constituant les régions de partage des eaux.

En ce qui concerne les conditions naturelles existant à cette époque^ la prédominance du paysage forestier typique est incontestable, comme en témoignent au premier chef les restes d'animaux tels que Fours, le lynx,, le renne, etc., trouves dans les sepultures du type de Fatianovo.

П. П. ЕФИМЕНКО

К ИСТОРИИ ЗАПАДНОГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э- ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ [1]

Тема, разрабатываемая мной в настоящее время, имеет своим основным содержанием, прежде всего, изложение наличного археологического материала, территориально связанного с обширным лесным краем, расположенным между Окой и Волгой. По времени выбранный мной круг памятников относится к одной, определенной эпохе—к I тысячелетию н. э-

Почему археологические памятники данного района и данного времени заслуживают особенного внимания — будет видно из дальнейшего. Однако я не своягу свою задачу к подытоживанию достаточно большого накопленного в настоящее время фактического материала по памятникам I тысячелетия н. э. в Западном Поволожье. Моя работа является вместе с тем некоторым опытом исторического анализа археологических источников с точки зрения тех общих проблем, которые выдвигает история края.

Трудности, стоящие перед исследователем в этой области, носят многообразный характер.

Нельзя забывать, что в нашей литературе до сих пор нет никаких обобщающих работ для памятников указанной территории, так как, например, популярная книягка профессора Саратовского университета П.С. Рыкова [1 2] уже по своему характеру преследует все яге несколько иные задачи. Более того, кроме старого труда А. А. Спицина, [3] не удовлетворяющего нас сейчас ни в смысле полноты, ни в отношении территориального охвата материала, у нас нет простых сводок данных по раскопкам, облегчающих возможность пользования этими источниками.

Помимо этого, далеко не весь имеющийся археологический материал нашел себе место в печатных изданиях, а то, что опубликовано, в большинстве случаев носит такой характер, что пользование им в качестве

---

[1] Настоящая статья представляет краткое изложение содержания труда, подготовляемого автором по производственному плану Секции археологии ИАЭ*

[2] П. С. Рыков. Очерк по истории мордвы. Москва, 1933 г.

[3] Древности бассейнов рек Оки и Камы. Мат. по археол. России, №25, 1901г.

первоисточника, без обращения к коллекциям, разбросанным по музеям Москвы, Ленинграда и провинциальных городов — Рязани, Мурома, Пензы и т. д., представляется совершенно невозможным.

Естественно, что предпринятый мною труд в этих условиях, при огромном количестве разнообразного вещевого материала, был бы вообще невыполним в пределах имеющегося в моем распоряжении времени, если бы не то благоприятное обстоятельство, что значительная часть наиболее крупных собраний—Гос. Исторического музея, Рязанского музея, Гос. музея этнографии и других — мною была проработана в прежние годы. Более или менее исчерпывающим образом обработанные коллекции по таким памятникам, как Кошибеевский, Лядпнский, Томниковский, Серповской, Подболотьевский, Максимовский, Борковской, Кузьминский, Курманский и многие другие могильники Западного Поволягья, давшие свыше тысячи комплексов хорошо проверенного погребального инвентаря, вместе с материалами, полученными при моих личных раскопках могильников и городищ на Оке и Суре в 1920—1928 гг. (Шатрищенский, Гавердовский, Бакинский, Иваньковский могильники, городище у Вышгорода на Оке и проч.), составили тот необходимый фонд, который мог быть положен в основу намеченной работы.

Можно поставить вопрос, какую цель преследует предпринятый труд, какие археологические и общеисторические проблемы могут быть поставлены и разрешены на основе привлекаемого материала. Попытаюсь вкратце излоягить состояние нашего знания археологических памятников Западного Поволжья, что поможет ответить на поставленный вопрос и показать, почему именно данная территория и определенный круг ее памятников заслуживает внимания исследователя.

Хорошо известно, что на территории Западного Поволяиья, как и во всей лесной полосе от верховьев Днепра до Урала, в I тысячелетии до и. э- широкое распространение имеют памятники, обычно именуемые в археологической литературе «костеносными городищами». Эт° название происходит от массы костей животных, встречающихся в толще культурного слоя городищ этой эпохи. Находки, сопровоягдающие отбросы обитания, в виде различных изделий из кости и камня вместе с редкими вещами из металла, меди и железа и грубой, но очень характерной глиняной посуды, составляют обычное содержание их культурных напластований.

Встречающиеся на таких городищах группы землянок достаточно первобытного устройства, как и вся совокупность относящихся к ним вещественных остатков, свидетельствуют о весьма простом, мало развитом хозяйстве и соответственно столь ate невысоком культурном укладе этого лесного населения, занимавшегося, на ряду с рыболовством и охотой, разведением домашних яшвотных (лошадей, коров, свиней, мелкого рогатого скота) и земледелием в его самых первобытных формах. Для уровня культурного развития этих лесных обитателей показателен, например, тот

факт, что лошадь ими разводилась главным образом как убойный скот, о чем говорит масса костей лошади в отбросах язилья.

Советские исследователи, имевшие дело с этими памятниками, более или менее единогласно приходят к выводу о крепком еще родовом быте населения, занимавшего небольшими группами лесные укрепленные поселки.

Памятники этого типа, которые в средней полосе Европейской территории СССР могут быть прослеязены вплоть до начала н. э-, известны в значительном числе и в Западном Поволжье не только на Оке и ее притоках, но и гораздо южнее, например, в окрестностях Саратова, где в своем распространении к югу они, видимо, придерживаются границы распространения лесов. Западную границу их приходится искать где-то в области течения Дона, где вместо них мы встречаем памятники так наз. скифо-сарматского типа. Можно добавить, что эти ранние городища междуречья Оки, Волги и Дона входят в группу городищ, известных под именем дьяковых, или городищ с сетчатой и рогозкной керамикой, которые тянутся но правому берегу Волги и по ее правым притокам далеко на север — до Озерного края. Датировка их, в особенности для средней Оки, моязет считаться довольно хорошо установленной.

В последующее время археологические исследования дают возмоязность наблюдать интересное явление. Городища указанного типа исчезают, и на их месте появляются памятники существенно иного характера, Эти последние известны нам главным образом в двух своих основных типах: во-первых, в виде остатков поселений и, во-вторых, в виде сопровояздающих их могильников с весьма выдержанным, постоянно повторяющимся инвентарем.

Что касается первых, т. е. поселений, то, к сожалению, они очень мало изучались, и это обстоятельство не позволяет представить их себе в какой-то общей и законченной картине. Но, во всяком случае, моязно говорить с полной уверенностью, что последние в эту эпоху и по составу сопровождающих их находок и по своему характеру значительно отличаются от поселений предшествующей эпохи. С могильниками дело обстоит иначе. Они всегда привлекали к себе несравненно больше внимания как вследствие легкости исследования, так и потому, что их раскопки неизбежно доставляли большое количество вещевого материала — оружия, украшений и т. д.

Первые значительные раскопки подобных памятников на территории края относятся к концу восьмидесятых и к девяностым годам прошлого столетия и связаны с Лядинским и Томниковским, Курманским, Борковским, Кузьминским, Максимовским и некоторыми другими находками древних захоронений.

Время этих могильников, относящихся, без сомнения, к разным периодам жизни древнего населения Западнього Поволязья, не могло быть определено с достаточной точностью и давало место различным толкованиям. Одни (Спицыи) относили более ранние могильники края, типа

Борковского и Кузьминского могильников, к VIII---------- IX вв., видя в нил памятники, непосредственно предшествующие в области Оки так наз. русским курганам. [1] Другие (Селиванов) считали возмолшым говорить в отношении их о значительно более древней эпохе.

Столь же неясным оставался вопрос о взаимоотношении могильников рязанской группы п городищ дьякова типа. Очень распространенным было представление о возможной их одновременности. Во всяком случае, мнение всех исследователей, имевших дело с этими памятниками, сходилось в том, что большинство известных нам могильников существовало не одно столетие и что в целом они составляют весьма однородную группу находок, преемственно сменяющуюся на территории Западного Поволжья могильниками позднейшего времени (XIII—XVII вв.), в отношении которых уже не могло быть сомнения в возможности относить их к той или другой из современных национальных групп — к мордве с ее мокшанской, эрзянской и терюханской ветвями, к марийцам, чувашам и т. д.

Если принять во внимание, что лишь очень немногие районы Европейской территории СССР (Камское Поволжье, Крым и Кавказ) находятся в столь же благоприятном положении в отношении наличия могильников массового типа, известных для очень больших периодов времени, измеряемых не одним тысячелетием, уже одно это обстоятельство заставляет отнестись к памятникам Западного Поволжья с особенным интересом. Возможность располагать типичными, много раз повторяющимися комплексами инвентаря в их преемственных изменениях для столь значительных периодов времени имеет и то несомненное значение, что она позволяет поставить и более общий вопрос об известных формах отображения исторического процесса в археологических остатках подобного характера.

Однако, для того чтобы этот вопрос мог быть решен с должной степенью фактической достоверности, необходимо, прежде всего, найти приемы, дающие возможность расположения всего вещевого материала в ясном хронологическом соотношении отдельных комплексов находок.

В своей более ранней работе, [1] [2] посвященной, в основном, методике анализа могильников массового типа, я наметил те приемы, которые должны лечь в основу изучения погребальных памятников подобного характера. Сущность изложенных там взглядов сводится к следующему. Наблюдения над инвентарем могильников Западного Поволжья типа, например, Кузьминского или Борковского могильников, показывают, что за внешней случайностью находок в отдельных захоронениях вещей различных видов и форм, в особенности предметов личного убора, в этих

---

[1] Кошибеевский могильник определялся А. А. Сгшцыным VI—VII вв., т. е. на полтысячелетие позже действительного времени его возникновения. То же приходится сказать и относительно могильников собственно-рязанской группы.

[2] Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. Материалы по этногр., т. III, в. I, Ленинград, 1926 г.

древних кладбищах можно проследить стойкие сочетания этого рода остатков, складывающиеся в типический инвентарь, свойственный погребениям определенной эпохи.

Выделяя с помощью особого графического приема ряды одновременных захоронений, мы моягем, далее, установить общую картину истории данного могильника, отображаю ту ю, в пределах возможного, историю оставившего его поселка. Таким образом, при изучении комплекса захоронений, охватывающих известный, более или менее длительный период, исследователь, прежде всего, стоит перед задачей установить изменения, происшедшие в составе инвентаря на протялгении существования того или иного могильника. Сопоставление ряда могильников, объединяющихся в хорошо устанавливаемые территориальные группы, дает, в свою очередь, представление об исторических судьбах более значительных общественных образований и периодов, в течение которых в могильном инвентаре, сопровождающем погребения, для этих групп памятников можно заметить существенные изменения, условно названные нами стадиями и обозначенные буквами латинского алфавита.

Применение этого принципа к изучению группы древнейших могильников, известных по течению Оки в пределах Рязанского края, показало, что они распадаются на ряд таких типических комплексов захоронений, последовательно сменяющих один другой на протялгении тех шести — семи веков, к которым относится существование этих могильников. [1]

Оказалось, что эти комплексы погребений с их характерными особенностями инвентаря имеются во всех могильниках рязанской территории, что свидетельствует об исторической общности населения края в данную эпоху. Можно было установить, с другой стороны, что рязанские могильники возникают в определенное время, непосредственно следующее за временем возникновения городищ дьякова типа, и что заканнивают свое существование они также в одно время — в YII в., когда памятники этого типа исчезают на всем рязанском течении Оки.

Анализ отдельных могильников делает очевидным, что они оставлялись группами древнего населения Окской долины, сидевшими в продолжение сотен лет поблизости от могильников, в где-то рядом расположенных поселках. Продолжительность непрерывного существования этих поселений, как правило, насчитывает до четырех — пяти столетий.

Вопреки ранее существовавшему взгляду, что древние рязанские могильники могут быть современны дьяковым городищам, удалось пока-

[1] Я принимаю для них теперь названия, несколько измененные по сравнению с прежней схемой, принятой мной в работе «Рязанские могильники», хотя основные этапы и их последовательность сохраняются в старом виде. Некоторая перестановка буквенных обозначений отдельных стадий оказалась неизбежной по ряду причин, прежде всего для того, чтобы ввести древнейшие погребения, I—II вв., в общую буквенную номерацию. Таким образом история окских могильников для меня сейчас начинается со стадии А (а не Кош.), далее без изменения идет стадия В (III—IV вв.), стадия С (V в.), наконец, D-I (вместо С-1) и D-II (прежде D-VII в.).

зать, в частности на основании наших раскопок наслоений Вышгородского городища, что эти места захоронений с их богатым вещественным инвентарем появляются в следующее за этими городищами время, когда, в результате быстро развертывающегося исторического процесса, в среде населения Окской долины происходит коренное изменение облика его материального уклада.

В своей работе, являющейся продолжением ранее начатых исследований, я ставлю своей целью, во-первых, собрать весь материал, относящийся к данному кругу памятников, и, во-вторых, дать, в меру имеющеюся фактического материала, освещение того процесса, который обусловил появление могильников и связанных с ними поселений на' местах, ранее занятых первобытным населением городищ дьякова типа. Необходимость и своевременность подобной попытки очевидна, если учесть, что за полным отсутствием каких-либо письменных свидетельств, которые могли бы быть привлечены для восстановления ранней истории края, археологический материал является единственным источником, могущим быть использованным для этой цели.

Если говорить главным образом о течении Оки, где интересующие нас сейчас древнейшие могильники края исследованы лучше, чем где-либо в других местах Западного Поволжья, результаты предпринятого нами их изучения в кратких чертах представляются в настоящее время в таком виде.

Около начала н. э- население, занимавшее лесные области Западного Поволжья, испытывает, как мы уже сказали, какие-то значительные исторические сдвигп. Оно нередко дерясится своих старых мест обитания, о чем свидетельствуют встречающиеся на городищах по Оке слои с остатками этого времени, лежащие поверх слоев с вещами дьяковских поселений. Однако, например, в исследованном нами в 1920 г. городище у Вышгорода под Рязанью остатки, отвечающие эпохе могильников, были отделены от культурных напластований с сетчатой керамикой слоем, не содержавшим никаких находок.

Отсюда молено сделать вывод, что в заселении Окских городищ как будто имеется эпоха, когда эти укрепленные поселки на время пустеют. Кроме того, у нас нет оснований думать, чтобы население, оставившее могильники, пользовалось, как правило, древними городищами с целью защиты. Скорее можно предполагать, что оно просто занимало удобные места по окраине речной долины, и связь поселений этого времени с городищами может быть часто совершенно случайной.

Еще ваяшее то обстоятельство, что жилища типа землянок, столь распространенные на городищах с сетчатой керамикой, здесь быстро исчезают. Такое наблюдение можно сделать, в частности, на основании результатов раскопок В. А. Городцова на городище у Троицы-Пеленицы, где не было найдено и следа таких землянок. [1]

[1] В. А. Городцов. Результаты археологических исследовании Тропїе-Педенпцкого городпща-холыища в 1926 г. Ряз. обл. музей, в. V, 1930 г.

Раскопки Г1. С. Рыкова у с. Армеева [1] в верховьях Суры дают хорошую картину поселка этой эпохи. Он состоял из круглых хижин с полом, едва углубленным ниже уровня почвы, стены которых были обложены камнем и засыпаны землей. П. С. Рыков обращает внимание и на другое важное обстоятельство. В изученном им районе, на берегах Волги выше Саратова и в верховьях Суры и ее притоков в Саратовском крае, городища продолжают существовать и в эпоху могильников. Но их характер в это время существенно изменяется — из укрепленных селищ они превращаются во временные убеяшща, обслуживающие группы расположенных вокруг них мелких поселков. [1 2 3] То же, несомненно, имеет место и севернее, в долине Оки.

Мы имеем возможность догадываться, чем объясняется этот процесс перехода населения Западного Поволжья к новому строю существования, нашедшему свое выражение в появлении могильников с их богатым и разнообразным составом вещественных находок. Выражением этого процесса было быстрое развитие техники, особенно в области обработки металла—меди и железа, появление ремесла как новой формы производства, о чем говорит, например, «стандартный» характер большинства металлических изделий, рост обмена иногда с очень отдаленными южными странами, наконец, то, что должно было стоять за этим процессом,— изменение форм общественной организации, отмечающее первый этап в разложении ранее крепких и жизненных родовых связей.

В своей указанной выше работе я связывал возможное объяснение тех новых явлений, которые приносят I—III вв. н. э- в области Оки, с передвшакениями населения с востока из-за Волги и с юго-запада со стороны Днепра. Накопленные сейчас факты решительно говорят против вероятности смены населения в эту эпоху в Западном Поволжье как явления массового порядка. Некоторый ответ на вопрос, каковы были движущие силы этого быстрого исторического роста населения Оки и Суры, дает изучение характера распространения интересующих нас памятников в эпоху могильников и в предшествующее время.

Действительно, карта распространения памятников I—VI вв. на территории Западного Поволжья может представить большой интерес.

Главная масса ранних могильников, относящихся к этому времени, расположена, как было сказано, по среднему течению Оки. Отдельные памятники этого же типа известны, однако, и вне этого района на востоке и юго-востоке. Это — Кошибеево при слиянии Мокши и Цны, могильник у Кадома на Мокше, Сергачский и Иваньковский могильники на низовьях Суры, наконец, Армеево, на крайнем юге Западного Поволжья. Три последние находки для нас особенно интересны, поскольку они показывают, что вся территория края в это время была занята более или

[1] П. С. Рыков. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов, 1930.

[2] П. С. Рыков. Чердьшское городище. Изв. Сарат. ипжне-волжск. пнет, краеведения, т. VI, стр. 73 п сл.

менее однородным населением, стоявшим на одинаковом уровне общественного развития, имевшим одинаковые обычаи и пользовавшимся одним и тем же вещественным инвентарем.

До течения Дона эти памятники не доходят. Если судить по находке, сделанной в с. Арцибашеве, под Скопином, погребения конника с вещами, обычными для памятников VI—VII вв. степных и лесостепных районов нашего юга, уже южная часть Рязанского края принадлежала в эту эпоху населению, входившему в состав иной исторической группы. То же имело место и на Оке к западу от впадения в нее р. Москвы, куда находки типов рязанских могильников уже не распространяются.

Теперь, если мы присмотримся к тому, как распределяются памятники первой половины I тысячелетия себственно на территории Западного Поволжья, мы увидим весьма характерное явление. Если говорить о рязанских могильниках, то они никогда не встречаются вне пределов долины Оки. Они бывают расположены в этом ее течении или на склоне береговой возвышенности по правому берегу Оки, или, еще чаще, у самой поймы реки, на мысах и песчаных холмах среди заливных лугов. Вне этой узкой приречной полосы ни могильники, ни остатки поселений этого времени совершенно неизвестны.

Более подробная карта с нанесенными на ней высотными обозначениями помогает обнаружить еще один интересный факт. В Рязанском крае ранние могильники по Оке на западе, как было сказано, идут до низовьев р. Москвы и не встречаются дальше Коломны. На востоке последний—Курманский—могильник открыт у Касимовских высот, замыкающих с этой стороны долину Оки. Такое явление не представляет собой случайности. На карте можно видеть, что Коломна на западе и Касимов на востоке являются теми пунктами, куда упираются оба конца широкой пойменной долины Оки. Далее долина Оки значительно суживается, на известном протяжении почти теряя свою пойму.

Отсюда естественно сделать вывод, что притягательную силу для населения, занимавшего северную часть Рязанского края, составляли именно эти широкие открытые луговые пространства, протянувшиеся широкой полосой по течению Оки и ограниченные с юга густым черно-лесьем правого берега Оки и болотистыми борами Мещерской низменности на севере.

Передвинувшись несколько дальше к востоку, за узкой грядой Касимовской возвышенности, мы находим снова пойменную низину, соединенную с широкой поймой р. Мокши. Здесь расположен Кошибеевский могильник и, несколько дальше, могильник у г. Кадома. Совершенно ту же картину представляют могильники у с. Иванькова и г. Сергача на низовьях Суры, лежащие на краю широкой речной долины. Только Армеевский могильник как будто дает несколько иную обстановку, будучи расположен на небольшой реке, среди и сейчас дремучих лесов; хотя точнее условия местности мы здесь не знаем. Приходится принять, однако, во внимание,

что этот могильник в основном относится к более поздней эпохе {VI—VII вв.) и к тому же имеет целый ряд таких особенностей, которые позволяют рассматривать его как памятник, стадиально отвечающий уже последующей исторической ступени.

Такой выбор места обитания, при сравнении поселений эпохи могильников и городищ дьякова типа, свидетельствует о каких-то серьезных изменениях в хозяйственных потребностях населения, поскольку памятники дьяковского времени совершенно не обнаруживают стремления к сосредоточению в описанных условиях. Если они известны в достаточном числе на рязанском течении Оки, то они идут и в глубь края и часто встречаются на мелких лесных реках. По наблюдениям П. Н. Третьякова, для них особенно характерной является близость мелких водоемов, очевидно, служивших для целей рыболовства. [1] Большое количество костей рыб, постоянные находки грузил, отпечатки сетей на посуде и т. д. указывают на большую роль последнего в условиях еще очень первобытного хозяйства населения этих поселков. Несомненно также, что в последующее время рыболовство могло иметь лишь вполне подчиненное значение: никаких прямых указаний на его существование в эпоху могильников мы не находим.

Содержимое могильников показывает, что собственно привлекало население в эту эпоху к большой реке с ее открытыми луговыми пространствами.

Присутствие остатков лошади в погребениях рязанских могильников составляет обычное явление. [1] [2] [3] Здесь это яшвотное выступает, однако, уже не в виде убойного скота, как в эпоху городищ, но в качестве верхового коня, который входил, очевидно, в быт населения, оставившего древние могильники Западного Поволжья, как очень важный производственный элемент. Что это было действительно так, об этом свидетельствуют достоянные находки удил и предметов конского снаряжения, притом не только в муя;ских, но часто и в женских могилах. Во всех этих погребениях обычный инвентарь находок составляют копье, дротик, топор, при отсутствии лука и стрел, что в целом для ранней эпохи средневековья рисует вооружение не земледельца, но конного пастуха. С этим вооруясением выступают в первой половине I тысячелетия н. э. конные друяшны тех народностей, в ягизни которых пастушество занимало значительное место и у которых значение коня не сводится еще к роли упряшого рабочего скота. В несколько более позднее время на приокских кладбищах среди людских погребений появляются конские могилы, часто с богатым инвентарем.

---

[1] П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. Изв. ГАИМК, в. 106, 1935 г., стр. 155.

[3] В рязанских могильпиках еще пе встречаются погребения коня, но кости, особенно черепа, часто кладутся в могилу (большею частью в засыпи могилы); вследствие плохой сохранности костей от них обычно сохраняются лишь зубы.

Нельзя сомневаться, что пастушество, для которого использовались прекрасные луга по течению Оки, в эпоху возникновения могильников приобретает значение одного из очень важных видов хозяйственной деятельности населения края. Если оно практиковалось обитателями и дьяковых городищ, то теперь оно получает иной облик, более широкий размах, чем старое лесное скотоводство.

Недавно было высказано мнение (А. В. Арциховский), что каясущийся исторический разрыв между дьяковыми городищами и приокскими могильниками может быть объяснен растущей ролью земледелия, которое на этом этапе превращается из подсобного мотыжного земледелия — в правильное подсечное хозяйство, становящееся основным фактом хозяйственной жизни населения Оки. [1] Этим переходом к подсечному хозяйству можно было бы тогда объяснить и оставление им старых укрепленных деревень и его расселение в мелких разбросанных поселках.

Трудно возраягать против вероятности естественного роста этого вида хозяйственной деятельности в эпоху могильников за счет охоты, рыболовства и других подобных источников добывания средств существования, в значении которых в жизни обитателей городищ трудно сомневаться. Но против ведущей роли земледелия в первой половине I тысячелетия н. э-, к которой относятся рязанские могильники, моашо привести серьезные возраясенпя.

Прежде всего, нет никаких указаний на то, чтобы население, сидевшее в долине Оки в это время, жило в лесных заимках, периодически оставляемых но мере истощения плодородия почвы, как это должно было бы быть, если бы мы приняли приведенное выше объяснение. Напротив, мы видели, что это население жмется к реке, к ее луговой низине, но уходя в течение четырех-пяти-шести веков с раз занятого участка речной долины. Судя по сплошной ленте могильников, тянущихся но всему рязанскому течению Оки, на ее более чем 200 км протяягении между устьем р. Москвы и Касимовской возвышенностью, эта территория, где мест, удобных для земледелия, очевидно, было не слишком много, в течение III—VII вв. была разделена между многими десятками небольших родовых общин.

Можно привести и некоторые другие наблюдения в отношении вещественных остатков в погребениях рязанских могильников, которые также не вяжутся с значительным ростом земледельческого хозяйства. Просмотрев большой наличный музейный материал, а такя;е внимательно изучив все сохранившиеся остатки во вскрытых мною захоронениях Шатрищенского и Гавердовского могильников, я пришел к заключению, что в ранних могильниках Оки ткань для одеясды всегда приготовлялась из шерсти.

---

[1] А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальско-Смоленской земле. Проблемы истории докапиталистических обществ, № 11—12, 1934, стр. 40.

Таковы одинаково остатки и нижней и верхней одежды, за исключением зимней —меховой.

Судя по качеству ткани (сохранившейся почти во всех погребениях, где имеются металлические, особенно медные, вещи), выработка ее уже в эту эпоху стояла на большой высоте. Лишь для обертывания тела в качестве полога употреблялась грубая и редкая, но также шерстяная ткань. В 2—3 случаях могли быть констатированы находки тонкой белой, вероятно, льняной ткани. Но эти последние относятся не к одежде в прямом смысле слова, а к чему-то вроде головного покрывала, остатки которого уцелели поверх некоторых металлических украшепий. Самый же головной убор всегда приготовлялся из шерстяной ткани. Эти наблюдения приобретают тем большее значение, что во второй половине того же тысячелетия, когда роль земледелия становится очевидной, картина меняется и в отношении материала, служившего для приготовления одежды.

Не следует думать все же, что процесс хозяйственного развития для всего Западного Поволжья имел вполне однообразные формы. Если можно предполагать, что в благоприятных условиях, при наличии обширных луговых угодий быстро развивающееся скотоводство занимало, вероятно, главенствующее место, в ином природном окружении, например, в обстановке лесных пространств, на юге края, по притокам Дона, Оки и Суры, земледелие могло явиться в значительно большей степени показателем развития производительных сил общественных групп, сидевших в этих областях Западного Поволжья. Быть может, в связи именно с развитием земледельческого хозяйства стоит то обстоятельство, что на юге, судя по Армеевскому могильнику, значительно раньше, чем на севере, в области Оки, складывается новый тип могильников, во многом отличный от могильников ранней стадии.

Кроме того, мы располагаем некоторыми указаниями на то, что уже в начальный период могильников, в I—III вв., по крайней мере в некоторых районах, земледелие начинает приобретать довольно большое значение, хотя затем и оттесняется на второй план ростом пастушеского хозяйства. Так именно можно толковать находку серпа в одном из погребений Сергачского могильника, находки топоров обушного типа в ранних могилах Кошибеевского и Шатрищенского могильников, присутствие остатков нолухолщевой ткани в тех же ранних захоронениях Кошибеева и т. и. факты.

В могильниках рязанской группы мы имеем возможность установить пять последовательных хронологических этапов, правда, не одинаковой длительности, отвечающих каждый промежутку времени приблизительно от 100 до 150—200 лет. Принятые нами сейчас их обозначения, как уже было сказано, несколько отличаются от тех, которые были нами предложены в работе ((Рязанские могильники». Даем их здесь в самом кратком перечислении.

Стадия А (II в., вероятно, н некоторые десятилетия, с одной стороны, I в., с другой — III в. н. э-)* Время наиболее ранних захоронений в Кошибеевском, Сергачском и Шатрищенском могильниках. Характерно присутствие вещей сарматских типов, известных, например, по Кубанским курганам в раскопках Н. И. Веселовского. В погребениях, относящихся к этой стадии, также очень обычны вещи, свойственные ранним пьяноборскнм могильникам Прикамья.

Стадия В (III—IY вв.). Представлена во всех могильниках Рязани, а также в Кошибеевском и Сергачском. В смысле определения времени особенное значение имеют часто встречающиеся привозные вещи, такие, как арбалетовидные фибулы, поясные пряжки и пр.

Стадия С (У в.). Характерны массивные, часто серебряные крестообразные фибулы и набор женских украшений хорошо выраженного типа.

Стадия D-I (YI в.). В эту эпоху получают раснространение особые виды браслетов, гривн, нагрудных блях и проч. Кроме того, в погребениях этой стадии начинают встречаться вещи так наз. «готского» происхождения — фибулы с звериными и антропоморфными изображениями, особые — «геометрического» стиля поясные и уздечные наборы и пр.

Стадия D-П (Первая половина VII в.). Инвентарь захоронений близок к предшествующей стадии, но имеет и некоторые свои особен-, ности.

Такова схема хронологического расчленения древпейших могильников Рязанского края, одинаково применимая, насколько мы знаем, ко всем могильникам Западного Поволжья той же эпохи. Почти ни один из Этих могильников не исследован исчерпывающим образом. Однако на основании имеющегося материала мы можем утверждать, что большинство их охватывает почти все указанное время, за исключением, может быть, стадии А, хотя последняя известна не только в названных выше могильниках — Кошибеевском, Шатрищенском, Сергачском, но некоторые указания на присутствие погребений этого времени имеются и в других могильниках края.

В среднем, рязанские могильники, судя по Кузьминскому и Борковскому могильникам, должны были содержать от 200 до 300 и даже, может быть, до 400 погребений. Такое число захоронений не представляется особенно большим, если принять во внимание, что они должны были накопиться в течение очень долгого времени, за целый ряд столетий. Таким образом приходится скорее думать, что оставившие их поселки имели, в общем, очень небольшие размеры, не превосходя по числу населения небольшую общину всего из нескольких десятков членов.

Могильники с достаточным количеством вскрытых погребений, как Кузьминский и Борковской, на основании материалов которых можно

иритти к некоторым выводам о характере самой общины, говорят еще об очень незначительной имущественной дифференциации внутри Этих поселков в эпоху до YII в. Среди захоронений рязанских могильников почти нет таких, которые особенно бы выделялись своим богатством. Основную, численно преобладающую группу их составляют погребения с более или менее однообразным, в смысле набора вещей, инвентарем, различным, естественно, в погребениях мужских и женских. Но среди мужских захоронений, на ряду с могилами, содержащими оружие, принадлежности конской сбруи и некоторые украшения в виде металлических поясных наборов, браслетов, гривн, являвшихся, видимо, знаком отличия свободных членов общины, имеются все же и бедные погребения. То же можно сказать и о женских погребениях, обычно сопровождавшихся довольно большим числом различных украшений в виде подвесок, ожерелий, гривн, нагрудных блях, застежек и т. д.

Если это имущественное расслоение все же довольно слабо еще выражено в основной группе рязанских могильников, оно, напротив, весьма .Заметно уже в Кошибеевском могильнике, несмотря на его весьма, сравнительно, ранний возраст (I—IV вв.). Этот могильник, расположенный на восточной границе рязанских земель и отличающийся от приокских могильников своими размерами, значительно превосходящими обычную норму, имеет почти половину очень бедных погребений. Вероятно, это можно объяснить тем, что процесс расслоения в подобных больших общинах протекал в более ускоренном темпе, чем в мелких разбросанных поселках, где население жило еще в значительной мере родовым укладом.

Любопытный момент в ранних могильниках представляет погребальная обрядность, собственно не столько последняя, сохраняющая свои отличительные черты на протяжении всего тысячелетия, как расположение погребений и планировка самих могильников. С одной стороны, захоронения не имеют какой-либо выдержанной ориентировки по странам света. Последняя, обычно, настолько неустойчива, что не дает возможности говорить о каких-либо нормах в отношении положения могил, которых придерживалось население Оки в эту эпоху. С другой стороны, в могильниках в целом наблюдается несомненный порядок, несмотря на то, что среди рядом расположенных могил имеются захоронения всех стадий. При этом часто очень густо расположенные могилы никогда не пересекают и не разрушают одна другую. Это .может служить прямым указанием на связь по родству населения поселка, так как лишь это обстоятельство может объяснить заботу, проявленную им в течение столетий к целости погребений.

В настоящем кратком изложении трудно останавливаться на деталях, особенно представляющих уже специально археологический интерес. Кроме анализа ранее известных материалов по рязанским могильникам в подготавливаемой работе найдут место еще неизданные данные раскопок Глазова в Кошибееве и в Сергаче, затем данные наших раскопок

Шатрищенского, Гавердовского, Иваньковского могильников и ряд других собранных нами материалов.

Могильники рязанской группы заканчивают свое существование во всех известных нам случаях в одну определенную эпоху—около середины VII в. (стадия D-П). Странным образом ни один из них не переживает этой границы во времени, и памятники последующих столетий, по крайней мере до X в., остаются для Рязанской территории совершенной загадкой. Это создает впечатление, как будто край на данное время пустеет. Так ли это было в действительности, мы не знаем.

Единственное и очень показательное исключение в этом смысле представляет Курманский могильник, расположенный па крайнем востоке рязанского течения Оки у Касимовской возвышенности, где начинается уже собственно-Муромская территория. Погребения Курманского могильника идут в VIII в., а отдельные находки свидетельствуют, что небольшое и, видимо, очень бедное поселение существовало здесь вплоть до IX в., — как будто история края нашла свое отражение в жизни этого поселка.

Совершенно иную картину дают памятники смежной с Рязанской — Муромской области. Сопоставление их с рязанскими позволяет притти к интересным заключениям. Могильники муромского района сходны с рязанскими могильниками в том отношении, что они имеют также характер больших кладбищ, существовавших на одном месте в течение ряда столетий. Их вещественный инвентарь свидетельствует в свою очередь о каких-то давних родственных связях населения Мурома и Рязани.

Нередко в недалеком расстоянии от этих могильников удавалось обнаружить и следы поселений. Последние, к сожалению, не были еще никем исследованы.

Если сравнить их с рязанскими, муромские могильники имеют значительно большие размеры. Такой вывод позволяет сделать, например, лучше исследованный Подболотьевский могильник, насчитывавший более тысячи погребений. Особенностью муромских могильников является весьма устойчивая ориентировка основной массы захоронений, всегда в одном положении — головой на север. Однако в истории муромских могильников, если руководствоваться ориентировкой могил, мояшо различить три этапа, несомненно отражающих определенные исторические сдвиги, происходившие в среде населения, занимавшего водораздел Оки и Клязьмы на протяжении второй половины I тысячелетия. В этом отношении наиболее показательным является тот же Подболотьевский могильник.

Погребения Подболотьевского могильника, как и других могильников Муромского края — Максимовского, Новленского, Корниловского и др., распадаются во времени на ряд групп, отвечающих стадиям D-П—Ш, E-I и E-П, F и G, охватывающим довольно длительный период времени от половины VII в. до XI в. включительно. В отношении столетий эти ста-

дии распределяются, приблизительно, следующим образом: D-II—Ш отвечает VII в. и, вероятно, началу VIII в. Е-I более или менее совпадает с VIII в., хотя его последние десятилетия и по крайней мере половина IX в. приходятся на более длительную стадию Е-П; стадия F—вторая половина IX и X вв. Из нее молено было бы выделить некоторое количество погребений с признаками перехода к следующей стадии, которые, очевидно, относятся к последним десятилетиям X в., может быть и к самому началу XI в. Наконец, стадия G, с инвентарем «русских» курганных погребений, нуяшо думать, синхронична более ранним из этих последних, т. е. курганных захоронений. Основание для такой хронологизации мы находим в обширном могильном материале не только древних кладбищ Муромской земли, но и южных могильников — вроде Томниковского и Лядинского, где имеется много общих типов вещей, особенно среди предметов ягенского убора—застежек, нагрудных блях, подвесок и т. д.

Если мы вернемся теперь к ранее поставленному вопросу, то нетрудно установить, что наиболее ранние захоронения муромских могильников как в Подболотьевском, так и в Холуйском, Хотимльском и других могильниках, где они известны, обнаруживают еще отсутствие какой-либо устойчивой ориентировки. Здесь встречается одинаково направление на Ю, В, С, СЗ, ЮВ и т. д. Так происходит в VII в. и, видимо, еще в начале VIII в., в эпоху нашей стадии D-II—Ш. Но уясе в стадии Е-I ориентировка приобретает устойчивый, вполне выдерясанный характер — на север, лишь с небольшими отклонениями в ту или иную сторону. В эпоху расцвета муромских поселений, в VIII—X вв., к которым относится вся основная масса захоронений, это правило остается неизменным. Только к XI в. (стадия G) погребения получают обычную курганную ориентировку —- головой на запад. Высказывалось мнение (А. А. Спицын), что эти позднейшие захоронения муромских могильников могут являться случайными «русскими» курганными погребениями на старых финских кладбищах. Однако уже тот факт, что они встречены не на одном Максимовском могильнике и то, что они имеют предшествующие им захоронения, представляющие переход к обычным погребениям XI в., указывают на их место в качестве последнего звена в истории муромских могильников.

Устанавливаемые нами три этапа в ориентировке погребений Муромско-Клязьменского края несомненно не случайны. Они связаны с весьма характерными явлениями в отношении изменения вещественного инвентаря могильников и отражают историю самих поселений.

По сравнению с рязанскими, муромские могильники имеют одну замечательную особенность — совершенно иное отношение к основной водной артерии края, Оке. Действительно, если могильники I—VI вв. в Западном Поволжье вообще неизвестны вне узких пределов долин Оки, Мокши и Суры, здесь они, напротив, обнаруясивают определенное стремле-

ние к отходу от рек. Только некоторые из них, как Урвановский, Пятницкий в г. Муроме, Перемиловский, напоминают по своему положению могильники ранней поры. Большинство же их разбросано далеко в стороне от Оки в глубине лесных водоразделов на мелких речках, иногда же в верховьях лесных оврагов.

Занимая возвышенную местность между Окой и Клязьмой, окруженную почти со всех сторон болотистыми низинами, эти могильники свидетельствуют о прочном освоении лесных пространств края населением, пришедшим сюда, очевидно, уже с иными хозяйственными целями, чем те, которые определяли связь поселений с долиной Оки в предшествующее время. Отлив населения от Оки в конце VI и VII вв. вряд ли может быть понят вне возрастающей роли земледелия. Приходится думать, что именно развивающееся земледельческое хозяйство подсечно-пашенного типа должно было побудить жителей приокских поселков передвинуться к северу на удобные сухие места Окско-Клязьменского водораздела с их легкими, супесчаными почвами, наиболее пригодными для этого вида хозяйства.

Если первые поколения этих починков еще сохраняют свои черты небольших родовых общин, быстрый рост населения лесных поселков очень скоро ломает старые формы общественных связей. Упорядочение могильников, как мест общественных кладбищ, смена случайной, разнохарактерной ориентировки захоронений строго выдержанным положением, головой на север, приходится объяснять в свете этого процесса оформления поселений как относительно уже достаточно крупных общин, строящихся на территориальном принципе. То же явление, упорядочение могильников в связи с введением общеобязательной ориентировки захоронений, наблюдается и в больших южных могильниках типа Томниковского и Лядинского. Здесь оно, судя по Армеевскому могильнику, устанавливается раньше, чем в Муромском крае, еще в VI—VII вв.

Новый тип общественных отношений, характерный для муромских поселков начиная с VIII в., лучше всего проявляет себя в одной любопытной черте, свойственной погребениям этого времени. В. А. Городцов в своем отчете о раскопках Подболотьевского могильника отмечает факт, совершенно неизвестный и видимо невозможный в условиях более древних рязанских могильников, — перерывание и разрушение старых могил последующими захоронениями. Такое «неуважение» к предкам может быть понятно только при допущении распадения родственных связей в среде обитателей поселка, которому принадлежал Подболотьевский могильник.

Можно было бы привести целый ряд других соображений, подкрепляющих данное мной выше объяснение тех социально-экономических сдвигов, которые имели место в эпоху образования могильников Муромского края. В этом смысле существенное значение имеет, например, изменение характера такого важного орудия хозяйственной деятель-

ности, каким является топор, особенно в условиях подсечного земледелия, изменение, приходящееся как раз на это время. Сохраняя еще довольно долго старый тип втульчатого топора-кельта, в VI—VII вв. он приобретает совершенно иной облик, чем раньше, как в отношении качества отделки, так и по своим пропорциям и ширине рабочей части.

Находки холщевой ткани в могильниках этого времени дают уже прямое указание на растущее значение земледелия. Нельзя забывать также, что со стадии Е-I вещественный инвентарь в могильниках Окско-Клязьменского междуречья получает дальнейшее значительное усложнение. Последнее явно долито быть связано с ростом ремесла. Вместе с тем различный по богатству, но выдержанный в отношении типов набор украшений, особенно в женских могилах, свидетельствует о стойких территориально-племенных «модах», сводящих к минимуму личные вкусы.

Значительный интерес представляет эпоха, которой заканчивается существование описываемых могильников Муромского края, падающая на XI в. (стадия G.). Обеднение инвентаря в погребениях, относящихся к этому времени, сходство его с инвентарем «русских» курганов XI в. отражает, очевидно, тот процесс закрепощения ранее свободного общинника, который застает начальная русская история в Муромской земле.

Любопытно, что этот процесс быстрым темпом идет лишь на территории, занятой старым земледельческим населением, на высоких водоразделах Оки и Клязьмы, где «языческие» кладбища очень скоро оставляются населением края, переходящим к погребениям в курганах и на погостах. Однако здесь лее рядом, всего в 40—50 км от Мурома, на болотистых низменностях мещерской стороны, население еще очень долго, не менее 2—3 столетий, сохраняет черты племенной самобытности, как это показывают могильники типа Жабок, Заколпья и др.

Что ранние летописные города возникают в Муромском и Владимиро-Суздальском крае на основе прежних земледельческих поселков, показывают раскопки Сарского городища (под г. Ростовом) и рядом с ним расположенного могильника, которые своими находками охватывают время от VII до XI-XII вв.

Анализ вещественных остатков, относящихся к муромским могильникам, приводит нас к выводу, что все современные им поселения этой территории укладываются в определенные хронологические рамки, с VII по XI в. Вопросу хронологизации могильников муромской группы уделяется довольно много места в нашей работе. Возникновение их на всем пространстве края, где они становятся нам известны, в определенное, достаточно точно устанавливаемое время, само по себе является фактом, Заслуживающим большого внимания. Э™ факт свидетельствует, во всяком случае, о том, что мы имеем здесь отображение исторических судеб не отдельных поселков, но большой общественной группы, вероятно, целого

нлеменного образования, которое естественно сопоставлять с старым населением края, известным в летописях под именем муромы.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что все известные нам могильники Муромо-Клязьменского водораздела берут свое начало и ту эпоху, которой заканчивают свое существование могильники рязанского течения Оки. Отсюда моашо было бы сделать простой и довольно естественный вывод, что исчезновение могильников в Рязанском крае в средине VII в. и появление их в те яге десятилетия несколько дальше по Оке за Касимовской возвышенностью молгет быть следствием одной и той же причины — передвилгенпя населения к востоку, на новые, достаточно удобные и ранее мало использовавшиеся земли.

Однако такое предполоягение наталкивается на довольно серьезные, противоречащие ему факты. В частности, с ним трудно было бы увязать устанавливаемый нами факт неполной тождественности, в этнографическом разрезе, инвентаря позднейших погребений рязанских и древнейших захоронений муромских могильников, хотя они и относятся к одной и той яге стадии D-IT, отвечающей по времени, в основном, первой половине VII в.

Таким образом вопрос о том, откуда в эту эпоху могло итти заселение лесных пространств, располоягеиных к северу от Оки, не может пока считаться разрешенным. Тем более, что до сих пор на всем нижнем течении Оки неизвестно ни одного могильника или поселения, уходящего в более раннее время, чем VII в., что, одпако, не моягет слулгить доказательством их отсутствия, так как систематических поисков подобных памятников в этой части долины Оки до сих пор никем не велось.

Последний раздел моей работы посвящен могильникам юягной части Западного Поволоягья, от более ранних—типа Армеевского и Серповского— и кончая могильниками, уходящими в начальное время II тысячелетия и. э. В хронологическом разрезе они отвечают тем яге стадиям, которые мной установлены для более северных районов Западного Поволягья. К сожалению, материалы по ряду могильников, аналогичных Томниковскому и Лядинскому, исследовавшихся за последние десять лет в разных пунктах Тамбовского и Пензенского края, остались для меня недоступными. Нужно полгелать, чтобы данные этих раскопок были опубликованы по возмоягности в блиягайшее время, так как они несомненно внесут много нового в наше представление о древнем мордовском населении Западного Поволягья.

P. EFIMENKO

SUR L'HISTOIRE DE LA PARTIE OIXIDENTALE DU PAYS DE LA VOLGA AU 1-er MILLENAIRE DE NOTRE ERE D'APRES LES SOURCES ARCHEOLOGIQUES

RÉSUMÉ

L'auteur donne un expose sommaire d'un grand travail qu'il prépare, consacré aux monuments archeólogiques du vaste pays forestier s'étendant entre la Volga, l'Oka et le Don. On peut observer ici le fait interessant de la propagation rapide, au debut de notre ère, d'un nouveau type de monuments, les nécropoles à tombes plates, avec nombreuses sépultures et riche mobilier funeraire. Dans la partie sud du pays, ce type se maintint sans interruption durant plus de 1500 ans, du I—II-e siecles au XVI—XVll-e siècles, où il fut remplacé par les cimetières Chrétiens. Sur l'Oka et plus au nord, il cessa d'exister un peu plus tot, au XI—XIII-e siecles.

La durée prolongée et ininterrompue de ce type de cimetière, dont le mobilier reflete les conditions d'existence de la population aux différentes époques, est une circonslance très favorable pour tenter de reconstituer d'après ce matériel les étapes essentielles du processus historique. Les cimetières les plus anciens torment un groupe fort liomogène, représenté le mieux par ceux découverts sur le cours moyen de l'Oka, dans le pays de Riazan (cimetières de Kouzminskoie, Borkhovo, Chatristchi, Gaverdovskoié, etc.). Les trouvailles qu'on y a faites montrent que ces nécropoles, et évidemment aussi les agglomérations bumaines qui les ont laissées, out dû subsister très longtemps, durant des siecles. Elies embrassent pour la plupart une perîode d'au moins 5 a 6 siecles.

Ce genre de monuments était étudíe jusqu'ici à l'aide de la méthode typologique, qui donnait certaines possibilités de dater les cimetières, tout on laissant beaucoup de place à la controverse sur ce point. Dans un travail antérieur, l'auteur a proposé un precede spécial d'analyse statistique, à l'aide duquel il s'est trouve possible de differencier dans chaque cimetièrc avec une grande exactitude les groupes de sepultures successifs qui l'ont constitué. Appliquant ce precédé, il distingue dans les cimetières du groupe de Riazan les 5 stades suivants: stade A (I—П-e siècles), stade B (III—lV-e siècles), stade C (V-e siecle), stade D-l (Vl-e siecle) et stade D-II (I-e moitie du VII-e siecle).

L'étude des materiaux relatifs aux gorodistchés et aux cimetières de l'Oka amine l'auteur à conclure que le remplacement des monuments du type de Diakovo, qui correspondent à une économie encore très primitive, par les monuments du type des cimetières de Riazan, avec leur mobilier incomparablement plus riche, s'explique par le développement économique rapide du pays. Ce progrès économique se traduit non seulement dans 1'apparition d'une grande quantité de métal, sous forme d'outils, d'armes et d'objets de parure, dans le perfectionnement de leur technique, etc., mais aussi dans le changement du caractere des localites elles - mêmes. La cnmparaison des restes de 1'epoque dite des gorodistches dé Diakovo avec

ceux des habitats de l'époque des cimetières montre que dans les premiers siècles de notre ère, la population des rives de l'Oka abandonne en général les anciens habitats fortifies pour s'établir dans les villages ouverts. En même temps se modifie aussi le caractère des habitations: les huttes, avec airo creusée au-dessous du niveau du sol, cèdent la place à des cabanes bâties sur le sol, ordinairement circulaires en plan et do moindres dimensions que les anciens logis a demi-souterrains.

L'auteur ne partage pas l'opinion de certains savants qui expliquent le brusque changement survonu au début de notre ère dans les conditions d'existence de la population des rives de Γ Oka, et qui provoqua l'abandon des gorodistchés, par le passage à l'agriculture sur terres défrichées. II attire Γ attention sur unc particularity intéressante dans la répartition géographique des cimetières les plus anciens, qui sont toujours en relation avec les vallées de rivières ou se trouvent de grandes étendues de prairies. Cela témoigne plutôt d'un genre de vie pastoral qu'agricole. La composition du mobilier funéraire des cimetières de la 1-e moitie du 1-er siècle s'oppose également à l'admission d'un rôle important de l'agriculture et parle au contraire en faveur d'une économie pastorale. C'est sur cette base que s'opère le processus de décomposition du clan patriarcal à sa première étape, reflete par les cimetieres.

Les cimetières de l'époque suivante présentent, dans la partie ouest du pays de la Volga, deux groupes principaux: le groupe nord ou de Mourom et le groupe sud ou de Tambov — Penza. Le premier, qui comprend les cimetières situés dans la région de partage de l'Oka et de la Kliazma, montre que la population du pays n'a pas conservé les anciennes formes de son économie et de son organisation sociale. A cette époque, c'est bien l'agriculture qui joue le rôle dominant, comme l'atteste la situation des cimetières et des localités habitees auxquelles ils se rattachent, qui s'éloignent des grandes rivières et pénètrent a l'intérieur des massifs forestiers.

L'agrandissement considérable des cimetières, l'apparition de normes. strictes touchant l'orientation des sépultures, le caractère des objets trouvés^ et d'autres données accusant l'allure accélérée du processus de formation de la commune territoriale a partir du Vll—Vlll-e siècles. Les dernières inhumations des cimetières de Mourom, qui datent du Xl-e siecle et présentent des traits de «sépultures de tumulus russes», indiquent un nouveau tournant brusque de l'histoire, lié au processus de féodalisation rapide du pays. Les cimetières de l'ancien type, tels que ceux de Jabki et Zakholpié, ne so maintiennent encore quelque temps que dans les bas-fonds marécagaux de la région de Mestchersko'ie.

Un processus analogue s'observe aussi dans la seconde moitié du 1-er millénaire, avec certaines particularités, dans le groupe sud des cimetières— dans les régions de Tambov et de Penza.

М А Т Е Р И А Л Ы

В. В. ФЕДОРОВ

РЫБОЛОВНЫЕ СНАРЯДЫ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ из ДОЛИНЫ Р. ОКИ

Исследуя в 1878 г. бобровые постройки около с. Чулкова, в долине р. Оки Кировского края (б. Владимирской губ.), И. С. Поляков наткнулся у подножья песчаного холма «Плеханов бор» на деревянное сооружение, сделанное рукою человека; оно составляло часть рыболовного снаряда, относящегося к далеким временам. Рыболовный снаряд представлял собою как бы корзину из палок, воткнутых вертикально в дно большого водоема. Палки носили следы обработки рукою человека. Они были воткнуты в землю, как бы образуя круг. В центре найденного сооружения сохранились остатки костей рыб. И. С. Поляков определил свою находку, по аналогии с современными рыболовными снарядами, как рыболовную ловушку.

И. С. Поляков дает такой разрез слоев берега в месте находки: сверху находился «песок, леягащий слоем в 3 аршина толщиною, затем серая плотная глина — от 3 до 4 аршин», под ними следует «темная глина неслоистая, вязкая, содержащая в себе следы бобровых построек»; в этом лее пласте глины, в нижних ее частях, встречаются раковины ныне живущих в здешних водах видов Paludina, Planorbis, Cyclas.

Нахождение снаряда в слое, поверх которого налегали толщи других слоев глин и песку, около 4½ м, заставило И. С. Полякова отнести этот рыболовный снаряд к неолитическому времени, тем более что в верхних слоях того яге холма была обнаружена неолитическая стоянка. Воды р. Оки размыли часть слоев холма и вымыли из нижнего глинистого слоя интересующее нас сооруясение.[1]

В настоящее время остатки упомянутого рыболовного снаряда хранятся в коллекциях Музея антропологии, археологии и этнографии Академии Наук (зарегистрированы под № 100-III), но до сего времени не привлекали к себе должного внимания.

Нахоягдение подобного сооружения для нас интересно во многих отношениях: во-первых, в смысле определения его конструкции, позволя-

[1] И. С. Поляков. Исследование по каменному веку в Олонецкой губ., в долине Оки и на верховьях Волги. Зап. Русск. геогр. общ- по Отд. этногр., 1882, т. IX, стр. 19.

ющей установить его назначение; во-вторых, в смысле выявления техники его изготовления, так как мы здесь впервые, в долине р. Оки, встречаемся с сооружениями из дерева, наконец, в третьих, в смысле определения древности этого замечательного сооружения. Разрешение этих вопросов дало бы нам новый материал для определения соответствующей стороны хозяйства человека, построившего подобное сооружение.

Рпс. 1. Рпс. 2. Рпс. 3. Деревянные части ловушки, описанной И. С. Поляковым.

Согласно описанию И. С. Полякова, ловушка, как он назвал упомянутый снаряд, состояла из ряда плоских палок, длиною около метра каждая; длина их всех была одинаковая, оба конца заострены; палки были сосновые и дрались из дерева, как лучины. Палки располагались в виде полукруга, диаметр которого имел около метра в длину; палки стояли одна около другой, образуя сплошной забор; вверху и внизу они были связаны поперечными перекладинами, так что, стоя в воде, они имели вид корзинки.

Из всех имеющихся в нашем распоряжении частей от «ловушки», найденной И. С. Поляковым, сохранились только три деревянных предмета: первый из них кол (№ 100—Ш-10) из соснового дерева, округлой формы (рпс. 1); верхняя часть этого кола была тщательно обрезана острым орудием, а нижняя— заточена и переходила в острый конец, причем обстругана так, что имела в сечении четырехугольную форму (рис. 6). Длина этого кола была 78.5 см, толщина 3—2 см. Кол с поверхности хорошо обструган и не имеет древесной коры. Нижний конец обломан.

Следующим деревянным предметом является деревянная палка (№ 100—Ш-9) (рис. 2), выделанная из толстого деревянного отщепа, имеющая в разрезе трапециевидную форму (рис. 4). Эта палка обстругана. Оба конца ее заострены. Самые яге кончики палки отломаны. Эта палка-дранка имеет слегка изогнутую форму. Длина ее 85.5 см, ширина 1.9 см и толщина 2 см.

Третий деревянный предмет представляет такяге палку-дранку (№ 100—Ш-8) (рис. 3, в разрезе — рис. 5). Эта палка-дранка также обработана и заострена на одном конце. Другой ее конец отломан. Длина 70 см, ширина 3.3 см, толщина 1.5 см.

Все три предмета сделаны из соснового дерева.

Найденную ловушку И. С. Поляков сравнивал с существующими у местного населения рыболовными ловушками, носящими название «катазы».

Катазы устраиваются, по описанию И. С. Полякова, в виде сплошного забора из широких палок, в форме червонного туза. Проход находится на месте выступающего угла (?). Такая ловушка ставится обыкновенно при устьях потоков, вытекающих из стариц и озер.

Далее И. С. Поляков говорит, что он нашел свою ловушку не целой, а «наполовину или более обрушившеюся вводу». Как был устроен вход «в ловушку», исследователем не указано, хотя этот момент в описании «ловушки» имеет большое значение для определения ее конструкции.

Из современных рыболовных ловушек, кроме описанных И. С. Поляковым, ближе всего it нашей находке подходят так наз. «котцы». В большинстве случаев,однако, они сильно отличаются от описанной находки.

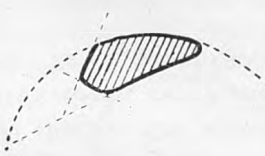


Рис. 5.

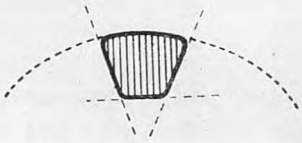


Рис. 4.

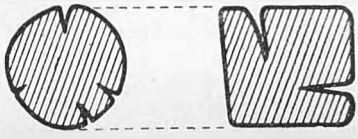


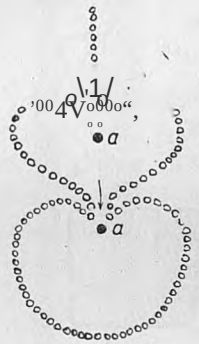
Рис. 6.
Разрезы частей ловушки, описанной И. С. Поляковым.

Ф. К. Волков дает описание одной из ловушек, употребляемой в Добрудя{е (Румыния), где она носит название «шт̇щ ̇или котцЬ>. Она состоит из двух соединенных замкнутых загородок, из которых одна имеет в плане форму червонного туза, а другая круга (рис. 7) и делается из вертикально воткнутых кольев. Обе части ловушки соединены, образуя между собою узкий проход. Наружный вход в такую ловушку, как указано на рис. 7, делается там, где передняя часть ловушки имеет вдающийся угол. Против этого входа идет, перпендикулярно ему, загородка из кольев, как направляющая рыбу в ловушку. Рыба сталкивается загородкой и идет вдоль ее, к входу, и заходит в ловушку. Из первой части ловушки рыба попадает во вторую, где и остается. Обратные выходы запирают два кола (а). Благодаря округлой форме стенок отделений ловушки, а также кольям у входа рыба ходит по окруяшости, вдоль стенок, но выйти не может.[1]

С некоторыми изменениями в устройстве подобная ловушка употребляется в Сев. Азии, где она носит то же самое название «котец». Здесь она состоит из двух частей: собственно ловушки, которая имеет

[1] Хв. Вовк. Украшське рибальство у Добружи. Мат. до Украшсько-Руськоі Етнологн, Львів, 1899, т. I, стр. 33.

форму бочки, и одного или двух «открылков». Обе ее части делаются из прутьев или дранок, длиною 2 м и более, связанных между собою веревкой или лыком, благодаря чему образуется частая решотка. «Котец» устанавливается в вертикальном положении так, чтобы нижние концы решотки были прочно воткнуты в дно водоема; верхние выставляются наружу над водой. Ловушка с одной стороны имеет входное отверстие, к которому близко подходит «открылок», оставляя небольшую щель для прохода рыбы внутрь (рис. 8). Лов основан на том, что некоторое водное пространство, чаще всего небольшая речка или озеро, сплошь перегораживается «котцом». Рыба, дойдя до «котца», старается найти проход и движется параллельно «открылку» в ту или другую сторону, пока не попадет



Рпс. 7. План ловушкп из Добруджи. Румыния.

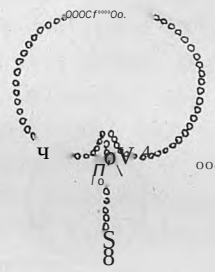


Рис. 8. План до- вушкп из Сев. Азии.

Рис. 9. План ловушки из Финляндии.

в проход, ведущий в ловушку. «Котцом» ловят рыбу весной, осенью п зимой.[1]

В нижнем течении рр. Днепра, Днестра, Буга и Дуная употребляется почти аналогичная ловушка, описанная Н. В. Пономаревым. Здесь она также носит название «котцы» или «коты». Это — каиышевая загородь, в виде почти сомкнутого круга, состоящая из камышин, связанных и воткнутых во дно или привязанных к кольям. Простой «котец» состоит из: 1) собственно «котца», т. е. Камышевой клетки, служащей западней для рыбы, и 2) «лисы» или «лясы», представляющей довольно длинную камышевую изгородь. Изгороди загораживают рыбе ход и заставляют ее обходить препятствие. Если рыба пойдет к самому «котцу», то наткнется на «устенок» (отверстие котца). «Устенок» устроен так, что рыба входит в «котец», раздвигая его, обратно выйти из него она не может. Устанавливается «котец» большею частью на медленно текущей или стоячей воде. [2 * 3]

---

[1] Сибирская советская энциклопедия, стр. 964.

[3] Н. В. Пономарев. Рыболовные снаряды и другие принадлежности рыбного лова, употребляемые в России. Печ. по распор. Росс. общ. рыболовства и рыбоводство, Москва, 1917, стр. 716.

У. Т. Сирелиус описывает рыболовную ловушку (рис. 10), которая состоит также из воткнутых в дно палок, расположенных в виде фигуры червонного туза (рис. 9). Вход в ловушку делался открытым, спереди, в средней части ловушки. По обеим сторонам входа ставились две изгороди, препятствующие проходу рыбы мимо ловушки. Обычно высота прутьев делалась такой, чтобы они верхними концами выдавались из воды. Ставилась ловушка в устье небольших речек или ручьев.[1]

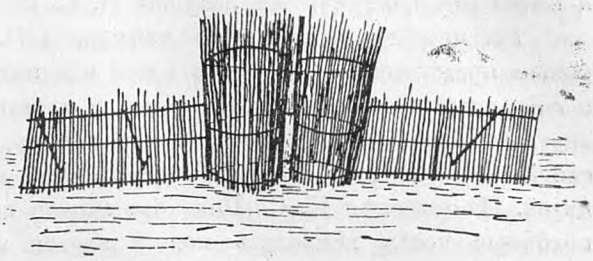


Рис. 10. Рыбо.ювиая ловушка из Финляндии.

Л. П. Сабанеев дает описание иного типа «котца» (рис. 11), «представляющего лабиринт из дранок, где зашедшая рыба не может повернуться и выйти обратно» (рис. 12). Такие котцы употребляются главным образом для ловли линей, щук и карасей, для которых этот лабиринт делается у самого берега, в перпендикулярном к нему направлении. К берегу отходит забор также из вбитых кольев.[1 2 3]

Рис. 11. Рыболовная ловушка, описанная Л. П. Сабанеевым.

Описанные выше ловушки разных конструкций позволяют нам понять устройство ловушки, найденной И. С. Поляковым. В отличие от всех описанных ловушка И. С. Полякова наиболее, повидимому, простая по конструкции. У нее нет изгороди перед входом, что мы замечаем в описании ловушки Н. В. Пономарева и ловушек из Сев. Азии. Нет и боковых изгородей при входе как это имеет место у ловушек, опубликованных У. Т. Сирелиусом. Ловушка, которая описана Ф. К. Волковым, имеет еще более сложную

[1] U. T. Sirelius. Ober die Sperrfischerei bei den Finnisch-Ugrischen Volkern. Helsingfors, 1906 г., стр. 24.

[3] Л. П. Сабанеев. Рыбы России. Москва, 1911 г., стр. 716.

конструкцию и состоит из двух отделений и изгороди при входе. Ловушка в форме лабиринта с заборами, описанная Л. П. Сабанеевым, хотя и сделана из вбитых кольев, также представляет более сложную конструкцию и имеет иную форму, чем ловушка И. С. Полякова.

Рассматривая назначение найденных И. С. Поляковым предметов, мы можем отнести обе палки-дранки к составным частям, из которых были сделаны стенки ловушки. Круглый кол, заостренный только в нижней своей части, служил, по всей вероятности, для других целей. Из описания И. С. Полякова можно видеть, что подобные колья вбивались позади входов в ловушку или же ими укреплялись стенки. У И. С. Полякова не имеется описания входа в ловушку, почему и трудно полностью представить картину ее устройства. Что этот снаряд был предназначен для ловли иди хране-

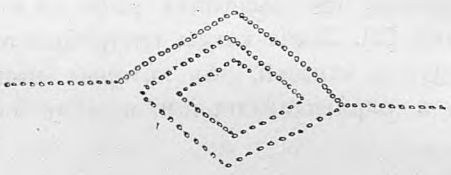


Рис. 12. План ловушкп, описанной Л. II. Сабанеевым.

ния рыбы — лучшим доказательством слуягат находки внутри снасти костей рыб, по определению И. С. Полякова относящихся к семейству карповых (вроде леща и язя), а также к окуню, ершу и щуке.

Это сооруягение было не единственным в данной местности. Около Хреновских холмов, против с. Павлова, на той яге р. Оке И. С. Поляковым были найдены обломки палок, совершенно одинаковых размеров, обработанных тем яге способом.

Вторая находка И. С. Полякова у Плеханова бора, хранящаяся в собраниях ИАЭ, представляет собою деревянную колотушку, сделанную из соснового дерева (рис. 13). Колотушка имеет вид довольно толстой головки с длинной, не совсем прямой рукоятью.

Длина ее 72.5 см. Головка имеет в длину 17 см, при толщине в 8 см. Длина рукоятки 56 см и толщина 12.5 см.

Рис. 13. Деревянная колотушка, описанная С. С. Поляковым.

Колотушкой или вбивали колья ловушек или глушили рыбу при ловле. И. С. Поляков указывает, что рыбаки в б. Олонецкой губ. употребляли подобные колотушки, ударяя последними по воде для того, чтобы рыба, пугаясь, шла в невод. Следы обработки описанных выше предметов позволяют установить как приемы обработки дерева, так и те инстру-

менты, с помощью которых они были обработаны. Последние несложны, хотя трудно сразу сказать, были ли они каменными или металлическими.

Как уяге указал И. С. Поляков, палки-дранки были сделаны из соснового дерева. Рассматривая направление слоев древесины на поверхности, молено заметить, что они являются толстыми, продольными лучинами, отколотыми от толстого ствола. На рис. 4 и 5 мы пытаемся показать полоягение этих дранок по отношению к болванкам дерева, от которых они были отщеплены, равно и технику их отщепа. Одна из боковых сторон лучин является внешней поверхностью деревянной болванки, от которой была отщеплена «заготовка» такой лучины. От «заготовки» отщеплялись боковые части, и они, в конечном виде, принимали нуяеную форму лучины. В каком порядке все это делалось — установить в настоящее время трудно. Палки имеют слегка изогнутую форму по продольной оси в сторону, противоположную той, которая является внешней у болванки. Этот изгиб является следствием неправильного усыхания.

Каким именно орудием делался отщеп дранки, трудно установить вполне точно, так как при деревянных предметах не найдено орудий. По всей вероятности, это был или каменный топор, или каменный нож.

Поверхность палок хорошо сглажена; на концах они заострены. Обработка концов палок-дранок позволяет нам установить два способа приготовления последних: первый — обстругивание острым орудием в виде каменного нояга, второй — сглаягивание путем скобления. Концы палок были срезаны для придания им равной величины. И. С. Поляков взял из рыболовного снаряда не все его части, а ограничился только тремя палками разной формы. В своем описании он указывает, что рыболовный снаряд был сделан из нескольких одинаковой величины палок. Палки подгонялись по размеру одна к другой, для чего необходимо было срезывать с одной стороны лишние концы, а с противоположной делать их острыми (для втыкания в землю). Отсюда следует, что помимо отщепа применялись и другие приемы обработки, обстругивание, сглалгивание и, наконец, срезывание, как разновидность обстругивания. Следы применения последней отчетливо заметны на конце рукоятки колотушки (рис. 14) и кола (рис. 15). Рукоятка колотушки хорошо обстругана и сглажена (рис. 13).

Обрезы рукоятки колотушки и кола вначале наводят на мысль, что они сделаны металлическим ножом, а не каменным. Слишком ярко выступают площадки срезов. Однако при сравнении наших срезов со срезами предметов, сделанных каменными ножами (например, палица австралийцев племени «Арунта» из Центральной Австралии в собрании ИАЭ, № 1336—86), мы замечаем тождество срезов. Мало того, при попытке сделать обрезку сосновой палки, сделанной из сырого полена, каменной (кремневой) пластинкой без ретуши (рис. 17), получилась та яге картина. Обрез сосновой болванки в 3.5 см толщины был произведен кремневой пластинкой без ретуши в 8 —10 минут.

При этом оказалось, что сырое дерево режется лучше, чем сухое, работу нужно производить путем пиления, а не прямым срезом, как Это делается, металлическим ножом. На рис. 17 показан результат такой работы; и если сравнить этот срез со срезом на верхнем конце кола (рис. 15), то не трудно заметить общие черты. При срезе, полученном таким способом, получаются характерные площадки с длинной осью вдоль двшкения каменного ножа; при срезе металлическим ножом получаются площадки, вытянутые вдоль направления среза. При пилении всегда получаются уступы на площадках срезов, как результат неодинакового наклона лезвия каменного ножа при движении, в процессе пиления. При срезе металлическим ножом таких уступов не получается.

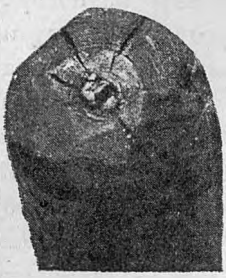


Рис. 14. Нижний конец колотушки, описанной И. С. Поляковым.

Рис. 15. Нижний конец кола, описанного И. С. Поляковым.

Последним типом обработки дерева, вернее первичным в данном случае, является тесание или обрубание дерева каменным топором. На рис. 13 этот способ обработки дерева отчетливо заметен в формировании головки колотушки. В верхней части, где она обтесана довольно грубо, она имеет довольно неправильную' поверхность. При обрубании каменным топором получаются неправильной формы выбоины (рис. 16). Работа каменным топором требовала большого размаха и удара, иначе, при всей остроте лезвия топора, большого эффекта таким орудием не получишь. Сильный удар каменным топором не всегда правильно направлял последний в нужное место, чем, вероятно, и объясняется такое неправильное оформление верхней части головки колотушки. На нижней части колотушки, в месте перехода к рукоятке, удары каменного топора особенно заметны, заметны здесь и удары, произведенные неудачно (рис. 16).

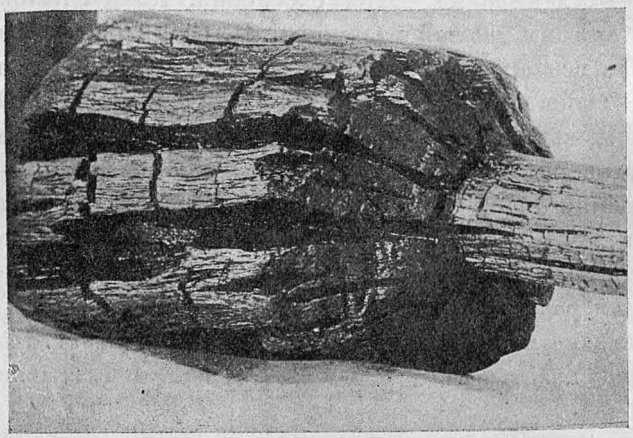


Рис. 16. Головка колотушки, описанной И. С. Поляковым.

Итак, способы обработки деревянных поделок человеком, жившим в местности Плеханов бор, заключались в следующем: обтесывание или обрубание, резание, обстругивание и, наконец, сглаживание. Инструментами, по всей вероятности, были: каменный топор или тесло, каменный нож или каменная (кремневая) пластинка и, наконец, кремневый скребок для сглаживания. Что эти орудия были каменные, а не иные, как видно из изложенного, доказывается рядом фактов. Помимо следов обработки дерева каменными орудиями, следует отметить нахоя:дение этих находок ia situ на большой глубине под толщею около $4y_2$ м в вышину. Это также свидетельствует об их древности. Как было указано выше, все находки были обнаружены совместно с бобровыми постройками в одном слое глины. Следовательно, они все одновременны.

И. С. Поляков предполагает, что «ловушка» когда-то была поставлена ее хозяином, в нее попадалась рыба, а затем она была забыта. Водный бассейн, в котором она находилась, отлагая грязную, вязкую, черного цвета глину, покрыл всю ловушку слоем более чем на один метр толщины. Затем бассейн исчез, высох, место расположения ловушки начало заливаться водой только весною, во время половодья, отчего произошел сперва толстый слой серой глины, а потом и толща песку, в размерах, уже указанных выше. Отложение глины происходило правильно, из года в год, и только песок мог отложиться не так равномерно.

Рис. 17. Обрез болванки, произведенный экспериментально.

Во всяком случае, для того, чтобы замыть ловушку, покрыть ее толщами глины и песку, необходимо допустить громадный промежуток времени, уходящий далеко за пределы исторического периода.

Другим непосредственным доказательством древности наших предметов являются находки древней керамики, характерной для позднего неолита, в том же слое, в котором были найдены деревянные предметы, о чем тоже упоминает И. С. Поляков. Находки керамики не являются здесь случайностью, так как на самом холме, у подноя.о которого были обнаружены деревянные предметы, находилась типичная неолитическая стоянка, известная в археологической литературе под названием «стоянки Плеханов бор».[1] Стоянка дала огромный инвентарь каменных орудий, керамики и других предметов. И эта стоянка здесь не единственная. Много других аналогичных стоянок располагается в этой местности в верхних слоях песчаных холмов, не заливаемых весною во время половодья, образуя собою как бы островки, заселенные в те далекие времена. Най-

[1] А. С. Уваров. Археология России. 1881 г., стр. 336. Жури. мин. народ, проев., 1878 г., стр. 117.

денный И. С, Поляковым у подножья Плеханова холма рыболовный снаряд представляет вероятно приспособление, с помощью которого население этих холмов ловило рыбу или хранило ее про запас.

V. FEDOROV

ENGINS DE PËCHE NÉOLITHIQUES DE LA VALLÉE DE L'OKA

RÉSUMÉ

Encore en 1878 J. Poliakov a découvert près du village de Tchoulkovo, ans la vallée de la rivière Oka (ancien gouvernement de Vladimir) un dintéressant dispositif fait de bâtons de bois datant d'une époque très reculée. Get engin, qui ne s'est conservé qu'en partie, présentait l'aspect d'un panier formé de bâtons plantés verticalement en cercle dans le fond d'une grande pièce d'eau. Les restes d'os de poissons trouvés au centre ont amené Poliakov à supposer que cette installation était spécialement destinée au poisson (fig. 1—3). L'analyse de sa construction, comparée à celle des engins similaires actuellement en usage, ne permet pas d'établir d'une manière précise comment il est arrangé, ni de reconnaitre sa destination exacte: piège a poisson ou vivier?

L'examen des objets en bois trouvés ici révèle une technique primitive. Ces objets étaient travaillés avec des outils de pierre, ce qui a été confirmé expérimentalement. Leur ancienneté découle de la profondeur de leur gisement (sous une couche de terre de plus de 4 m), ainsi quo de la présence simultanée de céramique caractéristique du Néolithique tardif.

С. В. КИСЕЛЕВ

«АФАНАСЬЕВСКИЕ» КУРГАНЫ У СЕЛ СЫДЫ И ТЕСИ

Благодаря инициативе Гос. музея им. Мартьянова в Минусинске я смог в 1929 г. продолжить обширные археологические исследования на Енисее, охватив разведками весь правый берег р. Тубы и правобережье Енисея от устья Тубы до с. Усть-Сыды. По р. Сыде удалось подняться до окрестностей с. Сыдинского. Таким образом маршруты 1929 г. оказались дальнейшим непосредственным продолжением разведок 1928 г.[1] После разведки на могильниках сел Усть-Сыда, Сыда и Быстрая (последнее около Минусинска) были произведены большие стационарные раскопки самых разнообразных памятников. В их числе около Сыды были раскопаны 7 афанасьевских курганов (по дневникам №№ 11—17). В 1931 и 1932 гг., уже по заданию Гос. Исторического музея в Москве я продолжал вместе с Л. А. Евтюховой археологические работы на Енисее, обследовав в 1931 г. район сел Усть-Ербы, Копен, Абаканского-Перевозного, Баграда, Знаменки и Ербы и произведя здесь раскопки различных памятников. [1] [2] В 1932 г. раскопки велись на «старых местах» 1928 г. около Усть-Тесп и Теси. Здесь под Георгиевской горой удалось раскопать еще 4 афанасьевских кургана.

Сыдпнские курганы расположены на нижней надпойменной террасе р. Сыды, к западу от села, в его поскотине среди задернованных, а кое-где и раздутых дюн. Какого-либо порядка в их расположении заметить невозможно; ясно лишь, что они группируются нарочито вместе, ближе к реке, к югу от дороги из с. Сыды в с. Усть-Сыда. К северу вдоль дороги тянется довольно обширный карасукский могильник, состоящий из плоских могил с оградками и без них.

Всего мы насчитали до 12 небольших курганов, под которыми можно ожидать открытие афанасьевских погребений.

---

[1] С. В. Киселев, Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. Минусинск, 1929 г.

[2] Опубликованные материалы: С. В. Киселев. Андроновские могильники у с. Усть-Ерба (Советская этнография, 1935 г., № 4—5, стр. 206). С. В. Киселев. Разложение рода и феодализм на Енисее. Лгр., 1933 г.

Эти курганчики представляют собой невысокие насыпи из здесь же взятой земли, округлые, с повышением в северной части, где высота достигает 0.8—0.5 м. Их диаметры от 7 до 11 м.[1]

Отличительной чертой насыпей является наличие на каждой из них кольца из камней. У большинства кольцо выложено из обломков плиток, положенных плашмя в ширину на 0.4 м и в глубь насыпи кладкой в 0.25 м. Диаметр кольца на 1—2 м меньше диаметра насыпи. Расположение кольца особое — его кладка начинается почти у самой подошвы южной полы кургана, где, следовательно, врыта в материк. Далее кладка кольца поднимается все выше п проходит в северной части или по самой вершине кургана или невдалеке от нее по северной поле насыпи, но всегда значительно выше ее основания.

Я уже имел случай останавливаться на аналогичной особенности при описании исследованных в 1928 г. афанасьевских же курганов у с. Теси.[1] [2] И теперь, как и тогда, я считаю такое расположение кольца доказательством преднамеренного насыпання курганов с повышением к северу,—доказательством, опровергающим распространенное мнение об образовании повышающегося к северу кургана лишь с течением времени, под влиянием якобы господствующих в степях южных ветров. По крайней мере для афанасьевских курганов это объяснение не годится.

Интересной новостью в Сыдинском могильнике являются случаи иной конструкции кольца.

На одном нераскопанном кургане и на исследованном под № 14 кольцо обычного расположения и размеров образовано не кладкой из обломков плит, положенных плашмя, но более значительными обломками плитняка, врытыми в насыпь на ребро, вертикально. Э[та] особенность сильно роднит кольца с овальными оградками андроновских могил, раскопанных в Усть-Ербе,[3] и перекликается с оградками на карасукских курганчиках. Если же мы вспомним, что па некоторых карасукских курганчиках четырехугольная или округлая оградка из плит, врытых вертикально, замещена кольцом из плиток, положенных плашмя,[4] то уже сделанные мною замечания в пользу тесного генетического родства карасукских и андроновских памятников с афанасьевскими получат новое подкрепление.

В виду сильной расплывчатости кургапчиков трудно говорить о каких-либо поврея!дениях насыпи по внешнему виду.

---

[1] Курганы: № 11—диам. 6.5 м, выс. 0.75 м; № 12—8 м и 0.8 м; № 13—7.5 м и 0.8 м; № 14—9 м и 0.75 м; № 15—8 м п 0.5 м; № 16—11 м п 0.75 м; № 17—10 м и 0.76 м.

[2] С. В. Киселев. Материалы . . , стр. 21, 22.

[3] С. В. Киселев. Андроновские могильники у села Усть-Ерба (Советская этнография, 1935 г., № 4—5, стр. 206).

[4] С. В. Киселев. Материалы . . , стр. 47 и 81. С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае (Материалы по этнографии, т. III, в. 2, стр. 91 и 94).

Все насыпи были сооружены из суглинистого песка, нарытого на месте. Раскопаны 7 курганов целиком, путем послойного снятия всей насыпи с закладкой контрольного шурфа в прилегающей целине. К сожалению, скудость травяного покрова и гумусных остатков не позволили сделать замеры соотношения мощности растительного слоя целика, кургана и погребенного чернозема.

В первом кургане (по полевому дневнику № 11) при снятии насыпи, в западной части около кольца, на глубине 0.15 м от поверхности были найдены отдельные обломки глиняного яйцевидного сосуда, формованного от руки из лент желтой глины,[1] украшенного чеканным елочным орнаментом ио плечам гладким, а ниже зубчатым; по обрезу бортика — ломаная линия из вдавлений плоской лопаточки.

На глубине 0.76 м от вершины кургана, на горизонте, в центральной части открылась овальная яма длиной с 3 на В 2.45 м, шириной (максимальной) 1.15 м. Никаких следов покрытия замечено не было. В средней ее части, на глубине 0.25 м ниже горизонта, были найдены лежавшими без всякого порядка череп, пяточная кость и обломки таза человека, а между ними обломок глиняного сосуда из желтой глины. С внутренней стороны сосуд был «вытерт» травой или зубчаткой, а с внешней украшен горизонтальными линиями.

На дне ямы, на глубине 0.65 м от горизонта, в полном беспорядке лежали сильно истлевшие остальные кости человека.

В ЮВ углу ямы оказались обломки глиняного сосуда, совершенно аналогичные найденному выше при черепе. Реставрацией окончательно была доказана принадлежность этих обломков одному сосуду, оказавшемуся горшковидным-круглодонпым, высотой в 0.25 м. По форме он очень близок к найденному в 1928 г. около с. Теси в афанасьевском кургане № 14, погр. II; отличие лишь в плоском дне последнего.[3]

Оценивая факты двухслойного расположения костей одного костяка и наличие обломков второго яйцевидного сосуда в насыпи, я объясняю их действием грабителей, перерывших могилу, выкинувших часть костей и сбросивших обратно эти кости уже в полузасыпанную яму. Выброшенные обломки второго сосуда частью, вероятно, остались на поверхности и утратились, а частично вместе с землей, оставшейся от раскопа, «соединились» с насыпью.

В насыпи второго курганчика (№ 12) в центральной части, на глубине 0.2 м найдены следы сильно сгнивших костей и обломки гладкостенного сосуда из темной глины со значительной примесью песка. Детальное рассмотрение этих обломков убеждает в несвойственности их структуры и техники афанасьевской керамике и заставляет сближать [1 2]

---

[1] В виду того, что все сосуды афанасьевских курганчпков, раскопок 1929 и 1932 гг., формованы от руки, ниже, для сокращения, определение формовки при описаниях сосудов опущено.

[2] С. В. Киселев. Материалы . . . , стр. 30, табл. I, рис. 28.

их с более поздними, скорее даже тагарскими, баночными, чем с карасукскими сосудами (обломки эти занесены в коллекционную опись Минусинского музея под № 3).

На глубине 0.8 м от вершины второго курганчика, на горизонте, в центральной части открылась четырехугольная, с несколько скругленными углами яма длиной с З на В 3.5 м и шириной 1.8 м, покрытая накатом из сильно истлевших сосновых бревен, положенных поперек. Длина бревен 2.5 м, диаметр до 0.3 м. В центральной части накат не сохранился.

По удалении заполнявшей яму земли, содержавшей сверху обломки погнувшихся бревен наката, на глубине 0.97 м, на дне были найдены беспорядочно разбросанные кости человека (отсутствовали кости черепа, таз и ребра). Первоначально, судя по сохранившим нормальное положение костям правой руки, человек лежал у В стенки ямы, головой на Ю, с правой рукой, вытянутой вдоль тела. Здесь же в центральной части лежали сильно сгнившие куски рога и грудины марала, а также обломки трех сосудов. Один был из темной глины, яйцевидный с оттянутым бортиком. Его стенки украшали горизонтальные ряды нанесенных резьбой елочек. От него уцелели лишь отдельные куски, не позволяющие его реставрировать. Второй сосуд из серой глины, горшковидный, плоскодонный с накладным бортиком; украшен сверху девятью горизонтальными рядами елочек, нанесенных зубчаткой. В нижней части и изнутри его стенки сглаживались зубчаткой. Высота 23 см. Сохранился далеко не полностью. Третий сосуд из оранжевой глины также плоскодонный, горшковпдный с накладным бортиком, украшен спускающимися почти до дна лентами, каждая из трех ломаных резных линий. Высота 16 см. Также не найдено нескольких кусков (табл. I, рис. 7). Оба эти сосуда очень близки к горшковидным же, найденным в 1928 г в афанасьевских курганах с. Теси.[1]

У середины западной стенки ямы найдены обломки еще одного сосуда из темной глины, оказавшегося яйцевидным, с прямым бортиком. Стенки его «вытерты» зубчаткой и покрыты 9 горизонтальными рядами елочек, оттиснутых плоской лопаточкой, а внизу спускающейся на дно спиральной лентой из резной ломаной линии. Высота 26 см. И у этого нехватает ряда кусков (табл. I, рис. 3).

По своей форме с прямым бортиком этот сосуд сближается с рядом афанасьевских из Теси.[2]

Принимая во внимание наличие как бы пролома в накате, обнаружения над этим проломом в насыпи следов костей, беспорядочное состояние костяка, а также недостатки кусков у всех четырех сосудов, я считаю и это погребение подвергнувшимся ограблению. И не ценен ли особенно этот курган тем, что впервые позволяет говорить о времени ограбления

---

[1] С. В. Киселев. Материалы . . , т. I, стр. 30, рис. 28, 29.

[3] Там же, стр. 28 и 29, рис. 21 и 24.

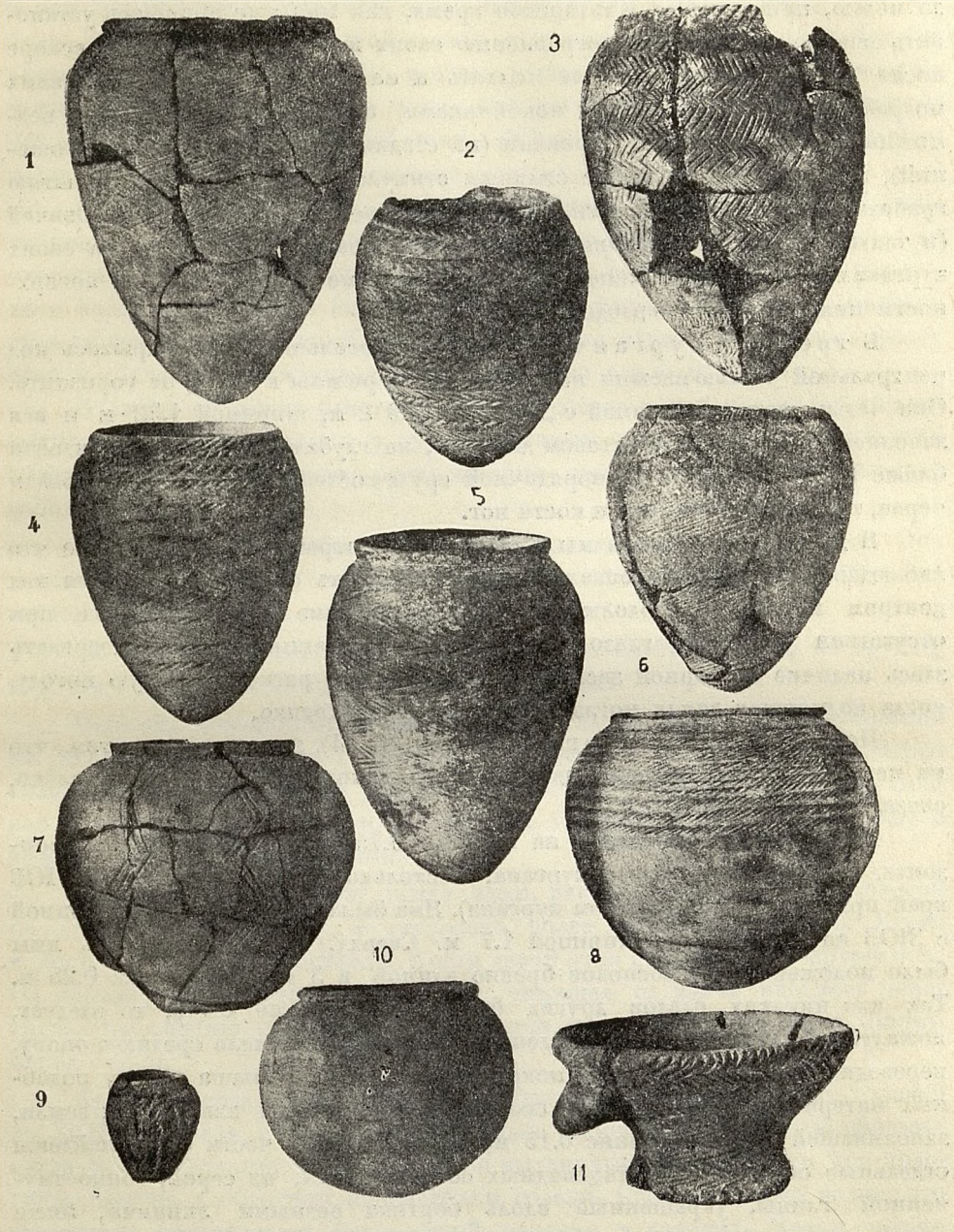


Рис. 1, 3, 6, 8, 11—Vs н. в.; рис. '2, 4, 5 — V* н. в.;
рис. 9 —около і/з и- »•; Рис- 1°—V7 н- в-

афанасьевских могил? Невидимому, в этом плане надо расценивать находку в насыпи обломков скорее тагарского, чем карасукского горшка. Погоня за медью, приводившая в тагарское время, как мне уже пришлось установить вполне достоверно, к ограблению своих же курганов и часто вскоре после их сооружения,[1] могла толкать и на «раскопки» более древних погребений. Страх же перед покойниками, перед их духами, вполне возможный в условиях того времени (на стадии развитых родовых отношений), мог являться не менее сильным стимулом к тщательному сокрытию грабежа и этих древних могил, чем страх перед преследованием родовичей (и также духов), заставлявший заравнивать грабительские лазы на своих курганах так, что даже теперь опытный глаз не может найти на поверхности никаких следов «злодеяния».

В третьем курганчнке (№ 13) могильная яма открылась под центральной частью насыпи на глубине от вершины в 0.8 м, на горизонте. Она четырехугольна, длиной с ЗЮЗ на ВСВ 2 м, шириной 1.32 м и вся заполнена землей. На грунтовом дне ямы, на глубине 0.42 м от горизонта ближе к ЗЮЗ стенке в беспорядочной груде костей человека отсутствовали череп, таз, ребра, позвонки и кости ног.

Я думаю, что и здесь мы имеем дело с ограблением, тем более что наблюдавшаяся при раскопках большая твердость суглинка в насыпи над центром могилы и продолжавшаяся в самой яме заставляет даже при отсутствии уловимых глазом • признаков нарушения земли подозревать здесь наличие повторной засыпки грабительского раскопа в сырую погоду, когда подмокшая земля могла слежаться очень крепко.

Под четвертым курганчиком (№ 14), замечательным тем, что на нем кольцо было сделано из плит, поставленных на ребро вертикально, оказалось два погребения.

Яма первого открылась на глубине 0.75 м от вершины, на горизонте, в центральной части кургана, несколько ближе к северу (ее ЮВ край приходился под центром кургана). Яма была четырехугольная, длиной с ЗЮЗ на ВСВ 2.4 м и шириной 1.7 м. Сверх}', посередине, вдоль ямы было положено одно сосновое бревно длиной в 3 м и диаметром 0.25 м. Так как никаких следов других бревен найдено не было, то следует, пожалуй, предполагать, что найденное бревно представляло среднюю опору, переводину для более легкого покрытия из сучьев, камыша и тому подобных материалов, исчезнувших скорее. При послойном извлечении земли, заполнявшей яму на глубине 0.15 м, в центральной части были найдены отдельные обломки двух яйцевидных сосудов. Один, из серой, тонкоотмученной глины, украшенный вдоль бортика резными линиями, ниже овальными выпуклостями, выдавленными изнутри, и по плечам рядами полукруглых вдавлений (табл. II, рис. 7). Второй сосуд из темносерой глины был украшен резной елочкой.

---

[1] С. В. Киселев. Материалы . . , стр. 83, 84.

На грунтовом дне ямы, на глубине 0.55 м от горизонта, беспорядочно разбросаны остатки сильно истлевших костей человека. Здесь же, в центральной части оказались отдельные обломки круглодонного сферического сосуда из красно-желтой глины с примесью мелкого песка. Бортик оттянут и отогнут во-вне. По плечам украшен 12 горизонтальными резными линиями, промеягутки меягду которыми с перерывами заполнены наклонными вдавлениями зубчатки. Зубчаткой л;е выглажены стенки изнутри. Восстанавливается диаметр сосуда—0.13 м.

Рядом с этим горшком найдены отдельные обломки того яйцевидного сосуда, украшенного елочкой, части которого были встречены в засыпи ямы выше. По совокупности черепков удалось установить наличие накладного бортика, нанесение елочки вдавлениями плоской лопаточки, наличие двух горизонтальных линий, прочерченных по одному из нижних рядов елочки. Диаметр в венчике, повидимому, имел около 0.14 м.

Наличие обломков одною и того же сосуда внизу и выше в засыпи могилы, а такяге отсутствие у других горшков ряда обломков заставляют видеть в беспорядочности расположения костей скелета свидетельство работы грабителей.

Яма второго погребения располоясена южнее, в 1 м от первого. Она четырехугольна, длина с ЗЮЗ на ВСВ 2.4 ми' ширина 2 м. Никаких следов покрытия здесь не встречено.

По удалении земли, заполнявшей яму, на глубине 0.7 м, на грунтовом дне открыты остатки семи костяков людей.

Первый, повпдимому мужской, леяшл вдоль ЮЮВ стенки головой на ЗЮЗ, на левом боку, с немного согнутыми в коленях ногами. Череп сильно истлел, совершенно разрушились ребра и кости левой руки. Правая рука была вытянута вдоль тела. На голенях этого костяка лежали колени седьмого, тоже мужчины.

Второй мужской скелет лежал вдоль первого дальше к ССЗ, головой на ЗЮЗ, на левом боку, с несколько более согнутыми ногами. Череп и кости груди сильно истлели. Кости левой руки совершенно разрушились. От правой осталась только плечевая, леясащая от плеча наискось через грудь, что обычно указывает на положение руки, согнутой в локте, кистью перед лицом.

Третий костяк, повидимому ясенщины, лежал вдоль второго, головой на ЗЮЗ, на левом боку с ногами, сильно скорченными особым образом, когда под бедренные, лишь несколько выдвинутые вперед кости ног подогнуты плотно в обратном направлении голени. Сгиб настолько велик, что заставляет предполагать намеренный перелом в коленях. Череп сильно истлел. Совершенно распались кости рук, за исключением правой плечевой, лежавшей вдоль тела.

Четвертый, такяш, повидимому, женский, леясал вдоль третьего, дальше на ССЗ, головой на ЗЮЗ, на левом боку, с ногами, согнутыми под прямым

углом и в бедре и в колене. Череп и левая рука не сохранились, правая была согнута в локте и лежала кистью на тазу.

Пятый костяк лежал рядом с четвертым и вдоль ССЗ стенки. Он особенно сильно истлел и, кроме того, оказался потревоженным норой суслика. Сохранились лишь сдвинутые ребра и кости правой ноги, судя по расположению которых костяк лежал головой на ЗЮЗ, на левом боку, с правой ногой, согнутой под прямым углом и в бедре и в колене. В СЗ углу ямы, следовательно, у несохранившегося черепа пятого костяка найдены отдельные обломки сферического круглодонного сосуда из желто-красной глины. Его стенки и снаружи и изнутри были «выглажены» зубчаткой. Из ранее найденных блия;е всех к нему подходит сферический сосуд из кургана № 1, погр. I, около Теси.[1] К сожалению, его реставрация затруднена тем, что большинство частей исчезло, повидимому, благодаря сусликам, проложившим здесь ряд норок. Все описанные костяки лежали головами близко от ЗЮЗ стенки (в 20—30 см), оставляя ВСВ часть ямы свободной.

Здесь, в северо-восточном углу, найден шестой костяк молодой женщины, лежавшей вдоль ВСВ стенки, головой на ССЗ, на правом боку, с ногами, согнутыми под прямым углом и в бедре и в колене. Правая рука была вытянута вдоль тела, левая же была несколько согнута в локте и кистью лежала на тазу. Череп, как и все кости, был плохой сохранности. Сейчас же к западу от черепа, перед лицом женщины лежали еле заметные остатки костяка младенца, повидимому, также скорченного. Здесь же, несколько северо-восточнее, лежала обоймочка из медной пластинки, покрытой выпуклостями, выдавленными изнутри (табл. II, рис. 8). В обоймочке сохранились остатки дерева, пронизанного медными же заклепками. В специальных отверстиях пластинки привешены 2 вращающиеся колечка. Несомненно, что наша обоймочка имеет то же назначение, что и близкие к ней обоймы из могилы YI Афанасьевского могильника. Наличие в ней остатков дерева может только подтверждать делавшееся предположение о принадлежности подобных обоймочек к оковке края деревянного сосуда.[1] [2] Вместе с обоймочкой лежал костяной черешковый наконечник стрелы (табл. II, рис. 2). Сейчас яге к ЮВ от косточек ребенка, «под подбородком» у ягенщины стоял маленький сосудик из коричневато-серой глины с вогну, тым дном, украшенный вертикальными рядами елочек и одним горизонтальным вдоль бортика, высота 5.5 см (табл. I, рис. 9). Несомненно, что миниатюрный размер сосудика связан с назначением — быть полоягенным в могилу при ребенке. На это указывает небрелгность его выделки, свидетельствующая о спешности изготовления, а также отсутствие иа сосуде признаков его употребления в быту — нагара, натеков и т. н., часто встречающихся на афанасьевских сосудах. Между теменем женщины и ССЗ стенкой

---

[1] С. В. Киселев. Материалы . . , стр. 30, табл. I, рис. 30.

[2] С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае, стр, 70, табл. И.

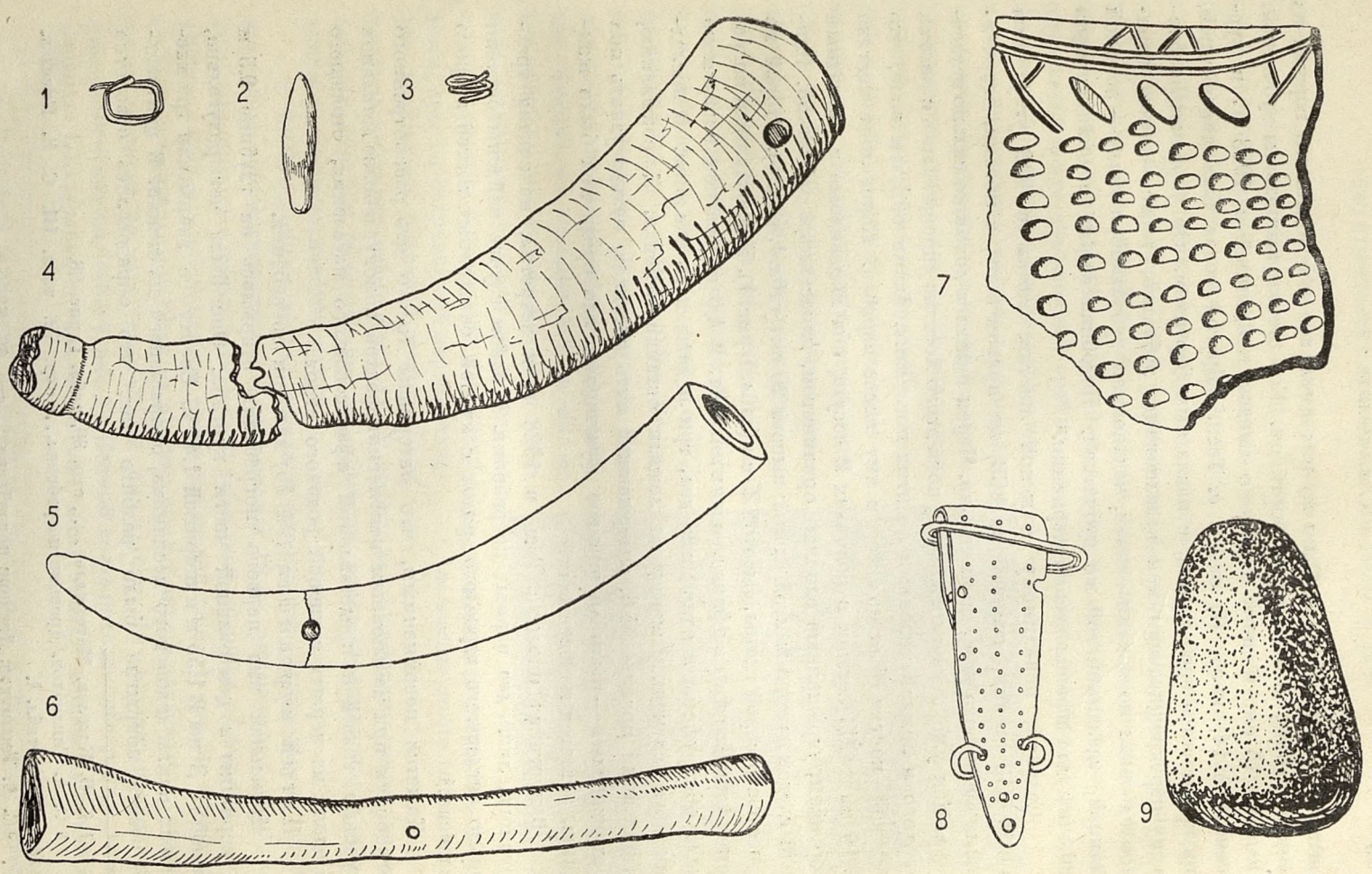


Рис. 1 и 3 — медные височные кольца; 2 — костяной наконечник стрелы; 4 — обломок охотничьего (?) рожка; 5 — опиленный рог; 6 — футляр из кости; 7 — фрагмент сосуда с ямочным орнаментом; 8 — бронзовая оковка; 9 — каменная терка.

ямы лежали два сосуда. Один из них имел вид плоскодонного горшка из серой глины, с оттянутым бортиком. Его стенки выглажены зубчаткой. Высота 15 см. К нему особенно близок найденный в 1928 г. в кургане № 14, погр. И, около с. Теси.[1] Другой сосуд был яйцевидный, из красновато-серой глины, с накладным бортиком. Он украшен но бортику перекрещивающимися вдавлениями зубчатки, ниже — семью горизонтальными полосками елочек, чеканенных зубчаткой, а внизу — ломаной линией, сделанной той же зубчаткой. Подобная форма и орнаментация обычны для афанасьевской керамики.[1 2]

Седьмой, повидимому мужской костяк, лежал в ЮВ углу ямы вдоль ЮВ стенки, головой на ВСВ, на правом боку, с ногами, скорченными до острого угла, но не сильно. Череп оказался довольно сильно истлевшим. Как уже отмечалось выше, ноги этого костяка скрещивались с ногами первого и лежали коленями на этих последних. Таким образом ясно, что седьмой костяк был положен в яму после первого. Перед лбом костяка в 15 см к ССЗ лежали в обломках 2 сосуда, оба яйцевидные с накладным бортиком, украшенные елочным орнаментом, нанесенным зубчаткой. Первый сделан из серо-желтой глины; высота 20 см (табл. I, рис. 6). Второй из красновато-серой глины, высотой 25 см (табл. I, рис. 1). Коллективные погребения уясе известны в афанасьевских могилах. В Афанасьевском могильнике были обнаружены в одной яме два, три и даже пять скелетов. В последних двух случаях у ягенщины леясалп останки ребенка. К сожалению, из описаний могилы № 6, содерягавшей пять костяков, нельзя узнать пол трех взрослых — были ли они все мужчинами или среди них были женщины, остается неизвестным.[3]

В курганах около с. Тесь в 1928 г. я встретил, не считая трехярусного, лишь два парных погребения. В одном случае найдены останки сильно истлевшего взрослого рядом с кучкой сожженных костей второго человека.[4]

Кая;ется несомненным, что материалы только что рассмотренного погребения при дальнейшем накоплении фактов помогут в более детальном изучении связей и представлений афанасьевского населения, стоявшего-на одной из первых ступеней родового строя.

Пятый курганчик (№ 15) дал три погребения.

Могильная яма первого погребения открылась на глубине 0.5 м от вершины в центральной части кургана. Она была четырехугольна, длиной с 3 на В 1.55 м и шириной 1.45 м. Сверху ее закрывали три массивных плиты девонского песчаника, опиравшиеся на стенки. В центральной части покрытие было разбито так, что образовалось отверстие

---

[1] С. В. Киселев. Материалы . . , стр. 30, табл. I, рис. 28.

[2] С. А. Теплоухов. Древние погребения.., стр. 72, табл. III. С. В. Киселев. Материалы.., табл. I.

[3] С. А. Теплоухов. Древние погребения.., стр. 66—68.

* С. В. Киселев. Материалы.., стр. 39 и 47.

диаметром до 0.9 м. Яма была заполнена землей и обломками плит. На дне ямы, на материке (глубина 0.6 м) оказались в беспорядочной груде остатки сильно истлевших костей человека. Несомненно, что погребение было ограблено через лаз, шедший, вероятно, вертикально прямо в яму. Последняя, судя по тому, что осколки плит встречались повсюду в заполнявшей ее земле, при ограблении была еще пуста. Вероятно, и заполнение ямы землей в данном случае произошло при засыпке грабителями проделанного лаза. Дальнейшее оседание лишь дополнило первоначальный конус сброшенной грабителями земли. Эш заключения важны потому, что они, при одинаковости картины расположения костей в беспорядке всегда на дне ямы и на месте предполагаемого лаза, при отсутствии или худшей сохранности покрытий в других могилах, позволяют предполагать и в них ту же обстановку ограбления через пробитый сквозь покрытие лаз в еще пустое погребальное помещение.

Рис. 1. Курган 5, погребение 2; см. положение левого бедра.

'' етырехугольная яма второго погребения открылась на горизонте в ЗСЗ части кургана и имела в длину с ЗСЗ на ВЮВ 1.5 мив ширйну 0.8 м. Сверху она была покрыта двумя плитами. Удалив плиты и заполнявшую яму землю, мы нашли на глубине 0.6 м на ее материковом дне костяк молодого человека, лежавшего головой на запад, на спине, с руками, вытянутыми вдоль тела. Ноги, судя по сохранившей первоначальное положение бедреной кости, были согнуты коленями вверх (рис. 1). У левого виска оказалась медная проволочная спираль (табл. II, рис. 3), обычное, распространеннейшее украшение палеомегаллической эпохи.

У ВЮВ стенки (в ногах) лежали 2 совершенно целых сосуда: яйцевидный из красновато-серой глины высотой 16 см, украшенный горизонтальными рядами елочки, оттиснутой зубчаткой, а внизу эффектной «розетггой», лучи гготорой сделаны тагглге зубчаткой (табл. I, рис. 4), и другой, горшковидный-гсруглодонный из красно-серой глины с примесью крупного песка высотой 20 см, угграшенный по плечам 11 рядами наклонных вдавлений зубчатки (табл. I, рис. 8). Первый сосуд находит себе ряд аналогий в ранее исследованшлх афанасьевских памятнихсах,[1] второй яге может

[1] С. В Киселев. Материалы..., табл.I, рис. 16, 17, 24. С. А. Теплоухов. Древвпе погребения..., табл. Ш, IV и особенно V, рис. 2.

быть сопоставлен лишь с находками в соседних Сыдинских курганах и Теспнских раскопок 1932 г. (см. ниже).

Яма третьего погребения открылась на горизонте в ВЮВ части кургана, у самого кольца. Она четырехугольна, длиной с ЮЮЗ на ССВ 1.3 м и шириной 0.65. Сверху ее покрывала плита девонского песчаника. По удалении плиты и заполнявшей земли на глубине 0.47 м, на дне найден костяк ребенка лет 5—6, лежавшего головой на ССВ, скорченно на левом боку, с руками — правой, согнутой в локте, кистью на тазу (правая плечевая откатилась к середине ВЮВ стенки) и левой, вытянутой вдоль тела. В ногах у костяка оказались два сосуда. Один, стоявший, яйцевидный, из желтовато-серой глпны, высотой 16 см, украшенный совершенно аналогично только-что описанному из второго погребения, с которым он почти тождествен. Кая;ется, одна п та же рука здесь несомненна (табл. I, рис. 2). Другой лежал на боку, сферический-круглодонный, из красновато-серой глипы, лишь заглаженный зубчаткой, высотой 22.5 см (табл. I, рис. 10). Из старых раскопок к нему близок найденный в 1928 г. в Тесп плоскодонный сосуд пз кургана № 1, погребение I.[1]

Курганы, содержавшие одновременно со взрослыми особые могилы с детьми и подростками, уже не впервые найдены нами. Напомню хотя бы курган №1 около Теси, в котором в 1928 г., на ряду с центральным погребением взрослого, в южном поле кургана, под кольцом, в отдельной яме было обнаружепо погребенпе юноши.[1 2]

В насыпи шестого курганчика (№ 16), в западной части, у самого кольца, на глубине 0.05 м от поверхности найдены астрагал овцы и маленькая терка из серого камня с резко отшлифованным основанием (табл. II, рис. 9). Очень близкие к нашей, 4 геркп были найдены в VI могиле Афанасьевского могпльнпка.[3] Конечно не следует считать пх за терки зерна; для этого они слишком малы. Вероятно, они служили для растирания растений, может быть красок (или для полирования?).

В восточной части кургана, также на глубине 0.05 м, около кольца была найдена речная галька (длина 16 см), позволяющая считать ее пли «секпрообразным» оружием, подобным найденному мною в 1928 г., или так. наз. «хсолотушкой», хорошо известной первоначально только в катакомбных погребениях,[4] потом найденной в афанасьевских,[5] теперь же отысканной О. А. Граковой в поздне-андроновской землянке на Тоболе близ Кустаная[6] и, что особенно важно, геологами на горе Темир в Хакас-

---

[1] С. В. Киселев. Материалы..., табл. I, рис. 30.

[3]Там же, стр. 35.

[3] С. А. Теплоухов. Древние погребения..., стр. 68, табл. I, рис. 2—5.

[4] В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. (Отчет Исторического музея за 1914 г.)

[5] С. А. Теплоухов. Древние погребения..., стр. 68, табл. I, рис. 12.

[6] Коллекция Кустанайской археологической экспедиции 1935 г., хранящаяся в Гос. Историческом музее.

сии[1] и на Колбинском хребте в Восточном Казахстане [1 2] в местах древних выработок медной руды или около них. При этом обращает на себя внимание обязательная почти для всех «колотушек» оббитость, изщербленность не массивного тела, а конца более тонкой «рукоятки». Повидиыому, он и был рабочим концом орудия, имевшего д ло с твердым материалом. Вполне возможно, что это орудие употреблялось как своего рода зубило или клин, забигавшийся в образованные нагреванием породы трещины для отделения от нее кустков. То обстоятельство, что на противоположном массивном конце почти нет следов ударов, говорит за то, что удары эти при загонке клина в трещину наносились орудием из более легкого материала, например, деревянной колотушкой или молотом. Последнее было, пожалуй, даже необходимо, так как при сильном ударе каменным молотом по каменному же клину разлетелся бы в куски или тот или другой, в зависимости от относительной крепости материалов, из которых они сделаны. Находки в древних выработках самих каменных молотов, известные еще со времен Эйхвальда,[3] не могут служить здесь опровержением. Молоты могли употребляться для совершенно других работ, в первую очередь для размельчения руды, а может быть и для загонки деревянных клиньев и т. п.

Во всяком случае «горняцкий» характер «колотушки» можно считать установленным и поэтому находки подобных орудий приобретают теперь особое значение.

Под насыпью шестого курганчика оказалось две ямы.

Первая открылась в центральной частп кургана на глубине 0.73 м от вершины, на горизонте (ее ЮЮВ стенка совпадала с центром кургана). Яма была четырехугольна, длиной с ЮЮВ на ССВ 2.6 м и шириной 2.2 м. При послойном удалении земли, заполнявшей яму, было встречено много обломков от девонского плитняка, возмолсных остатков некогда разбитых плит покрытия.

На глубине 0.5 м от горизонта на грунтовом дне ямы были найдены сильно истлевшие остатки двух костяков.

От первого, лея;авшего, повидимому, ближе к ССЗ стенке ямы, сохранились лишь беспорядочно разбросанные обломки черепа и лопатки да ребро.

Второй костяк был так/ке потревояген. Судя по костям, сохранившим первоначальное положение, в юрой покойник был положен вдоль ЗЮЗ стенки на правом боку скорченно, с руками — правой, вытянутой вдоль тела, и левой — согнутой в локте, кистью на левом колене.

---

[1] Хранится вместе с другими предметами из темирских медных древних рудников в Минусинском музее, куда доставлена в 1931 г. Хакасско-минусинской геологической базой, ведшей на горе Темир геологические разведки.

[2] Хранится в Гос. Русском музее в Ленинграде. Сведепия об обстоятельствах находок мне любезно предоставлены обследовавшим Колбпнский хребет С. Черниковым.

[3] Эйхвальд. О чудских копях. Труды Восточного отд. Археол. общ., т. XII, 1856 г.

По середине дна ямы нашлись два обломка рожка (охотничьего?) и? рога благородного оленя. Тошгий конец его был отделан — округлен и отграничен нарезкой. В широкой части, от которой дошла только-отколотая вдоль половина, у края оказалось отверстие, моягег быть, для привешивания (табл. II, рис. 4). Обломок такого яге рога, имевшего такяге отверстия у широкого края, был найден в VI могиле Афанасьевского могильника. Однако там назначение предмета было, повидимому, иное, так как внутренняя полость была не' сквозной, но доходила от проксимального конца едва до половины.[1] Здесь моягет быть следует обратить внимание на находки изделий и просто кусков оленьего рога и астрагалов олени в афанасьевских курганах. Они моягет быть не только утилитарны, но могут принадлеягать к памятникам идеологии эпохи. Анализ изобраягений на карасукских стелах показывает нам большую отдаленность от карасукского времени той эпохи, когда олень занимал в представлении енисейцев то место, которое в карасуке постепенно терял уж и бык. Мне кажется, в связи с этим особенно ваягны наши афанасьевские находки оленьих остатков, позднее очень редкие. Они такяге позволяют считать афанасьевский период временем, когда еще была сильна традиция оленя. Последнее понятно: ведь только тогда (не раньше) в Минусинской котловине происходит переход от охотничьего быта к скотоводству, в котором сразу же, если судить по остаткам, приобретает значение бык.[1 2]

У ЗЮЗ стенки ямы лежали обломки от сосуда из ягелто-серой глины, оказавшегося по реставрации круглодонным-сферическим (высота 23 см), украшенным спускающимися по плечам парами ромбов сплошь из оттисков крупной зубчатки. Ниже расположены ленты наклонных вдавлений плоскозаточенной палочкой, образующие 2 горизонтальных ряда ромбов, в центре каягдого из которых П-образная линия наклонных вдавлений. Несколько уплощенное дно покрыто беспорядочными оттисками крупной зубчатки. Не могу говорить здесь о слишком далеко идущих параллелях в орнаменте с некоторыми майкопскими и фатьяновсвими сосудами, но считаю необходимым обратить внимание на несомненную близость толыго-что описанной орнаментации к последующей андроновской, времени, все отличия которого явились не внезапно и не со стороны, но в результате местной подготовки в предшествующий афанасьевский период. Э°т обстоятельство известно нам но отношению к скотоводству, металлургии, керамике, погребальным кольцам из плит, скорченному нолоягению покойников. Сейчас узнаем это в отношении мотивов геометрической орнаментации сосудов.[3] В ногах второго костяка лежали обломки (не все)

---

[1] С. А. Теплоухов. Древние погребения..., стр. 69, табл. I, рис. II.

[5] См. об 'олене', 'быке'ипр. С. В. Киселев. «Семантика орнамента Карасукских стел». (Сборник, изданный ГАИМК в честь Н. Я. Марра. Л., 1934 г., стр. 280 и сл.)

[3] С. А. Теплоухов уяге указывал на возможность связи между баночными афанасьевскими и андроновскими. Древние погребения..., стр, 83.

другого, яйцевидного сосуда из желтовато-серой глины с накладным бортиком (высота 26 см), украшенного 19 рядами наклонных вдавлений углом плоскозаточенной палочки, ниже—2 рядами ломаной линии, образованной такой же печатью, и по дну — рядом наклонных вдавлений той же плоской палочкой.

Нарушениость костяков, сломанный рог, отсутствие кусков от сосудов, вместе с обломками плитняка от вероятного покрытия в засыпи ямы заставляют меня считать и это погребение «ограбленным.

Яма второго погребения расположена на горизонте в 0.6 м к ЮЮ от первой. Она четырехугольна, длиной с ЗЮЗ на ВСВ 1.65 м и шириной 1.2 м; дно на глубине 0.5 м. Яма оказалась пустой.

Седьмой курганчик (№ 17) содержал одну погребальную яму, открывшуюся на глубине 0.76 м, на горизонте, в центральной части. Яма четырехугольная, длиной с ВСВ на ЗЮЗ 2.8 м, шириной 2.5 м. На глубине 0.55 м на дне ямы обнаружены разбросанные без всякого порядка сильно истлевшие кости двух человек. Отсутствовали кости черепа, большинство ребер, тазовые кости и кости ступней и кистей.

Среди костей, также разбросанных в беспорядке, были найдены обломки трех сосудов. Первый очень крупный, сферический. Его толстые, до 1.5 см, стенки были сделаны из серо-желтой глины. Бортик накладной. Изнутри и снаружи он отделан зубчаткой. Аналогией ему может служить сферический сосуд диаметром в 0.5—0.6 м, найденный также в обломках в 1928 г. в кургане № 13 около Теси. [1] Другой сосуд — круглодонный, из красновато-серой глины — был, повидимому, особенно близок по форме к найденному в погребении II кургана № 15 (табл. I, рис. 8). Отлична лишь орнаментация по плечам четырьмя полосами елочек, нанесенных, повидимому, нарезным краем плоской гальки.

Половинку третьего сосуда удалось реставрировать. Он был яйцевидным, из желто-серой глины, с накладным бортиком (высота 25 см), украшен сплошь елочкой, нанесенной зубчаткой — самая обычная форма.

Кроме того, в СВ углу оказались еще два сосуда. Один, совершенно целый, яйцевидный, из желто-серой глины (высота 21 см), украшенный по бортику перекрещивающимися линиями, ниже — тремя горизонтальными резными, а дальше сплошь рядами резных елочек (табл. I, рис. 5). Большой округленностью своей формы он напоминает сосуд из могилы IX Афанасьевского могильника. [2]

Другой сосуд был разломлен землей пополам. Это — вазочка на коническом поддоне с массивной ручкой, имеющей 2 вертикальных отверстия. Дно вогнутое. Сделана из темной глины, окрашенной в лркокрасный цвет (высота 10 си). Снаружи украшена рядами резной елочки; 2 ряда такой же елочки идут вдоль бортика и с внутренней стороны (табл. I, рис. 11).

---

[1] С. В. Киселев. Материалы..., стр. 39.

[3] С. А. Теплоухов. Древние погребения..., т. IV, рис. 2.

Подобные вазочки прочно вошли в инвентарь афанасьевских погребений. Одна найдена в IX могиле Афанасьевского могильника,[1] две нашел я около Теси в 1928 г., [1 2] одну в 1932 (см. ниже). Судя по остаткам внутри них нагара, можно предполагать, что они служили или лампами или курильницами. Во всяком случае, они, вероятно, играли на Енисее ту же роль, что и их далекие аналоги из катакомбных и кая-кентских погребений.

Здесь же между сосудом и вазочкой был найден ланцетовидный осколок кремня без следов ретуши (длина 1.6 см).

В самом центре леясал трубчатый футляр (?), вырезанный из кости, длиной в 16 см (табл. II, рис. 6). Несколько меньших размеров футляр был найден в VI могиле Афанасьевского могильника.[3]

Те же основания, что и для предыдущего погребения шестого кургана, приводят меня к выводу об ограблении толысо-что описанной могилы.

¥ *

Новые курганы, содержавшие афанасьевские погребения, были найдены нами у с. Теси в 1932 г. Они расположены в 500 м к востоку от группы, раскопанной в 1928 г., под ВЮВ склоном Георгиевской горы, среди значительного количества имеющихся здесь типично тагарских курганов.. Трудность их распознавания заключалась в том, что кольца из плит на их насыпях или были разрушены, или сильно заросли дерном, так что без расчистки их скорее можно было угадывать, чем видеть. К тому яге один из курганов с кольцом, будучи использован под могилы в позднейшее время, хотя и сохранил часть кольца, имел вместе с тем четырехугольную оградку тагарского типа, с вертикальными камнями по углам. Все 5 курганов, на которых было обнаружено кольцо, были нами раскопаны, но только четыре дали положительные результаты (№№ 8—11).

Насыпи этих четырех курганов, все округлые, с заметным повышением к северу (вершина приходилась на северной трети насыпи) были насыпаны из взятого здесь яге лёссовидного суглинка.

Диаметром они были 8—10 м, высотой 0.45, 0.55 и 0.99 м.[4] На^ насыпи каягдого из них выложено кольцо из обломков девонского песчаника. Каждое кольцо сделано в различных своих частях по-разному. Отрезки округягности, выложенной в виде кладки на глубину до 0.3 м из плиток, положенных плашмя, чередовались с отрезками, образованными плитками, врытыми в насыпь вертикально, на ребро. Заметить какое-либо однообразие в распределении этих различной техники частей колец в отношении ориентировки и чередования не удалось. Повидимому, это не регулировалось. Все кольца были располоягены одинаково. Начиная с вер-

---

[1] С. А. Теплоухов. Древние погребения..., стр. 73—74, табл. V, рис. I.

[2] С. В. Киселев. Материалы..., стр. 30, табл. I, рис. 25—27.

[3] С. А. Теплоухов. Древние погребения..., стр. 68 и табл. I, рис. 6.

[4] Курганы: № 8 дпам. 9 м, выс. 0.45 м; № 9—8 м и 0.9 м; № 10—10 м и 0.55 за. № 11—8 м и 0.45 м.

шины, они спускались в южной части почти до самой подошвы насыпи. Сохранность их, как уже указывалось, была очень плохой; все же удалось установить, что их диаметры на 2.5 м меньше диаметров самих насыпей.

Наиболее интересным оказался курганчик десятый. По удалении насыпи, в центральной части, содержавшей несколько обломков плитняка, на горизонте, в центре открылась квадратная яма, ориентированная сторонами в 2.7 м на ВСВ, ЗЮЗ и т. д. Тщательная зачистка ее пятна показала, что первоначально она была покрыта накатом из лиственничных бревен, положенных с ВСВ на ЗЮЗ, в настоящее время почти разложившихся,— лишь вдоль ЗЮЗ стенки на материке были заметны следы концов бревен. Дальнейшая зачистка установила, что в столь обширную яму позднее был впущен четырехугольный ящик из плит длиной с ВСВ на ЗЮЗ 1.8 м и шириной 1 м. Своей ЗЮЗ стенкой он примыкал прямо к ЗЮЗ же стенке большой ямы так, что от СЗ угла ящика до СЗ угла большой ямы оставалось 0.45 м. Исследование было начато с расчистки ящика. В земле, его заполнявшей, в самых различных местах было найдено большое количество обломков плитняка, вероятно, от разбитого покрытия.

На дне его на глубине 1 м от горизонта оказались беспорядочно разбросанными сильно разлояшвшиеся кости двух человек. Последние, судя по сохранившим первоначальное положение костям ног, лежали друг возле друга, головами на ВСВ, вытянуто на спине.

В СВ и ЮВ углах ящика найдено было по баночному сосуду темной глины, с рядом выпуклостей вдоль бортика. Около сосуда из ВЮВ угла лежали 3 полушарные бронзовые бляшки, а в ЮЗ углу — кости передней ноги барана (с лопаткой).

Весь этот инвентарь и обрядность не оставляют сомнения в возможности отнесения этого погребения it тагарским, вероятно первой стадии.[1] Taitate несомненно и ограбление этой могилы с унпчтоя<ением плит покрытия, обломки которых находились и в насыпи и в засыпке ящика,

К сожалению, особенности почвы насыпи не сохранили никаких следов нарушения ее при впуске тагарского погребения. Земля содерясала большую примесь гумуса, однотонно окрасившего ее в темносерый цвет и затруднившего распознавание пятен. То обстоятельство, что яма для ящика и внизу была вырыта в засыпи древней могилы, т. е. в почве, происходящей из той же насыпи, и не захватила нетронутого целика, исключило возмояшость изучения выбросовых пятен. По удалении ящика, когда удалось установить, что плиты его стенок были цельные, толщиной до 4.5 см, приступили к послойному вскрытию остальной части большой могилы. В заполнявшей ее земле попадались лишь отдельные следы гнилушек вероятно от верхнего бревенчатого наката.

На глубине 1 м от горизонта на грунтовом дне не потревоженной впуском ящика части ямы были встречены остатки погребения 6 человек.

---

[1] С. В. Киселев. Материалы..., табл. III, рис. 87, табл. IV, рис. 18.

В ЮЗ углу ямы, вдоль ЮЮЗ стенки был обнаружен костяк (А) взрослой женщины, лежавшей головой на ЗЮЗ, скорченно на правом боку, с руками, согнутыми на локте, кистями на животе.

В ЮВ углу ямы, вдоль ЮЮВ стенки был открыт костяк (Б) взрослой женщины, лежавшей головой также на ЗЮЗ, на спине с подогнутыми ногами, ступнями у таза. Кости рук отсутствовали.

Рядом с костяком А в 0.4 м к ССЗ найдены остатки костяка (В) взрослого ыуя;чины, лежавшего, судя но сохранившим первоначальное положение черепу и позвоночнику, головой на ЗЮЗ, на правом боку. Кости таза, рук и ног у этого костяка отсутствовали, ребра же были беспорядочно разбросаны справа и слева от позвоночника.

На черепе костяка В, у левого виска найдено медное проволочное кольцо обычного для палеометаллической эпохи вида (табл. II, рис. 1).

Рядом с остатками костяка В в 0.40 м к ССЗ лежал череп взрослого мужчины (Г).

В 0.3 м ССЗ от этого черепа в беспорядочной груде лежали сильно разрушившиеся обломки черепа и ребра взрослого человека (Д) и в 0.35 м дальше к ССЗ от них еще один череп взрослой женщины (Е).

В СВ углу ямы лежали обломки двух сосудов. По реставрации, один оказался горшковидным, с уплощенным дном (высота 16 см), украшенным но плечам пятью горизонтальными рядами наклонных вдавлений Зубчаткой, с шестью интервалами шириной до 3 см. Ниже идут 14 таких же рядов, но уже опоясывающих сосуд кругом (табл. 111, рис. 4). По форме наиболее близким к этому сосуду является найденный в кургане № 1 погребения I около с. Теси в 1928 г.[1]

Второй сосуд — вазочка на коническом поддоне с ручкой, в которой имеется отверстие. Сделана из темной глины, сверху окрашенной в красный цвет (высота 10 см). По внешней стороне стенок идут горизонтальные полосы наклонных вдавлений зубчатым чеканом (табл. III, рис. 3). В настоящее время подобные возочкп известны из ряда афанасьевских погребений, одна из могнлы III Афанасьевского могильника,[1] [2] две из кургана № 4 около Теси (1928 г.)[3] и одна из кургана № 17 около Сыды (см. выше).

К ЗЮЗ стенке ящика впускного погребения, в 0.25 м от СЗ угла, примыкали обломки двух сосудов. Один имеет обычную яйцевидную форму и украшен рядами вдавлений плоскозаточенной палочкой (высота 20 см, табл. III, рис. 1). Наиболее близким к этому сосуду считаю найденный в XVI могиле Афанасьевского могильника.[4]

Другой сосуд был также яйцевидный, но более широкий на плечах (высота 21 см). Стенки снаруяш и изнутри выглажены зубчаткой. По своей

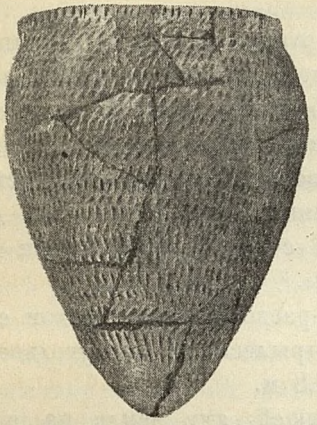
---

[1] С. В. Киселев. Материалы..., стр. 30, табл. I, рис. 30.

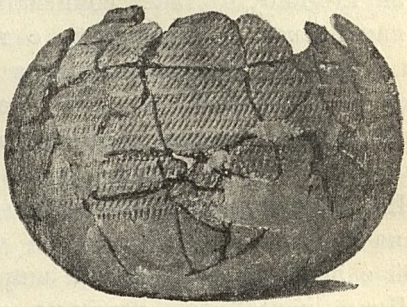
[3] С. А. Теплоухов. Древние погребения..., стр. 71, табл. V, рис. 1.

[3] С. В. Киселев. Материалы..., табл. I, рис. 25 и 27.

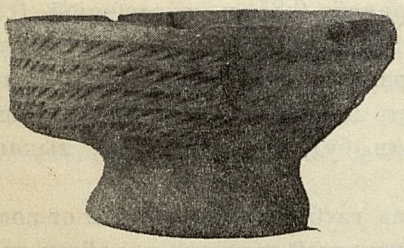
[4] С. А. Теплоухов. Древние погребения..., стр. 74, табл. V, рис. 2.



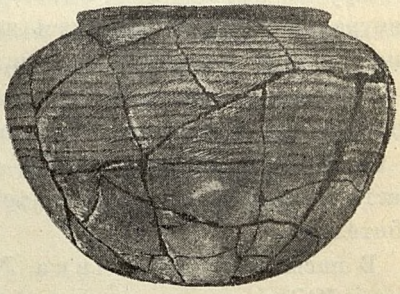
1



2



3



4

Дио- 1/1 % и t — около 1/* н- а- ДИО. 8 — 1/1 н- я.

форме этот сосуд напоминает большую «яйцевидную остродонпую корчагу», найденную в IX могиле Афанасьевского могильника.[1]

В 0.15 м к Ю от этих сосудов лежал аккуратно опиленный рог, повидимому оленя, полый внутри п со сквозным отверстием блюке к тонкому концу (табл. II, рис. 5). Обломок подобного рога был найден в VI могиле Афанасьевского могильника.[1 2]

Подводя итоги исследованию этого кургана, нельзя не указать, что если стратиграфия его погребений и не имеет особого значения, так как вряд ли кто-нибудь станет сомневаться в большей древности афанасьевских памятников по сравнению с тагарскими, то самый факт использования тагарцами древнего кургана для своей погребальной постройки проливает некоторый свет на представления этих последних. Далеко не на всякой ступени развития встреча со старыми хсостями могла не препятствовать устройству новой могилы.[3]

Под к у р г а н ч и к о м одиннадцатым, расположенным рядом с десятым, на горизонте, в центральной части отрылась четырехугольная яма длиной с ЗЮЗ на ВСВ 1.5 м и шириной 0.8 м.

После послойного удаления заполнявшей яму земли на глубине 0.7 м от горизонта на ее грунтовом дне оказались беспорядочно разбросанные кости взрослого человека и подростка. Среди костей по всему дну встречались обломки реповидного сосуда с несколько уплощенным дном (высота 15 см), украшенного горизонтальными рядами наклонных вдавлений зубчатого чекана (табл. III, рис.. 2). Довольно близок к нему реповидный сосуд, найденный в 1928 г. в кургане № 1, погребение I около с. Теси.[4]

Беспорядочное состояние костей и отсутствие большого количества обломков сосудов говорят за ограбление этого погребения.

Другие два кургана оказались еще менее удачными. Под восьмым в центральной части открылась засыпанная землей четырехугольная яма длиной с ЗСЗ на ВЮВ 1.8 м, шириной 0.85 м и глубиной 0.8 м. На грунтовом ее дне найдены разбросанные в беспорядке кости взрослого человека, лежавшего, судя по сохранившим первоначальное положение костям ног, головой на ЗСЗ, согнуто на правом боку. Череп, челюсть и часть позвонков и ребер отсутствовали, будучи, повидимому, выкинуты грабителями.

В насыпи к у р г а н ч и к а №9 на глубине всего 0.15 м от поверхности в ЮЗ части у самого кольца с внутренней его стороны найден сильно

---

[1] С. А. Теплоухов. Древние погребения..., стр. 73, табл. IV, рис. 3.

[2] С. А. Теплоухов. Древние погребения..., стр. 69, табл. I, рис. 11.

[3] В. П. Левашова, раскопавшая 4 афанасьевских кургана около улуса Краспый яр, Чарковского района Хакасспп в 1930 г., такяхе встретила в кургане № 1 вводные погребения различных эпох и среди них позднетагарскпе. (Отчет В. П. Левашовой за 1930 г. Архив ГАИМК за 1931 г., № 137.)

[4] С. В. Киселев. Материалы..., стр. 29, табл. I, рис. 18.

истлевший костяк взрослого человека, лежавшего головой на В, согнуто, на правом боку. Кости рук отсугствовали.

Основная могильная яма открылась в центральной части с горизонта. Она была четырехугольной, длиной с BGB на ЗЮЗ 1-8 м, шириной 0.9 и глубиной 0.8 м. По стенкам яма была обставлена в виде ящика хорошо пригнанными девонскими плитами. По удалении заполнявшей ящик земли, на его грунтовом дне оказались кости взрослого человека, лежавшего, судя по сохранившим первоначальное положение тазовым и бедренным костям, головой на ВСВ на спине с ногами, согнутыми коленями к Ю. Отсутствовали кости головы и правой руки.

При расчистке ящика выяснилось, что его стенки в СВ углу были разбиты.

Это обстоятельство заставило считать несомненной причиной нарушенности расположения костей работу грабителей.

Последнее погребение является вторым афанасьевским, сделанньш в виде ящика из плит. Оно важно в том отношении, что в месте его расположения нигде нет рядом карасукских могил, и поэтому отнесение его к афанасьевскому времени можно делать более уверенно, чем в первый раз в 1928 г. для погребения кургана № 8, недалеко от которого находились карасукские курганчики. Из них один, имея под собой ящик, по насыпи имел кольцо из камней, положенных плашмя.

Что касается первого костяка, найденного в насыпи, то я затрудняюсь считать его афанасьевским, так как очень близкие к нему погребения уясе неоднократно были находимы в насыпях татарских курганов.[1]

Наконец, несколько слов о пятом кургане (№ 7) этой второй теспнской группы, имевшем на насыпи кольцо. Особенностью этого кургана является наличие на нем, помимо остатков кольца афанасьевского облика из обломков плиток, положенных плашмя, также и четырехугольной татарской оградки с вертикально поставленными камнями на двух ее углах.

Повидимому мы здесь имеем второй после кургана № 10 случай использования в тагарское время древних курганов.

К сожалению, раскопки этого кургана, обнаружив 4 татарские погребения, описывать гхоторые здесь неуместно, не дали никаких следов древней могилы, вероятно, целиком разрушенной впускными.

¥ ¥

Таковы материалы двух новых афанасьевских могильников Сыдинского и Тесинского II. Всеми своими особенностями они связываются

[1] С. В. Киселев. Материалы..., т. III, стр. 98. В. П. Левашева встретила в 1930 г. в афанасьевском кургане № 1 близ улуса Красный яр Чарковского района среди других вводных один костяк, очень сходный с нашим, но в каменном ящике, поставленном в насыпь, другой сходный костяк без ящика оказался на горизонте, оба головой на запад, как впускные в моих татарских курганах 1928 г. (Отчет В. П. Левашовой о раскопках 1930 г. Архив ГАИМК за 1931 г., № 137.)

скорее с Тесинским I, чем с Афанасьевским. В этой связи преягде всего необходимо учесть наличие здесь кургана — надмогильного сооружения, совершенно отсутствующего под Афанасьевской горой. Так же как и в Теси I, некоторые погребения имеют здесь более слоашые покрытия из плит, не известные афанасьевским могилам. То ate мояшо сказать и о кольцах в насыпях. Их нет в Афанасьевском могильнике, могилы которого отмечены не кольцами, а круглыми площадками из камней. Не менее показательна и керамика. Если в Афанасьевском могильнике яйцевидных оказалось 79% всех сосудов, а в Тесинском I только 57%, то в Тесинском II из пяти настоящих яйцевидных только 2, а 2 блнясе к сферическим и в Сыдинском яйцевидных 48%. Наконец, особенно моягет быть ваягно отсутствие во всех погребениях этих трех исследованных нами могильников костей домашних животных, лошади домашнего быка и овцы, довольно частых в могилах Афанасьевской горы. [1]

В 1928 г. я считал в отношении теспнскнх погребений наличие курганных насыпей, большую дифференцированность форм сосудов, сравнительную частоту находок металлических изделей и среди них, сходных с глазковским, а таюке более высокую технику шлифовки каменных орудий некоторыми основаниями для постановки вопроса о большей молодости тесинских курганов по сравнению с афанасьевскими могилами.[1 2]

Так как мы только-что отметили большее сходство новых могильников с Тесинским I, чем с Афанасьевским, то все выводы относительно Тесинского I тем самым оказались связанными и с Сыдинскими и Тесинскими II курганами. Этому не противоречат и детали, подмеченные в ходе анализа отдельных комплексов. Укажу здесь прежде всего на наличие колец из вертикально поставленных плит.

Если кольцевые выкладки кажутся отступающими от традиции Афанасьевской горы, все могилы которой отмечены лишь круглыми площадками из камней, и невольно напрашиваются параллели с андроиовскими [3] и карасукскими курганчиками, то новая конструкция кольца (с вертикальными плитами) в Сыде и Теси II прямо заявляет о близости к андроновским хотя бы Усть-Ербы [4] и Орака. [5]

---

[1] Замечательно, что и в погребениях четырех афанасьевских курганов, раскопанных В. П. Левашовой близ улуса Красный яр Чарковского района Хакассии в 1930 г., также не найдено никаких костей д машнпх животных (Отчет В. П. Левашовой о раскопках 1930 г. Архив ГАИМК за 1931 г., № 137).

[3] С. В. Киселев. Материалы..., стр. 31 и 32.

[3] В. П. Левашова. Отчет о раскопках андроиовскпх курганов около ул. Подкунпнского (Архпв ГАИМК за 1932 г., № 137).

* С. В. Киселев. Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакассии (Советская этнография за 1935 г., № 4—5, стр. 206).

[5] Отчеты Г. П. Сосновского о раскопках в окрестностях улуса Орак (бл. ст. Ужур) в 1925 и 1927 гг. (Архив ГАИМК за 1925 г., № 168; за 1927 г., №№ 128).

Вообще ate кажется вполне закономерным в ходе развития религиозных представлений раннего родового общества постепенное осложнение первоначального солнечного знака над могилой — диска из камней, впоследствии кольца-кромлеха, — курганом, т. е. горой-небом.[1]

Остается лишь одно затруднение к окончательному принятию предположения о более позднем времени сейчас известных нам уже четырех групп афанасьевских курганов с кольцами по сравнению с могилами Афанасьевской горы. Эго — отсутствие в них костей домашних животных и яшвотных вообще, за исключением оленя. Однако данный аргумент силен только тогда, когда мы рассматриваем кости животных в могиле в качестве остатков пищи, положенной с покойником. Между тем эти кости могут иметь совершенно иной смысл.- Так, кости, и главным образом рога оленя, скорее осмыслялись не как пища, но, вероятно, в связи с солярностыо оленя. То же можно думать относительно быка и коня. Поэтому наличие или отсутствие костей животных в могиле может быть объяснено вторичным влиянием идеологической сферы и вовсе не обязательно свидетельствует в пользу или против наличия скотоводства в момент сооружения тех или иных курганов. При эхом здесь, конечно, могут оказаться и локальные особенности.

Трудно при сильной отравленности погребений сравнивать их по составу. Но, во всяком случае, все говорит в них об отсутствии еще каких-либо признаков нарушения первобытного коммунизма.

Погребения с большой коллективностью (до 6 костяков) также являются чрезвычайно важным моментом, связанным с представлениями о родственных отношениях.

Все это приобретает особую значимость потому, что в настоящее время мы уже не моясем рассматривать афанасьевские памятники лишь в свете узколокальных проблем среднего Енисея. Раскопки т. Сергеева около Эʲекманара на Северном Алтае дали блестящий материал по алтайскому варианту афанасьевской культуры. [1 2] Если же мы вспомним к этому рисунки радловских картонов, дающих изобралгения типично-афанасьевских сосудов с Алтая,[3] и лказания на наличие афанасьевских черепков около Бийска, Барнаула и Семппалатинска, [4] а также сходство афанасьевских формсямнымп юга Европейской части СССР (объясняемое не столько хронологической, сколько стадиальной близостью), то убедимся, что, невидимому, начинает вскрываться огромный культурный пласт, который вне зависимости от его «людского состава» будет в дальнейшем характе-

---

[1] По вопросу о кромлехах на курганах, под нпмпппрп нпх, см. И. И. Мещанинов, Кромлехи (Изв. ГАИМК, т. VI, вып. 3). Его же, Кромлехп у славян (Сообщения ГАИМК за 1931 г., № 7).

[3] Хранится в Ойротском музее. Летом 1936 г. дополнен раскопками Г. П. Сосновского.

[3] Храпятся в Архиве ГАИМК.

· С. А. Теплоухов. Древние погребения. .., стр. 77.

рпзовать ту стадию общественного развития, для которой характерны родовые отношения на основе возникающего скотоводства, совершенно подобно следующему андроновскому пласту, несомненно связанному с более высокой организацией родового строя, оснащающегося в степях уже земледелием, до тех пор, понпдимому, заменявшимся простым собиранием растительных продуктов, т. е. эквивалентом охоты. Нам остается только прилагать все усилия к дальнейшему отысканию и исследованию памятников этой Эпохи, знаменующейся самым началом первого крупного общественного разделения труда, когда «пастушеские племена выделились из остальной массы варваров».[1]

S. KISELEV

LES TUMULI DU TYPE D'AFANASSIÉVO DANS LA REGION DE MINOUSSINSK

RÉSUMÉ

Poursuivant ses explorations archéologiques dans la région de Minoussinsk, l'auteur a fouille en 1929 et 1932 près les villages de Syda et de Tessi plusieurs nouvelles sépultures de l'époque du bronze de l'Iénisséi moyen, appartenant au type dit d'Afanassievo (3-e millenaire avant notre ere).

Ces sépultures sont marquées par des tertres circulates, revêtus sur le pourtour d'un cercle de dalles. Elies renferment parfois plusieurs fosses funéraires, dans chacune desquelles sont inliumés de 1 à 8 individus. Tous les morts gisent dans la position accroupie, les genoux replies.

Les objets métalliques sont très rares. Quelques bois de cerf, une râpe en pierre, des gaines en os. Poterie très curieuse — vases ovo'ides, sphériques, la plupart à fond circulate, avec ornement produit par un instrument denticule. Petits vases — cassolettes de forme originate.

Aucune des sépultures fouillées n'a fourni d'ossements d'animaux domestiques, bien qu'à cette époque l'elevage existat deja sur les rives de l'Ienisseî. L'auteur n'a constaté aucune différenciation d'après le degré de ricbesse des sepultures.

A l'heure actuelle, des sépultures du type d'Afanassiévo analogues ont été découvertes dans 1'Altai'. II se peut qu'on en trouve également dans les steppes du Kazakhstan (on a deja ici des trouvailles isolees de ceramique).

II semble qu'on voie se révéler ici une des couches archéologiques les plus anciennes des steppes de l'Eurasie, repreśentee dans les steppes de la région de la mer Noire par les sépultures «à fosses» et «à catacombes», et dont 1'unité repose sur l'unité de technique de l'élevage à l'etat naissant et sur l'identite des rapports sociaux, repŕesentations et rites propres au clan matriarcal.

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1934 г., стр. 139.

А. В. ЗБРУЕВА

АНАНЬИНСКИЙ МОГИЛЬНИК

В археологической литературе найдется мало памятников, которые имели бы столь важное значение и вместе с тем были бы в общем так плохо исследованы и изданы и так сильно разрушены раскопками, как известный Ананьинский могильник, расположенный на дюнном всхолмлении близ дер. Ананьино Челнинского кантона Татресиублики.

По имени этого могильника получила название целая эпоха, он дал около 79 погребений и массу вещественного материала, хранящегося в музеях Москвы, Ленинграда, Казани и других музеях СССР и в Гельсингфорсском музее Финляндии.

По подсчету А. М. Тальгрена, погребальный инвентарь могильника, без материала из раскопок 1930 г., состоит из 1500 объектов, не считая фрагментов сосудов и бус. Из них в Ленинграде хранится около 150 предметов, в Москве 140, в Казани 280, в других музеях СССР около 100 и в Гельсингфорсе 830.

Достаточно перечислить фамилии исследователей, чтобы представить себе, как сильно изрезана раскопками площадь могильника. Его раскапывали: П. В. Алабин (1858 г.), П. И. Лерх (1865 г.), проф. К. И. Невоструев (1870 г.), И. Р. Аспелин (1870 г.). В конце 70-х гг. могильник осматривали и производили частичные раскопки члены Казанского общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете — Н. Ф. Высоцкий, Н. Малиев, Н. А. Толмачов и П. Д. Шестаков; в 1880 г. его раскапывал Радаков, в 1881—П. А. Пономарев, в 1891—1894 гг.— Ф. Д. Нефедов и после него — Н. Блинов.

Если вспомнить еще, что, начиная с 1858 г. до конца XIX в., могильник непрерывно раскапывался местными крестьянами, продававшими найденные вещи любителям старины, и разрушался весенними разливами Камы, то получится полное представление о степени разрушенности памятника.

К этому нужно прибавить, что материал из раскопок могильника чрезвычайно плохо издан: до сих пор в издании нет ни одного рисунка погребений с сопровождающим их инвентарем. Основные работы по рас-

копкам могильника П. В. Алабина и П. А. Пономарева были изданы без единого рисунка. Особенно приходится пожалеть о том, что до сих пор не изданы черновые рисунки П. А. Пономарева, исследования которого были произведены очень тщательно и сопровождались необходимыми зарисовками. Как это ни странно, но иллюстрации к погребальному инвентарю Ананьинского могильника мы находим, главным образом, в работах И. Р. Аспелина[1] и А. М. Тальгрена.[1] [2] Из русских работ с иллюстрациями изданы материалы проф. Новоструева и Ф. Д. Нефедова, но ни тот ни другой не дали изображений погребальных комплексов.

В литературе известны 2 сводки по ананьинской культуре: А. А. Спицына (1893 г.), который впервые и весьма убедительно высказал мысль о культурном единстве древних могильников Вятки — Камы и костеносных городищ[3] и сводка А. М. Тальгрена в работе «L'epoque dite d'Ananino dans la Russie orientale», 1919 г.,[4] где автор развивает и дополняет положения А. А. Спицина и высказывает мысль, что ананьинская культура развивалась из более древних местных культур века бронзы.

В течение 1925—1930 гг. Московский антропологический институт организовал ряд работ по изучению ветлужскпх и вятско-камских костеносных городищ, в частности раскопки Ананьинского могильника, произведенные в конце июля и начале августа 1930 г. под руководством Б. С. Жукова.

В виду того, что могильник был уже много раз раскопан и не только не исключена была возможность отсутствия на могильном холме нетронутых мест, напротив, последнее обстоятельство представлялось наиболее вероятным, Академический центр Татреспубликп, организовавший совместно с Антропологическим институтом экспедиционные исследования 1930 г., поручил заведующему Археологическим отделом Центрального музея Татреспублпки Н. Ф. Калинину произвести предварительное обследование памятника с целью выяснения современного состояния могильного холма и узнать, не находят ли местные жители после весенних разливов р. Камы и ее притока Тоймы человеческих костей или бронзовых предметов, вымытых из могильника.

Разведка Н. Ф. Калинина, на основании рассказов местных жителей и стариков, участников или очевидцев прежних раскопок могильника, вскрыла преясде всего грандиозность этих раскопок. Так, например, на работы под руководством П. В. Алабина в 1858 г. «согнали» крестьян с трех ближайших деревень б. Удельного ведомства в количестве свыше 100 чел., которые прорыли огромную траншею («канаву») по направле-

---

[1] Aspelin. Antiquite du Nord Finno-Ougrien, 1877.

[3] A. M. Tallgren. L'epoque dite d'Ananino dans la Russie orientale.

[3] Археология восточных губерний России, вып. I.

[4] A. M. Tallgren, там же.

нию с востока на запад; земля, выбрасываемая из траншеи, увозилась на телегах. О том, как поспешно и грубо производились раскопки Алабина, говорится и в работе П. А. Пономарева «Ананьинский могильник» и в других работах.

Во время раскопок 1894 г. под руководством Пономарева, при участии А. Ф. Лихачева и Малиева, площадь могильника была прорезана траншеями по направлению с севера иа юг, причем П. А. Пономарев в своем описании работ по ананьинской дюне говорит о целой системе траншей, заложенных А. Ф. Лихачевым, не указывая их направления. Так как ни один из предыдущих исследователей памятника не оставил планов своих разрезов, указания местных жителей были чрезвычайно ценны.

Н. Ф. Калинин при осмотре могильника нашел часть черепной крышки и нижнюю челюсть человека в осыпи юго-западной части дюнного всхолмления. Таким образом, разведки Н. Ф. Калинина давали слабую надежду, что не весь материал памятника исчерпан предыдущими раскопками и размывами реки, но что еще возможна находка непотревоженных мест.

Описывая поверхность могильного холма после его осмотра, П. А. Пономарев (1881 г.), Ф. Д. Нефедов (1893—1894 гг.) пишут следующее:

«На поверхности черноземного пласта, покрытой тощей травою, не без труда можно было различить несколько темных пятен — следов позднейших раскопок. Часть дугообразного вала на западном конце и узкая лощинка, которые становятся заметными только тогда, когда их укажут местные старики-крестьяне,—служат единственными свидетелями обширных раскопок Алабина».[1]

«Ананьинский могильник... после сорокалетних раскопок и расхищений представляет безобразные груды земли и мрачные ямы».[1 2]

«Печальный вид представляет в настоящее время этот памятник: по всей дюне лежат бугры черной земли, ямы, всюду рассеяны черепки, человеческие кости, камни...[3]

Песчаный холм, известный под именем Ананьинского могильника, представляет собою остаток большой дюнной гряды, вытянутой в общем с северо-запада на юго-восток, параллельно современному берегу р. Камы (рис. 1). Небольшие остатки этой гряды в виде невысоких песчаных холмиков, почти уничтоженных размывом Камы, находятся по обе стороны могильного холма на расстоянии около 500 м от него.

Самый могильный холм сильно размхлт с юго-запада, так что дорога, находившаяся во время первых раскопок могильника с 1858 г. под самым

---

[1] П. А. Пономарев. Ананышскпй могильник.

[2] Ф. Д. Нефедов. Археологические исследования в южном Приуралье и Прикамье в 1893—94 гг.

[3] Там же.

холмом, в настоящее время проходит в расстоянии нескольких десятков метров к юго-западу (см. план могильника). Если верить старожилам, все прежние раскопки производились в части холма, смытой Камой. По этому поводу П. А. Пономарев в своей работе «Ананьинский могильник», упоминая об эскизе Шишкина, сделанном в последней четверти XIX в., где на окраине дюны, за изгородью, заметны отдельные черноземные холмики, пишет следующее:

«В настоящее время весенними разливами уже успело отрезать от дюны всю южную окраину, где стояла изгородь, и даже значительную

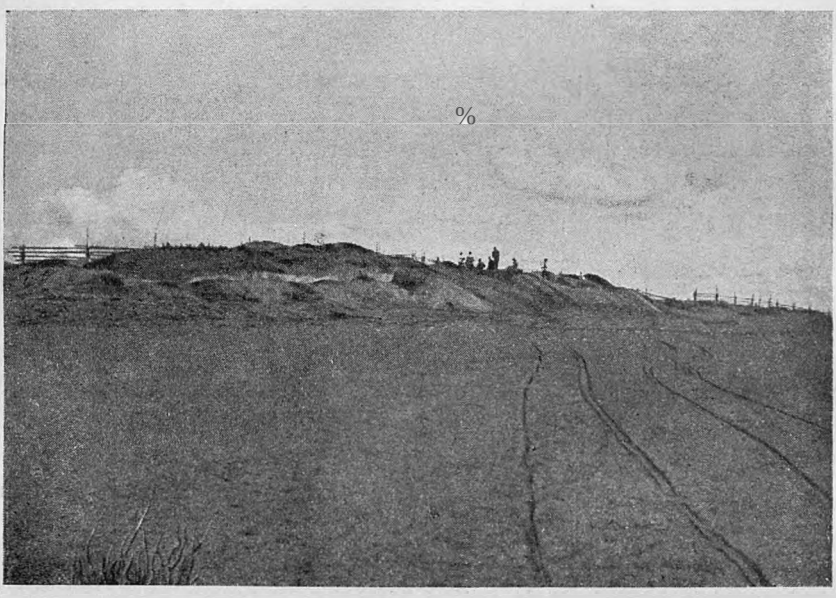


Рис. 1. Ананышский могильник (могильный холм).

часть черноземного пласта, за противоположную, т. е. северную сторону которого давно уже пришлось перенести и изгородь».

Самый холм имеет два возвышения — восточное, где и производились раскопки, и западное, где жители дер. Ананьино до сих пор зарывают павший скот, причем при рытье ямы ни человеческих костей, ни бронзовых вещей ими никогда обнаруягено не было.

Северо-восточная часть холма покрыта толстым слоем слоистого светлого песка, надутого в процессе двиягенпя дюны сравнительно недавно.

Поверхность могильника более или менее ровная, кое-где поросшая пучками редкой травы. Подъемный материал—фрагменты керамики, костей, бронзовых и железных предметов — рассеян на большом расстоянии, начиная от осыпи могильного холма до дороги, в юго-восточном направлении и от «Гуменщпньт»—остатка дюны у самой дер. Ананьино,

до небольшого возвышения в расстоянии около 500 м к северо-западу от могильника. Часть обломков керамики вполне соответствует обычному представлению о сосудах ананышского типа, часть же отличается от него, —встречаются фрагменты плоских днищ.

Среди подъемного материала были найдены 2 бронзовых бляшки в виде двух рельефных кругов, соединенных перемычкою с петлями для прикрепления на обратной стороне.

Такие бляшки обычны для ананьинских погребений.

При зачистке края юго-западной части дюны обнаружена верхняя часть рукоятки ножа или кинжала с двумя загнутыми внутрь округлыми концами (один из них обломан) и часть какого-то бронзового предмета.

В первую очередь необходимо было вскрыть стратиграфию памятника и вместе с тем определить места, не потревоженные преишими раскопками. С этой целью была произведена зачистка осыпи дюны с юго-восточной стороны. Получилась следующая картина. Под слоем надувного песка разной толщины залегает слой темнокоричневой, почти черной супеси, насыщенной гумусом,— «пласт жирного чернозема», в котором, по словам П. А. Пономарева, были вырыты могильные ямы. Под ним находится светлый слоистый песок, иногда с прослойками красной глины.

Характеризуя расположение и стратиграфию Ананьинского могильника, П. А. Пономарев пишет, что он расположен на гривке посреди южной окраины дюны, в том пункте, где дюна достигает наибольшей высоты и спускается в сторону Камы двухсаженной кручей, прикрытой сверху черноземом. Пласт чернозема имеет форму продолговатого овала, длиною в 30 саж. и шириною в 7 саж.; толщина черноземного слоя в средней части обрыва доходит до 3 арш., а во все остальные стороны постепенно сходит на-нет.

Этот-то едва заметный черноземный пригорок, находящийся на расстоянии версты к востоку от дер. Ананьинской, и есть большой Ананьинский могильник.

После выяснения стратиграфии, раскопки велись в нетронутых местах, очень немногочисленных и очень небольших по площади. Таких мест было обнаружено бив одном из них, самом большом по площади, было найдено погребение (см. план раскопок, рис. 2).

В срезе юго-западной части могильного холма на фоне светлого дюнного песка очень ясно обозначилась могильная яма, выполненная слоем темнокоричневой супеси, которая углублялась в песок на глубину 1 м 10 см от поверхности могильного холма. На самом дне ямы обозначились концы бедренных костей ног человека.

На глубине 20 см среди светлого песка ясно вырисовалось могильное пятно в 1 м 20 см длины и 70 см ширины, вытявутое с СВ на ЮЗ. На глубине 50 см была обнаружена полоса сгнившего дерева, идущая по границе могильного пятна. Эта полоса быстро исчезла. Могильная

яма углублялась в слой светлого слоистого песка, лежащего в основании дюны на глубину 35 см. Общая глубина могильной ямы 110 см.

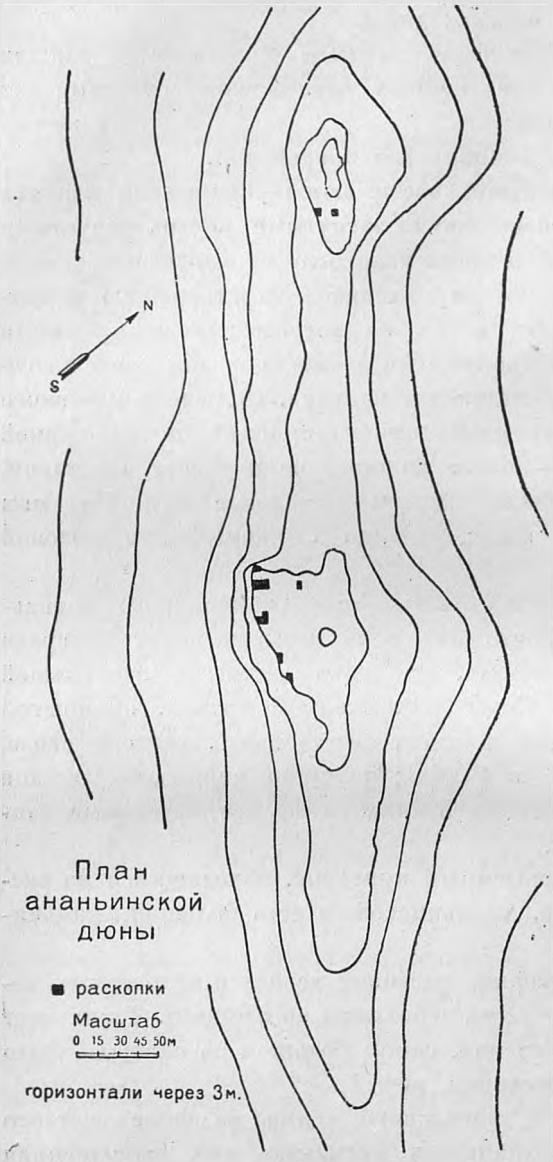


Рис. 2.

В могильной яме встречались угольки и мелкие косточки. В головах погребения были следы дерева, дававшего в плане впечатление следов воткнутых небольших ягердей или прутьев.

Погребение было отчасти уже разрушено: берцовые кости и кости стоп были, повидимому, вымыты водою во время весенних разливов, которые уничтожили такасе и весь юго-западный край могилы.

Несмотря на очень осторожную расчистку скелета, оказалось возможным взять для лабораторной обработки лишь значительную часть черепа, нижнюю челюсть, ключицы, плечевые и бедренные кости. Кости таза, лопатки, ребра и позвонки, а также остальные кости рук частью **не сохранились совсем,** частью имели вид мелких, рассыпающихся при прикосновении фрагментов.

Кости ног скелета вероятно вследствие обвала, происшедшего после зачистки осыпи дюны в этом месте, находились значительно ниасе общего уровня верхней части костяка.

Погребение (молодого мужчины) ориентировано на СВ головою. Положение костяка — на спине, с вытянутыми конечностями. Череп раздавлен и лежал на правом боку (рис. 3—4).

При погребении обнаружены следующие вещи: в головах к СВ от черепа — мелкие жженые косточки и *2* левых плечевых кости лошадей

разной породы: одна — более крупной, другая — более мелкой.[1] Налево от черепа — бронзовый кельт обычного ананьиискоого типа с остатками дерева во втулке. Кельт — шестигранный, причем средняя грань значительно шире боковых.

Орнамент на обеих сторонах орудия состоит из рельефных линий. С одной стороны по краям втулки расположена зубчатая линия, ния«е на средней грани находятся 4 горизонтальные линии, к которым на боковых гранях примыкают углы, направленные остриями к краям. Ниже параллельных линий на средней грани спускаются две пары изогнутых линий, доходящих до 2/3 общей длины орудия. С другой стороны орнамент несколько иной: по краям втулки расположены 2 волнистых линии и ниже 4-х параллельных линий на средней грани находятся 3 прямые вертикальные линии. Длина кельта 7 см, ширина втулки 5—6 см, ширина лезвия 5 см (рис. 5 и 6).

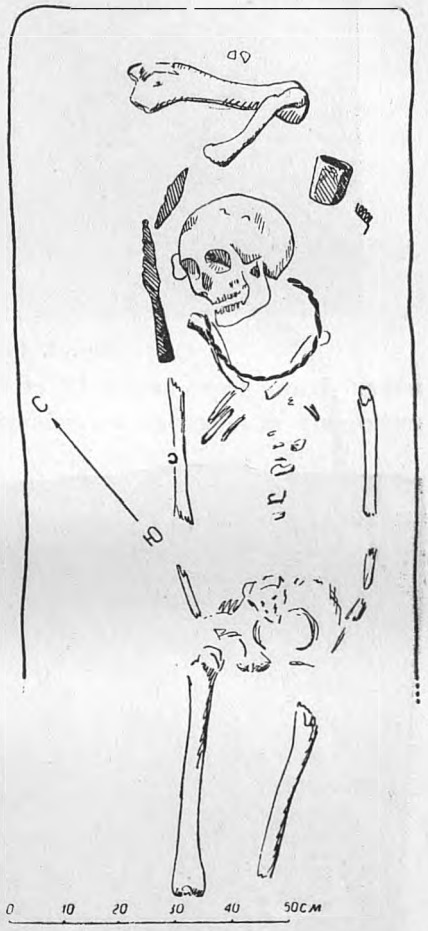


Рис. 3. Погребение мужчины (план),

Недалеко от кельта, влево от черепа, лежала небольшая спираль из плоской бронзовой проволоки, с небольшой примесью серебра; длина 3 см, диаметр 1.3 см.

Подобная спираль была найдена П. А. Пономаревым в погребении Д, также возле черепа. Повидпмому, это были остатки украшения, связанные с головным убором.

С правой стороны черепа вверху лежал яселезный пояс со следами деревянной рукоятки. Поверхность ножа сильно попорчена рягавчиной. Повидимому, нояг был однолезвийный, с дуго- видным слегка выпуклым лезвием. Длина—11.9 см, наибольшая ширина—около 2 см (рис. 7). Нон;и такого типа известны и из Ананьиискоого могильника и из друтих памятников ананьинской эпохи.

Немного ниже ножа, ташке справа от черепа, помещалось большое железное копье, древко которого, повидимому, примыкало к правой руке погребенного. Копье, так же как и нож, плохой сохранности. Особенно

[1] Определение костей сделано А. Н. Дружининым.

пострадало перо, имевшее, видимо, листовидную форму. Втулка довольно» массивная, в нижней части — несомкнутая; часть нижнего края ее обло-

Рис. 4. Общий вид погребении.

мана. Длина пера около 12 см, втулки —9 см (рис. 7). Железные копья имеются в коллекциях из раскопок Дианьинского могильника и представ-

Рис. 5. Бронзовый кельт ананьинского типа (лицевая сторона. $^1/_1$ н. в.).

Рис. 6. Бронзовый кельт (оборотная сторона. $^1/_1$ н. в.).

ляют собою обычную принадлежность погребального инвентаря мужских погребений.

Ниже черепа найдена бронзовая гривна из перекрученного четырехгранного дрота. Один конец ее расплющен в плоскую лопаточку, другой

конец настолько плохой сохранности, что о форме его ничего сказать нельзя (рис. 8). Подобная гривна найдена П. А. Пономаревым при раскопках погребения Д.

У середины правого плеча лежало небольшое несомкнутое колечко из тонкой проволоки того лее материала, что и спираль, диаметр его 1.3 см. Колечко может относиться к одежде, которая совершенно не сохранилась. Возле черепа лежало каменное орудие: окатанная водой галька я«елтовато-серого кварца, имеющая форму неправильной трехгранной призмы. Рабочими поверхностями служили боковые грани. Последние стерты, в особенности одна из них, а поверхность^слегка заполирована.

Рис. 7. Копье и нож из л;елеза ($^1/_2$ н. в.).

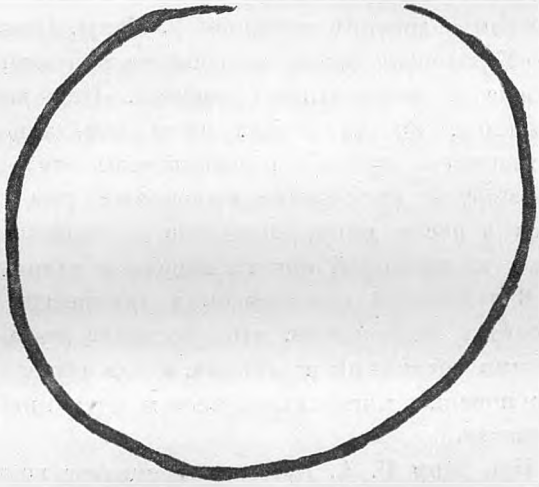


Рис. 8. Бронзовая гривна ($^1/_2$ н. в.),

Округлые плоские гальки со «стертыми», отчасти сбитыми краями найдены при раскопках экспедицией ГАИМК 1934 г. Галкинского городища, синхроничного Ананъпнскому могильнику.

Два такие нее предмета описаны в числе находок с Ананьинского могильника в работе A. M. Tallgren «L'epoque dite d'Ananino...», p. 32, причем одно из них изобралсено на рис. 78 под № 5. A. M. Tallgren описывает их как орудия неизвестного назначения, не имеющие аналогий в литературе.

Под черепом лел«ал резец бобра, имевший, быть может, магическое значение.

Юго-западная часть могилы была разрушена еще до раскопок, и поэтому инвентарь погребения нельзя считать полным.

Как видно из сказанного, вскрытое погребение является типичным для Ананьинского могильника, но не отличается богатством инвентаря.

На материале одного погребения нельзя ставить вопрос о датировке памятника; поэтому приходится ограничиться указанием на датировку других исследователей, сделанную на основании анализа большого материала; А. В. Шмидт и А. М. Тальгрен датируют Ананьинский могильник временем VI—II вв. до н. э.

Итак, работами экспедиции выяснено, что памятник почти окончательно разрушен раскопками, а также и весенними разливами. Нетронутые места встречаются редко и очень небольшими площадями. В дальнейшем возможно найти непотревоженные участки с погребениями лишь при условии вскрытия всей площади могильного холма.

Описывая лежащий на ананьинской дюне пласт чернозема, достигавший в средней части обрыва мощности около 2 м, П. А. Пономарев не ставит вопроса, откуда он мог появиться на дюнном всхолмлении, связанном с древним течением р. Камы. Однако он пишет следующее:

«У подошвы дюны, на всем ее протяжении попадаются в песке обделанные и необделанные кремни. Они встречаются и подле самого могильника, но опять-таки не в нем, а в песке, вымытом из дюны. Необходимость строгого разграничения этих памятников каменного века от древностей могильника выясняется уже из того, что первые встречаются в песке дюны совместно о характерными обломками глиняной посуды, не пмеющей ничего общего с глиняной посудой могильника».

В результате сопоставления указанных данных, П. А. Пономарев приходит к заключению, что «песчаная дюна, почти сплошь заюпляемая высокими весенними разливами, могла служить в период, предшествующий возникновению могильника, местом временных стоянок человека каменного века».

При этом П. А. Пономарев считает возможным провести аналогию между ананьинской дюной с ее памятниками и песчаными дюнами Оки, обследованными А. С. Уваровым, П. И. Кротовым и Н. Ф. Высоцким. [1]

О древнем поселении на Ананьинской дюне, «там, где позднее был насыпан Ананьинский могильник», писал в 1893 г. А. А. Спицын, который в I главе своей работы «Приуральский край» (находки каменных орудий) сообщает, что «первый обнаружил здесь местонахождение каменных орудий П. А. Пономарев, добывший путем раскопок в окрестностях могильника кремневую стрелочку, несколько стрелковидных обломков, некоторое количество костей и своеобразные черепки».[1] [2]

---

[1] Материалы по археологии восточных губерний России, стр. 13. П. А. Пономарев. Ананьинский могильник. Изв. Общ. археол., истории и этногр. при Казанском ун-те, т. X., в. IV.

[2] Материалы по археологии восточных губерний России, вып. I.

Дальше А. А. Спицын описывает кремневые орудия с Ананьинской дюны в коллекции Малахова, а также доставленные им самим после поездки 1887—1888 гг. кремневые осколки, наконечники стрел и каменный обломок долота.

А. М. Тальгрен в цитированной работе также говорит о том, что на дюпе поблизости от могильника находились каменные и бронзовые предметы, не имеющие отношения к погребениям.

Еще при первом осмотре Ананьинской дюны в 1930 г. бросилось в глаза, что среди подъемного материала, состоящего из мелких обломков костей, кусочков бронзы и яселеза, обломков керамики, были встречены фрагменты плоских днищ глиняной посуды, которые не вязались с установившимися представлениями об ананьинских сосудах. Так как этот материал, очевидно, не имел отношения к погребениям, но мог принадлелгать более древнему населению Ананьинской дюны, сотрудниками экспедиции было обращено особое внимание на слой темной супеси — ((чернозема», о котором писал П. А. Пономарев.

В то время как в юго-западной части могильника темный слой с культурными остатками кое-где достигал мощности около 70 см, по направлению it СВ он становился все тоньше, уходя на значительную глубину под надувной песок.

Повидимому, главная часть поселения, которое существовало на Ананьинской дюне до использования ее для погребения, была в юго-западной части дюнного всхолмления. Об этом мояшо заключить и на основании данных раскопок 1930 г. и из вышеприведенных слов П. А. Пономарева, который говорит, что толщина черноземного слоя с культурными остатками в средней части обрыва доходила до 2 м.

Подъемный материал и, главным образом, находки в культурном слое свидетельствуют о том, что древнее поселение занимало большую площадь, простираясь дальше на ЮВ от могильного холма.

Весь материал, как найденный при раскопках, так и собранный на поверхности возле могильного холма, представляет собою единый комплекс. К соя!алению, этот материал очень незначителен и состоит, главным образом, из фрагментов глиняной посуды (рис. 9) и костей яшвотных.

Обломки глиняных сосудов в большинстве случаев очень небольшие. Исключение представляют фрагменты двух сосудов; один из этих сосудов удалось восстановить почти целиком.

Из всего керамического материала удалось выделить 63 сосуда. Все они сделаны от руки и имеют орнамент в верхней части. У половины их имеется примесь толченой раковины в глиняном тесте. Внешняя и внутренняя поверхность сосудов в большинстве случаев заглажена при помощи тряпки или кояси, но у целого ряда фрагментов — при помощи Зубчатого штампа, щепки и лощила, причем лощение не доведено до конца, имея вид отдельных блестящих полос на внешней, а иногда и на внутренней поверхности сосудов.

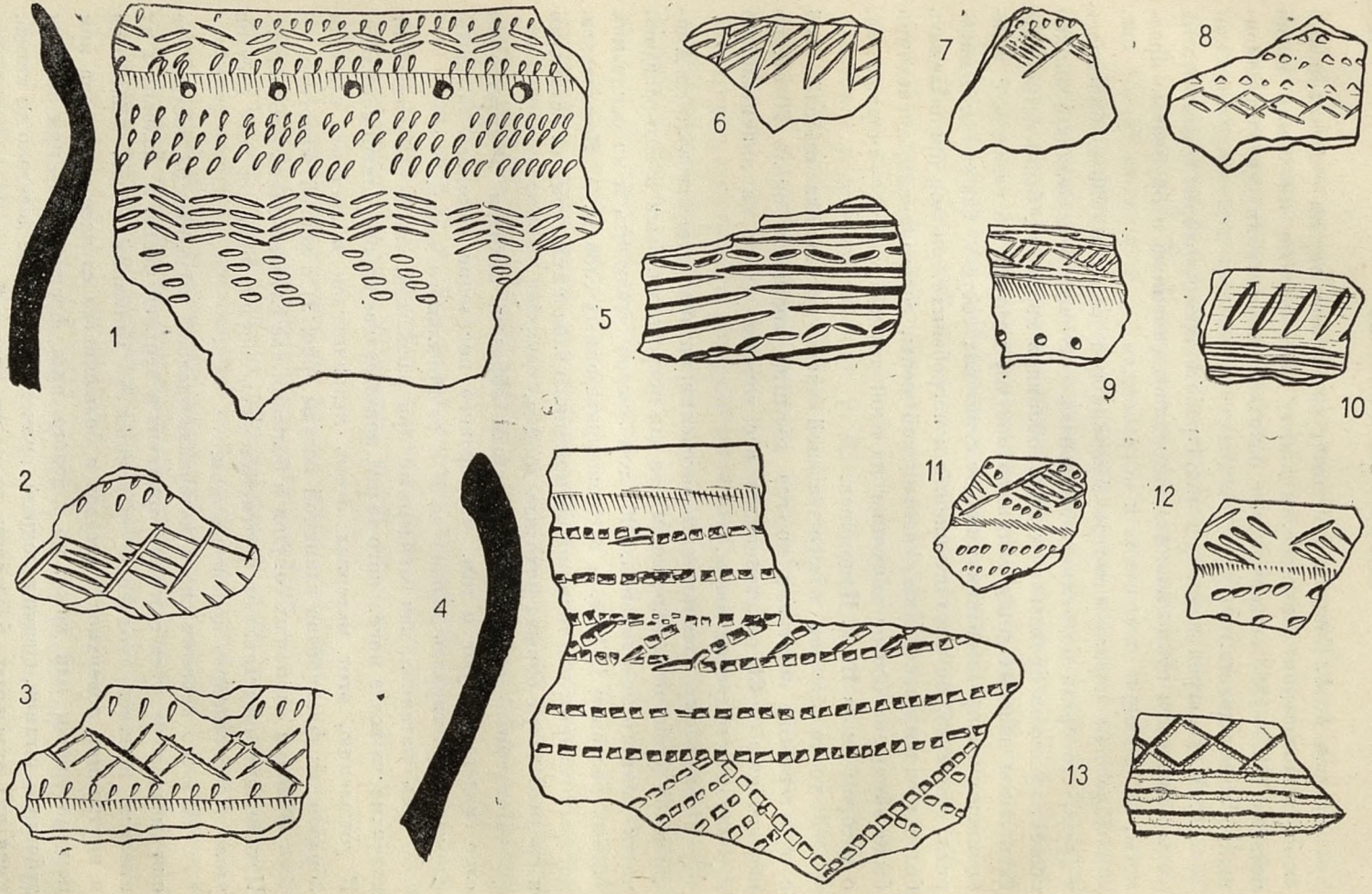


Рис. 9. Фрагменты орнаментированной глиняной посуды.

По форме все сосуды разделяются на 2 группы. К первой группе принадлежат плоскодонные сосуды с орнаментом из заштрихованных и незаштрихованных углов, ромбов и зигзагообразных линий, нанесенных движением острого предмета или зубчатым штампом, а также из ямочных вдавлений, раеполоясенных по верхнему краю сосудов (15). К сожалению, описываемые фрагменты в большинстве случаев так незначительны по размерам, что точно установить форму кая;дого сосуда невозможно, но наличие среди обломков плоских днищ, а также типичный орнамент позволяют более или менее определенно представить себе их формы.

Орнамент из заштрихованных углов, ромбов, зигзаговых линий характерен для сосудов срубно-хвалынской культуры, бытовавшей в среднем и нижнем Поволжье в течение долгого времени.

Сосуды с вышеописанным орнаментом относятся к поздней стадии развития этой культуры.

Керамика описанного типа с Ананьин ской дюны приведена в работе А. М. Тальгрена, который считает ее относящейся к более древнему времени) чем могильник, к медному веку.[1]

Рис. 10. Глиняный сосуд (реставрирован. $^1/_a$ п. в.),

Типичная керамика позднего срубно-хвалынского времени известна из раскопок могильника близ дер. Полянки в окрестностях Спасска б. Казанской губ., произведенных Н. П. Лихачевым в 1881 г.

Ко второй группе относится несколько сосудов из темносерой глины с примесью толченой раковины в глиняном тесте и шнуровым орнаментом, расположенным в верхней части сосуда. Безоговорочно к этой группе молгно отнести 2 сосуда, от которых найдено большое количество фрагментов. Один из них удалось реставрировать (рис. 10).

Оба они имеют типичную форму ананьпнских сосудов, известных из раскопок П. Б. Алабина и П. А. Пономарева. Э^{т0} — чаши с округлым дном и выпуклыми стенками. Оба сосуда украшены шнуровым орнаментом, расположенным в верхней части. На одном из них орнамент имеет вид тройной зигзагообразной линии на месте перехода от шейки к стенке и пересекающихся линий, образующих ромбы на краю шейки и венчике.

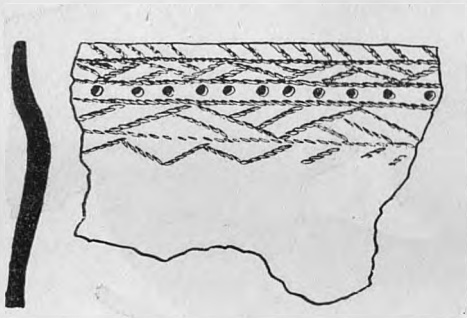
Второй сосуд орнаментирован заштрихованными треугольниками, расположенными на шейке и плечиках сосуда (рис. 11).

---

[1] L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale, № 8—9, fig. 77.

Если мы взглянем на профили сосудов из раскопок Ананьинской дюны, в том числе и сосудов, имеющих орнамент из заштрихованных ромбов, то увидим, что здесь появляется уяге признак, характерный для посуды костеносных городищ, — утолщение на шейке сосуда, так называемый «воротничок».

Археологические работы последних лет дают ряд оснований говорить о широком распространении так наз. срубной культуры, впервые открытой В. А. Городцовым в степях юга России и позднее исследованной П. С. Рыковым, В. В. Гольмстен, П. Д. Рау и В. А. Городцовым в Поволжье, где она бытовала и в более позднюю эпоху и известна под названием срубно-хвалынской. Но границы ее распространения до сих пор еще не установлены вполне точно: так, мы знаем поселения и могильник того же облика в Вязниковском районе б. Владимирской губ. (Липкинская дюнная стоянка и Мало-Окуловский курганный могильник). Наличие того же типа поселения мояшо установить в Ананьино и на селище Отарка близ Ананьинского могильника, где экспедицией 1930 г. на приречных песках были обнаружены остатки древнего поселения, повидимоыу спн-



Рпс. 11. Фрагмент глиняного сосуда с орнаментом (1/3 н. в.).

хроничного Ананьинскому.

Следовательно, поселения срубно-хвалынского типа, широко распространенные в среднем и нижнем Поволжье и характерные для степных местностей, заходили далеко за границы современной степи, проникая в лесную область и соприкасаясь с типичными поселениями лесного края.

Но такое широкое культурное единство, которое мы можем проследить на большой территории, еще не говорит об единстве антропологического типа населения столь большой территории.

В коллекцию из раскопок Ананьинской дюны, кроме фрагментов сосудов, входит еще небольшое количество костей животных. Кости эти, по определению В. И. Громовой, принадлежат лошади, корове, свинье и мелкому рогатому скоту.

Следовательно, обитатели Ананьинской дюны имели уже все главные виды домашних животных, что говорит о развитом скотоводстве. Последнее совершенно естественно для срубно-хвалынских поселений позднего типа.

Вопрос об организации общества во время существования Ананьинского могильника и в предшествующие эпохи освещают две недавно появившиеся работы.

А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий в работе «Родовое общество степей Восточной Европы», подвергнув анализу материал из раскопок на боль-

шой территории, в которую входит также среднее и нижнее Поволжье, характеризуют организацию общества для времени, предшествовавшего появлению Ананьинского могильника, — общества эпохи бронзы.

Для поздней стадии общественного развития изучаемой эпохи А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий устанавливают развитие земледелия и скотоводства, которые значительно увеличили общественное благосостояние и в то яге время явились материальной базой для возникновения общественной дифференциации и обмена.

«Из установления нарастания экономического господства муягчины вытекает предположение, что на данной стадии общество, у мужчин которого в руках было основное богатство — скот, произвело уяге ту „решающую революцию", которая вызвала определение происхождения по мужской линии и наследование по отцу, тем самым и соответствующую форму семьи, т. е. патриархальную».

Инвентарь некоторых погребений Ананьинского могильника иллюстрирует закрепление тех патриархальных отношений, которые складывались в течение предшествующей эпохи, — некоторые погребения отличаются особой пышностью (могилы В, С и D из раскопок П. А. Пономарева).

А. В. Шмидт в своей последней работе «Очерки по истории северо-востока в эпоху родового общества», анализируя материал из раскопок памятников ананьинской культуры — могильников и мест поселения, приходит к выводу, что ананьинская эпоха—эпоха становления патриархально-семейной общины.

Хозяйство, в котором большую роль играли примитивное земледелие и скотоводство, а также охота и рыболовство, характерно для этой Эпохи.

Развивается охота на пушного зверя, связанная с торговым обменом, и металлургия. В течение этой эпохи особенно важно развитие производства железных орудий, которое еще более усиливало значение мужчины. Обмен такясе играл значительную роль.

По мнению А. В. Шмидта, Ананьинскпй могильник дает нам отраягение процесса образования частной собственности на скот, металлические предметы и украшения. Доказательством этому служит обилие погребального инвентаря как символическое и религиозное закрепление личных прав собственности в противовес родовым. «Мужчина, владелец имущества, оказывается владеет им и в „том мире“. Тем более сильным становится его право при смерти передать имущество сыну, а не отдавать его в материнский род. Положение личного имущества в могилу именно и следует рассматривать как эпизод в борьбе патриархальной семьи против рода».[1]

[1] А. В. Шмидт. Очерки но истории северо-востока в эпоху родового общества, стр. 89.

Отмечая богатство могил вождей, А. В. Шмидт обращает внимание на тот факт, что в них имеются и обычные орудия труда, как показатель того, что все члены родовых групп участвовали в производственных процессах.

На основании находок могил без вещей (Зуевский могильник), А. В. Шмидт считает возможным установить в ананьинскую эпоху наличие рабства. Но таких могил в самом Ананьинском могильнике мы не знаем.

A. ZBRUEVA

LE CIMETIÈRE D'ANANINO

RÉSUME

Le cimetière bien connu d'Ananino, qui a donné son nom à toute une époque de culture sur un vaste territoire au nord-est de la partie Européenne de l'URSS, est situé sur une butte dunaire près le village d'Ananino, canton de Tchelnine de la République Tatare. Il a été maintes fois fouillé à partir de 1858, tant dans un but scientifique que par les aborigènes en vue de l'extraction d'objets de bronze pour la vente. Aujourd'hui, la partie sud-est du cimetière, où se sont faites les principales fouilles, dirigées par Alabin et Ponomarev, n'existe plus, ayant été détruite par les eaux des crues automnales et printanières de la Kama. Sur une distance considérable tout autour du tertre, on rencontre épars à la surface des fragments d'objets en bronze et en fer et de poterie, dont une partie répond au type ordinaire de la poterie d'Ananino et l'autre en diffère.

Une mission envoyée en 1930 par l'Institut d'Anthropologie de Moscou sous les ordres de R. Žukov a exploré une sépulture masculine, déjà partiellement détruite, et a établi que dans presque toute la partie du cimetière encore existante le terrain était fortement retourné, ce qui ne donnait l'espoir de découvrir de nouvelles sépultures qu'à condition de fouiller des surfaces étendues. Ladite sépulture était orientée NE — SO, la tête vers le NE. Les ossements, qui étaient d'un homme jeune, gisaient dans une fosse de 1.20 m de long sur 0.70 m de large (dont l'extrémité SO avait été détruite par les eaux de la Kama), à une profondeur de 1.10 m. Les fémurs se trouvaient à un niveau plus bas que la partie supérieure du squelette. Les tibias et les os des pieds faisaient défaut, évidemment enlevés par les eaux de crue.

Le mobilier funéraire, du type ordinaire aux sépultures d'Ananino, consistait en un celte à section hexaédrique en bronze, une lance et un couteau en fer et un collier, une spirale et un anneau faits d'un alliage

contenant de l'argent. Sous le crâne était placée une pierre de forme prismatique à faces taillées et une incisive de castor. A cette extrémité du tombeau se trouvaient deux fémurs de cheval et de menus ossements calcinés.

Outre cette sépulture, on a fouillé en 1930 une petite parcelle d'une couche de sable limoneux foncé non remanié — couche archéologique appartenant à une station plus ancienne établie sur la dune d'Ananino avant que celle-ci ne serve do lieu d'inhumation. Le matériel trouvé dans cette couche comprenait des fragments de poterie et des ossements d'animaux. Leur analyse permet de rapporter cette station à l'époque ayant presque immédiatement précédé les inhumations, c'est-à-dire . au début du 1-er millénaire avant noire ère, et d'établir que la culture dite d'Ananino provient d'une culture locale plus ancienne du type de Khvalinsk.

Cette conclusion est corroboreé par les résultats de l'étude anthropologique des crânes de l'époque d'Ananino et de ceux des sépultures à fosses et des sépultures «à charpente» du type de Khvalinsk de la région de la Volga inférieure.

L'examen archéologique aussi bien qu'anthropologique conduisent done aux constatations suivantes: 1) la culture d'Ananino s'est développée sur place de cultures locales plus anciennes; 2) elle est génétiqueinent lié à la culture «à charpente» du type de Khvalinsk de la région de la Volga moyenne et inférieure.

В. А. ГОРОДЦОВ

ПОДЧЕРЕМСКИЙ КЛАД

(Посвящается памяти почившею юною сына Игоря Васильевича Городцова)

В летний сезон 1929 г., в процессе геологических исследований западных предгорий Северного Урала, отрядом геолога проф. Е. Д. Сошкиной был найден чрезвычайно интересный клад так называемых чудских вещей. Находка сделана на правом берегу р. Подчеремы, правого притока р. Печоры (карта 1). Берег на месте находки высок и крут. Часть гребня его сползла вниз и увлекла с собою вещи, некогда закопанные в земле и теперь вновь обнажившиеся и открытые.

Карта 1.
+ Крест обозначает место находки клада.

Часть вещей попала в руки местных крестьян, работавших в геологическом отряде, но большая часть поступила в собрание студентки А. А. Колодяжной, сотрудницы экспедиции. Собрание ее состоит из 56 предметов, считая и обломки.

В 1930 г., продолжая в том же месте геологические исследования, проф. Е. Д. Сошкина вновь и более тщательно осмотрела место находки клада 1929 г. и нашла еще 14 предметов.

Все эти предметы Е. Д. Сошкиной и А. А. Колодяжной были переданы мне для научного

описания и сдачи на хранение в один из государственных музеев, что я и исполнил, передав 27 апреля 1931 г. все вещи на хранение в Государственный Эрмитаж. В 1933 г. геолог Н. А. Леднев передал две вещи в музей института антропологии и этнографии (МАЭ) при Академии 11аук СССР, удостоверяя, что обе вещи взяты им у местного жителя, утаившего их при находке Подчеремского клада. К настоящему времени собрано всего 72 предмета. Все они принадлеясат, несомненно, к одному кладу, так как в находках 1930 и 1933 гг. оказались вещи, парные с вещами 1929 г. Большинство из них замечательно по технике литья, отделке и орнаментации. К сожалению, прилагаемые рисунки не передают вполне их внешнего вида. Сохранность многих предметов превосходна: некоторые из них кажутся совершенно новыми, другие же достаточно свеяшми. В составе их имеются предметы бытовые и культовые. В число первых входят браслеты, височные кольца, бубенчики, привески, цепочки, спиральки и др.; в число вторых — образкп и культовая утварь в виде ложек и наверший жезлов, украшенных изображениями божеств и священных животных, символических блях и привесок, в виде дисков и др. Очень возможно, что и все предметы клада обслуживали культовые потребности.

ПРЕДМЕТЫ БЫТОВОГО ХАРАКТЕРА

1 и 2. Два парных спиральных браслета, сделанных из одинаково длинных пластинок, несколько суживающихся к одному концу. Широкие концы пластинок обрублены и имеют в ширину 0.S см. Узкие концы пластинок завернуты в плоские петли; их ширина перед петлей не более 0.45 см. Для образования браслетов, пластинки завиты спиралью в три оборота. Узкие концы обеих пластинок, на протяжении 10.5 см, обвиты толстою нитью, может быть, цветною, но со временем утратившею окраску. Сверх нити наложена вторая обвпвка узенькою бронзовою пластинкою так, что между оборотами спирали видна нить. Едва ли можно сомневаться в том, что более украшенная часть браслета направлялась по руке вперед к кисти.

3. Обломок переднего конца браслета, имевшего, как и предшествующие, двойную обвивку и плоскую петлю.[1] Ширина пластинки перед петлей 0.4, а длина всего обломка 105 см.

4 и 5. Два парных браслета, сделанных из длинных металлических пластинок, спирально завитых в четыре оборота. Ширина пластинок равняется 0.8 см. Оба конца одного браслета подкруглены; у другого я:е браслета один конец подкруглен, а другой украшен насечками.

[1] Сломанные предметы описываемого клада побывали в руках местных жителей, которые, захвативши их, ломали на части, чтобы определить, не золотые ли они, а потом возвращали обломки (к сожалению, не все) исследователям. В кладе же, повпдпмому, все предметы были целыми.

Бронзовые спирально завитые в несколько оборотов браслеты на Европейской территории СССР сначала появляются на Кавказе, именно, они известны в составе Кобанских памятников XI—YIII вв. до н. э.; позже они появляются в скифской культуре, а еще позже — в восточно-финских культурах, причем ранее в камско-волжской (пермской), а после в окской; в последней они известны по Подболотьевскому могильнику Y1I—XI вв. н. э.

6 и 7. Два парных височных кольца, согнутых из круглых дротов, утоньшающихся к концам: один конец каясдого дрота загнут в петельку.[1]

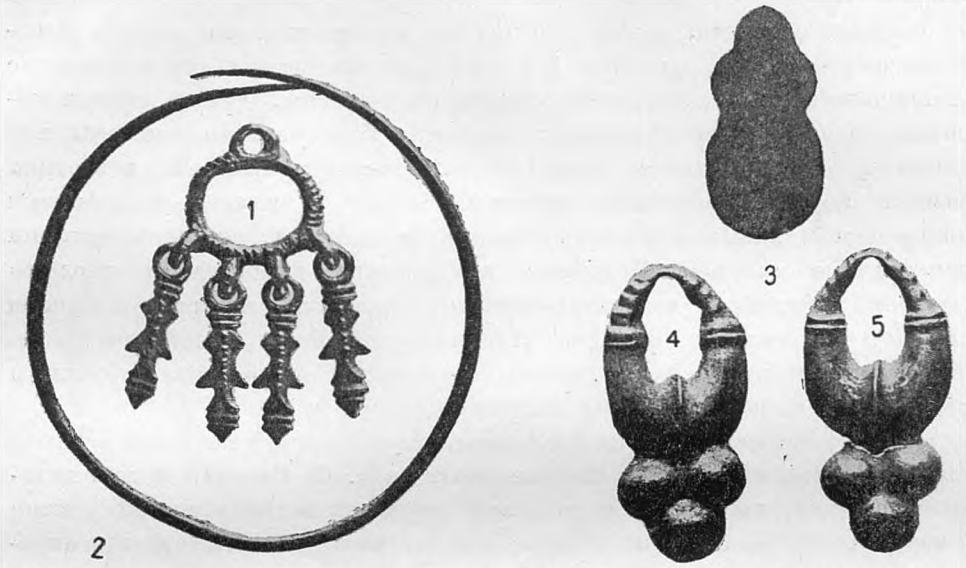


Рис. 1 — привеска; 2 — височное кольцо; 3 — медная пластинка; 4—5 — парные привески. $^3/_4$ н. в.

Диаметр колец равняется 8 см. На каждом кольце было по одной привеске (см. ниже, №№ 8 и 9, рис. 1 и 6). Височные кольца в Окской области появляются в первых веках н. э., о чем свидетельствует Борковской могильник близ г. Рязани, III—V вв. н. э. По своей форме и технике подчеремскпе височные кольца близки к бронзовой гривне Ишимского клада, Ачинского округа, приблизительно I—II вв. н. э.

8 и 9. Две парные привески, украшавшие описанные височные кольца. Привески одинаковы, каждая из них имеет форму эллиптического кольца с рубчатым орнаментом, воспроизводящим проволочную обвпвку. Кольцо имеет вверху круглое ушко и четыре колечка внизу (рис. 1). Верхнее ушко служило для надевания привески на височное кольцо, а нижние колечки — для соединения с четырьмя листовпдныии привесками. Последние одинаковой формы и орнаментики. Любопытно, что лпствовидные подвески отлиты с кольцом в одной форме, что указывает на значи-

[1] Петелька одного кольца отломана п утеряна.

тельное искусство изготовления литейных сложных форы. Подобное явление в древних металлических вещах Восточной Европы не редко и хорошо характеризует местных мастеров литейного дела.

10 и 11. Две парных привески лунничной формы (рис. 4 и 5), получивших свое начало от скифских золотых лунничных серег; позже они существовали у сарматских племен. В подчеремском кладе эти формы представляются сильно огрубевшими, варваризированными и не кругловыпуклыми, а односторонне-выпуклыми и орнаментированными только с одной лицевой стороны. Самое назначение их изменилось: прототипы их служили серьгами, а эти уже служат привесками, что хорошо выражено заменою иглы, слуяшвшей у серег для продевания через отверстие уха, простою дужкою, отлитою вместе с привескою. Дужки орнаментированы поперечными насечками; вершины дужек сильно сношены, что указывает на длительное употребление. Привески украшены в верхних концах парами поперечных выпуклых линий, а внизу — одиночными поперечными линиями и тремя дисками, может быть, воспроизводящими виноградные гроздья. Подобные изображения виноградных гроздьев (в форме пирамидки) в Печеро-пермском крае были известны во время великого переселения народов.[1] Лунничные привески надеты на вышеописанные височные кольца, причем одна из них была снята рабочим и сломана для определения — не золотая ли вещь.

12. Привеска эллиптической формы, напоминающей медальон, с ушком вверху и тремя выпуклыми дисками внизу (рис. 6). Средний щиток медальона гладкий, выпуклый, а по краям лучистый и обрамленный рамкой с веревочным орнаментом; нижние щитки, располоясенные в виде пирамидки, такяге обрамлены веревочными узорами, напоминающими зернь. Ушко привески гладкое, имеет вид проволочной петли. Длина всей привески с ушком и нижними дисками равна 8.2 см, ширина 2.8 см. По общему стилю и величине медальоновидная привеска близка к лунничным привескам. Она также воспроизводит античные прототипы, именно золотые медальоны позднего сарматского времени (первых веков н. э.), распространенные в это время на юге Европейской СССР, но описываемая привеска более грубой, варваризированной формы.

13. Медная фигурно-обрезанная пластинка (рис. 3), имеющая на краях одной стороны ясные следы припаивания к какой-то вещи, похожей на только-что описанную медальоновидную привеску.

14. Височное кольцо, согнутое из скрученной проволоки (рис. 8)- Концы кольца гладкие, постепенно утоньшающиеся. Один конец, как у вышеописанных височных колец, был загнут в петлю, теперь разогнутую. Привесок на кольце не было. Диаметр его около 10 см.

15. Металлическая цепочка сложного витья, гибкая, в разрезе подчетырехгранная (рис. 10). Оба конца цепочки вправлены в цилиндрики..

[1] Я. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, вып. III. стр. 82, рис. 86; на блюде изображена виноградная гроздь в форме ппрампдки.

В один цилиндрик вставлен колокольчик (рис. 11), но не припаянный и легко вынимавшийся. Колокольчик украшен тремя выпуклыми поясками с насечками, напоминающими веревочный орнамент. В цилиндрик второго конца цепочки ничего не вставлено, но, возможно, что он соединялся с колокольчиком, найденным в 1930 г. (рис. 12). В цилиндрик хорошо также входит верхний конец проппзи, имеющей вид мухи-цикады (рис. 17). Длина цепочки 45 см; диаметр концевых ее цилиндриков около 1 см. Четырехгранные, кольчужные цепочки были распространены во время великого переселения народов; таковы: 1) прекрасная золотая цепь Суджинского клада IV в. н. э-; 2) золотая цепь Новочеркасского клада[1] и др.

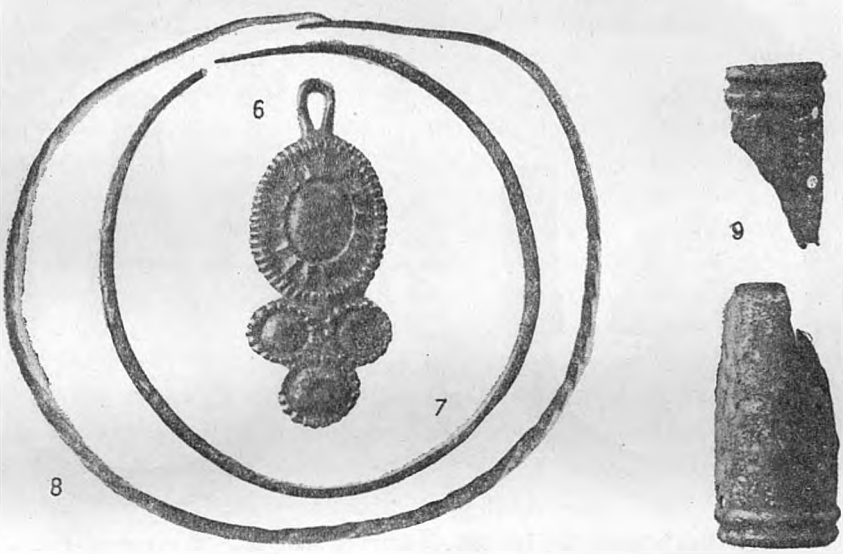


Рис. 6 — привеска; 7 —• височное кольцо; 8 — то же, из скрученной проволоки; 9 — обломки цилиндра. $^1/_4$н. в.

16 и 17. Два колокольчика (рис. 11 и 12), из них один имеет в высоту 4.7 см, другой 4 см. Меньший из них был вставлен в цилиндрик вышеописанной цепочки. Возмояшо, что и второй был также связан со вторым цилиндриком той же цепочки.

18 и 19. Две спирали с подвешенными на цепочках лапчатыми привесками (рис. 15 и 16). Одна из них имеет в длину 15 см, а другая 16.5 см.

20—24. Пять обрывков спиралей, повидимому оторванных от вышеописанных.

25. Двухскатная спираль, навитая на проволоку, длиною в 18 см (рис. 14).

26. Растянутая спиралька из узенькой двухскатной пластинки длиною в 7 см.

---

[1] Там же, стр. 138, рис. 162.

27 и 28. Две пронизи одинаковой величины и формы, в виде граненых трубочек, украшенных иа концах выпуклыми поясками (рис. 20 и 21). Длина пронизей 4.5 см.

29. Пронизь гладкая, цилиндрическая, на копцах украшенная выпуклыми полосками; длина 4.5 см (рис. 22).

30. Пронизь гладкая, цилиндрическая, на концах украшенная выпуклыми поясками; длина 4.9 см (рис. 23).

31. Гладкая цилиндрическая пронизь, украшенная на концах утолщениями в виде муфточек; длина 5.8 см (рис. 24).

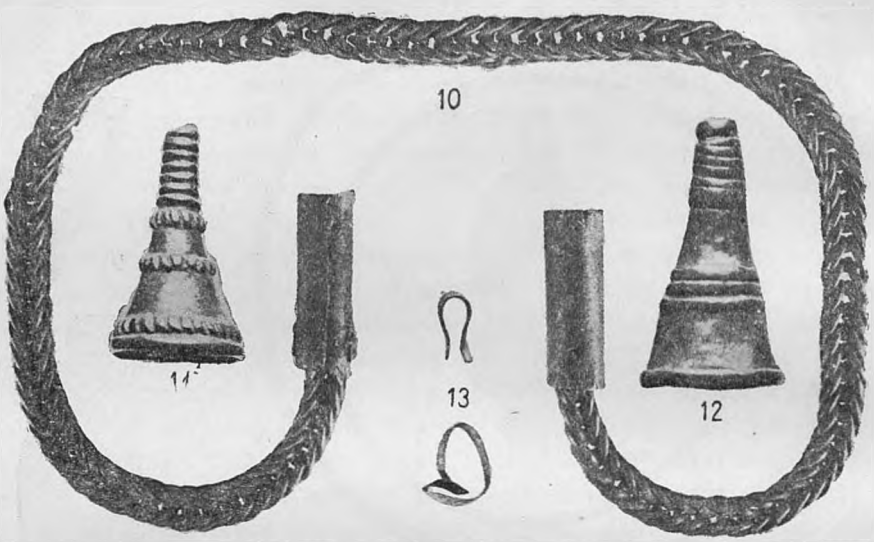


Рис. 10 — витая цепочка; 11—12 — колокольчики; 13 — металлические подвески. $^{3}/_{4}$ н. в.

Все описанные пронизи имеют почти одинаковые диаметры и могли нанизываться на один тонкий ремешок, составляя цепочку для подвешивания какой-нибудь привески.

32. Семь обломков тонкостенных бубенчиков, распавшихся на полушария (рис. 25).

33. Четыре полушария бубенчиков меньшего размера (рис. 26).

34. Два обломка тонких пластин.

35. Тонкая и узкая пластиночка, согнутая в смятое колечко (рис. 13, виизу).

36. Два ушка от металлических привесок (рис. 19).

37. Два обломка от металлических пластинок.

38. Маленькая металлическая скобочка (рис. 13, вверху).

39. Пять обломков тонкой пластинки, украшенной вытисненными плоскими кружками. Ширина пластинки 1.4 см, общая длина их около 25 см. Бронзовые пластинки с подобными орнаментами найдены Ф. Д. Нефедовым в Котловском могильнике б. Вятской губ., Елабужского у., но ила-

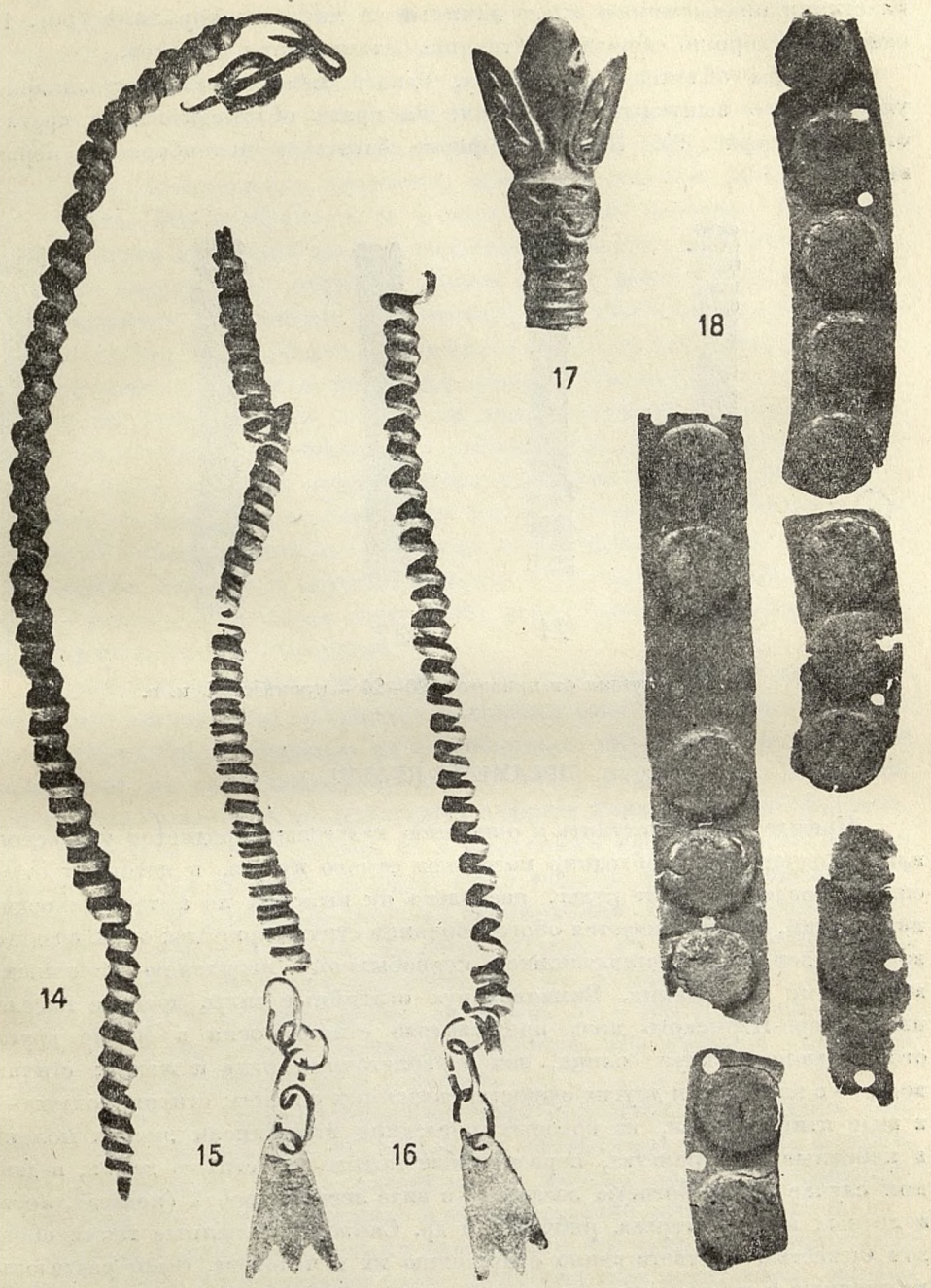


Рис. 14 — двухскатная спираль; 15—16 — спирали с подвесками; 17 стилизованный верхний конец пронизи; 18 — обломки пластинок с кружками. $^{1}/_{1}$ н. в.

стинки Котловского могильника короткие с двумя кружками,[1] тогда как пластинки описываемого клада длинные со многими кружками (рис. 18), однако их хорошо объединяет техника штампования кружков. ■

40. Два обломка, повндпмому, одного металлического цилиндрика, украшенного выпуклыми поясками; на краях обломков видны круглые отверстия (рис. 9). По своей форме близки к пьяноборским первых веков н. з.[1 2]

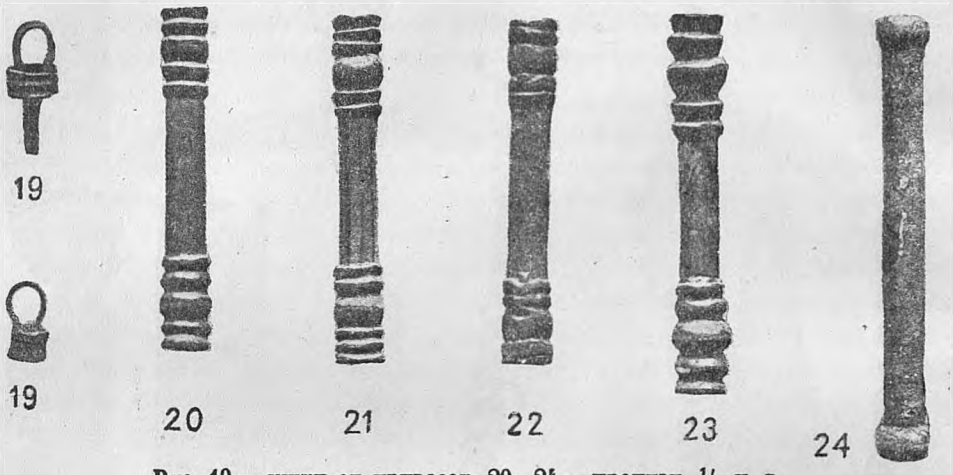


Рис. 19 — ушки от привесок; 20—24 — пронизи. $^1/_1$ н. в.

ПРЕДМЕТЫ КУЛЬТА

Прежде чем приступить к описанию культовых предметов уральского клада Подчеремы, необходимо коснуться самого культа, к которому относились предметы. Этот культ, насколько он выяснен по археологическим материалам, характеризуется обоготворением стихий природы: огня, воздуха, воды и земли, представлявшихся первобытному мышлению основными веществами мироздания. Символизируя стихийные силы, древнее население Печеро-Пермского края представляло стихию огня в форме круга, отображающего круг солнца, как первоисточник огня и жизни; стихию воды — в виде рыб и других существ, связанных с водою; стихию воздуха — в виде птиц и змеек, из которых последние напоминали змейки молний и небесные пространства, пересекаемые молниями; стихию земли, в данном случае очень богатую лесами, — в виде лесных зверей (медведя, лося) и лесных птиц (тетерева, рябчика) и др. Символизированные таким образом божества, соответственно отношению их it человеку, были разделены на главных и второстепенных, или на великих и малых, сильных и слабых.

---

[1] Материалы по археологии восточных губерний, пзд. Московским Археологическим обществом, т. III, стр. 57, рис. 13, и табл. 12, рис. 26—28.

[2] Там же, табл. 15, рис. 10, и стр. 74.

А. А. Спицын дал всем «чудскими богам название «сульде»; название не очень удачное, но, за неимением лучшего, мы охотно используем его в настоящей работе. Сульде-отец отображает стихию огня, а вместе светила небесные и весь свет вообще: он оплодотворяет все живое и является хозяином всего сущего; он — великий охотник; его оружие — лук и стрелы; его трофеи охоты — шкуры орлов, медведей, лосей и др. Сульде-отцу, в «чудском» изобразительном искусстве, присвоена довольно разнообразная иконография. Его изображают то в виде пожилого человека, то в виде человека с двумя или одним крылом, то в виде птицы с человеческой головой. Голова его покрывается шкурой с головы лося и реже — с головы орла. Ноги трактуются со ступнями или человека, или двукопытного животного (лося или оленя). Человеческие ступни имеют часто потри пальца; на руках же изобраясаются по три и по четыре пальца. Сульде-отец иногда путешествует по земле, но чаще несется на ящере, крупном водном животном. В покое он изображается сидящим с ладонями рук на коленях; в созерцании — стоящим, с руками, опущенными или упертыми в бока; в движении — мчащимся на ящере в сопровождении жены, иногда сына и второстепенных малых сульде; бурное его движение сопровождается быстро летящими и кричащими птицами и другими живыми существами; в семейном окружении— рядом с ним сидит жена (мать всего сущего), а иногда и сын, вероятно главный его помощник.

Сульде-мать является той богиней, которая существует в мифологии почти всего человечества со времени палеолитической эпохи; она отражает идею материнства, возникшую из первобытного миропонимания древнего человечества на социально-экономической базе матриархата. В чудской иконографии сульде-мать представляется в образе женщины, часто беременной и не только человеческими, но и яшвотными плодами; последнее для указания, что она является матерью всего сущего. Ее часто изображают в длинной одежде с разными личными украшениями. Она совершает передвиягения на ящере и верхом на коне, идущем по телу огромной змеи, символизирующей небесные пространства. Ее изображают то одну, то с сульде-сыном, то с сульде-отцом, ее мужем, то с тем и другим вместе.

Функции сульде-сына выражаются неясно. Он является спутником и, вероятно, помощником отца и матери.

Сульде-малые служат второстепенными боя;ествами или духами. Они обычно сопровоя{дают великих сульде. Их изображают то в виде муя;чин, то в виде женщин. Очень вероятно, что первые являются преимущественно слугами отца, а вторые — преимущественно слугами матери.

На ряду с антропоморфными божествами, фигурируют и некоторые другие существа, пользующиеся очевидным культовым почитанием; таковы: ящеры, змеи, рыбы, некоторые виды птиц и ягивотных. Изображения их сопутствуют антропоморфным божествам или слуясат привесками, играя очевидную роль амулетов. Этими изображениями украшается и культовая утварь: ручки ложек и навершия жезлов.

В Подчеремском кладе имеется металлических образков 3, пронизь в виде мухи-цикады 1, привесок птиц 5, привесок-коньков 7, привесок крылатых дисков 7, ложек 4 и наверший жезлов 3. Всего 30 предметов. Все предметы металлические, литые, в окончательной отделке пройдены резцом. Литье в большинстве случаев очень тщательное. Некоторые формы отличаются большою сложностью и совершенством, указывающими на хорошее состояние местного литейного мастерства. Некоторые предметы выражают значительный художественный вкус. Мы начнем описание их с образков. Лигье образков — одностороннее.

41. Культовое изображение на металлической пластинке шириною в 9 см и высотою в 4.5 см. На пластинке изображены две человеческие фигуры, сидящие на спине ящера (табл. I, рис. 1). В человеческих фигурах легко узнаются сульде-отец и сульде-мать. Впереди сидит отец, представленный без костюма, с лицом вправо. Над головой его изобраясена голова лося; в правой руке — жезл; непомерно крупный глаз представлен выпуклой точкой среди углубленной треугольной выемки; на руках и ноге по три пальца. Сзади сидит сульде-мать, пол которой подчеркнут стеатопигией. Над головой ее та же голова лося, которая изобраисена и над головой сульде-огца. Голова ягнвотного пзобрая;ена с большим глазом и длинным спущенным назад ухом; от головы спускается вниз его кожа, под покровом которой ютятся оба сульде. Глаз матери трактован так я;е, как п глаз отца, в виде выпуклой точки среди треугольной выемки. Правая рука простерта вперед, к спине отца; левая рука откинута назад, как бы для придеряшвания шкуры лося. На руках и правой, видной в изображении, ноге — по три пальца; от правого уха спускаются вниз две черточки, изображающие, повиднмому, украшения.

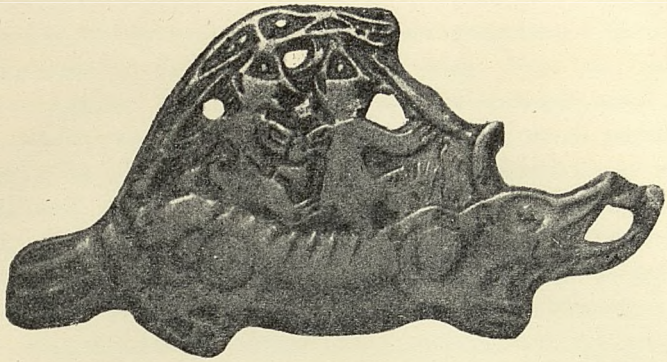
Ящер представлен в стремительном ходе вперед. Его голова напоминает голову рыбы (щуки); на затылке виден рог, поднятый вверх и немного загнутый вперед; глаз представлен выпуклой точкой среди овального углубления; под низшей челюстью обозначена борода или космм; спина щетинистая, лапы короткие и сильные с тремя пальцами каждая; мускулы плеча и бедра обозначены правильными выпуклыми кружками; хвост короткий и широкий, обозначен тремя космами.

Подобные образки в «чудской» культовой иконографии не редки. Мы знаем их в изданиях А. А. Спицына[1] и Д. Н. Анучина,[1 2] но, по срав. нению со всеми изданными образками, описываемый имеет наиболее худоя«ественную трактовку.

42. Прорезной образок высотою в 6.5 см и шириною в 3.6 см. В середине образка изображен сульде-отец, идущий по земле, влево (табл. I, рис. 3). Его значение подчеркнуто изображением на темени головы орла или гри-

[1] А. А. Сшцын. Шаманские изображения, рнс. 1, 94, 97 (образок с р. Ухты), 108 и 111.

[2] Д. Н. Анучин. К истории искусства и верований у Приуральской чуди. Мат. по археол. воет, губ., т. 111, стр. 110, рис. 45, п стр. 111, рис. 49.



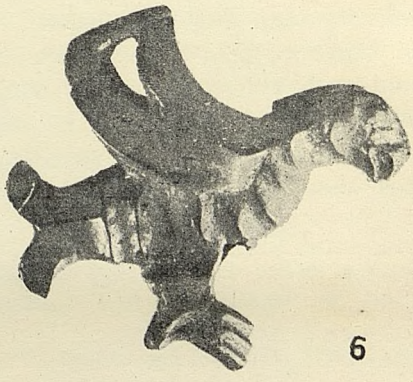
1

2

3

4

5



6

Предметы культа ()/ₜн. в.).

фона с большим глазом, выраженным выпуклым зрачком среди овального углубления; от затылка орла спускается хохол или грива, обозначенные тремя линиями. Голова сульде большого размера; лицо длинное с выдвинутым подбородком; глаз большой; на правой щеке резкая морщина; от уха спускаются вниз три коротких линии, обозначающие или украшения, или косы, или, может быть, даже шею птичьей головы, увенчивающей голову сульде (выраягено неясно); шея сульде короткая; туловище мощное и все сложение коренастое; на руках обозначено по четыре, а на ногах — по три пальца. В левой руке сульде держит лук, в правой — две стрелы; сульде, очевидно, следует на охоту. Его сопровождают два малых сульде, представленные очень тощими фигурами, имеющими на головах лосиные головы на длинных шеях. Их руки и ноги имеют только по два пальца.

Изобраягения сульде с головою орла или грифона встречаются не часто: они известны на трех образках с р. Ухты и из д. Пешковой.[1]

• 43. Прорезное культовое изображение шириною в 4.2 см, высотою в 3.2 см. На предмете изображен сульде-отец, сидящий на ящере, идущем влево (табл. I, рис. 2). Голова его повернута назад; взгляд устремлен кверху; подбородок сильно выдвинут, может быть, с целью обозначения бороды; левая рука вытянута вперед; правая опущена *вниз к голове рыбы. Сульде одет в длинную одежду. Его сопровождают три рыбы, помещенные одна под рылом и две других сзади ящера. Рыбы, символизирующие стихию воды, в описываемой композиции обозначают движение сульде по водным пучинам. В «чудской» иконографии рыбам иногда посвящаются специальные образки, что указывает на особое уважение к этим водным существам,[1] [2] вероятно, игравшим в предшествующее время, а может быть и позднее значительную роль в хозяйстве.

44. Привеска в виде мухи-цикады, длиною в 4.3 см и шириною в 2.1 см (рис. 17). Привеска имеет значение даты н хорошего признака сношений с Крымом и вообще всем Причерноморьем. С цикадой описываемое изо- * бралгение сближает округленное снизу брюшко и приделанные к телу крылья. Изображение напоминает медную, облоягенную золотом цикаду из керченской катакомбы 1904 г., относящуюся к IV—V вв.[3] ПодчеремСкая привеска полая, вверху законченная цилиндриком с выпуклыми поясками, который хорошо входит в цилиндрики вышеописанной цепочки (№ 15).

45—47. Три полых изображения тетерева, отлитые в одной форме (табл. I, рис. 4—6); у одной фигурки отбит клюв (табл. I, рис. 6). Длина целых фигурок равна 5, высота от лап до концов приподнятых крыльев 4.5 см. Фигурки отлиты и пройдены резцом не очень тщательно. Клюв загнутый, сильный, напоминает ястребиный; глаз очень велик и

---

[1] А. А. Сппцын. Шаманские изображения, рис. 131, 160 и 170; в последнем голова грифона возвышается над головой ребенка, очевидно, сульде-сына.

[2] Там же, стр. 106.

[3] А. А. Спицын. Вещи с инкрустацией из керченских катакомб 1904 г., рис. 31.

выражен выпуклой точкой в середине овального углубления, обведенного снаружи круговою выпуклою линиею. Перья на туловище изображены кривыми выпуклыми линиями; крылья подняты кверху; хвост разделен на две косицы; лапы толстые, имеют три пальца, направленные вперед, и один палец, направленный назад. В общем изобраягение хорошо передает характерные черты тетерева.

48. Полое изображение селезня, длиною в 4.4 см и высотою в 2.8 см (табл. II, рис. 1). Фигурка отлита очень схематично, без всяких украшений. Голова селезня сделана с ушами и напоминает голову лося, столь часто встречаемую в чудском искусстве. Глаза выраясены слабо выпуклой точкой в продолговатом углублении; ноздри и уши обозначены такя;е незначительными углублениями; ноги представлены двумя округлыми снизу лопастями; на хвосте характерная для селезня, приподнимающаяся кверху косичка; в спине, сзади шеи, имеется сквозное отверстие, указывающее на то, что фигурка служила привеской.

49. Полое изображение птицы, возможно, куропатки, длиною в 4.8 см и высотою в 3.5 см (табл. II, рис. 2). Изображение очень схематичное: клюв длинный и толстый, напоминающий морду лося. На голове два коротких уха. Глаза слабо выраясены точечными углублениями. Ноги представлены двумя опущенными вниз лопастями; короткий хвост опущен вниз, как у куропаток; по телу вдоль проведены три орнаментальных углубленных полосы с выпуклыми точками внутри их. Подобный орнамент на полых фигурках птиц и животных чудского искусства наблюдается часто.[1] Наиболее близкое изобраясение птицы найдено в Грудятах, но последнее несколько лучше моделировано: грудятская птица без ушей и с более обильным орнаментом.[1 2] Близка также фигурка птицы, найденная в д. Марковой, которая имеет голову с ушами, напоминающую голову лося, но хвост ее трактован иначе и напоминает хвост селезня.[3]

Птицы многими народами в глубочайшей палеолитической древности почитались за божественные существа. Припомним изображения птиц из палеолитических стоянок с. Мезина, на р. Десне, и с. Мальты Иркутского округа. Все эти птицы вырезаны из кости. В металлический период самые цивилизованные народы Востока, Юга и Запада взирали на птиц как на выразителей воли богов, как на существа вещие и божественные. В плюмажи птиц облекались самые высшие боги древности. Такое отношение к птицам сохранилось и до наших дней и не только среди народов отсталых, в роде шаманистов, но, к немалому удивлению, и среди христианских народов, представляющих третье лицо своей божественной ипостаси в образе голубя. Молгно полагать, что такое же отношение к птицам было и у древнего населения Печорского и соседнего с ним Пермского

---

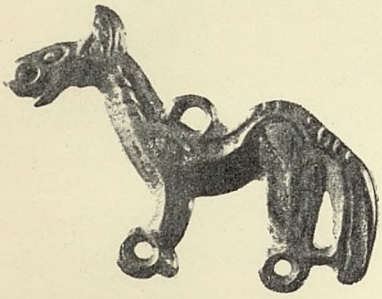
[1] А. А. Спицын. Шаманские изображения, рис. 300, 343, 347, 349, 350, 355, 356 и нек. др.

[3] Там же, рис. 340.

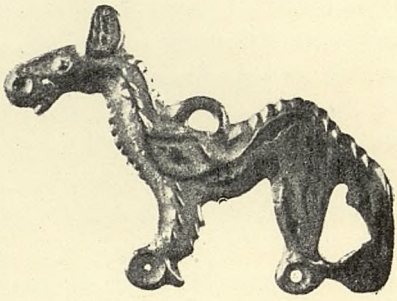
[3] Там же, рис. 337.

1

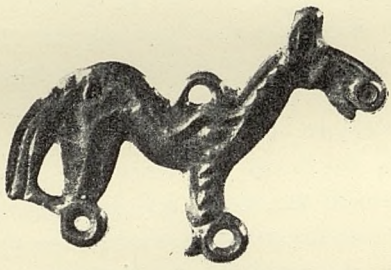
2



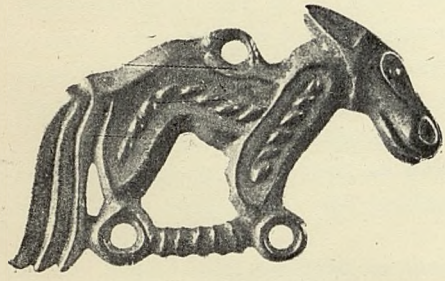
3



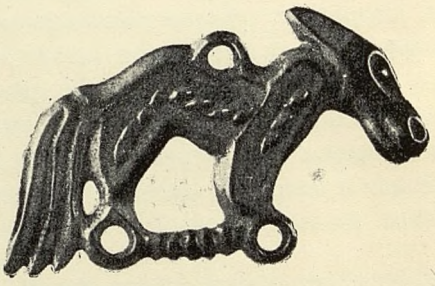
4



5



6



7

Предметы культа (*/, и. в.).

края, доказательством чему служит то, что некоторым изображениям птиц придаются головы священных животных (лосей), в чем выражается интересный, но еще не разгаданный культовый синкретизм.

50—53. Четыре одинаковые привески-конька (табл. II, рис. 3—5).[1] Моделировка коньков двусторонняя. Отливка чистая. После отливки обработка закончена резцом, что послужило причиной несовпадения размеров, вариирующих в длину от 5.4 до 5 см ив высоту от 3.6 до 3.4 см. Голова с открытым ртом; ноздри вздуты и ограничены ясно выпуклым кольцом; глаза выражены выпуклой точкой среди продолговатой впадины; уши заострены, направлены вверх и вперед; шея длинная; тело вогнутое, седлистое; ног представлено две; каждая нога оканчивается колечком; хвост густой, связан с колечком задней ноги перемычкой. Вдоль уха, шеи и передней ноги идет выпуклая линия с косыми насечками, придающими линии форму шнура. По корпусу и задней ноге проведена выпуклая линия без насечек; эта линия на местах плечевых и бедренных мускулов разделяется, образуя нечто, напоминающее глазки, в середину которых помещены выпуклые, немного продолговатые точки. На спине помещено ушко для подвешивания к чему-либо.

54—56. Три одинаковых привеска-конька (табл. II, рис. 6 и 7).[1] [2] Моделировка двусторонняя. Отливка чистая; после отливки фигурки пройдены резцом. Длина коньков 5.6 см, высота 3.3 см. Фигурки более массивные, чем предшествующие, и отливка их резче и выразительнее. Голова крупная; губы прорезаны глубоко; ноздри вздуты и обведены кольцевидным возвышением; глаза изображены выпуклой точкой в средине обширной выемки яйцевидной формы; уши длинные, направлены кверху и назад; шея короткая и широкая; корпус сутуловатый; ног две, каждая из них оканчивается кольцом; кольца связаны перемычкой, имеющей вид веревочки; хвост густой и длинный, соприкасающийся с кольцом задней ноги. Корпус, шея и передняя нога украшены веревочным орнаментом в одну линию; на спине имеется петля для подвешивания. Отдаленную аналогию описываемым конькам можно указать в бронзовом коньке Ильнешского городища, б. Сарапульского уезда.[3] Ильнешский конек имеет также на спине петлю указывающую, что он служил, как и подчеремские коньки, привеской; его голова, шея, корпус и хвост трактованы иначе; ноги представлены в форме веревочек, не имеющих на концах колец, но эти ноги одинаково с подчеремскими связаны перемычкой в виде веревочки, что и сближает их.

Кони, подобно птицам, у многих народов пользовались мистическим уважением и признавались за божественные существа. Быстрые и горячие по своему характеру, эти животные во многих древних культах связы-

---

[1] Один конек поступил на хранение в Музеи антропологии и этнографии при Академии Наук СССР; у этого конька передняя нога отломана.

[3] Одна привеска-конек хранится в МАЭ АН СССР.

[3] Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье. Мат. по археол. воет, губ., т. III, стр. 64, рис. 20.

вались с обоготворяемым солнцем, являясь его символом. Такое отношение к коням существовало у приуральских и сибирских местных народов, в доказательство чего можно указать на бронзовые прорезные бляхи с р. Яи, из окрестностей Томска,[1] и из Ишимского клада, найденпого километрах в 60 к северу от г. Ачинска, на которых изображены коленопреклоненные кони, стоящие на дисках, символизирующих солпце.[1] [2] В Ишимском кладе найдено изображение другого бронзового конька, имеющего на концах двух своих ног овальные отверстия,[3] сближающие Этого конька с подчеремскими, что бросает свет на культовое значение последних.

Изображение коней в «чудской» культовой иконографии нередко. В этих изображениях кони иногда стоят пли идут по телу змеи — символа небесных пространств,[4] [5] а иногда на них восседают великие сульде.[3] В виду всего сказанного, можно с значительною уверенностью считать и всех коньков Подчеремского клада за предметы солнечного культа.

В иконографии подчеремских коньков характерны и важны следующие черты:

1) скульптурная двусторонняя их обработка,
2) орнамент, имитирующий веревочный,
3) обозначение мускулов плеча и бедра кружками и
4) кольцевые изобраясения ноздрей и копыт.

По наблюдению А. А. Сппцына, хорошо изучившего «чудской» культовой материал, скульптурные фигурки звериного стиля относятся к «золотому веку» «чудской» иконографии, время которого он относит к VIII—IX вв.,[6] а А. В. Шмидт — к VI—VIII вв. н. э.;[7] последнее определение, по нашему мнению, ближе к истине.

Орнамент, подражающий веревочному, в «чудской» иконографии нередок и часто переходит в точечный. Наиболее близким к веревочному орнаменту подчеремских коньков является такой же орнамент на предметах Ишимского клада.[8] В обоих случаях орнамент хорошо воспроизводит натуру витья веревочек. Ишимскпй клад, судя по многим признакам, должен относиться ко времени не позже первых трех веков н. э.

Гораздо труднее определить время существования в искусстве манеры выралсения мускулов плеч и бедер яшвотных в виде круяжов и волют. В пределах Европейской территории СССР эта манера возникает в сармат-

---

[1] Отч. Археол. комиссия за 1892 г., стр. 72.

[3] А. Ермолаев. Ишпмская коллекция. Красноярск, 1914, табл. V, рис. 1.

[3] Там же, рис. 4.

[4] Мат. по археол. воет, губ., т. III, стр. 125, рис. 79 и 80.

[5] А. А. Спицын. Шаманские изображения, рис. 228 и 231.

[6] Там же, стр. 6.

[7] А. В. Шмидт. К вопросу о происхождении Пермского звериного стиля. Оттиск, стр. 160.

[8] А. Ермолаев. Ишимская коллекция, табл. VI, рис. 5, 6, 8 и 10.

ской иконографии ранее начала н. р., но достигает наиболее широкого распространения в первых веках н. з., когда она усваивается готским стилем и передается к северным народам, которые удерживали ее в течение не менее тысячелетия. Более глубокие корни ртой манеры кроются в среднеазиатском искусстве, из которого она была заимствована восточно-европейскими и западносибирскими народами. В предметах искусства Подчеремского клада рта манера была довольно распространена, и мы ее видим не толысо на коньках, но и на ящере одного из вышеописанных образков.

Еще более интересную черту представляют кольцевые изображения ноздрей и копыт коньков. Эта черта в искусстве возникает очень рано. Мы ее наблюдаем на дорогих скифских памятниках искусства, из которых золотой олень кургана Костромской станицы и золотая пантера кургана Келермесской станицы б. Кубанской области относятся ко времени YII—YI вв. до н. р., а золотой олень из кургана Куль-оба, близ Керчи, и золотая пантера, свернувшаяся в кольцо, найденная в Сибири, относятся к V в. до н. р.[1] Наиболее близкую аналогию по трактовке оконечности ног кольцом представляет птица (орел) Прохоровского кургана. Подобную птицу (орла) издал Д. Н. Анучин.[1 2] Еще более выразительным памятником художественной манеры украшать ноги кольцами является золотой орел из сибирсхсого собрания Эрмитажа.[3] Прекрасно выраженная кольцеватость ноздрей и конечностей имеется у коньков бронзового ажурпого наконечника ножен кинжала из Минусинского округа,[4] время которого близко к началу н. э- К этому же времени следует отнести бронзовую рукоятку ножа с головкой грифона из Котловского могильника Вятского округа[5] (ныне Кировский край), где также хорошо выражена орнаментальная кольцеватость. В Ишпмском кладе, относящемся к первым векам н. э.,[5] кольцеватость копыт коня уже заменяется овальными прорезями, указывая на вырождение манеры более древнего исскусства.[6] Между тем, эта манера в изображениях подчеремских коньков выражается так свеже и так ясно, как на лучших произведениях Восточной Европы и Сибири, относящихся ко времени до н. э. Для определения времени Подчеремского клада это явление составляет весьма важный признак. Изучая «чудские» древности по изданным материалам, мы нигде не видим этого признака, а между тем изданные материалы, по мнению лучших исследователей, освещают период времени от VI до XIV в. н. з. Отсюда необходимо заключить, что

---

[1] Все четыре указанные золотые предмета хранятся в Гос. Эрмитаже, в Ленинграде.

[2] Мат. по археол. воет, губ., т. III, стр. 89, рис. 1.

[3] Н. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, в. III, стр. 44 и 45, рис. 43 и 44.

[4] А. А. Спицын. Археологический альбом, стр. 8. рис. 13.

[5] Ф. Д. Нефедов. Журнал раскопок, произведенных в Прикамье. Мат. по археол. :вост губ., т. III, стр. 57, рис. 14.

[6] А. Ермолаев. Ишнмская колл., табл. V, рис. 4.

коньки и, конечно, сопровождающие их другие предметы Подчеремского клада должны относиться ко времени ранее VI в. н. э- Этой® дате, как мы увидим ниже, не противоречит и весь комплекс предметов, отличающихся такими чертами, какие не свойственны предметам позже VI в., с которого начинается все большее и большее падение «чудского» искусства, и если действительно существовал в этом искусстве «золотой век», то время его должно относиться не к IX и VIII вв., как это полагал А. А. Спицын, и не к VIII и VI вв., как, исправляя первую дату, указывал А. В. Шмидт, а к еще более ранним векам.

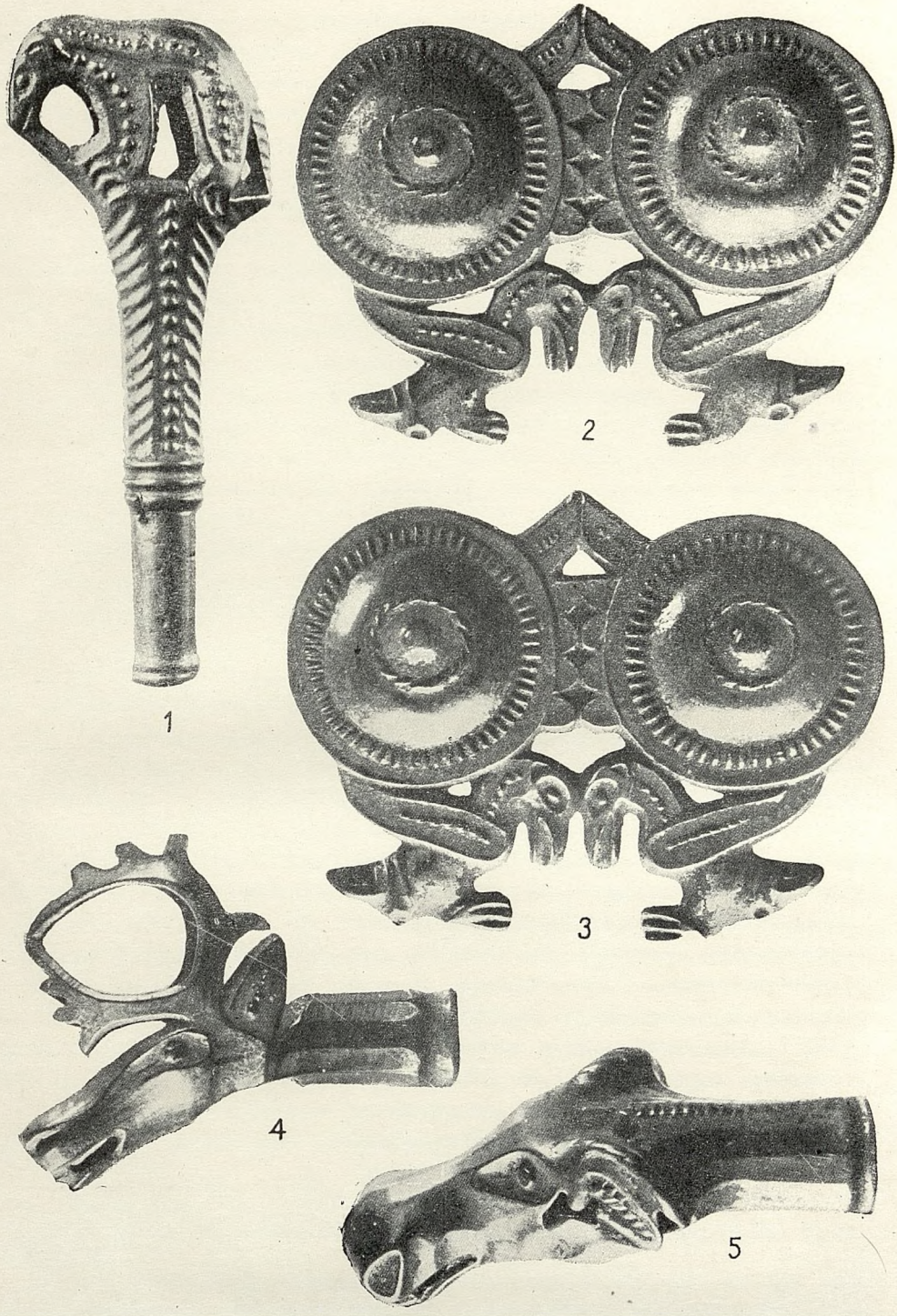
Что касается происхождения кольцеватого орнамента в древних памятниках территории СССР, то представляется очень правдоподобным, что оно было вызвано в жизнь сначала чисто утилитарными потребностями нашивать и набивать ювелирные украшения к тканям по более твердым (деревянным, костяным и др.) предметам. Первые кольцевые украшения должны были явиться на дереве и кости, а затем уже перейти на металлы. Хорошим образчиком, объясняющим древнейшее явление кольцеватых украшений в «чудском» искусстве, может служить костяная ручка ножа из вятских кировских костеносных городищ, обработанная в форме самой примитивной головки зверя, имеющего круглый кольцевой глаз, несомненно, выработанный металлическим циркулем.[1] Позже кольцевой мотив мог перейти в волюту и другие более живые орнаментальные фигуры.[2] Указывая приведенные примеры, я не хочу сказать, что примитивно обработанная костяная рукоятка ножа с кольцевым глазом зверя древнее рукояток более совершенной скульптурной обработки и с волютным орнаментом; нет они могли и сосуществовать, но первый из них несет более древние традиции кольцевого, циркульного орнамента.

Покончив с описанием коньковых привесок, переходим к описанию не менее интересной группы дисковых привесок. Таких привесок в кладе найдено семь; они легко подразделяются на два типа: 1) птичьего и 2) гроздьевого. Все привески составлены из двух парных дисков, связанных перемычками. С лицевой стороны привески пройдены резцом и тщательно полированы, с обратной же стороны оставлены без всякой добавочной обработки.

57—60. Четыре дисково-птичьи привески (табл. III, рис. 2 и 3) шириною в 8.5 см и высотою в 6.3 см. Диаметр каждого диска равен 3.8 см. Диски одинаковой округлой и выпуклой формы. С лицевой стороны их украшают: 1) центральные круглые выпуклости, напоминающие полушарные умбоны щитов, 2) внутренние кольца хорошего веревочного орнамента и 3) внешние более крупные кольца, украшенные поперечными линиями, сообщающими лучистость дискам. Каждый диск поддерживается летящей птицей. Птицы парные лбами соприкасаются друг с другом. Клювы

[1] Мат. по археол. воет, губ., т. I, табл. VIII, рис. 1.

[3] Там же, рис. 2 и 3.



Предметы культа С[1/], п. в.),

птиц — орлиные; глаза изображены выпуклой точкой в середине овальной впадины; шеи украшены точечными или, может быть, веревочными линиями; крылья длинные, к концам заостренные; серединой каждого крыла проходит линия веревочного орнамента; хвосты отделены от корпусов парами выпуклых гладких линий; мощные, грубовато моделированные ноги представлены с тремя пальцами. Совершенно особый интерес возбуждают перемычки, соединяющие парные диски; из них верхняя составлена из двух конечных отрезков птичьих крыл, трактованных совершенно одинаково с концами крыл птиц, поддерживающих диски снизу. Серединой этих крыловых отрезков также проведены орнаментальные веревочные линии. Нижележащая широкая перемычка украшена полуовалами, изображающими 'концы хвостовых перьев. Подобные полуовальные ячеистые перья можно видеть на фигуре птицы с изображением человеческого лица на груди из Домского курганного могильника VIII в. и. э.[1] Таким образом, в перемычках парных дисков Подчеремского клада чрезвычайно художественно выражены птичьи крылья и хвосты сияющих дисков.

Диски, в особенности сияющие, лучистые диски, в искусстве с глубокой древности являются выразительными символами обоготворяемого солнца. Будучи связанными с другими символами того же солнца в виде, наир., птиц, диски получили художественную разработку в самых цивилизованных странах древнего мира: в Египте, Месопотамии, Иране и Индии, откуда позднее распространились во все страны Европы и, может быть, Северной Азии. В западноевропейском искусстве символы обоготворяемого солнца в виде диска, соединенного с птицей, существовали в начале ранней поры неометаллической (железной) эпохи, а, моягет быть, и несколько ранее, в конце поздней поры палеометаллической (бронзовой) эпохи, как допускает это Дешелетт.[1] [2] В «чудское» искусство севера СССР эти символы проникли, насколько это известно, значительно позже, вероятнее всего, около VII—V вв. до н. э. Проникновение их совершилось разными путями, шедшими с юга и юго-запада. Достигнув северных стран СССР, иконографические символы объединились, спнкретизировалнсь и дали нечто новое и своеобразное. Хорошей худоя;ественной иллюстрацией такого объединения и синкретизацни служат описываемые диски Подчеремского клада. Нужно удивляться способности того худояшика, который впервые обдумал и спроектировал такую композицию, соединившую в одно целое три иконографических символа обоготворяемого

---

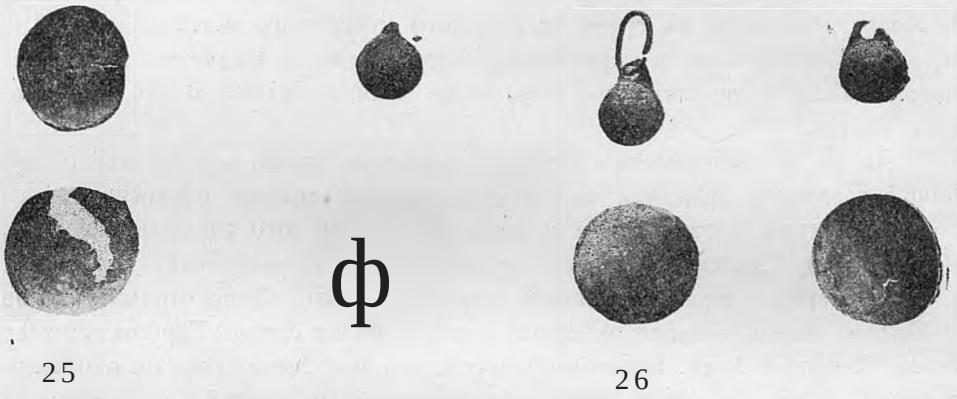
[1] Материалы по доисторической археологии России, табл. I, рис. 10. Изд. Русск. археол. общ., 1899 г.

[2] J. Declielette. Manuel d'archeologie preliistorique, П, 426—470. Дешелетт дает хорошее разъяснение солнечных символов в виде дисков и птиц как порознь, так и в соединении их вместе. Но, кроме того, по этому вопросу существует очень обширная литература.

солнца: \) лучистый диск, 2) крылатый диск и 3) птиц, жизнерадостных вестников столь дорогого на севере весеннего солнца.

В птичьих дисках Подчеремского клада ясно выражено их культовое назначение. Интересно отметить, что в произведениях культового искусства приуральской «чуди», развивавшегося после У в. н. э-, произведений, подобных описанным, не встречается, что указывает на явление таких произведений в более раннее время. По чистоте отделки и близости к натуре веревочного орнамента подчеремские диски ближе всего стоят к предметам Ишимского клада, украшенным таким же веревочным орнаментом.[1]

61. Привеска дисково-гроздиевая (рис. 27), шириною в 9 см и высотою в 7.3 см. Диаметр парных дисков привески равен 4.2 см. Диски



25 26

Рис. 25 — полушария от буб< енчиков| ; 26 — бубенчики. J/i н. в.

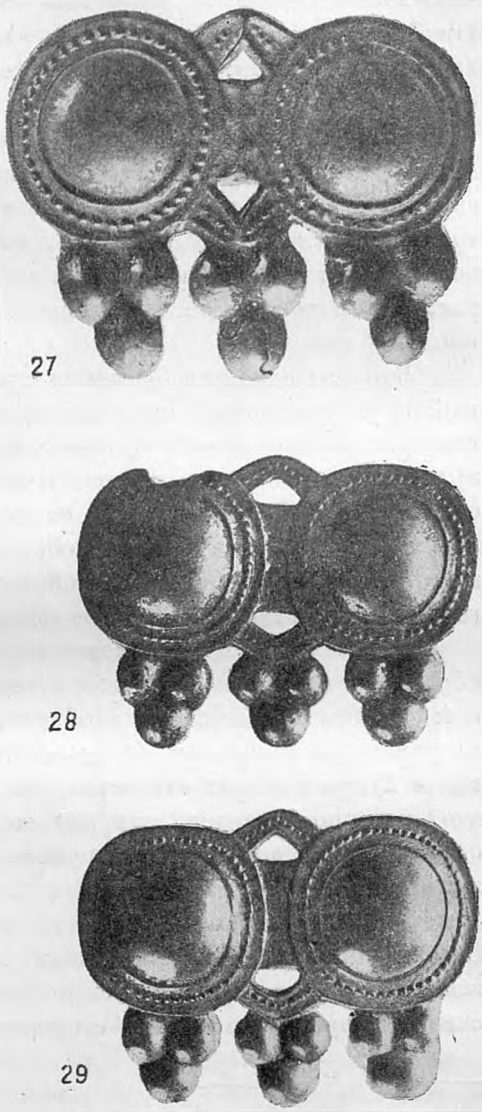
одинаковой формы. С лицевой стороны их украшают по две круговых выпуклых гладких и по одной пунктирной линии. Диски соединены тремя перемычками, образующими два трехугольных сквозных отверстия. Верхняя и нижняя перемычки представлены в виде соединенных отрезков птичьих крыл, украшенных посредине одной веревочной линией каждая. Отрезки крыл имеют совершенно такой же вид, как отрезки крыл описанных дисково птичьих привесок. Точно так же трактована и средняя более широкая перемычка, покрытая полуовальными отрезками хвостовых перьев, но рисунок отрезков не так ясно передан, как в вышеописанных привесках. Под каждым диском и под перемычками подвешены изображения трех гроздей винограда, представленных в форме пирамидок из трех ягодок каждая. Привеска, повидимому, выражает ту мысль, что под благотворным влиянием крылатых дисков, символизирующих обоготворяемое солнце, произрастают плоды земные. Если это так, то интересно, что плоды изображаются не северной, а южной флоры. Это указывает, откуда шло то

[1] А. Ермолаев. Ишимская коллекция, табл. V, рис. 8, и табл. VF, рис. 5, 8 и 10-

влияние, под действием которого слагались художественные образы и символы «чудского» приуральского искусства. В этом отношении описываемая вещь не менее любопытна, чем предшествующие. Подобных ей среди культовых предметов приуральского чудского искусства позднее Y в., насколько известно в настоящее время, не существует.

62 и 63. Две совершенно одинаковые дисково-гроздевые привески несколько меньших размеров, шириною в 7.5 см и высотою в 55 см (рис. 28 и 29). Диаметр каждого диска равен 3.8 см.

Вся наружная обработка и орнаментация совпадают с таковыми предшествующей дисково-гроздевой более крупной привески, с тою, однако, разницею, что диски их менее округлы и крылья птиц в верхней и нижней перемычках стали почти неузнаваемыми, а отрезки хвостовых перьев на средней широкой перемычке почти совсем не выражены. Такая разница указывает па то, что мастер резавший форму для отливки этих привесок, уя;е не понимал сокровенного смысла орнаментации оригинала, с которого копировал свое произведение; между тем, он был, вероятнее всего, современником мастера, сооружавшего предшествующие дисковые привески с полным пониманием смысла и значения их символической орнаментации.



Рпс. 27 — 29 — дисково-гроздевые прпвески. $^1/_1$ н. в.

В дисково-гроздевых привесках любопытна художественная трактовка гроздей в виде трехъядерных пирамидок. Мотив этот в более позднем чудском искусстве отсутствует; он не наблюдается и в более раннем искусстве приуральской чуди: очевидно, он заимствован извне. Гроздевые мотивы в орнаменте очень распространены в искусстве народов Приднепровья, Крыма и Кавказа, где они совпадают по времени с циркульными кружковыми

орнаментами,[1] доведенными в Приднепровье даже до излишества.[1 2] Время широкой экспансии их относится к IV—V вв. н. э-, но они известны и на вещах более раннего происхождения.

64. Ложка длиною в 17 см и шириною в 5 см (рис. 30 и 31). Лоточек ложки имеет в длину 10.3 см, а ручка 6.7 см. Лоточек хорошо углублен, эллиптической формы; по дну его продольно, серединой, проходят две выпуклых линии. Ручка художественно обработана в форме головы сульде-отца. Широко открытые глаза его смотрят на зрителя прямо; они изображены выпуклым зрачком, помещенным в середине большой впадины; нос острый с горбиной, хорошо выдвинут вперед, с широко вздутыми сквозными ноздрями; губы и подбородок выражены отчетливо; уши трактованы слабо, в одном из них имеется точечное углубление; головные волосы завиты в две косы, концы которых подняты кверху и связаны бантом; между косами оставлена щель, служившая, может быть, для подвешивания ложки.

В описываемом изображении сульде-отца имеется прекрасно выраженный и установленный тип, повторяющийся в иконографических произведениях разных времен чудского искусства. И что особенно любопытно, Этот же тип наблюдается у птиц с человеческим лицом. В этом отношении особенно близко стоят птицы, из которых одна неизвестного происхождения, а другая из села Кимерть; обе изданы А. А. Спицыным.[3] Повторяется Этот тип и в других, главным образом, птичьих изображениях. Косы на голове сульде-отца встречаются такяхе нередко.[4]

Лицевая поверхность лояски хорошо выглажена и слегка полирована; обратная я;е сторона оставлена в том виде, в каком она вышла из литейной формы. Изучая ложку с обратной стороны (рис. 31), можно заметить на ручке три отверстия: 1) щелевидное, на месте разделения головных кос и 2) два круглых отверстия, на месте ноздрей лицевой стороны; но что особенно интересно, так это то, что на месте соединения лоточка с ручкой изображены три выпуклых линии, похояше на проволоки, служившие для скрепления ручки с лоточком. Этих скреплений у других ложек описываемого клада нет, и они, повидимому, не были нужны. Своею формою и расположением проволоковидные линии скреплений живо напоминают металлические проволоки, посредством которых римские ювелиры, в последние столетия до н. э. и первые столетия после

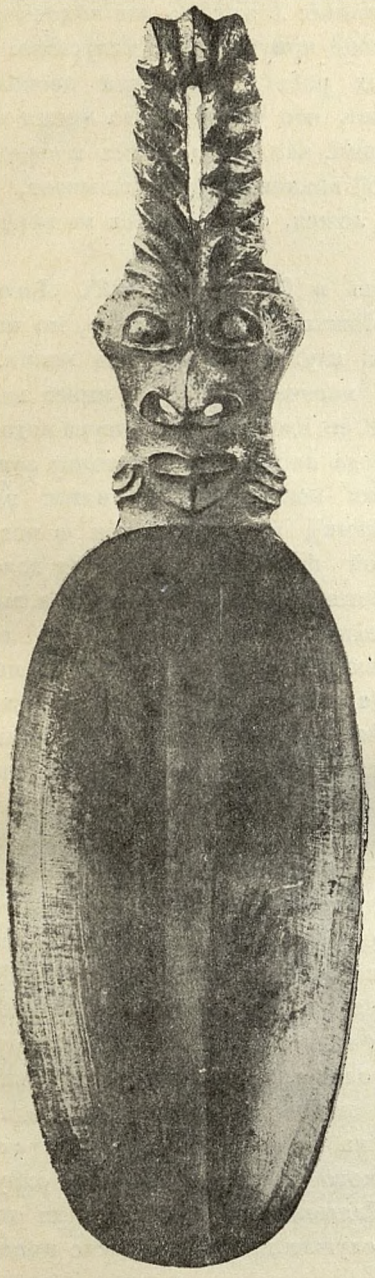
---

[1] И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности]в памятниках искусства, вып. Ш, стр. 117, рис. 127—129. Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. IV, табл. ХШ, рис. 361, 365, 372 и 373. А. А. Сппцын. Вещи с инкрустацией из Керченских катакомб, 1904 г., рис. 30.

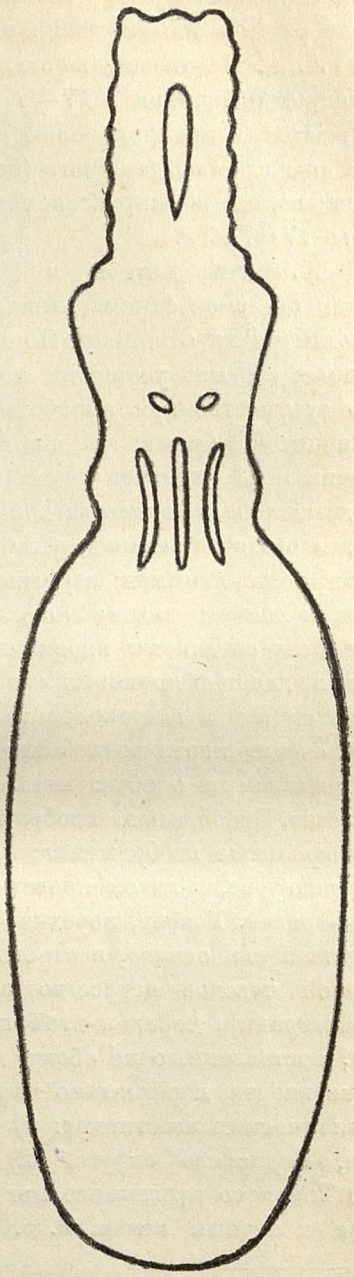
[2] Б. И. и В. Н. Ханенко, цит. раб., табл., VIII, рис. 254.

[3] А. А. Спицын. Шаманские изобраяюнпя, стр. 108, рис. 436, и стр. 87, рис. 261.

[4] Там же, стр. 86, рис. 257; А. Ермолаев. Ишимская коллекция, табл. VI, рис. 9.



30



31

Рис. 30 — 31—ложка со стилизованной ручкой (30 —лицевая поверхность; 31 — оборотная). Vi н. в.

н. э- скрепляли ручки с лоточками серебряных ложек,[1] а это показывает, какие реминисценции воспроизводит чудское приуральское искусство.

Л. А. Мацудевпч в одной из своих работ,[1] [2] описывая несколько ложек, относящихся к IY—Y вв., замечает, что ручки в это время припаиваются, а не прикрепляются проволоками, как это делалось в серебряных ложках галло-рпмского (более раннего) времени. Это указывает, что подчеремский ювелир воспроизвел детали ложек, относящихся ко времени ранее IV в. н. э-

65. Ложка длиною в 16.5, шириною в 6.7 см (рис. 32). Лоточек ложки овальной формы длиною в 7 см. Ложка найдена целою, но после находки ручка отломана. По дну лоточка идут три выпуклые линии, из которых средняя украшена поперечными насечками. Ручка имеет изящную художественную обработку: на конце ее изображена фигура медведя, леягащего на брюхе; его широколобая морда направлена к лоточку ложки; кончик носа выражен двумя поперечными выпуклыми линиями; глаза представлены выпуклыми зрачками (точками), поставленными в косых, продолговатых впадинах; уши полуовальной формы, отделены от головы рельефными линиями; передние ноги с тремя когтистыми пальцами, вытя_нутыми вперед; задние ноги, также трехпалые, вытянуты назад; лапы последних соединены перемычкой, замыкающей сквозное отверстие, необходимое для подвешивания ложки. Туловище медведя не видно: его художник ловко скрыл за широколобою головою. Медведь в мифологии урало-алтайской «чуди» играл роль божественного существа, и поэтому очень часто изобраягался на особых металлических пластинках-образках или, вернее, амулетах. Преобладают изображения головы с передними ногами; нередки и профильные изображения; но изображения в таком смелом худоясественном раккурсе, в каком представлен медведь на ручке описываемой лоягки, очень редки. Голова, передние лапы и уши этого редкого экземпляра представлены, однако, в строго установленной канонической иконографии, которой чудское искусство следовало весьма продолжительное время. Характерными чертами этой иконографии медведя служат арочной формы уши, поставленные не сбоку, а наверху головы, и передние лапы, вытянутые вперед, параллельно морде. Таковы изобраягения голов медведя на металлических пластинках: 1) найденных на берегу р. Кыны, Кунгурского края, Пермского округа,[3] 2) Гляденовского костища того яге округа[4] и 3) Томского курганного могильника. [5] Гляденовские изобраягения относятся it первым векам н. э- Датой им слуягат индопарфянские монеты:

---

[1] Musée Gallo-Romain de Saint-Gerinain-en-Laye. Cuillers d'argent (lipoque Ilomaine).

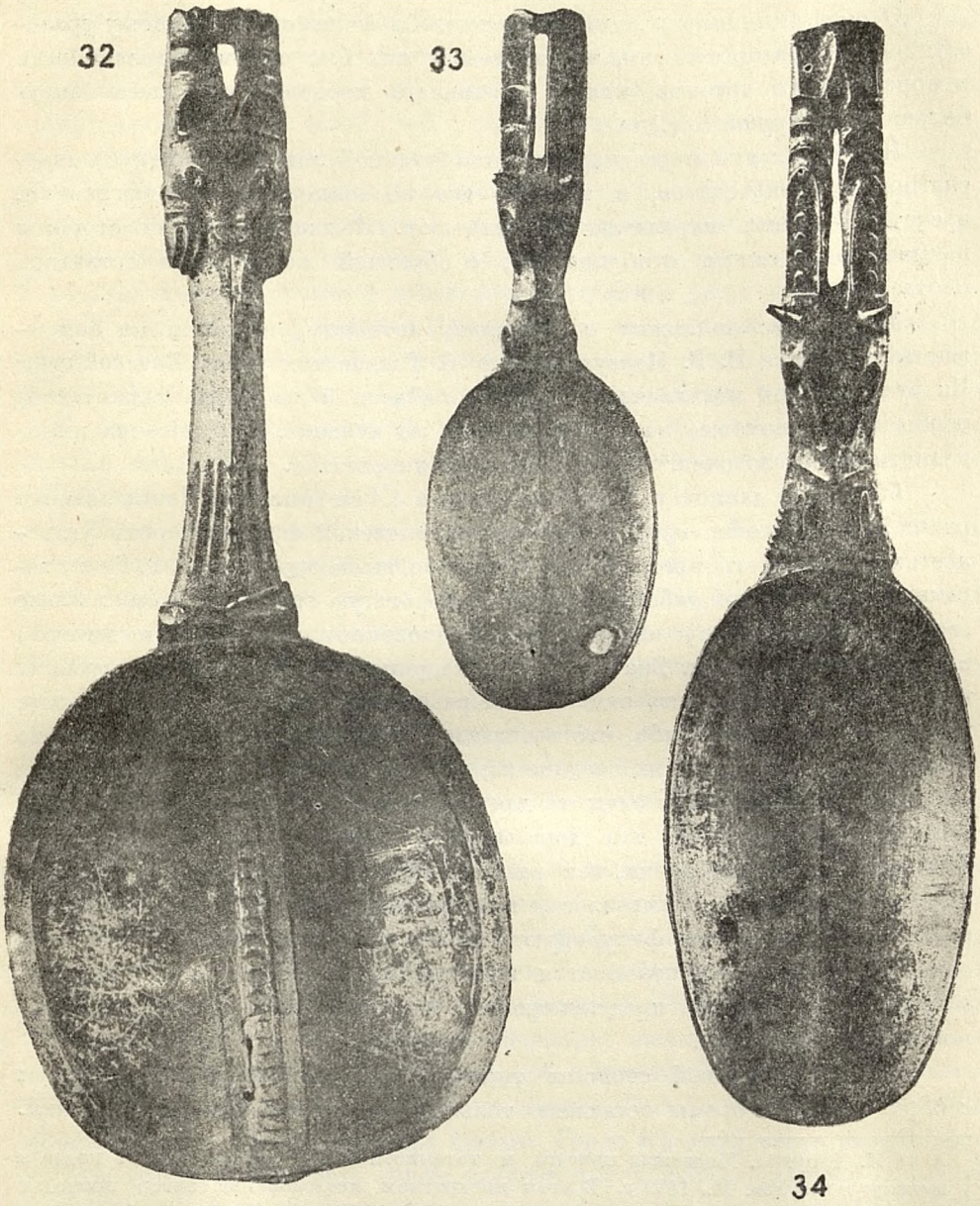
[2] Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша пз Керчи, стр. 17 и 18.

[3] А. А. Сппдын. Шаманские изображения, стр. 102, рис. 378 и 380.

[4] Отчет Археол. комиссии за 1897 г., стр. 50, рис. 144.

[5] А. А. Спицын, цпт. раб., рис. 376, и его же статья в одном из томов Зап. Русск. археол. общ.

i) Кадфиза 1, династии Турушки, царствовавшего от 30 г. до н. э- по 10 г. н. э- и 2) Санибара, царя Сакастана, царствовавшего в конце I в.



Рпс. 32—34 — ложки со стилизованными ручками. $^{1}/_{1}$ н. в.

н. э. Мотив изображения головы или, вернее, передней части медведя en face был разработан скифами ранее н. э.: об этом свидетельствует бляшка из скифских Серогозских курганов,[1] на которой медведь изображен

[1] А. А. Спицын. Серогозскис курганы, рис. 33.

в 1акой же позе, но более натуралистично. «Чудские» мастера, очевидно., подражали подобны!! образцам, придавая своим произведениям Своеобразную стильность.

Особое внимание к медведю и его изображениям вызывалось у уралоалтайских народностей тем, что медведь у них был одним из древнейших и почетнейших тотемов, клятва и присяга которому считалась самою большою и нерушимою.[1]

Ниже фигурки медведя ручка описываемой ложки становится двухскатною; гребень скатов, в нижней его половине, украшен насечками, а скаты — парами параллельных каннелюр. Ложка с лицевой стороны выглажена и слегка отполирована; с обратной же стороны оставлена неотделанною.

Металлическая ложка с овальным лоточком, похожим на описываемый, найдена Н. Г. Первухиным в б. Глазовском уезде, Вятской губ.[2] На ручке другой металлической ложки, найденной им же, прослеживается изображение, похожее на голову зверя, но неясное. Эта ложечка имеет эллиптический лоточек.[1*3] Время ложек не определено.

66. Ложка длиною в 15 см, шириною в 4.4 см (рис. 34). Длина лоточка равна 7.7 см. Лоточек продолговатый эллиптической формы, хорошо углубляется; срединой его проходит продольная возвышающаяся линия. Ручка весьма художественной работы, представляет рогатую голову лося, при взгляде сверху. Фигура головы изображена в великолепном стиле. Уши выдвинуты в форме шпилек вверх. Зрачки глаз помещены в продолговатых глубоких впадинках; носовая часть отделена выразительно и натуралистично; рога вытянуты в плоскости лба, что вызывалось фигурой ручки; рога красиво стилизованы; вершины их соединены; между рогами оставлена длинная сквозная щель, могущая служить для подвешивания ложки, но для этой цели неиспользованная, что доказывается специальным ушком, отлитым с обратной стороны ручки, как раз над вершинами соединенных рогов..

Лоси, как выше отмечалось, в «чудском» культе играли большую роль: изображения их фигурируют на всех чудских образках, где они, однако, никогда не передаются в такой художественной форме, как в описываемом случае, представляющем настоящий chef d'oeuvre ювелирного «чудского» дела.

Ложка с лицевой стороны тщательно выглажена и заполирована; с обратной же стороны оставлена только со слабыми следами отделки.

---

[1] Н. Харузян. Медвежья присяга и тотемистические основы культа медведя у вотяков и вогулов. М„ 1899 г. В этом прекрасном исследовании автор приводит обширную литературу, ссылаясь на Новицкого (1715 г.), Палласа, Якушкпна, Гондатти, Alilquist'a, Самоквасова, Frazer («Totemism»), Marrilier («La place des totémismes dans révolution religieuse»), Patkanoxv'a, Ядрннцева («О культе медведя»), Гондатти («Культ медведя») и мн. др.

[3] Н. Г. Первухин. Опыт археол. исследования Глазовского уезда, Вятской губ. Мат. по археол. воет, губ., вып. II, табл. IX, рис. 14.

[3] Там же, рис. 15.

67. Ложка длиною в 9.5 см, шириною в 3 см (рис. 33). Лоточек длиною в 4.6 см. Ложка сходна с предшествующей, но в художественном отношении значительно слабее. Лоточек ее продолговатой эллиптической формы с продольной выступающей в середине линией. Ручка представлена в виде рогатой головы лося с выступающими вверх ушами и вытянутыми в плоскости лба рогами, но отделка деталей рогов и головы, представляется более вялой, чем у предшествующей ложки. Между рогами оставлена сквозная щель, замкнутая в конце перемычкой, соединяющей рога и служащей для подвешивания ложки; с обратной стороны под перемычкой ушка нет. Лицевая сторона хорошо выглажена; обратная сторона носит следы потертости, может быть, от долгого употребления. В лоточке имеется сквозное отверстие, проеденное ря;авчиной.

В «чудских» культурах Приуралья в настоящее время известны древние ложки деревянные, костяные и металлические; среди них есть, ложки, довольно искусно обработанные и похожие на подчеремские, гО' еще неизвестны ложки такой художественной обработки, какою отличаются последние, представляющие как каждая в отдельности, так и в целом нечто неожиданное.[1]

Подчеремские л о лег; и разных размеров и форм. Но служили ли они для столовой потребности, это еще вопрос. Тот факт, что обратные стороны ложек оставались почти без всякой обработки, указывает на то, что они предназначались для декоративных целей. Известно, что приуральская «чудь» России и Сибири имела обыкновение украшать своих истуканов металлической посудой и разного рода привесками, поэтому невольно возникает мысль, не служили ли и подчеремские ложки для подобной цели?' Украшающие их культовые изображения как будто говорят за это; а если бы это* оказалось так, то молшо было бы приписать такое назначение и всем прочим вещам клада.

68. Головка оленя длиною в 6.4 см, высотою от горла до вершины рогов в 3.9 см (табл. Ill, рис. 4). Предмет служил, вероятнее всего, навершием жезла. Фигура полая, ажурная, работы очень хорошей; особенно хороша отливка, требующая очень сложной литейной формы. После отливки предмет тщательно пройден резцом и выглажен. Стиль строгий и довольно изящный. Ноздри и рот прорезаны насквозь; зрачки глаз лежат в продолговатой глазной впадине, с выраженной слезничкой. Уши треугольные,, украшенные линиями веревочного орнамента. Рога разветвлены и сведены концами друг с другом в форме купола. Горло и задняя часть черепа прорезаны насквозь. Прорезь горла эллиптической формы, длиною в 1.6 см и шириною в 1 см. Это отверстие могло слуя;ить для утверждения предмета

---

[1] В. С. Адрианов в 1935 г., в устье р. Полуя, притока р. Обп, близ г. Салехарда (6. Обдорска), на высоком берегу, на месте древнего селища, нашел костяные" ложки, ручки которых также украшены скульптурными изображениями высокого' мастерства. Вещи хранятся в ИАЭ АН СССР. Автору настоящей работы опп стали известны уже после того, как последняя была приготовлена к печати.

на ручке и для удобства отливки сложной литейной формы; первое менее вероятно, так как шея головки, сделанная в форме круглой трубки, указывает, что она служила для утверждения предмета на етеряше. Шейная трубка украшена продольными каннелюрами. Диаметр ее равняется 1.3 см. Предмет мог служить навершием жезла. Совершенно схожая головка оленя издана в «Трудах VI Археол. съезда» Н. П. Лихачевым.

69. Голова барана длиною в 7.5 см, шириною в 3.5 см. (табл. III, рис. 5). Диаметр трубки 1.7 см. Отливка предмета не совсем удачная: в четырех местах металл не заполнил плоскостей, оставив отверстия; в двух местах (у правого глаза и между ноздрей) стенки литья оказались настолько тонкими, что выкрошились. Моделировка головы не очень хорошо передает натуру: нижняя часть морды скорее напоминает лося, чем барана, вид которого определяют только рога, да и то переданные художником не очень реалистично; очевидно, последнему бараны мало были известны, хотя следует отметить, что в Приуралье известны очень реалистичные изображения этих животных; таковы изображение литого барана из Гляденовского костища и три изображения навершия рукоятки бронзового кинжала, найденного в д. Турбиной, против устья р. Чусовой;[1] оба эти предмета древнее Подчеремского клада.

70. Навершпе жезла, длиною в 9.5 см, диаметром отверстия трубки внизу в 0.8 см (табл. III, рис. 1). Предмет отлит из серебристого металла; после отливки пройден тщательно резцом и отшлифован; поверхность его покрыта богатым орнаментом. Иа вершине поставлена полая фигура зверя (росомахи). Для прочной связи зверя с основанием служат четыре ноги, длинный хвост и перемычка, ведущая от морды зверя к основанию. Голова узкая; рот, глаза и уши выражены довольно ясно; тело и ноги украшены двумя точечными линиями; лапы трехпалые, когтистые; длинный хвост отмечен с боков косыми насечками.

Основание навершия в верхней части сделано шестигранным, слегка уплощенным и расширенным. Серединой левой грани (по телу зверя) проложена линия крупных точек; серединой же противоположной, правой, стороны проведены сверху вниз две параллельные выпуклые линии с веревочным орнаментом, расположенным в елку. Передние и задние пары граней орнаментированы косыми линиями, направленными друг к другу в елку. Орнаментированная часть трубки внизу подчеркнута тремя выпуклыми поясками, ниже которых трубка получает форму гладкого (без узоров) цилиндра; низ трубки подчеркнут двумя поясками более низкого рельефа, смягчавшего переход к гладкой деревянной или костяной ручке жезла.

Очень похожее металлическое навершие жезла, неправильно принимаемое за рукоятку пояса, найдено в дер. Хариной, Пермского округа,[2]

---

[1] А. А. Спицын. Археологический альбом, стр. 10, рис. 19.

[3] Материалы по археологии России, т. 26, табл. 23, рис. 3.

но харинское навершие выше и толще подчеремского, а с художественной стороны значительно слабее. Время харинского навершия — IV—V вв. н. э.

Закончив описание предметов Подчеремского клада, необходимо еще раз заметить, что до нас дошли не все вещи клада: часть их расхищена местными жителями. Похищенные вещи отчасти можно установить, если допустить, что в клад были вложены вещи целыми гарнитурами наряда, что представляется не только возможным, но почти несомненным. В описанных вещах мы имеем но четыре парных и обломок пятого, непарного браслета. Очевидно, комплект браслетов состоял из трех пар, а это показывает, что одного целого и части другого браслета недостает. Судя по сохранившемуся обломку, недостающие браслеты должны быть спиральными, плоскими, с концами, обвитыми нитями и металлическими узкими лентами.

В описанном составе имеется три височных кольца. Полагая, что гарнитур их был парный, можно заключить, что одного височного кольца недостает.

Возможно, что отсутствует одна парная крупная дисково-гроздевая привеска.

Отсутствует фигурная вещица, от которой сохранилось дно (рис. 3): отсутствуют две привески, от которых сохранились ушки (рис. 19) и, вероятно, несколько других мелких предметов, в виде бубенчиков, спиралек, пронизей и др. Все эти отсутствующие вещи, поскольку их формы устанавливаются, едва ли могли бы прибавить что-либо существенное, могущее оказать влияние на выводы, касающиеся времени и обще! о культурно-экономического состояния владетелей Подчеремского клада.

ВРЕМЯ ПОДЧЕРЕМСКОГО КЛАДА

Описывая вещи, мы касались определения времени каждой из них, когда нредставлялась для этого возможность; теперь же предстоит определить время, когда эти вещи существовали совместно и когда они могли быть положенными на хранение в клад. Для решения вопросов прибегаем к «методу определения времени исключением крайних дат». Сущность его заключается в определении того отрезка времени, когда все предметы описываемой культуры или отдельного комплекса, в роде описываемого здесь клада, сос}ществовали. Для этого все предметы, имеющие установленную дату, наносятся на таблицу, где пунктирной линией обозначается время существования того или иного предмета. Если время существования какого-либо из них не совмещается с временем, отмеченным в таблице, то пунктирная линия проводится через всю таблицу без отметок ее концов стрелкою; если же начало и конец совмещаются со временами, отмеченными в таблице, то концы пунктирных линий

обозначаются стрелками. Когда все датированные предметы нанесены на таблицу, совершенно ясно выступает тот отрезок времени, в котором все предметы могли сосуществовать. Когда хронологический отрезок установлен, выходящие даты за пределы выясненного отрезка исключаются, как уяге ненужные для датировки.

Само собою разумеется, что точность определения времени методом исключения крайних дат зависит от верности определения времени каждой, категории, группы, отдела и типа предметов. Такое определение могло бы дать (и в будущем, наверное, даст) описание всех археологических предметов типовым методом. К соягалению, такая работа еще не выполнена, а поэтому в современных выводах нельзя избежать погрешностей.

Верность определения Подчеремского клада как памятника IV в. н. э- находит подтверягдение в том, что самые характерные предметы клада не встречаются в приуральских «чудских» древностях в V в. и последующих.

Наибольшее сходство предметы Подчеремского клада выявляют с предметами Ишимского клада. Сходство их выражается: 1) в трактовке оконечностей конских ног в форме колечек; 2) в соединении дисков, символизирующих солнце, в Ишимском кладе с коньком,[1] а в Подчеремском кладе с птицами; 3) в трактовке круглых лопастей, обведенных веревочным (лучистым) орнаментом эллиптической привески Подчеремского клада (рис. 6); а в Ишимском кладе—у круглой бляхи или привески (табл. IV, рис. 14); 4) в одинаковой живости воспроизведения веревочного орнамента, наблюдаемой на вещах Подчеремского и Ишимского кладов, и 5) в сходной трактовке кос на голове сульде-отца, приподнятых прямо кверху, что наблюдается на ручке ложки (рис. 30) и на образке? в виде птицы с головою человека (почти несомненного сульде-отца) Ишимского клада (табл. VI, рис. 9).

Менее значительное сходство предметы Подчеремского клада имеют с предметами Гляденовского, время которого, несомненно, совпадало с концом I в. до н. э. и началом I в. н. э. Это доказывается находками в костище индо-парфянских монет отмеченного времени. Однако необходимо заметить, что существование Гляденовского костища было очень продолжительным, поэтому в определении начальных и конечных дат костища существует значительное разногласие. А. А. Спицын и А. Гейкель датируют костища I—II вв. н. э*, А. В. Шмидт — I—IV вв., а А. М. Таль-

[1] Совершенно схожий с Ишимским коньком, но лучшей трактовки, бронзовый коленопреклоненный конек найден в районе г. Томска и издан А. А. Спицыным (Шаманские изображения, стр. 103, рис. 381). Любопытно сопоставить сибирских коленопреклоненных коньков, как символов солнца, с таким же коленопреклоненным коньком, связанным с ладьей — символом солнца, — халдейской (месопотамской) мифологической иконографии (см. G. Maspero. Histoire ancienne, t. I, p. 690) и поставить вопрос, не из Месопотамии ли Сибирь заимствовала свой солнечный символ?

грен, заметив в инвентаре костища предметы, аналогичные с предметами ананьинской культуры, начальную дату костища отнес к VI—IV вв. до н. э-

Предметы Гляденовского костища представляются более примитивными, чем предметы Подчеремского клада, но такое явление легко объясняется тем, что в костище преобладали «вотивные:» вещи, сделанные наспех. Совершенно такого же примитивного вида вотивные предметы, вырезанные из тонких листов железа и серебра, существуют в греческих (Керчь) и русских церквах, куда их приносят верующие и вешают на так называемые «чудотворные иконы», чая выздоровления изображенных частей своего тела (глаза, руки, ноги) или животных (лошади, коровхл, овцы). Судить по этим предметам о современном им искусстве, конечно, нельзя: для этого вотивные вещи слишком примитивны.

С Гляденовским костищем А. В. Шмидт синхронизирует пьяноборскую культуру, относя последнюю ко времени от II в. до н. э- до V в. н. э-[1] По круглым большим поясным бляхам с крючками[1 2] Пьяноборский могильник схож с Ишимским кладом;[3] этот же последний, как выше отмечено, имеет по нескольким признакам сходство с Подчеремским кладом; следовательно, последний необходимо относить если не ко времени Пьяноборского могильника, то ко времени пьяноборской культуры, средняя дата которой совпадает с III и IV вв. н. э- К этой средней дате стоит близко отысканная нами дата Подчеремского клада.

В настоящее время, на основании археологического материала, стало положительно известно, что Приуралье в своем культурном развитии сначала испытывало влияние со стороны скифо-сарматского населения. С падением скифов и сарматов последовало влияние Римской империи и одновременно Индо-Парфянского царства, из них последнее могло сообщить обитателям Пермского края религиозные символы в виде ящера (индийского крокодила), птицы Гаруды и др., оказывавшие глубокое влияние на идеологию туземцев. На эту связь Пермского края с Парфянским царством указывают найденные монеты. Отражение влияния римлян зафиксировано на одной из ложек Подчеремского клада. Римляне же доставляли в Приуралье медальонообразные украшения эллиптической формы и пр. К началу IV в. все эти влияния прекратились, так как скифы и сарматы как самостоятельные объединения перестали существовать, пало и Индо-Парфянское царство, и Рим вывел свои легионы из Восточной Европы. Их место в отношении влияния на Приуралье заняло могучее царствоСассанидов. Приуралье обогатилось множеством драгоценных предметов в виде серебряных сосудов с невиданными ранее изобраягениями на них царей, служителей культа, разных символов, серебряных монет, также покрытых художественными сценами. Все это должно было производить

---

[1] А. В. Шмидт. К вопросу о происхождении пермского зверпного стиля, стр. 133.

[2] Материалы по археологии восточных губернии, т. III, табл. 15, рис. 1.

[3] А. Ермолаев. Ишпмская коллекция, табл. VI, рис. 10.

глубокое впечатление на приуральцев, нашедших в привозных художественных изделиях знакомые сюжеты, но в более развитом и совершенном виде. Привозные предметы но могли остаться без влияния на местное искусство. В Печоро-Пермском крае это влияние оказалось весьма сильным, о чем свидетельствует и Подчеремский клад. Это отразилось на нескольких предметах. На образке (табл. I, рис. 30) изображен сульде-отец с головой орла на темени; справа и слева от него стоят две тощих фигуры сульде-малых с головами лосей, повернутые спинами к сульде-великому. Откуда взята эта композиция? Во всей уральской культовой икопографии до III в. н. э. ничего подобного не наблюдается. Берем одну из серебряных монет сассанидского царя Сапора (Шапура) I (240 по 271 г. н. э.), на которой видим все элементы описываемой композиции: на лицевой стороне монеты изображен бюст царя в головном уборе в виде головы орла,[1] а на оборотной стороне — изображены пылающий жертвенник, охраняемый двумя жрецами, поставленными спиною. к жертвеннику. Имевшему в руках такую монету уральскому художнику, уже познакомившемуся отчасти с соответствующими образами в условиях собственного своего общества, нетрудно было создать композицию описанного образка, в котором парадная шапка Сапора I придана сульде-отцу, а фигуры жрецов приданы сульде-малым, сделанным тощими для обозначения их малого ранга и поставленным спиною к сульде-отцу для выраясенпя того неравенства, при котором малые не смеют взирать на большего.

Берем монеты Варахрама II (275 по 292 г. н. э.) На этих монетах очень часто царь изображается с царицей и наследником. На голове царя корона, украшенная возвышающимся диском, поддерживаемым с боков крыльями птицы; на голове царицы — странный убор с головою свиньи, а на голове наследника — убор с головой птицы, иногда же, наоборот, убор царицы с головой птицы, а наследника — с головой свиньи.[2] Все это показывает, что носить головные уборы, украшенные головами птиц и животных, могли не только цари, но и их спутники.

Совершенно так же стали поступать и уральские идеологи в художники, начавшие украшать головные наряды сульде-малых головами животных, преимущественно лосей, пользовавшихся на Урале особым мистическим почитанием.

Диски и заменяющие их помпоны на коронах сассанидских царей являлись символами солнца; сопровождающие же их крылья птиц подчеркивали идею обоготворения светила. Обитатели Урала, сами поклонявшиеся, как и персы, солнцу, создали, по образу персидских, дисковидные птичьи и гроздевые привески. [*3]

---

[1] И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, вып. Ill, стр. 12, рис. 5.

[3] Там же, стр. 13 (рис. 6, и 2). B. Dorn. Collection des monnaies sassanides de feu le Lieuteńań-generale I. de Bartholomaei. St. Petersbourg, 1875, t. IV, fig. 12 et 13»

На монетах Гормузда (Hormisdas) II (303 по 309 г. и. э-) диск на короне поддерживают не крылья, а целые фигуры птиц.[1] Такие изображения на монетах других сассанидских царей не встречаются. Между тем их точно воспроизводят четыре парных диска Подчеремского клада, поддерживаемые летящими птицами (рис. 44 и 45). Это — чрезвычайно важное явление указывает наиболее точную дату Подчеремского клада, который мог быть собранным и скрытым не ранее 303 г. н. э., что подтверждает наше определение времени клада IY в. н. э., причем образок клада (табл. I, рис. 3), воспроизводящий изображение Сапора I, мог быть сделан в конце III в. или лее явился копией с оригинала III в. н. э.

ЗНАЧЕНИЕ ПОДЧЕРЕМСКОГО КЛАДА В ОПРЕДЕЛЕНИИ БЫТОВЫХ ЧЕРТ ЕГО ВЛАДЕЛЬЦЕВ

Вещественные памятники, в особенности в их комплексах, являются хорошими показателями быта, материального производства и общественных отношений их владельцев, а это придает особенное значение археологическим памятникам, по которым иногда, как по иероглифам, молена читать историю таких народов, от которых никаких письменных источников не сохранилось. Предметы Подчеремского клада в этом отношении Заслуживают совершенно исключительного внимания, так как красноречиво и много говорят о промыслах, торговле, искусстве, культе и т. д. соответствующего общества.

В жизни народности, к которой принадлежали владельцы клада, были хорошо известны различные промыслы. В состав их входили: охота, животноводство, земледелие, кроме того, высокоразвитая металлургия, свидетельствующая о столь же высоком состоянии многих других подобных же промыслов, более древних по своему происхождению и более необходимых по своему характеру; таковы: обработка дерева, кости, камня,, волокнистых растений и шерсти.

Охота, в широком понимании, состоит из лова рыб, птиц и животных. О рыболовстве свидетельствуют изображения рыб на культовых образках Подчеремского клада. Возможно, что рыбы проникли в подчеремскую культовую иконографию как тотемы, и как таковые они могли служить в дальнейшем символами водной стихии, доставлявшей населению пищевые рыбные продукты.

С такой же оговоркой следует заметить, что, повидимому, еще большее экономическое значение имела охота на диких зверей и птиц. Это подчеркивается как многочисленностью изображений зверей и птиц в культовой иконографии, так и еще более тем, что главное божество культа изображается в виде охотника, вооруженного луком и стрелами (рис. 30).

---

[1] B. Dorn, t. IV.

Охоты велись преимущественно на мясных зверей: лося, оленя и медведя, дававших кроме мяса и большие шкуры, а также крупные кости, из которых первые нужны были для одежд, обуви, ремней, а вторые—для выработки разного рода орудий труда, предметов домашнего быта и украшений. Вероятно, не малую роль играли и мелкие пушные звери, вроде лисиц, соболей, куниц, бобров; хотя изображений их в кладе нет, но они изобилуют в составе вотивных вещей другого древнего приуральского комплекса—Гляденовского костища, и было бы невероятным отсутствие промысла на этих ценных зверьков у подчеремских охотников, в особенности в виду существования торговых сношений с народностями отдаленных юяшых стран, бедных дорогою пушниною.

Птицы убивались подчеремскими охотниками лесные и водяные (болотные). В кладе имеются изображения тетеревов и уток (рис. 33—36), но охоты могли производиться и на других птиц, вроде глухарей, рябчиков, куропаток, перепелов, гусей, лебедей и др.

Судя же потому, что не всем, а толыко некоторым видам животных и птиц уделяется особенное внимание, можно заключить о прежнем тотемическом значении подобных животных и птиц. Э^{т0} тем вероятнее, что изображения их связываются с культовыми предметами.

Клад отразил и следы скотоводства. Домашние животные представлены в кладе изобраягениями коньков и барана. Исследования приуральских городищ, относящихся ко времени клада, указывают, что скотоводство в это время достигло в Приуралье значительного развития и в числе домашних животных, кроме лошади и овцы, были коровы, ■свиньи, собаки и, возмояшо, олени.

О существовании земледелия в Подч[еремском крае свидетельствуют предметы развитого солнечного культа, обычно связываемого с земледелием. На Урале земледелие возникло очень рано. Существование его прослежено по памятникам начала первого тысячелетия до н. э., когда еще не закончилась смена медных орудий железными. Известны находки каменных форм для отливки медных ⌠нли бронзовых серпов и находки самих серпов. В Шигирском и Горбун^ском торфяниках найдены земледельческие орудия в виде примвфвнв^ деревянных заступов и копалок. Эти находки относятся к значительно более раннему времени. В первом же тысячелетии н. э-, к которому относится Подчеремскпй клад, на среднем Приуралье становятся известными л;елезные лемехи и сошники, свидетельствующие о знакомстве с сошным (плужным) земледелием. При таких условиях солнечный культ мог развиться до той степени, о которой свидетельствует Подчеремскпй клад.

Горное дело стало известным в областях Урала очень рано. Об этом свидетельствуют так называемые чудские копи, первое появление которых относится до начала н. э- Ко времени Подчеремского клада жителям Лриуралья было известно добывание железа, меди и других металлов.

Анализ предметов клада показывает, что приуральским мастерам были известны медь, олово, свинец, цинк и др.

В общем добывающая промышленность жителей Подчеремского края рисуется довольно развитою и соответствующею далеко не первобытному состоянию, что еще более подтверждается ремесленным производством и торговыми сношениями с отдаленными народами.

Ремесленное производство особенно хорошо представлено обработкой металла, доведенной до значительного совершенства. Чтобы придать наибольшую прочность и красоту металлическим изделиям, мастера делали разнообразные металлические сплавы. Приводим здесь анализы специалистов текстуально (стр. 146—147).

Привожу также текстуально следующее заключение из работы В. В. Данилевского, издаваемой Государственной Академией истории материальной культуры:

«Результаты исследования заставляют допустить, что при производстве этих предметов имело место применение только двух металлов — меди и олова. Все остальные элементы попали в сплав, очевидно, случайно, как сопутствующие этим двум основным в их рудах... За исключением обломка браслета (№ 8), на всех этих предметах нанесен на поверхности слой металлического олова, несомненно нанесенный после их изготовления».

«.. .Для предметов этой эпохи, с Северного Урала такая техника становилась типичной, а, следовательно, характерным становится также и то обстоятельство, что металлурги данной эпохи располагали оловом, как металлом, находящимся не только в сплавах, но и в свободном виде. Наличие этой техники в ряде предметов из районов Северного Урала позволяет утверждать, что металлическое олово применялось в свободном состоянии в это время. Вместе с тем распространенность этих изделий из „серого металла", как его называют историки, сопоставленная с результатами наших исследований, говорит в пользу предположения, что это олово местного происхождения».[1]

Внешний вид некоторых в основе медных вещей почти неотличим от серебряных; таковы изящное навершие жезла, украшенное изображением росомахи, и второе навершие в виде головы барана (рпс. 55 н 56). Вообще же все литые вещи клада, пролежавшего в земле около 1500 лет, оказываются лишь слегка покрытыми тонкою патиною.

Литейные формы и самое лнтье подчеремцев вызывают изумление. Лучшие вещи, вроде наверший ягезлов, оказываются отлитыми и в весьма сложных формах. Дефекты литья в более дорогих предметах совершенно отсутствуют и наблюдаются только в более дешевых, да и то не часто. После отливки предметы подвергались дополнительной обработке посред-

---

[1] В. Данилевский. Историко-техническое исследование древних бронзовых и золотых изделий. Кавказ и Северный Урал.

Советская археология. ю

АНАЛИЗЫ ДРЕВНИХ БРОНЗ, ВЫПОЛНЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИСТОРИЧЕ

Спектраль

Найдены в одном месте на правом берегу [1] [2]

№№ по пор.	№ по лаб. журн. / № вещи	Название вещи [2]	Медь	Олово	Свинец	Цинк	Сурьма
1 Рис. 51	98/1931—1	Обломок ложки	Есть	Есть	Есть	Не обнаруж.	Следы
2 Рис. 10	101/1931—3	Коническая привеска	Есть	Есть	Есть	Есть	Следы
3 Рис. 37	102/1931—7	Полая фигура птицы; со звездочкой на голове	Есть	Есть	Есть	Есть	Следы
4 Рис. 55	100/1931—8	Голова лося	Есть	Есть	Есть	Следы	Следы
5 Рис. 56	99/1931—10	Навершие с фигурой зверя	Есть	Есть	Есть	Есть	Следы
6 Рис. 35	104/1931—11	Полая фигура птицы, клюв и передн. часть головы обломаны	Есть	Есть	Есть	Есть	Следы
7 Рис. 29	97/1931—15	Ажурная пластинка с фантастическим изображением	Есть	Есть	Есть	Не обнаруж.	Следы
8 Тип. рис. 4 и 47	103/1931—16	Обломок браслета	Есть	Есть	Есть	Есть	Следы
9	105/1931—18	Обломок серьги	Есть	Есть	Есть	Не обнаруж.	Следы

[1] Из-за незначительных размеров предметов и невозможности взятия проб для коли знали возможным взятие пробы с каждого предмета порядка 0.01 — 0.02 г). Все определения применялись электроды из электролитной меди. Медь определена мною капельным

[2] По актам передачи из Эрмитажа в ИИТ.

СКОЙ ТЕХНОЛОГИИ ГАИМК под общим руководством В. В. Данилевского.[1]

ный анализ

р. Подчеремы (притока р. Печоры) в 1929 г.

Мышьяк	Золото	Серебро	Железо	Марганец	Медь	Кобальт	Висмут	Хром	Селен	Теллур
Следы	Следы	Следы	Есть	Не обнаруж.	Не обнаруж.	Не обнаруж.	Не обнаруж.	—	Не обнаруж.	Не обнаруж.
Следы	Следы	Следы	Есть	—	Не обнаруж.	Не обнаруж.	Не обнаруж.	—	Не обнаруж.	Не обнаруж.
Следы	Следы	Есть	—	Не обнаруж.	Не обнаруж.	Не обнаруж.	Не обнаруж.	—	Не обнаруж.	Не обнаруж.
Следы	Следы	Есть	Есть	—	Не обнаруж.	Не обнаруж.	Не обнаруж.	—	Не обнаруж.	Не обнаруж.
Следы	Следы	Следы	Есть	—	Не обнаруж.	Не обнаруж.	Не обнаруж.	—	Не обнаруж.	Не обнаруж.
Следы	Следы	Есть	—	Не обнаруж.	Не обнаруж.	—	—	—	—	—
Следы	Следы	Следы	—	Не обнаруж.	Не обнаруж.	Не обнаруж.	Не обнаруж.	—	Не обнаруж.	Не обнаруж.
Следы	Следы	Следы	—	Не обнаруж.	Не обнаруж.	—	—	—	—	—
Следы	—	—	—	Не обнаруж.	Не обнаруж.	—	—	—	—	—

чественного исследования пришлось ограничиться качественными определениями (мы приведены спектральным анализом, за исключением меди, так как при съемке спектрограмм анализом. *В. Дапимвскии.*

ством резцов и шлифовки, в чем мастера достигали также большого совершенства.

Клад не содержит памятников других отраслей производства, но если самая сложная из этих отраслей, каковою является ювелирная, достигала высокого совершенства, то и другие отрасли не могли стоять на слишком низком уровне развития; действительно, судя по находкам в городищах Западного Прнуралья времени описываемого клада, дошедшие до нас памятники керамического и костяного производств стояли на сравнительно высоком уровне развития. Особенно поражают своим изобилием и своеобразною красотою костяные изделия, в состав которых входят орудия труда (копья, стрелы, иглы и др.) и предметы домашнего обихода (ложки? гребни, копаушкп), часто сплошь покрытые геометрическими узорами. Нет никакого сомнения в том, что население было хорошо знакомо и с текстильным и с кожевенным производствами. Персонален культовой иконографии клада нередко представляются облаченными в длинные одежды и покрытыми головными уборами.

Заимствованные мотивы в искусстве указывают на сношения подчеремской народности со скифами, сарматами, римлянами (вероятнее всего, с римскими колониями Северного Причерноморья — Крыма и Сев. Кавказа) и в особенности с сассанидской Персией. Наиболее удобный путь сношения с Персией мог итти по рр. Каме, Волге и Каспийскому морю, а в пределах Персии — по р. Тигру. З[тим] путем приуральцы, вероятнее всего, сбывали дорогие меха, воск и др., а взамен получали серебряные деньги, сосуды и другие ценные предметы, клады которых нередко открываются по западному Приуралью.

Археологические вещественные памятники не всегда дают возможность исследователю подойти к точному определению общественной структуры оставившей их древней народности. Особенно мало дают в этом отношении одиночные памятники, но комплексы их оказывают весьма значительную помощь. В этом отношении комплекс вещей Подчеремского клада имеет совершенно исключительное значение, так как помогает определению форм общественных отношений и идеологии.

Изложенное выше освещение материальной культуры народности Подчеремского края указывает, что эта народность переживала, повидимому, высшую стадию «варварства». По Л. Г. Моргану, эта стадия характеризуется железными орудиями производства, плужным или сошным земледелием, судоходством и сооружением городов.

Зная время Подчеремского клада и имея значительные коллекции предметов этого времени, хранящиеся в разных музеях, молено утверждать, что население Подчеремского края было хорошо знакомо с яеелезными орудиями в виде топоров, наконечников копий, стрел, нолеей, серпов и разных других более мелких орудий.

Земледельческие орудия, в виде лемехов, хотя на Северном Урале еще не найдены, но зато они найдены на Среднем Урале, где относятся

к разным столетиям I тысячелетия н. э- Развиваясь, эти орудия дифференцировались на несколько типов, что указывает на значительное усовершенствование земледелия и делает понятным явление в Подчеремском кладе прекрасно разработанных символов солнечного культа.

О древнем судоходстве обитателей северо-западного Урала свидетельствуют найденные изображения лодок на металлических бляхах культового назначения, а также и факт существования торговых сношений с Персией.

Укрепленные селения, в виде небольших городков, на Урале возникли очень рано, за несколько веков до н. э., и продолжали существовать до колонизации края русскими в XIV—XVI вв. н. э.

Таким образом, у подчеремского населения имеются все признаки, свойственные обществам высшей — третьей — стадии варварского разв тия. Этому состоянию соответствовала и форма общественных отношени связанная с разлоятением родового строя и развитием социального нера венства. Эт° находит свое отражение в идеологии подчеремской культово иконографии.

Известно, что люди создают богов по своему образу и подобию. В подчеремской иконографии мы видим главного бога окруягенным ореолом величия, на которого низшие боги не смеют взирать, а это свидетельствует о том, что подчеремская народность находилась на ступени развития социального неравенства. В классовых обществах, как известно, идея социального неравенства пропагандируется представителями религиозного культа. Подобные явления наблюдаются у цивилизованных народов повсюду, но оно оказывается налицо и у древних варварских народов. Слуяштели культов пропагандируют лягивую идею неравенства людей и беспрекословного слуягения бесправных и эксплоатируемых классов сильным, господствующим. Цель такой пропаганды особенно ярко выражается в наиболее дифференцированных классовых обществах. Эт°—цель наживы за счет эксплоатации низших, угнетенных классов.

Распад родового строя у древнего населения Приуралья был связан со значительным развитием материального производства, о чем говорилось выше. Ранее население занималось преимущественно охотой, рыболовством и коллективным земледелием, дававшими незначительный прибавочный продукт; теперь часть населения занялась металлургией, ставшей самостоятельной отраслью производства. Эт0 способствовало накоплению новых богатств в руках отдельных, немногих семей и вело к росту социального неравенства. Резкой классовой дифференциации в подчеремском обществе не могло еще быть, и речь может итти только о начале процесса образования классов.

V. GORODCOV

LE TRÉSOR DE LA PODTCHEŔEMA

RÉSUMÉ

Le tresor de la Podťchiirema´a efc decouvert en 1929 par l'étudiante A. Kolodiăznaja, travaillant dans le ´detachement ´geologique du professeur E. Soŝkina, sur la rive droite de la riv`iere Podtclie´rema, affluent droit de la Pétchora. II est conserv´e aujourd'hui au musée de l'Hermitage, à L´eningrad. Ce tr´esor renferme des objets domestiques et cultuels. Les. premiers comprennent des bracelets, anneaux temporaux, pendeloques, grelots, chalnettes et autres objets de bronze, les seconds — de petites icones en bronze, des crosserons, des repre´sentations de divinite´s ou d'animaux sacrés, des plaques et pendeloques symboliques en forme de disques ailés et d'animaux mythiques, etc. II est fort possible que tous les objets du tre´sor servaient aux besoins du culte. Leur nombre total atteint 70. Les objets spécialement destinés au culte offrent un intérêt tout `a fait exceptionnel, comme témoignant d'un syncr´etisme net de conceptions religieuses locales et persanes. Les plus int´eressants sous ce rapport sont les disques ailés, tantôt soutenus par des oiseaux, tantof surmontant des grappes de raisin: les premiers imitent les représentations persanes du soleil ail´e divinisé, les seconds, par leur affinité avec la flore m´eridionale, indiquent la direction générate d'où sont venus ces motifs. Imitant les effigies de rois, reines et princes héritiers figurés sur les monnaies sassanides avec des coiffures en forme d'oiseaux et d'animaux, les possesseurs du tr´esor de la Podtche´réma repr´esentaient coiffés de la même maniere leur principal dieu, la déesse — sa femme et l'herítier divin — son fils.

L'auteur date le trésor du d´ebut du IV-e siècle de notre `ere, ce qui coïncide approximativement avec le regne du roi sassanide Hormusdas (de 303 a `309).

Le trésor reflète beaucoup de traits de l'existence de ses possesseurs, qui connaissaient l'agriculture, l'elevage, la chasse, ainsi que diverses branches d'industrie, en particulier la métallurgie. Tout cela atteste qu'ils traversaient le stade sup´erieur de la barbarie, lie avec le d´eclin des clans totémiques et le developpement des rapports de classes et tous les côtés négatifs qu'il implique. La classe mieux differenciee´ des serviteurs du culte, qui se trouvait sous l'influence do 1'ideologie du royaume des Sassanides, aborda l'elaboration d'un ideal d'ordre politiejue nouveau pour le pays* basé sur le regime feodal.

Е. В. ЖИРОВ

ДРЕВНИЕ ИЖОРСКИЕ ЧЕРЕПА

Летом 1932 г. в г. Красногвардейске (б. Гатчина), в карьере рядом со строящимся зданием городского Дома культуры были, случайно обнаружены древние погребения. На месте находок *в том же году В. И. Равдоникасом, по поручению ГАИМК, были произведены раскопки. При этом было вскрыто 19 погребений, которые по В. И. Равдоникасу (3) принадлежали ижоре (инграм) и датируются временем от конца XIII до начала ХУ в. Палеоантропологический материал, представляющий костные остатки 15 человек (в том числе 9 почти полных костяков взрослых), поступил на хранение в Музей Института антропологии, этнографии и археологии Академии Наук СССР.

Сохранность костяков весьма удовлетворительная. Столь обычные для древних погребений Ленинградской области посмертная деформация и выветривание костей на нашем материале почти не выражены. Незначительную деформацию потерпела только часть нижних челюстей, и у некоторых черепов повреягдена наружная поверхность. Более значительные дефекты костяков и неполнота их объясняются тем, что часть погребений была потревожена до производства археологических раскопок, а также небрежностью технического персонала во время сборов и упаковки материала. Окраска костей вариирует от бурого до светложелтого цвета.

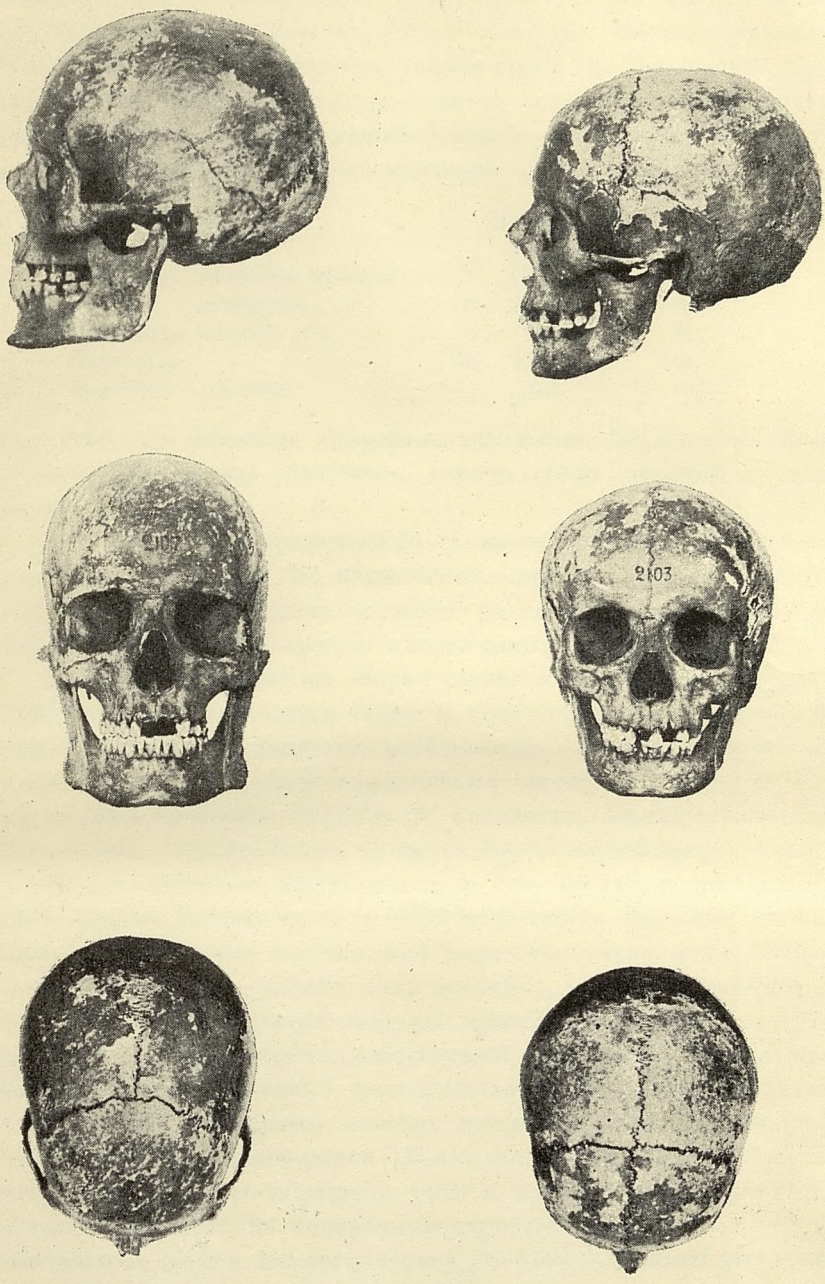
Половые различия выражены достаточно четко, и, при наличии у большинства обследованных индивидов тазовых и длинных костей (безыменные кости имеются у номеров: 5095/5, 8, 10, 11, 12, 14 и 15), возрастно-половая дифференцировка костяков не представила особых трудностей. Данные антропологического анализа хорошо согласуются в этом случае с особенностями инвентаря погребений. Так, мы видим (Равдоникас, 3), что при костяках из погребений 3, 5, 14, 16 и 17, определенных нами как женские, были найдены браслеты и кольца. При мулгских яге, по нашему определению, костяках из погребений 12 и 14 были обнаружены ножи. Погребения 2, 4, 6—9, 11,15, 18 и 19 вещей не дали. В погребении 1 при детском костяке были найдены браслет и погремушка. Поэтому вероятной является его принадлежность к женскому полу.

Программа настоящего исследования составлена по Мартину (Martin, 10). В прилагаемой таблице индивидуальных и средних данных после наименования признаков приводятся соответствующие номера Мартина. По By и Моренту (Woo and Morant, 20) произведены измерения перпендикуляров, служащих для вычисления фронтального (frontal) и синодического (simolic) указателей. В индивидуальных таблицах дистанция «Sub Jow» этих авторов названа «горизонтальным выступанием назиона»; получена она путем вычисления из треугольника fmo-n-fmo. Дистанция «SS» названа «высотой носовых костей» и измерялась симометром Мережковского.

Оценку основных диаметров и указателей черепа мы производили применительно к нормам, выработанным Шейдтом (Scheldt, 15), в которых проводится принцип половой дифференцировки материала.

Вместимость черепа, измерявшаяся пшеном, как у мужских так и у я;енских черепов весьма значительна (о[71]—1485, $—1361). Э[т]о тем более достойно внимания, что размеры горизонтальной окружности и поперечной дуги средние и только медиальная дуга велика. Соотношения медиальных дуг лобной, теменной и затылочной костей весьма вариируют. По наибольшему продольному диаметру черепа распределяются на границах между средними и большими размерами («mittellang» и «lang» Шейдта), величины наибольшего поперечного диаметра — средние. Черепной указатель варпирует в пределах от 74 до 83, при М с?—78.7. Что касается высотных размеров, то тут прежде всего обращает на себя внимание громадная разница между высотой базион-брегма и ушной (ро-в) высотой черепа. Разница эта вариирует усГ-[-$ от 14 до 29 (!) льи, при средней для сF┼2 в 21.1, для сГ—23.2 и для $ —19.5. Мартин (10) в качестве максимума индивидуальных колебаний указывает 26 мм, цифру, полученную Оттекпнгом (Oetteking, 11) на одном древне-египетском черепе. Средняя для древних египтян, которую Мартин приводит также в качестве наибольшей, равна 21.6. Отметим, что ушная высота вычислялась нами по формуле $\sqrt{рбз — {}^1/_4 pp^2}$. Для черепа, давшего максимальную разницу, Эта последняя была проверена путем измерения дистанций ро-ва. В связи с описанным явлением, по высоте базион-брегма муятские черепа входят в группу «высоких», ткенские—вариируют на верхней границе «средневысоких», по ушной же высоте как муясские, так и ясенские черепа распределяются на границе между средними и низкими размерами. Соответственную картину дают высотные указатели.

Необычной является частота метопизма в данной серии — метопичеекий шов имеется на четырех черепах (№№ 5095/3, 5, 10 и 14) из четырнадцати, т. е. в 28.6% случаев. Интересно указать, что на нашем материале наблюдается констатированное в литературе (библиография приведена Эссен-Мёллером •—Essen-Mоller, 8) количественное преобладание метопизма среди женских черепов: у нас на три ягенских метоппческих черепа приходится только один мужской. Известно, что с персистенцией



Ижорские черепа ($^2/_9$ н. р.).

метопического шва связаны общие изменения в форме мозгового черепа (Bolk, 7; Essen-Möller, 8; Remane, 13; Martin, 10), именно — увеличение наибольшего поперечного диаметра, наименьшей и наибольшей ширины лба, уменьшение наибольшего продольного диаметра и пр. Сравнивая женские метопические черепа нашей серии со всеми женскими черепами, включая метопические, получаем следующие результаты:

	Метопические	Все
Наиболып. продольн. диаметр .	1 172.3	174.4
» попер ечн. » . .	8 142.3	138.4
Напменьш. ширина лба	9 99.0	95.7
Наиболын. » »	10 126.7	119.7
Черепной указатель	8 : 1 82.4	79.4

Вероятно, что большим процентом метоппзма объясняется больший размах вариации формы мозгового черепа среди женской группы по сравнению с мужской.

Ламбдовидный шов чрезвычайно усложнен вормиевыми косточками, которые встречены у всех без исключения черепов, причем в ряде случаев очень крупные и в очень большом количестве. На 8 черепах из 14 встречены Ossa epipterica, причем иногда также необычного размера, и на одном черепе — стенокротафия. Форма черепа в вертикальной норме, чаще всего овоидная, но встречается также и пентагоноидная форма. В форме медиальной дуги замечательна одна особенность — наивысшая точка черепа, ориентированного в немецкой горизонтали, совпадает с брегмой или располагается даже несколько кпереди от последней. Надпереносье развито довольно сильно: определенное по схеме Брока, модифицированной Мартином, оно дало среднюю цифру для о" = 3.8. Лобные и теменные бугры выражены средне. Весьма часто (в 64%) встречается depressio praelambdoidea, причем на мужских черепах оно выражено очень четко. Мышечный рельеф черепа не очень развит; так, например, развитие наружного затылочного бугра по схеме Брока дало для мужчин М=2. В то же время на трех мужских черепах встречен затылочный вал, правда, не сильно выраженный. У черепа № 5095/3 непосредственно латерально и кзади от левого затылочного мыщелка имеется цилиндрической формы processus paracondyloideus. Длина его равна 12 мм, поперечник—10 мм. Суставная площадка этого отростка обращена вниз и назад и сочленяется с соответственной площадкбй на поперечном отростке атланта.

Любопытна форма детского черепа № 5095/1. Как мы уже говорили, судя по археологическим находкам, череп этот принадлежал девочке. Более точный возраст ее определяется по прорезанию зубов (клыки и первые ложнокоренные вполне прорезались) 11—13 годами. Череп этот гипербрахикранен (головн. указ. — 88.3), имеет не по возрасту малые углы наклона и профиля лба и уплощенную затылочную область — сагитт, указ, затылочн. кости (31:28) = 87.9, указ, кривизны верхи, чешуи

[31 (1) : 28 (1)] = 97.9. В латеральных мастях верхней трети лобной кости намечается вдавление. Непосредственно кзади от венечного шва имеется вдавление, идущее в обе стороны от брегмы параллельно венечному шву, примерно до начала partis complicatae последнего. Это вдавление несомненно должно быть отождествлено с impressio parietalis Шрейбера (Schreiber, 17), в разновидности — без перерыва в области брегмы,—которую описывает Айхель (Aichei, 6). Тот яге комплекс признаков, в значительно ослабленной степени, имеется и у юношеского черепа № 5095/2. Вероятно, что оба эти черепа подверглись искусственной деформации кольцевого типа, которая поныне практикуется среди лопарей (Хатт, 5), и что орудием деформации послуягил чепчик. Остается открытым вопрос о преднамеренности нашей деформации, тем более, что степень интенсивности ее невелика. Шлиц (Schliz, 16) из спорадичности находок искусственно-деформированных черепов в германских рядовых могилах сделал вывод о преднамеренном характере кольцевой деформации. Именно, он предположил, что искусственно-деформированные черепа принадлежали индивидам (преимущественно женщинам) с чрезмерно сильным ростом волос, причем волосы с очень раннего детства придерживались повязкой или чепчиком, вызвавшим деформацию. Надо, однако, указать, что собственный материал Шлица и иные литературные данные этого заключения не подтверягдают.

Переходим к описанию лицевого черепа. Абсолютные размеры высоты лица и высоты верхней части лица — средние («mittellang» Шейдта). По скуловому диаметру мужские черепа относятся к «широким)), женские же стоят на границе между «средне-широкими» и «широкими» формами. По лицевым указателям черепа мезопрозопны и мезэничны. Здесь же следует упомянуть значительные размеры бигониального диаметра у мужчин (100, 105, 110 мм).

Горизонтальная профилировка лица в целом доляша быть охарактеризована как сильная. Фронтальный индекс у мужских черепов равен 21.2, у женских черепов —16.9. Абсолютные размеры высоты спинки носа и симотический указатель у мужчин велики, а у женских черепов, для европеоидной популяции, несколько низки. Очень невысок фронтальный угол глазницы (o^{71} —16.2). Низкие цифры дают такясе сагиттальные углы лица — по лицевому углу и углу средней части лица черепа мезо- и ортогватны, а по альвеолярному — слегка прогнатны. Но углы, образуемые спинкой носа с немецкой горизонталью и линией профиля лица, а также и медиальная кривизна носовых костей, определявшаяся нами по схеме Г. Вирхова, весьма характерны для европеоидов.

По глазничным указателям черепа хамэ- и мезоконхны, по носовому — относятся к мезорринам. По указателям верхней челюсти и нёбным — к брахиуранам, брахи- и гипсистафилинам.

Глубина собачьей ямки отмечалась нами по четырехбалльной схеме (0—3), причем мы получили М <? =» 1.4, М 9 = 2.0. Форма зубной

дуги, как правило, параболоидная. Нижний край грушевидного отверстия имеет «типично-человеческую» форму и лишь в одном случае встречена fossa praenasalis. Развитие передней носовой ости — слабое (М о" = 2.25).

Относительно длинных костей необходимо оговорить, что измерялись только кости правых конечностей. У № 5095/6 измерена левая плечевая кость. Полученные путем вычисления по формулам Пирсона размеры роста для этого индивида, а также для № 5095/7, вероятно, превышают истинные. Причиной этому служат своеобразные пропорции, свойственные нашей серии, — весьма длинные по отношению к нижним конечностям руки и малая по отношению к бедру голень. Рост данной группы должен быть оценен как средний.

Краниология финнов не очень богата материалами, которые могли бы послужить нам для сравнения. Из числа палеоантропологических работ упомянем исследование Харузнна (4) о черепах из Пюхтицкого могильника, датирующегося временем до XII в. Материал этот, однако, крайне незначителен — мужских черепов всего 4, из них два очень неполных. Курьезно, что Харузин находит возможным категорически отрицать принадлежность этих черепов финнам на основании сравнения их черепного указателя (черепа эти долихо- и мезокранные) с черепными указателями современных финских народностей. Весьма ценный материал — 32 костяка из финских курганов IX—XI вв. в Тихвинском уезде — был у Колмогорова. Поэтому достойно сожаления, что Колмогоров своим кранио- и остеометрическим исследованиям уделяет лишь несколько строк в археологической работе (8). Он пишет следующее: «Средний рост мужчины —1622 мм, средний рост женщины (?) —1502 мм. Головной указатель — 79.8; лицевой указатель — 53.6; носовой указатель — 47.2. Или, иначе говоря, перед нами среднерослый мезоцефал (с тенденцией к долихоцефалии) лепопрозоп и лепторин. Такими же чертами, приблизительно, характеризует антропологическая литература н современных финнов». По относительно большой программе исследованы Вейнбергом (Weinberg, 18) черепа львов (6 *с?* и 1 $). Любопытно отметить, что им на этих черепах получена разница между высотой базион-брегма и ушной высотой черепа, превышающая полученную нами: у двух черепов разница эта равна 30 (!) и 29 мм, средняя яге для <? ┼ $ =26 мм. Территориально близкой является серия древних (XI — XII вв.) латышских черепов из Латгалии, подробными краниометрическими данными о которых мы обязаны Кнорре (Кпогге, 9). Блилсе к современности серия черепов из Пале, принадлелгавшая, согласно Приману (Priman, 12), смешанному населению — ливам и латышам XVII —• XVIII вв., и большая серия черепов эстов, послулгившая материалом для диссертации Витта (Witt, 19). По краниологии современных финнов Финляндии нами использована сводная работа Ретциуса (Betzius, 14). Наконец, современная ияюра в количестве 500 человек была измерена студентками ЛГУ —Преловой, Александровой и Уль (Золотарев, 1). Но материал этот

остался неопубликованным, и Золотарев сообщает только средние цифры роста (J —1656, ¥ — 1547) и головного указателя (с?—82.55, ¥ —83.58).

При изучении этих работ прежде всего обращает на себя внимание Значительное сходство нашей иягоры с финнами Ретциуса. Обе серии весьма близки по абсолютным размерам продольного и поперечного диаметра, черепного указателя, наименьшей ширине лба, высоте лица и — несколько менее — по величине скулового и высотного диаметров. Следует отметить, что серия Ретциуса весьма разнородна по географическому и племенному составу. Примерно но тому же комплексу признаков намечается сходство и с древними латышами Кнорре, однако, последние отличаются от ижоры значительно меньшим поперечным диаметром, черепным указателем и высотой лица. Зато эсты Витта, ливы Вейнберга и черепа из Пале Примана отличаются от ижоры и финнов Ретциуса в одном и том же направлении. В этих сериях представлены преимущественно низкие и средневысокие черепа, с небольшими размерами наименьшей ширины лба, малым или средним («schmal» и «mittelbreit» Шейдта) скуловым диаметром и более низким лицом. Соотношения эти видны из нижеследующей таблицы:

		Ижора с?	Финны с? (Ретциус)	Древние латыши ♂ (Кнорре)	Черепа из Пале сГ (Приман)
Продольн. диам.	1	183.7	183.8	184.5	182.6
Поперечн. »	8	144.5	146.2	137.2	142.1
Наименьш. ширина лба	9	100.2	99.2	99.6	97.0
Высотн. диам.	17	139.9	135.9	136.0	131.8
Скулов. »	45	138.8	135.5	139.2	130.6
Высота верхи, части лица	4-8	72.2	69.8	67.8	66.4
Черепн. указ.	8: 1	78.7	79.6	74.1	77.0

Отсюда намечается возможность существования среди финнов Прибалтики двух краниологических типов, из которых один был представлен среди населения побережья, другой же был свойствен популяциям, более отдаленным от моря. Первый из этих типов отличается от второго более низким черепом и более узким лицом. Намечаются также различия по черепному указателю и высоте лица. Само собою разумеется, что заключение это имеет весьма предварительный характер и приобретет достаточную вероятность только при условии подтверждения его дальнейшими материалами и исследованиями.

Литература

(Сокращения: ZMA — Zeitschrift fUr Morphologic und Anthropologic)

1. Золотарев, Д. А. Обзор русских антропологических работ по финно-угорскому населению СССР. Фпнно-угорскпй сборник, Л., 1928, стр. 1—26.

2. Колмогоров, А. Тихвинские курганы. Труды XV Археологического съезда в Новгороде, 1911, т. I, М., 1914, стр. 411—434.

3. Равдоникас, В. И. Ижорский могильник в г. Красногвардейске (б. Гатчине). Сообщения ГАИМК, 1932, № 1—2, стр. 24—31.

4. Харузин, Ал. Заметка о черепах Пюхтицкого могильника. Временник Эстляндской губернии, кн. I, 1893 г., Ревель, 1894, стр. 245—259.

5. Хатт, Гудмунд. Искусственное формование головы ребенка у скандинавских лапландцев. Сборник Музея антропологии и этнографии ИАН, т. III, 1915, стр. 49—56.

6. Aiche 1, Otto. Ergebnisse einer Forschungereise nach Chilie — Bolivien, 2. Die künstliche Scliiideldeformation. ZMA, Bd. XXXI, 1932, p. 3—62.

7. Bo1k, L. Ueber Metopismus. ZMA, Bd. XXI, H. 2, 1920, p. 209—226.

8. Eesen-Möller, Erik. Statistische Untersuchungen iiber die persistierende Stirnnaht (Metopismus). Anthropologischer Anzeiger, Jalirg. V, H. 4, 1928, p. 321—326.

9. Knorre, Georg, v. Kraniologische Untersuchungen an Scliadeln aus Skelettgräbern Lettgallens. ZMA, Bd. XXVIII, H. 3, 1930 p. 256—312.

10. Martin, Rudolf. Lelirbuch der Anthropologie. 2 Aufl., Bd. II, Jena, 1928.

И. Oe11eking, Bruno. Kraniologische Studien an Altagyptern. Archiv fiir Antliropologie, N. F., Bd. VIII, 1909, p. 1—90.

12. Priman, J. Pales galvas kausi. Acta Universitati9 Latviensis, XII, Riga, 1925,. p. 367—379.

13. Remane, A. Das Stirnnahtsproblem (Eine Entgegnung an Bolk). ZMA,. Bd. XXIII, 1923, p. 153—178.

14. Retzius, Gustave. Materiaux pour servir a la connaissance de caracteres ethniques des races fmnoises. Congres international d'anthropologie et d'arclicologie prehistoriques. Compte Rendu de la 7-e Session. Stockholm, 1874, 1.11. Stockholm, 1876, p. 741—771.

15. Scheldt, Walter. Die rassischen Verhiiltnisse in Nordeuropa nach dem gegenwiirtigen Stand der Forscliung. ZMA, Bd. XXVIII, 1930, p. 1—98.

16. Schliz, A. Kttnstlicli deformierte Schiidel in germanischen Reihengriibern.. Archiv fiir Anthropologie, N. F., Bd. UI, 1905, p. 191—214.

17. Schreiber, W. Beitrag zur Kraniologie der altperuanischen Scliadel. ZMA, Bd. ХИ, 1910, p. 243-260.

18. Weinberg, Richard. Crania livonica. Untersuchungen zur priihistorisclien Anthropologie des Balticums. Jurjew — Dorpat, 1902.

19. Wi11, Hugo. Die Scliiidelform der Esten. Inaugural — Dissertation, Dorpat, 1879.

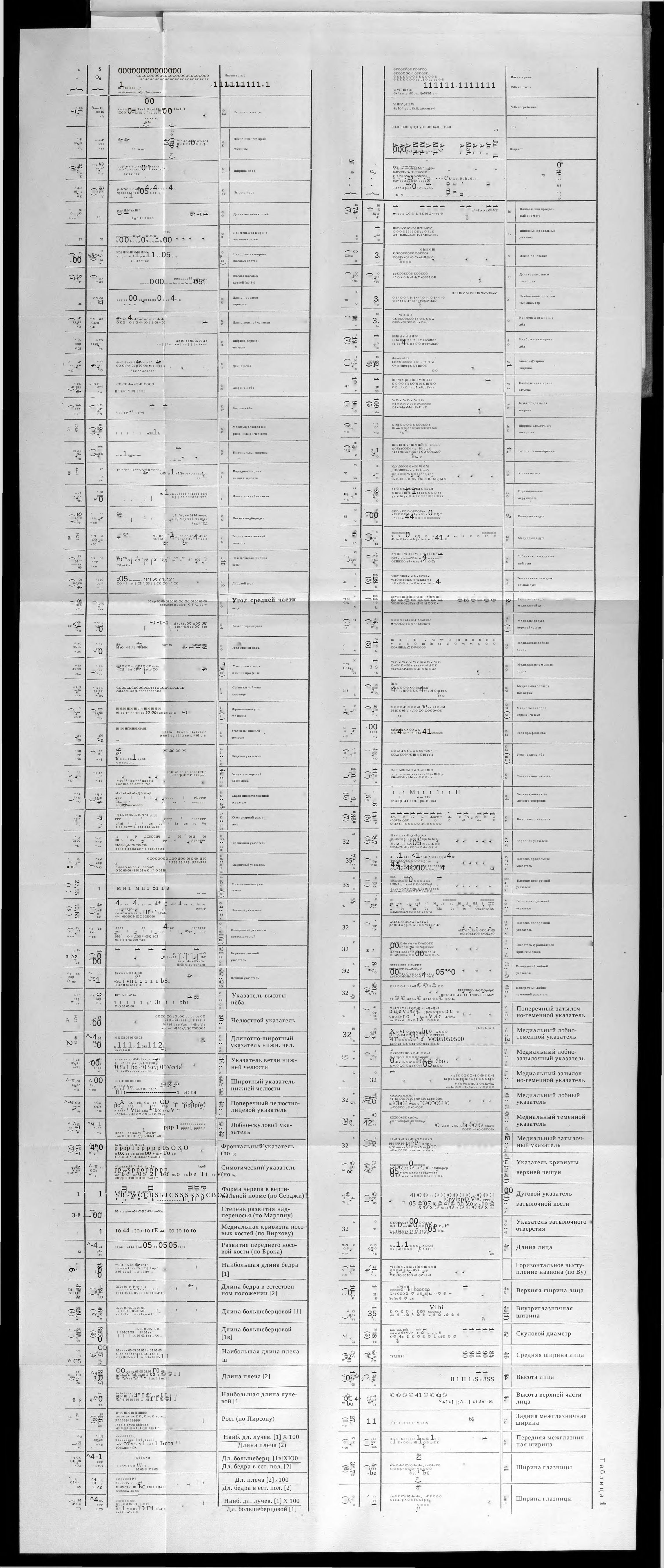
20. Woo, T. L. and Morant, G. M. A Biometric Study of the «Flatness» of the Facial Skeleton in Man. Biometrika, vol. XXVI, 1934, p. 196—250.

E. ŽIROV

CRÂNES ANCIENS DE L'lJORA

RÉSUMÉ

L'auteur décrit line série de crânes provcnant, d'un cimetière die XlV-e siècle situé à Krasnogvardéisk (ci-devant Gatchina) et fouillé en 1932 par V. Raudonikas. Par l'ensemble de leurs caractères, ces crânes* présen tent un type europeo'fde bien marque. S'en rapprochent le plus par



Дл. большеберц. [1в]ХЮ0 / Дл. бедра в ест. пол. [2]
Дл. плеча [2] x 100 / Дл. бедра в ест. пол. [2]
Наиб. дл. лучев. [1] X 100 / Длина плеча (2)
Дл. большеберцовой [1]
Рост (по Пирсону)
Длина большеберцовой [1в]
Длина большеберцовой [1]
Степень развития надпереносья (по Мартину)
Медиальная кривизна носовых костей (по Вирхову)
Развитие переднего носового края (по Брока)
Наибольшая длина бедра [1]
Наибольшая длина плеча ш
Длина плеча [2]
Наибольшая длина лучевой [1]
Угол средней части лица
Угол спинки носа
Угол спинки носа и линии профиля
Сагиттальный угол глазницы
Фронтальный угол глазницы
Угол ветви нижней челюсти
Лицевой указатель
Указатель верхней части лица
Скуло-нижнечелюстной указатель
Ю.жмарный указатель
Глазничный указатель
Глазничный указатель
Межглазничный указатель
Носовой указатель
Поперечный указатель носовых костей
Верхнечелюстной указатель
Нёбный указатель
Указатель высоты нёба
Челюстной указатель
Длинотно-широтный указатель нижн. чел.
Указатель ветви нижней челюсти
Широтный указатель нижней челюсти
Поперечный челюстно-лицевой указатель
Лобно-скуловой указатель
Фронтальный указатель (по Ву)
Симотический указатель (по Ву)
Форма черепа в вертикальной норме (по Серджи)
Наименьшая ширина лба
Наибольшая ширина лба
Биизкр/ирная ширина
Наибольшая ширина затылка
Бима стоидальная ширина
Ширина затылочного отверстия
Высота башмо-бразма
Ушная высота
Горизонтальная окружность
Поперечная дуга
Медиальная дуга
Лобная часть медиальной дуги
Теменная часть медиальной дуги
Медиальная дуга верхней чешуи
Медиальная лобная хорда
Медиальная теменная хорда
Медиальная затылочная хорда
Медиальная хорда верхней чешуи
Угол профили лба
Угол наклона лба
Угол наклона затылочного отверстия
Вместимость черепа
Черепной указатель
Высотно-продольный указатель
Высотно-поперечный указатель
Высотно-продольный указатель
Высотно-поперечный указатель
Указатель фронтальной кривизны сегда
Поперечный лобный указатель
Поперечный лобно-теменной указатель
Поперечный затылочно-теменной указатель
Медиальный лобно-теменной указатель
Медиальный лобно-затылочный указатель
Медиальный затылочно-теменной указатель
Медиальный лобный указатель
Медиальный теменной указатель
Медиальный затылочный указатель
Указатель кривизны верхней чешуи
Дуговой указатель затылочной кости
Указатель затылочного отверстия
Длина лица
Горизонтальное выступление назиона (по Ву)
Верхняя ширина лица
Внутриглазничная ширина
Скуловой диаметр
Средняя ширина лица
Высота лица
Высота верхней части лица
Задняя межглазничная ширина
Передняя межглазничная ширина
Ширина глазницы
Ширина глазницы
Наибольший продольный диаметр
Наименьший продольный диаметр
Длина основания
Длина затылочного отверстия
Наибольший поперечный диаметр
Наименьшая ширина лба
Наибольшая ширина лба
Биизкр/ирная ширина
Наибольшая ширина затылка
Бима стоидальная ширина
Ширина затылочного отверстия
Высота башмо-бразма
Ушная высота
Горизонтальная окружность
Поперечная дуга
Медиальная дуга
Лобная часть медиальной дуги
Теменная часть медиальной дуги
Медиальная дуга верхней чешуи
Медиальная лобная хорда
Медиальная теменная хорда
Медиальная затылочная хорда
Медиальная хорда верхней чешуи
Угол профили лба
Угол наклона лба
Угол наклона затылочного отверстия
Вместимость черепа
Черепной указатель
Высотно-продольный указатель
Высотно-поперечный указатель
Высотно-продольный указатель
Высотно-поперечный указатель
Указатель фронтальной кривизны сегда
Поперечный лобный указатель
Поперечный лобно-теменной указатель
Поперечный затылочно-теменной указатель
Медиальный лобно-теменной указатель
Медиальный лобно-затылочный указатель
Медиальный затылочно-теменной указатель
Медиальный лобный указатель
Медиальный теменной указатель
Медиальный затылочный указатель
Указатель кривизны верхней чешуи
Дуговой указатель затылочной кости
Указатель затылочного отверстия
Длина лица
Горизонтальное выступление назиона (по Ву)
Верхняя ширина лица
Внутриглазничная ширина
Скуловой диаметр
Средняя ширина лица
Высота лица
Высота верхней части лица
Задняя межглазничная ширина
Передняя межглазничная ширина
Ширина глазницы
Ширина глазницы

Таблица 1

le type les crânes finnois modernes (Retzius) et les crânes lettons anciens de Latthalie (Knorre). Dans le tableau des mensurations individuelles, les dénominations des caractères en russe sont suivies des numéros correspondants iles mensurations selon Martin.

632

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА ЗА РУБЕЖОМ

И. М. ЛУРЬЕ

ГОРОД ТЕЛЬ-ЭЛЬ-АМАРНА

(Обзор раскопок)

Очень немногие из производившихся в Египте раскопок были посвящены городам: в подавляющем большинстве случаев раскапываются могилы или некрополи. В этом, конечно, сказывается своеобразие местных условий—на остатках древних поселений обычно располоясены современные деревушки феллахов, что сильно затрудняет раскопки и удорожает их стоимость, так как приходится предварительно переселять жителей, тогда как древние некрополи, находившиеся на границе пустыни, необитаемы. Однако не следует преуменьшать и значение элементов кладоискательства в работе археологов. Ведь неразграбленная могила сулит счастливому искателю богатейшую добычу в виде многочисленных, подчас уникальных, памятников — цель стремлений большинства музеев и богатых меценатов,[1] тогда как поселение в исключительно редких случаях молтет дать сколько-нибудь ценные и эффектные находки. Влияние этого обстоятельства на археологическую работу ясно сказывается в том факте, что ряд поселений, изучение которых представляет большой научный интерес и где раскопки не связаны с необходимостью предварительного переселения жителей (их здесь нет), до сих пор остаются нетронутыми. Мы имеем в виду горняцкий поселок в Уади Олаки, описанный в нескольких словах еще Linant de Bellefonds Bey в 70-х гг.,[1] [2] поселок в Уади Маамал, где сохранились многочисленные остатки жилищ, форта, большого скотного двора и т. п., [3] египетское поселение у бирюзовых рудников в Уади Магара [4] на Синае. Наиболее ясе ярко о полном пренебрежении к такого рода археологическим памятникам говорит тот

[1] Вспомним, например, лорда Карнарвона, многие годы субсидировавшего раскопки в долине царей в надежде обнаружить неразграбленную царскую могилу.

[3] L'Etbaye, pays líabite par les Arabes Bicharieh. Geógraphic, ethnologie, mines d'ors, p. 69 s.

[3] G. Schweinfurt. Auf unbetretenen Wegen in Agypten, S. 235 ff. — Couyat. La route de Myos-Hormos. BIFAO, t. VII, pp. 27—28.

[4] F. Petrie. Researches in Sinai. London, 1906, pp. 38, 51—52.

факт, что о группе хижин некропольских рабочих, ютившихся возле гробницы Рамзеса VI и снесеных во время раскопок могилы Тутанхаыона, в отчете сказано буквально несколько слов.[1]

В силу этого, хотя раскопки в Египте производятся многие десятилетия, и страна археологически изучена лучше многих других, мы все еще плохо представляем себе облик древнеегипетских поселений и городов. Тем большее значение имеют поэтому те немногочисленные раскопки городов, которые производились и производятся в Египте. Особое место среди них безусловно занимают раскопки города Тель-Эль-Амарны, с перерывами производящиеся уже свыше 40 лет. Некоторое представление об этом городе, на основе опубликованного до настоящего времени материала, мы хотели дать в нашей статье.

Развалины Тель-Эль-Амарны известны уже давно: они посещались еще учеными, сопровождавшими Наполеоновскую армию вовремя Египетского похода,[1] [2] позднее Лепсиусом[3] * и другими археологами, путешествовавшими по Египту. Эти развалины расположены на восточном берегу Нила в 287 клм к югу от Каира и в таком лее, примерно, расстоянии от Фив. В этом месте горная цепь, замыкающая Нильскую долину, несколько отступает к востоку, почему этот пункт оказался пригодным для постройки города. Остатки Тель-Эль-Амарны тянутся вдоль Нила на протяжении свыше чем 12 км — пространство, на котором расположены ныне пять деревушек феллахов; название местности — Тель-Эль-Амарна происходит из соединения названий двух деревушек; Et Till и El Amarea-

Раскопки Тель-Эль-Амарны были начаты F. Petrie, который копал здесь сезон 1891—1892 гг.* В 1896 г. здесь работал Barsanti,[5] [6] начиная же с 1905 г. город начал систематически раскапываться экспедицией Германского археологического общества, возглавлявшейся L. Borchardt'ом.[8] Раскопки были прерваны мировой войной и возобновились лишь в 1921 г. Начиная с этого года, здесь производятся работы на средства английского археологического общества Egypt Exploration Society.[7]

---

[1] H. Carter und A. Mace. Tut-ankh-Amun t. I, p. 102 (V нем. изд.)

[2] Description de l'Egypte. A, 4 pi., 65, 6.

[3] Denkmäler aus Aegypten und Aetliiopien, Bd. I, 63.

* Tell el Amarna.

[5] Итоги его работ не опубликованы.

[6] L. Borchardt. Voruntersucliungen von Tell el Amarna im Januar 1907, M.D.O,G„ № 3t, S. 14—31. — P. Timme. Tell el Amarna vor der Deutsclien Ansgrabungen im Jahre 1911 (Wissenschaftlichen Veröfl'entlichungen der Deutsclien Orient-Gesellschaft, H. 31). — L. Borchardt. Ausgrabungen in Tell el-Amarna. 1911; 1911—1912; 1912—1913 и 1913—1914. M.D.O.G., ffiJS 46,50,52,55, и 57 (№№ 55 и 57 в Ленинграде и Москве нет).

[7] Excavations at Tell el-Amarna (Preliminary Report). J. E. A., t. VU, p. 169 sqq.; t. VIII, p. 48 sqq.; t. X, p. 289 sqq.; t. X, 299 sqq.; t. XII, p. 3 sqq.; t. ХШ, p. 209 sqq.; XIV, p. 143 sqq. t. XVII, p. 233 sqq.; t XVUI, p. 143 sqq; t.XIX, p. 113 sqq.; t. XX, p. 129 sqq. Полный отчет о работах 1921 п 1922 гг.: E. Peet and L. Wooley, The City of Akhenaten, Г
а подробный отчет о части работ 1926—1932 гг.: H. Frankfort and J. Pendlebury-The City of Akhenaten, II.

В итоге всех этих работ теперь раскопана уже значительная часть города (рис. I),[1] и тем досаднее, что опубликованные отчеты не дают ряда сведений, крайне необходимых для того, чтобы характер этого древнего города был бы ясен. Первым и основным недостатком большинства отчетов является то, что они не дают ясного представления о преемственности работ. Так, Peet и Wooley, изложившие в The City of Akhenaten I достаточно подробно материалы раскопок 1921—1923 гг. в течение которых были раскопаны участки, непосредственно примыкавшие к площади немецких работ, не дали сводного плана изученной территории. Авторы же второго тома отчетов [1] [2] не включили в него итоги работ 1923—1924 и 1924—1925 гг., когда не они стояли во главе раскопочных работ.

В предварительных отчетах если и давались планы раскопанных частей города, то опять-таки без увязки с предшествовавшими. Исключение представляет предварительный отчет за 1926—1927 гг.,[3] где дан сводный план произведенных ранее раскопок в северной части города.

В настоящее время единственным сводным планом города является тот, который нами воспроизведен на рис. 1: он достаточен для общей ориентировки, но явно не годится для изучения строения города, расположения улиц и т. п.

Однако не всегда даются в предварительных отчетах даже планы раскопок отчетного года и отдельных, наиболее замечательных зданий: какой участок города раскапывался в 1932—1933 и 1933—1934 гг.,[4] будет, повидимому, ясно лишь когда выйдут последующие тома полного отчета.

Другим недостатком публикуемых предварительных отчетов является то, что в них мало внимания уделяется тем сведениям, которые особенно важны, когда речь идет о городе: в них нет сколько-нибудь подробных данных об улицах, многочисленных мастерских и т. п., зато непропорционально много места посвящено отдельным находкам памятников искусства, которые подробно описываются, фотографии многих из них даются с двух-трех сторон, — сразу заметно, что именно эти вещи для авторов отчетов представляются наиболее интересным результатом раскопок.

Однако опубликованные материалы дают все же известное представление о характере этого древнего города.

Своим возникновением Тель-Эль-Амарна обязана той борьбе, которую вел, опираясь на служилую знать и зажиточное городское население, под видом борьбы с религией Амона, против крупной земельной знати и неразрывно с ней связанной верхушки жречества фараон Э^натон.

---

[1] The City of Akhenaten, И. План охватывает раскопки лишь до 1932 г.; места последующих работ на нем не отмечены.

[2] H. Frankfurt and J. Pendlebury.

[3] J. E. A., t. XIII, pi. 44.

* J. E. A., t. XIX, p. 133 ss., и XX, p. 129 ss.

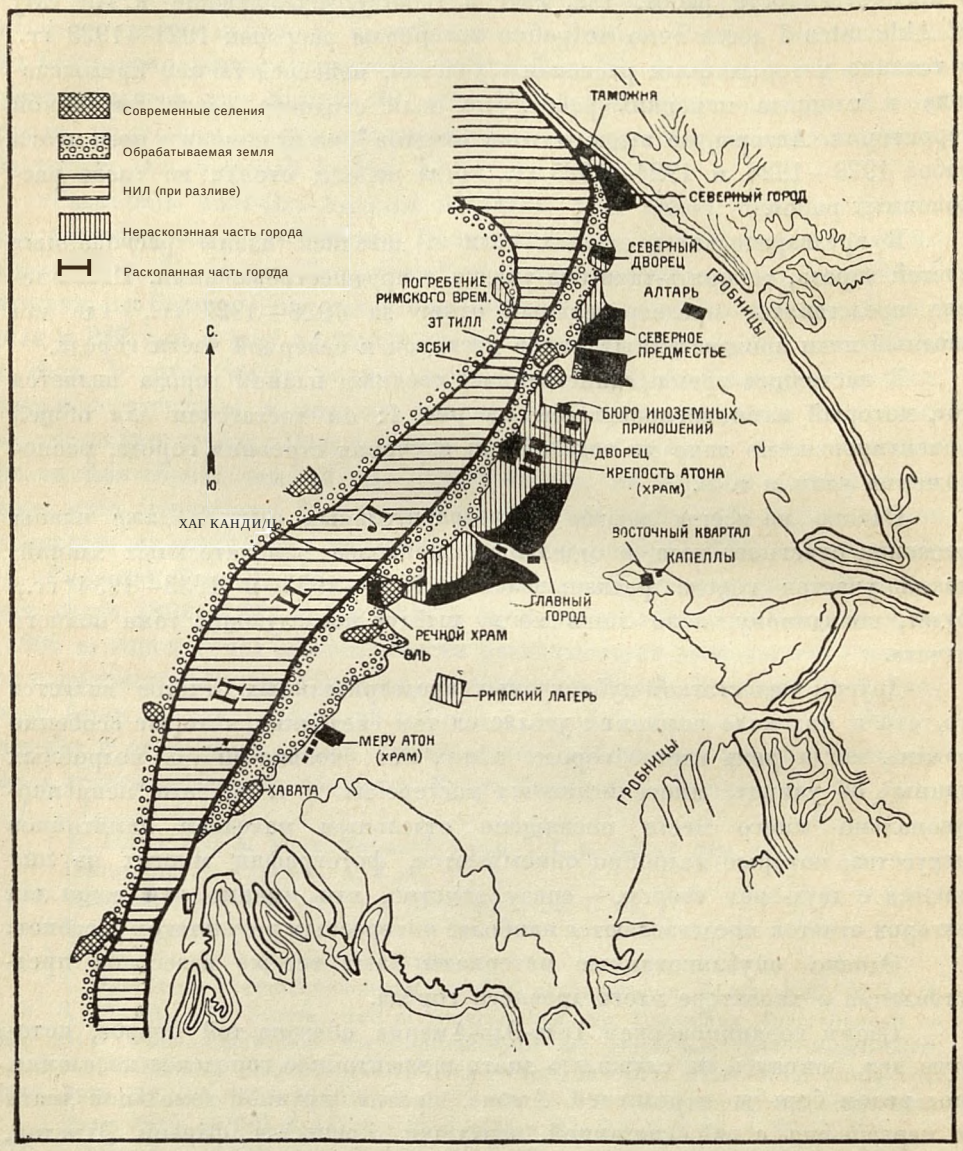
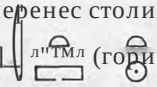


Рис. 1. План города Тель-Эль-Амарны (по данным раскопок до 1932 г. включительно)

Желая освободить государственный аппарат от влияния жречества Амона и создать центр нового культа А_тона, в 6-м году своего царствования (1370 г. до н. э.), Эхнатои перенес столицу Египта из Фив в новое место, названное им Ахетатон [О]  (горизонт солнца). Город просуществовал около 20 лет и к концу царствования Тутанхатона, под именем Тутанхамона, вернувшегося в лоно амоновской религии и перенесшего столицу обратно в Фивы, был полностью покинут [1] и уже начал разрушаться.[1] [2] Неудивительно поэтому, что здесь не обнаружено ни одного полностью сохранившегося здания и, наоборот, от очень многих остались лишь нижние ряды кладки стен.

При рассмотрении общего плана города прежде всего обращает на себя внимание отсутствие городских стен, обычно, повидимому, окружавших город.[3] Возможно, что это связано с тем, что их за кратковременностью существования города не успели выстроить, хотя, может быть, более правильно объяснять эту особенность Тель-Эль-Амарны тем, что скалы, с трех сторон охватывавшие город, так же, как Нил с четвертой, служили естественной защитой от внезапного нападения.

Что же касается топографии города, то, насколько можно судить по раскопанным частям его, он весь расположен в длину параллельно Нилу. Так же направлены и основные уличные магистрали, которых было, повидимому, три: улица «верховного жреца» (в северной части города она названа раскопщиками «западная» улица), улица «А» (в северной части она названа «восточная» улица), и третья, которая проходила мимо дворца и храма, называлась «царская улица»; она также несомненно шла вдоль всего города, но большая часть ее лежит в еще нераскопанной части города.

В планировке города не чувствуется наличия единого плана: кварталы имеют неправильную форму,[4] отдельные дома выступают много дальше других, что особенно часто имеет место на боковых улицах.

Наиболее ранняя часть города это та, которая расположена вдоль основных уличных магистралей, на которых выстроены все официальные здания, а также дома вельмож.

---

[1] Возможно, что в этом районе и до и после амарнского времени существовали какие-либо поселепия; однако до сих пор, кроме, разумеется, нынешних селений, здесь обнаружены лишь лагерь и могилы римского времени.

[3] То, что город был покинут, а пе погиб в результате внезапного происшествия, привело к тому, что из него было вывезено жителями все, представлявшее для ппх какую-лпбо ценность. В ряде случаев э[то] сильно затрудняет определение назначения того или иного помещения. Это обстоятельство особенно дает себя чувствовать, когда речь идет о торговых помещениях и мастерских, так как «недвижимое» оборудование вроде печей и горнов имелось лишь в некоторых производствах и вовсе отсутствовало в лавках.

[3] Не исключена возможность, что они просто еще не найдены.

[4] Исключение представляет так наз. «восточный квартал», о котором см. ниже, стр. 173—177.

Насколько можно судить по предметам, найденным в различных домах, да и по характеру самих домов, мы здесь не имеем такого четкого расселения по профессиональному признаку, какое намечается из собранных Baillet материалов о делении египетского города Среднего Царства [1] (наличие, например, кварталов художников, медников и др.); однако некоторые элементы такого расселенпя в Тель-Эль-Амарне имеются. Так, «северное предместье», точнее — его южную половину, следует, невидимому, считать торговым кварталом;[1] [*] [3] западная часть того же «северного предместья», непосредственно прилегавшая к реке, была сплошь заселена рыбаками; [3] в центральной части города была улица, где находились только дома яьрецов,[4] и другая, где жили только писцы;[5] наконец, «восточный квартал» был целиком заселен ремесленниками, обслуяшвавшпмп некрополь.

Не имеем мы в Тель-Эль-Амарне и такой резкой территориальной дифференциации в расселении, какую можно наблюдать в Кахуне[6] (городе Среднего Царства), где дома знати расположены в одном квартале — рядом с цитаделью, дома ремесленников — в другом, а зажиточных горояган — в третьем. В Тель-Эль-Амарне же (за исключением «восточного квартала») бедные дома непосредственно примыкают к богатым.[7] Однако дома последнего рода сконцентрированы, главным образом, вдоль основных уличных артерий и еще более резко отличаются от бедных, чем в Кахуне.

Во время раскопок в Тель-Эль-Амарне больше всего, естественно, обнаружено жилых домов, которых имеется собственно два типа: богатые и бедные. В пределах каждого из этих типов дома настолько схожи, что Peet и Wooleyc полным правом написали: «Большой особенностью Ахетатона является однообразие планов, по которым построены дома. Знать один большой дом — это значит знать все большие дома, а знать один маленький дом — это значит знать все маленькие дома, так как разница по большей части лишь в деталях. И более того, маленькие дома отличаются по плану от больших лишь опущением несущественного или упрощением того, что услояшено».[8] Однако в последнем, т. е. в определении того, чем отличаются большие дома от маленьких, авторы указанного замечания, как это мы увидим ниже, не вполне правы.

---

[1] Division et administration d'une v́l l e egyptienne, Rec. de Trav., t. XI, p. 31 ss.

[s] The City of Akhenaten, II, p. 2.

[3] J. E. A., t. XVIII, p. 234.

[4] J. E. A., t. XX, p. 133.

[5] J. E. A., t. XX, p. 133.

[6] F. Petrie, Illaliun, Kahun and Gurob, pi. XIV.

[7] Такое расположение домов не было, повпдпмому, особенностью Тель-Эль-Амарны. Из списка домов, заключающегося в «Оппсп поселения к западу от Города (Фивы) от храма царя Менмаатра до местности m'iw nils», приведенного в папирусе Британского музея № 10068 (E. Peet. The Great Tomb-Robberies of the twentieth dynasty, pi. XIV—XVI), мы знаем, что здесь дома жрецов, писцов, кожевников, полицейских, рыбаков и многих других лиц (в списке упомянуто 183 дома) были расположены вперемежку.

[8] The City of Akhenaten, I, pp. 4—5.

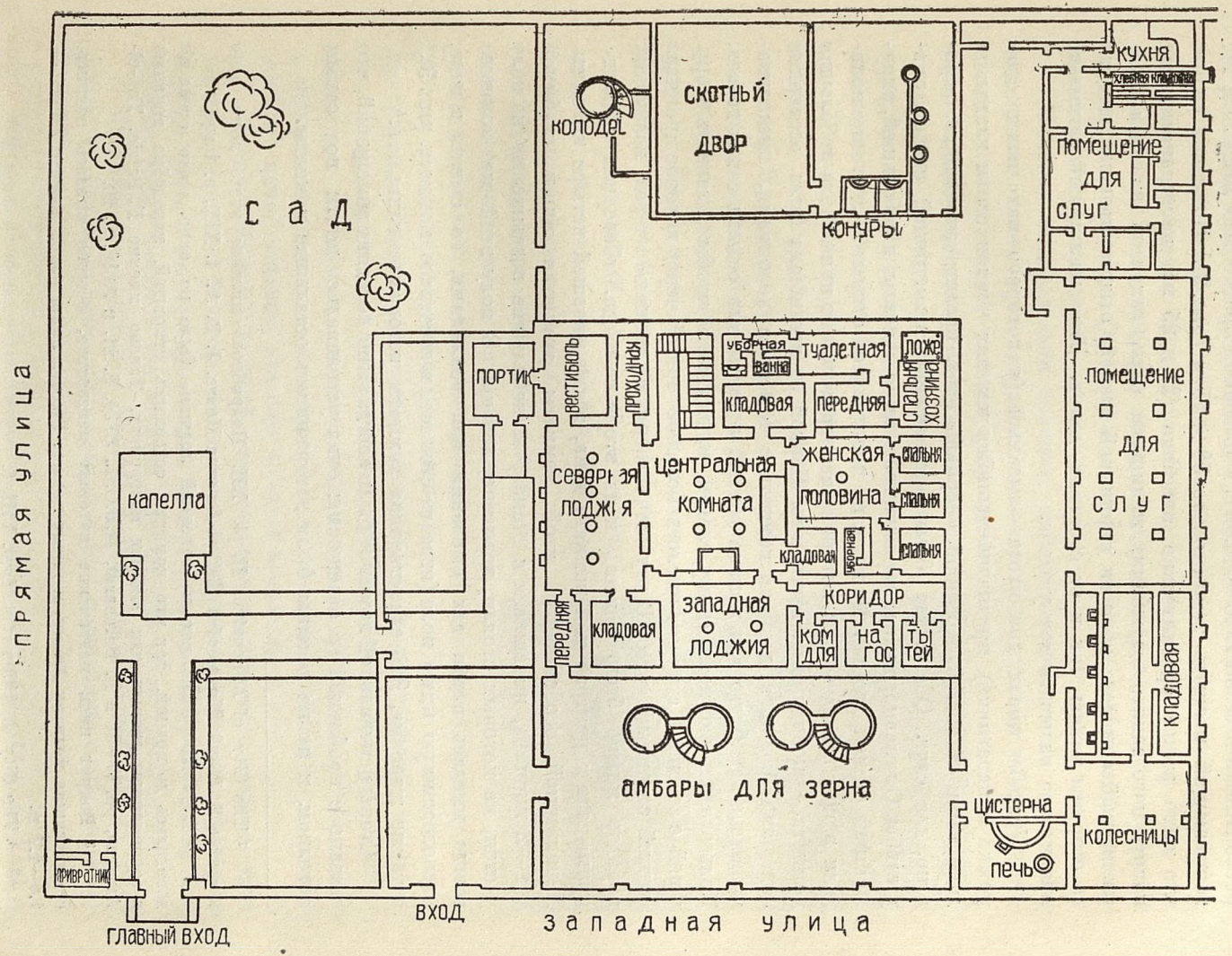


Рис. 2. Шан богатого дома-усадьбы.

Для того чтобы познакомиться с богатым домом, для образца возьмем раскопанный в сезон 1928—1929 гг. в «северном предместье» дом Т. 36, 11, занимающий площадь земли около 68 X 55 м (рис. 2).[1] По плану видно, что само жилье сравнительно невелико (22 х 25 м), пространство же вокруг него занято слуягбами, жилищами слуг, капеллой и садом. Весь жилищный комплекс обнесен кирпичной стеной, отгораживавшей его как со стороны улицы, так и от соседних домов. Этот жилищный комплекс правильнее называть дом-усадьба.

Усадьба имела два входа — главный (у которого находилась сторояга привратника), предназначавшийся как для членов семьи владельца дома, так и для гостей, и второй, «черный» вход, предназначавшийся, вероятно, для слуг. Оба входа были расположены в восточной стене дома-усадьбы. От главного входа дорожка вела, мимо капеллы, в небольшой, окруженный стеной, дворик. Из него, по коротенькой открытой лестнице попадали в крытый подъезд, к которому непосредственно примыкала небольшая комната, — повндпмому, вестибюль. Первой от вестибюля была «северная лодясия» — большая длинная комната с четырьмя колоннами, предназначавшаяся как будто для приема гостей, а также для отдыха самих хозяев. Пользовались ею, повидимому, летом, и, для того чтобы смягчить жару, в ней с северной стороны имелось большое окно,[1 2] через которое проникал свеяшй северный ветер. В эту же «северную лоджию» через маленький коридор можно было попасть и из второго входа. «Северная лоджия» примыкала к центральной комнате дома, также имевшей четыре колонны. Характерной особенностью этой комнаты являются ниши глубиной в 1—2 кирпича, имевшиеся в стенах,[3] и небольшие возвышения на полу у стен, на которых стояли, вероятно, диваны. В полу этой же комнаты всегда имелась плита для омовения или возлияния, со стоком в вазу, располоягенную нюке пола (изредка сток шел в соседнюю комнату, рис. 3),[4 *] а также жаровня. Это единственная комната, которая отапливалась.[6]

Стены центральной комнаты были всегда выше соседних помещений, что связано с проблемой ее освещения: окна устраивались почти под самым потолком, и их не должны были загораживать остальные комнаты.

---

[1] The City of Akhenaten, II, pi. ХП. Подробное описание этого дома дано в статье S. Lloyd. Model of a Tell-el-Amarna House. J. E. A., t. XIX, p. 1 sqq,

[s] Возможно даже, что в «северной лодяиш» было пе окно, а что стена не доводилась до крыши, так что комната оставалась открытой, наподобие веранды в современных дачных или южных постройках. Таково мнение F. Petrie. Tell-el-Amarna, pp. 20— 21 и L. Borchardt, M.D.O.G., №34, S. 21, и №46, S. 20.

[3] Вокруг ниш, назначение которых неизвестно, обычно имелась надпись, содержавшая молитву Атону, и имена хозяев. Высота ниши равна высоте дверей — 1.5—1.7 м.

[4] The City of Akhenaten, I, pi. YUI, 6.

[6] В холодные вечера надобность в отоплении дома несомненно ощущалась, но экономия в топливе (сушеный навоз) не позволяла, очевидно, отапливать несколько комнат.

К центральной комнате примыкала «восточная лоджия», меньшая по размерам, чем «северная лоджия»; ею пользовались зимой.

Эти три комнаты, так же как и запасные комнаты для гостей, составляли парадную часть дома. Остальные помещения дома — это его жилая часть. Сюда относятся: спальня хозяина с умывальной и уборной и женская половина (приемная комната, спальни и уборная), а также различные кладовушки.

Особенностью спальни хозяина, расположенной всегда в наиболее отдаленной части дома, является наличие более узкой, по сравнению с остальной комнатой, части, образующей нечто вроде углубления, имеющего, однако, высоту, равную всей остальной комнате; пол в этой узкой части приподнят — Это ниша для постели.

Рис. 3. Водосток.

Умывальная и уборная помещаются всегда в непосредственном соседстве со спальней. В глубине умывальной, на полу, находится каменная плита с углублением и стоком; стены этой комнаты защищены от брызг воды вертикально поставленными каменными плитами. Уборная имеет примитивный каменный стульчак; дренажа здесь также нет, и его, как и в умывальной, заменяет сосуд.

Второго этажа дома, повидимому, не имели; лестница же, имеющаяся во всех почти домах, вела на плоскую крышу, где жители дома в летние вечера наслаждались прохладой. Обычно лестницы начинались у центральной комнаты.

Вокруг дома были расположены службы: закрома для зерна, засыпавшегося в них как обычно сверху, сарай, загон для скота, рядом с которым находились две конуры для собак, кухня, цистерна для воды, хлебные печи,[1] жилища для слуг и сад с колодцем.

Планировка дома Т. 36,11, взятого нами в качестве примера, чрезвычайно типична. Разница мезкду ним й другими богатыми жилищами состоит лишь в месторасположении служб, да в том еще, что не во всех богатых домах имеются две лодясии: в некоторых была только одна.[2]

Преясде, чем перейти к вопросу о том, какие строительные материалы применялись при постройках, а такзке it описанию наиболее любо- [*3]

---

[1] О хлебпых печах в Эль-Амарне см. специальную статью в A. Z., 68, S. 74 ff.

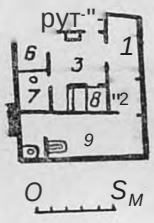
[3] Имеются, однако, и некоторые другие отклонения, не меняющие общей планировки дома. Так, например, в одном доме было найдено помещение для ткацкого станка. M. D. O. G., № 34 (1907 г.), в. 27 ff.

пытных, по нашему мнению, деталей построек, познакомимся с тем, что представлял собой бедный дом. В качестве образца такого дома возьмем дом М. 50, 16, раскопанный в сезон 1921—1922 гг. (рпс. 4).[1]

По своим размерам дом весьма невелик: около 10 X 8 м. Особенностью этого (и подобных ему по типу) дома является полное отсутствие служебных пристроек, амбаров, сада, т. е. всего, что окружает богатый дом. Жители такого дома не имели, следовательно, больших хлебных запасов или сколько-нибудь значительного количества скота, так как для этого здесь нет помещений; не имелось здесд» также помещений для слуг.

Вход в дом находился где-то в северной стене помещения 1. Комната 3 играла, повидимому, ту же роль, что центральная комната в большом доме. Помещение 5 было погребом-ларем; вход в него был сверху. Назначение остальных комнат неясно. Из комнаты 3 по лестнице 8 поднимались на крышу дома.

М .50,16



При доме имелся небольшой открытый загон для скота (9) с ящичным очагом и хлебной печью.

Такой дом, хотя и имел известное сходство по планировке с богатым домом (центральная зала, лестница), все же сильно отличался от него не только размерами или «опущением несущественного и упрощением того, что усложнено», но тем, что в бедном доме мы не видим всех тех пристроек, которые окружают богатое жилище.

Рис. 4. План Сама планировка жилищного комплекса богатого дома-бедного дома, усадьбы показывает, что перед нами дом, владелец которого принадлежал к господствующему классу, тогда как бедный дом приспособлен лишь для семьи, чье хозяйство но обслуживается слугами.

Для домов как богатых, так и бедных, точно так же, как и для всех вообще имеющихся здесь построек (в том числе для дворцов и храмов),[1] [2] основным строительным материалом был кирпич-сырец, изготовлявшийся в деревянных формах.[3] Размеры кирпича невелики: 33—36 см длины, 15—16 см ширины и 9 см толщины. Камень применялся в очень незначительном количестве, да и то лишь в богатых или зажиточных домах: он шел для изготовления дверных коробок, баз для колонн, дверных пяток и т. и. Дерево применялось несколько шире: из

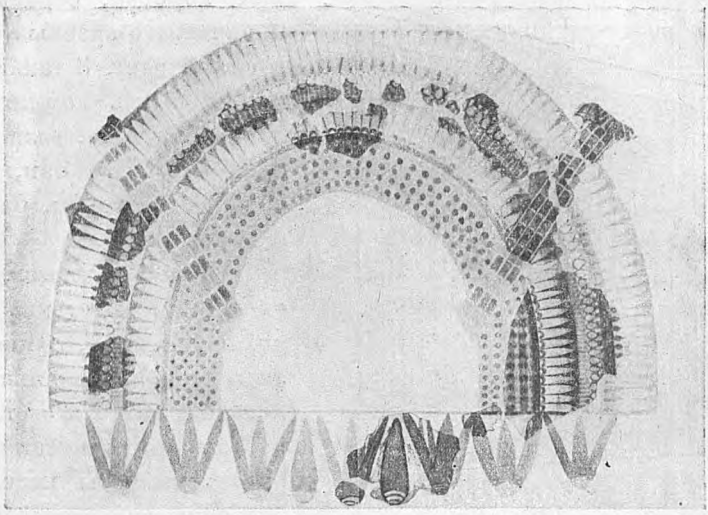
---

[1] The City of Aklienaten, I, pi. I, p. 19. Кто жил в этом доме — неизвестно. Вероятнее всего, что это был ремесленник, который работал? (а, может быть, это владелец?) в очень плохо сохранившейся стекольной мастерской М. 50, 14 (ib., p. 19, pi. I), расположенной подле этого дома.

[3] В «Северном дворце» только колонны в анфиладе зал перед тронным залом были из камня; в других же помещениях дворца колонны, так же как и все стены» были кирпичные. В храмах же кирпичные стены были лишь облицованы камнем.

[3] При этом на кирпичах иногда выдавливалось название здания, для которого они предназначались.

него делались колонны, брусья, вкладывавшиеся в основу лестниц, балки, на которых покоилась крыша, и т. п.



Рпс. 5а. Стенная роспись в богатом доме.

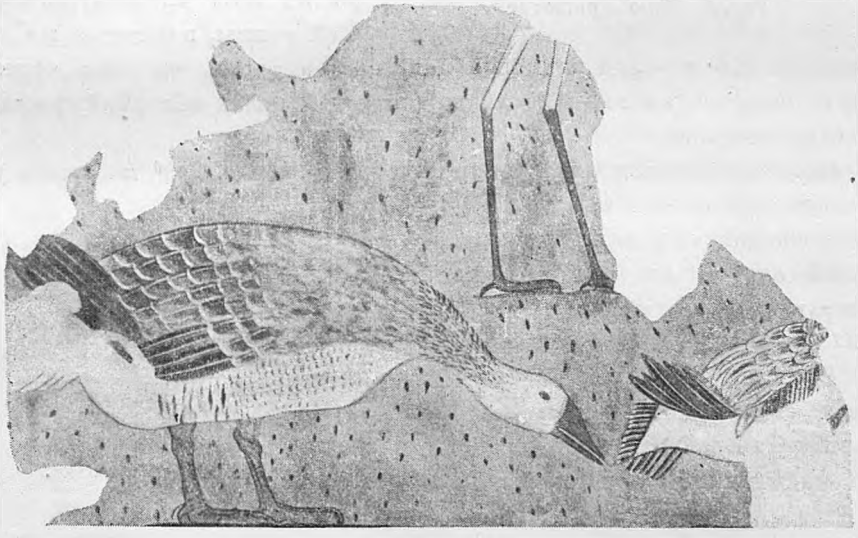


Рис. 56. Стенная роспись из женской половины «Северного дворца».

Стены комнат, а также потолки, насколько можно судить по имеющимся остаткам их, обычно штукатурились и окрашивались. Центральная зала и лоджии богатых домов окрашивались обычно следующим образом: ниясняя часть стен до высоты человеческого роста была белой,

выше по серому фону шли росписи (рис. 5а, 56).[1] Ниши центральной залы красили в красный цвет или покрывали тремя вертикальными полосами (красная, желтая, красная). Деревянные колонны, так ate как и дверные коробки, окрашивались в коричневато-красный, потолок— в синий цвет. В такие же цвета окрашивались комнаты бедных домов, но здесь, если и бывали орнаменты, то они, как правило, более грубы, беднее узор н гамма цветов.[1 2]

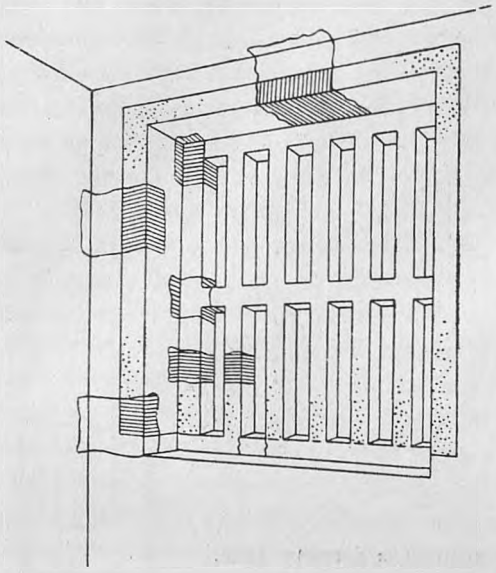


Рис. 6. Окно с решоткой.

В выборе цветов, которыми окрашивались стены, художники, новиднмому, руководствовались необходимостью максимально сохранить свет,[3] в очень небольшом количестве попадавший в комнаты через маленькие окна, забранные к тому же решотками (рис. 5).[4]

Пол в бедных домах делался из слоя плотно-утрамбованной глины, в богатых же домах он. настилался из слоя кирпича (или, весьма редко, из слоя черепиц), поверх которого клали слой глины, покрытой белой обмазкой, расписанной в яркие цвета.[5]

Потолок устраивался следующим образом (рис. 7):[6] на стены укладывались деревянные балки (А), причем в больших комнатах дополнительной опорой для балок слуяшли архитравы, покоившиеся на колоннах.

Поперек балок лежали тонкие брусья (В); на них клали мат из плетеных ветвей (С), поверх которого насыпали толстый слой утрам-

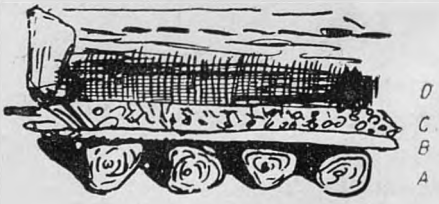


Рис. 7. Разрез потолка.

---

[1] The City of Akhenaten, I, pi. XV, 4; J. E. A., t. X, pi. 32, 2.

[2] Стенным росписям Тель-Эль-Амарны посвящена спецпальная работа: Mnral Painting of El-Amarna, edited by H. Frankfort.

[3] См. The City of Akhenaten, I, p. 44.

* Там же, II, стр. 11, фнг. 3. Ср. фото решотки из дома P. 46, 11 в The City oi Akhenaten, I, pi. VI, 4.

[5] Там же, I, стр. 38.

[6] Там же, 1, стр, 57, фиг. 6.

бованной глины (D). Снизу потолок штукатурился, а балки окрашивались.

Лестница, которая вела на крышу, выкладывалась из кирпичей, причем в тех случаях, когда под ней имелся проход, она покоилась на трех деревянных балках, верхним концом упиравшихся в стену, а нижним — в первые ряды лестничной кладки (рис. 8).[1]

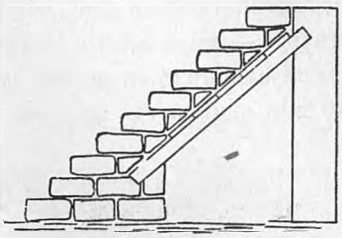


Рис. 8. Лестница.

Из служебных пристроек богатого дома рассмотрим отдельно только колодец, откуда брали воду для поливки сада и для нужд жителей дома. Колодец (рис. 9)[1 2] представлял собой круглую яму, доходившую до слоя подпочвенной воды.[3] В своей верхней части колодец был весьма широк (диаметр 3.4 м) и по его внутренним стенкам шла лестница, заканчивавшаяся площадкой шириной почти в 2 м; отсюда начиналась узкая часть колодца, имевшая в диаметре 1.5 м. В более узкой части стенки колодца ничем не были укреплены, в верхней же их укрепляла витая лесенка. Для предохранения колодца от засорения, вокруг него шла невысокая стенка, а сверху он, может быть, чем-либо покрывался.

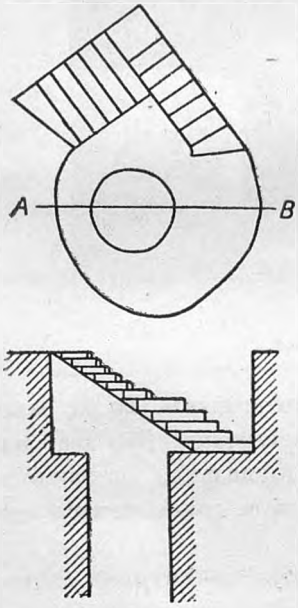


Рис. 9. Колодец.

Жители бедных домов пользовались водой из общественных колодцев, остатки которых найдены в различных частях города.[4]

Что же касается ремесленных мастерских, имевшихся в городе, по всем данным, в большом количестве, о них трудно составить сколько-нибудь полное представление, так как имеющиеся отчеты уделяют им слишком мало внимания. Можно указать, что в ряде пунктов города обнаружены остатки стекольно-керамических мастерских (рис. 10),[5] а также мастерские скульпторов. Следует отметить, что стекольно-керамическое производство, которое играло, невидимому, в ремесленной промышленности города большую роль,[6] в отдельных случаях достигает большой концентрированности. Это видно из того, что в одном пункте мы имеем три сте-

[1] Там же, I., стр. 24, фиг. 4.

[2] The City of Akhenaten, I, p. 11, fig. 3.

[3] Колодец, найденный в доме M. 49,18, имел глубину около 5 м.

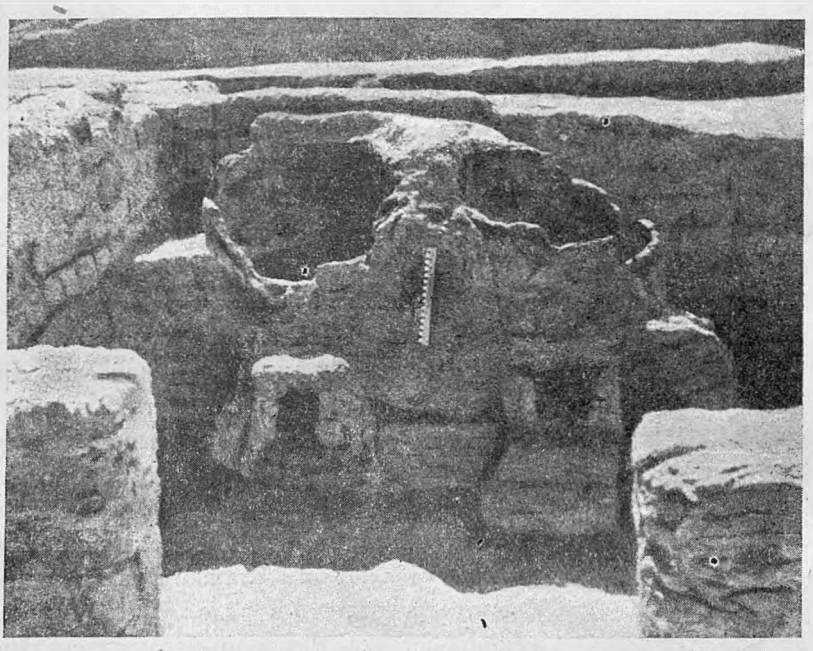
* В «Восточном квартале» колодцев не было, и воду сюда возили, видимо, из Нила.

[5] The City of Akhenaten, II, pi. XXV, 4; такие мастерские были в зданиях M. 50, 14, И. 33, 9 и P. 43, 1, а также где-то около дома N. 49, 18.

[6] Об этом производстве имеется специальная работа Н. Д. Флиттер. Стекольно-керамические мастерские Тель-Эль-Амарны (Ежег. Росс. инст. истории искусств, т. I, стр. 137— 164).

клообжигательных печи,[1] а в другом — в храмовых мастерских—найдено свыше 20 стеклообжигательвых печей и глазуровальных горнов.[1 2]

Очень немногое можно сказать и о скульптурной мастерской, принадлежавшей художнику Тутмесу.[3] На основании найденных в ней предметов установлено, что одно помещение служило гипсовочной камерой, а другое — модельной. Однако, хотя распределение производственных помещений нам мало известно, план всего участка не оставляет сомнений в том, что дом самого скульптора, его мастерская и хижины работников мастер-



Рпс. 10. Печи для плавки стекла.

ской, теснившиеся за оградой дома, территориально связаны. То же самое мы наблюдаем и в отношении стеклодельных мастерских. Э^{то} Д^{ает} нам основание высказать предположение, что территориальная связанность жилища владельца мастерских, рабочих помещений и домов ремесленников являлась правилом.

Из торговых помещений, найденных в Тель-Эль-Амарне, следует указать на дома, располоягенные вдоль набереяшой уади, перерезавшего город.[4] Рис. II,[5] на котором дома Т. 35, 3 и 9 и лестница, спускавшаяся к уади, изображены в реконструированном виде, дают представление

---

[1] Дом U, 33, 9.
[2] P. 43, 1, J. E. A., t. XVIII, pi. XVI.
[3] M. D. O. G., № 52, S. 30, Abb. 10.
[*] The City of Akhenaten, II, 37.
[6] Там же, II, табл. XVII.

о характере этих торговых помещений. Зерновые лавки, расположенные Здесь, а в особенности киоск, находившийся против лестницы, сильно напоминают торговые ларьки, изображаемые иногда на стенах египетских могил (рис. 12).[1] Торговые помещения имелись также, повидимому, в домах, располоягенных по улице, названной раскопщиками «Греческая улица».[1] [2] В них были найдены многочисленные фрагменты микенских предметов, на основании чего, а также некоторых иных признаков считается, что это были дома микенских купцов. На этой же «Греческой улице» находилось здание, которое являлось чем-то вроде постоялого двора (рис. 13):[3] здесь имелось большое помещение для постояльцев, склады для их товаров, лавка, в которой продавались привезенные предметы, и кухня, которая обслуживала приезжих. Еще один караван-сарай находился по другую сторону уади.[4]

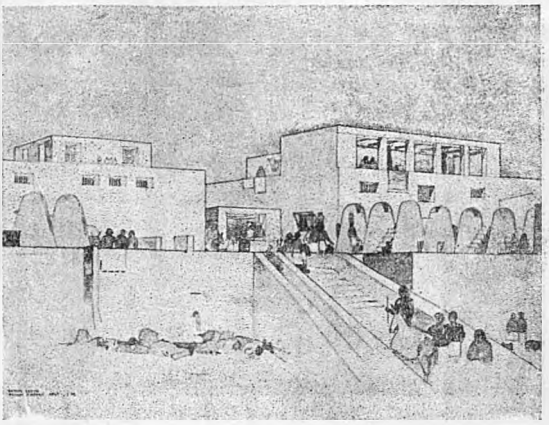


Рис. И. Торговый квартал (реконструкция).

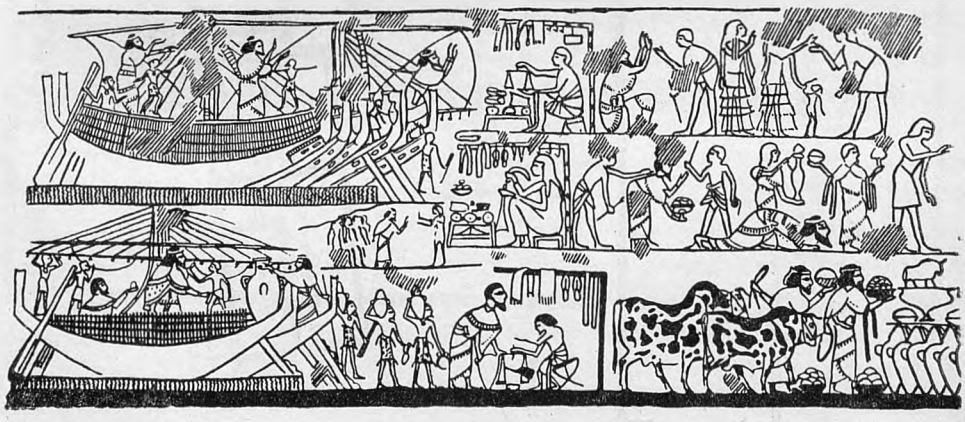


Рис. 12. Торговый ряд у пристани.

Особо следует остановиться на районе, называемом «Восточный квартал». Он выделяется не только своим уединенным положением,—

[1] Revue Archeólogique, 1898, II, pi. 15.
[3] Tlie City of Aklienaten, И, pi. XIV.
[3] Там яте.
* Там же, II, стр. 70. Дом Т. 33, 9.

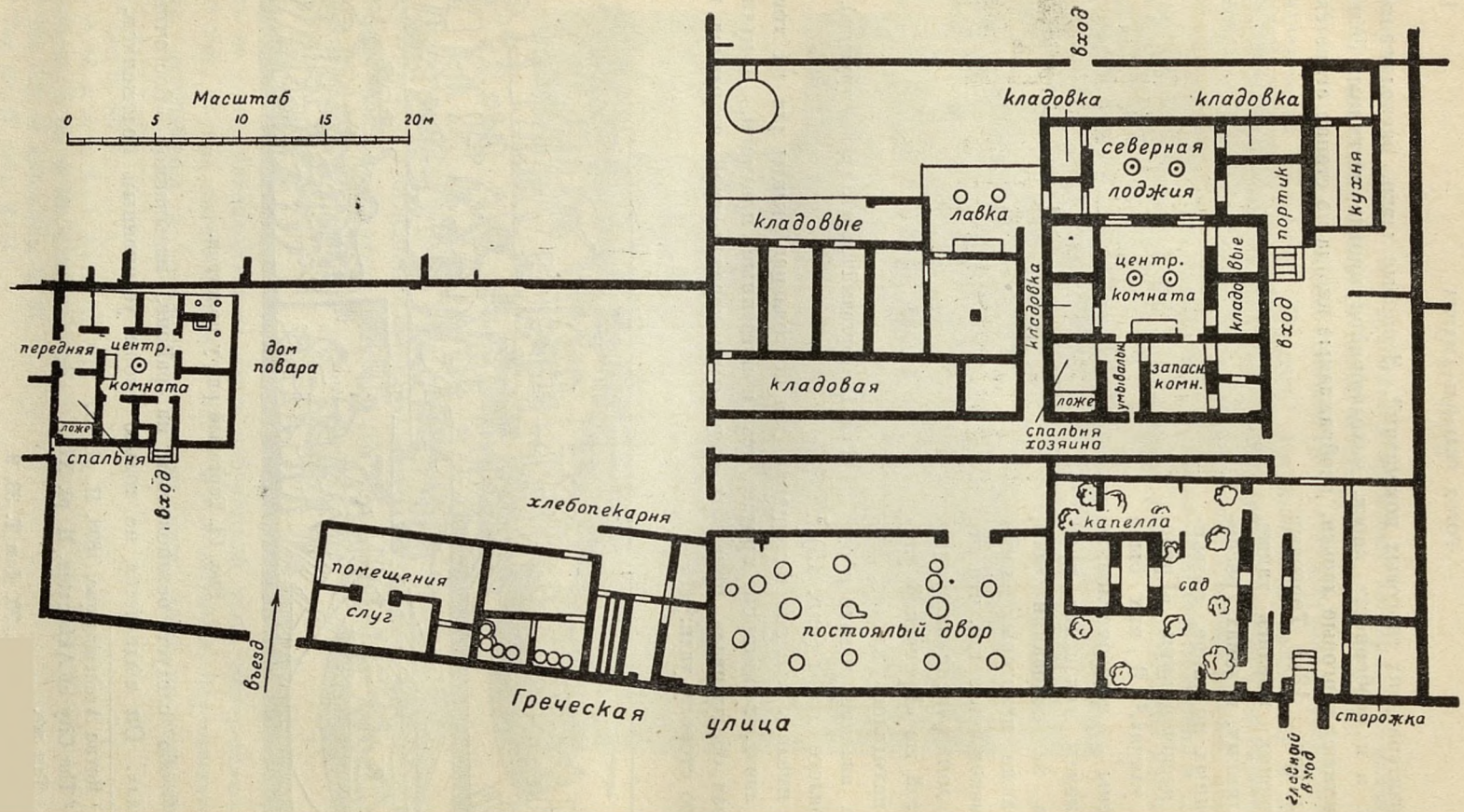


Рис. 13. План «постоялого двора».

Этот квартал находится возле могил, приблизительно в 1.5 км к востоку от остальной части города, — но, главным образом, тем, что обнесен стеной и исключительно однообразными домами (рис. 14).[1] Внутренняя стена делит квартал на две неравные части — западную с одной улицей и двумя рядами домов и восточную с четырьмя улицами и таким же

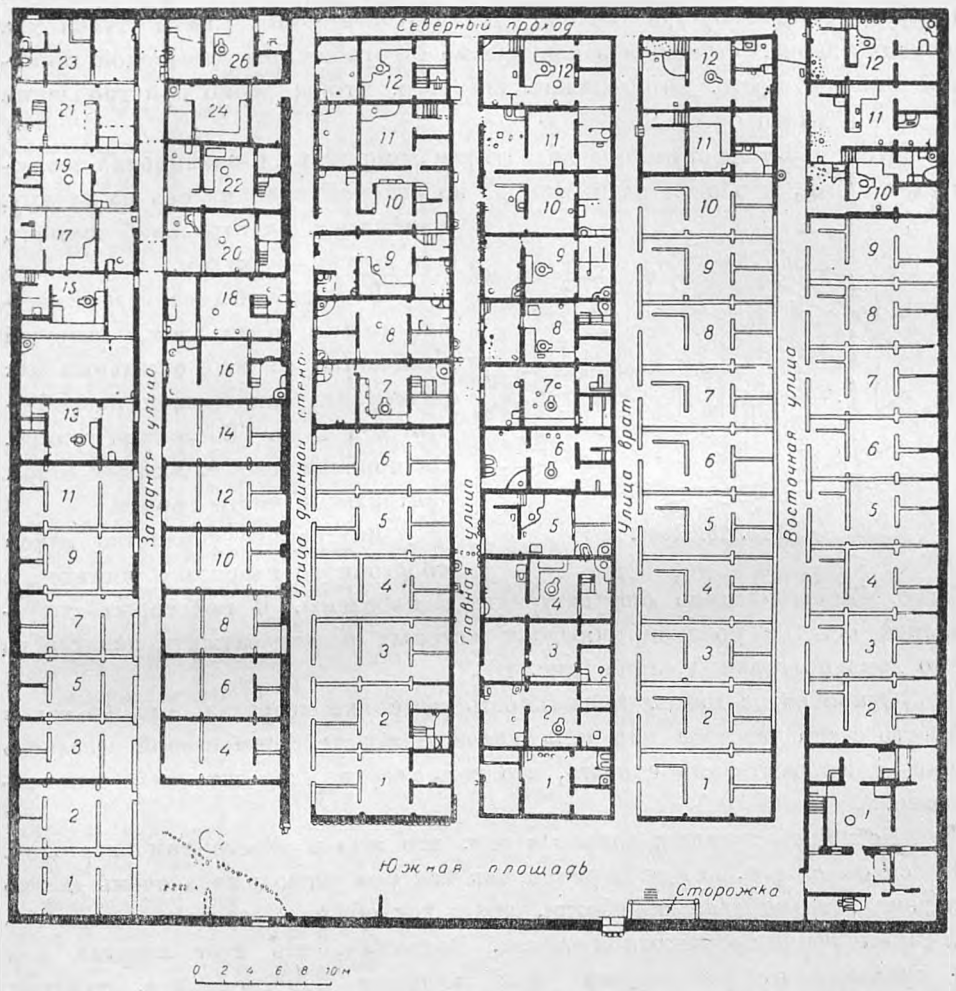


Рис. 14. «Восточного квартала».

количеством рядов домов. Каждая из этих частей квартала (хотя они и сообщаются между собой) имеет самостоятельные ворота в городской стене. Квартал занимает участок земли размером 69x69.6 м. На этой небольшой территории расположено 74 дома. Все имеющиеся здесь дома, за исключением одного, совершенно одинаковы как по размерам (10x5 м),

[1] The City of Akhenaten, I, таСл. XVI.

так и по планировке. В каждом из них имелись 4 комнаты. Первая комната от улицы использовалась в качестве загона для скота, для хранения продуктов и т. п. На такой характер этого помещения указывают найденные в них кормушки для скота и маленькие закрома. Следующая комната — Это жилая, в центре которой обычно имеется глиняный, вмазанный в пол очаг — жаровня. Из этой комнаты две двери вели — одна в спальню,, а другая — в кухню, где обычно имелись печь (рпс. 15)[1] и ступка для толчения зерна,[1 2] стоявшая в специально отгороязенном невысокой глиняной стенкой месте. Это делалось для того, чтобы зерно при дроблении не могло далеко отлететь.

Единственное отличие мезкду этими домишками в планировке заключается в том, что в одних лестница, по которой поднимались на крышу, начиналась в центральной комнате, а в других—у кухни.

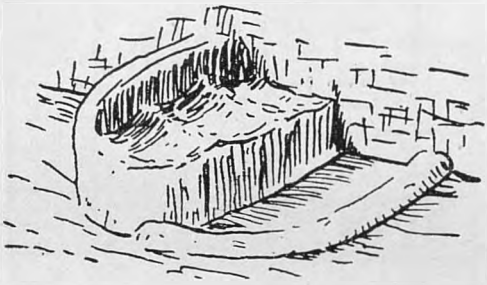


Рис. 15. Печь.

В «Восточном квартале» имеется только один дом, который отличается от всех остальных как размерами, так и планировкой — Это дом 1 по Восточной улице. Он приближается к богатым домам центральной части города.

Внутреннее убранство домов «Восточного квартала» достаточно* бедно. Стены обычно оштукатурены и побелены. В некоторых сохранились остатки росписи, образцом которых может служить пилястр из 9-го дома по главной улице (рис. 16).[3]

Однообразие домов, правильность застройки квартала, так же как и то, что стена квартала или дома является вместе с тем стеной соседнего дома — дает основание считать, что весь квартал был выстроен одновременно.

Не ясным является вопрос о том, кто жил в «Восточном квартале». Во всяком случае, это не деревня, так как она располоясена очень далеко от земли, годной для обработки, тогда как обычно деревни находились у самой границы пахотной земли. Возмоягно, что этот квартал, как и предполагают раскопщики, был поселком ремесленников, занятых устройством могил. В этом случае было бы понятно и месторасполоягение поселка. Если это предположение правильно, то в «Восточном квартале» мы имеем поселение, аналогичное тому, которое находилось при Фиванском некрополе и столь часто упоминается в Туринских папирусах, а также в документах, посвященных процессам об ограблении царских могил.

---

[1] The City of Akhenaten, l, p. 77, fig 11.
[3]Там же, 1, стр. 83, фиг. 12.
[3] Там же, 1, табл. IX 2.

Во всяком случае, как бы ни понимать назначение ((Восточного квартала», ясно, что каждый дом предназначался для отдельной семьи, имевшей самостоятельное хозяйство, — хлебные закрома, ступки для зерна и кормушки для скота, имеющиеся в этих домах, красноречиво свидетельствуют об этом. Все жители квартала, кроме владельца дома 1 по Восточной улице (если верно предположение, что квартал был заселен некропольекими ремесленниками, то, моясет быть, это был их начальник?), принадлежали к одной социальной среде и располагали, примерно, одинаковым достатком.

Помимо жилищ, в Тель-Эль-Амарне были раскопаны такяш «учреждения». Выражаясь современным языком, здесь обнаруягено «податное бюро»,[1] «полиция»,[1 2] «таможня»,[3] «архив», или, как гласят надписи на кирпичах, из которых выстроено это здание, — «место переписки Фараона»,[4 5] «арсенал», [3] «университет» — надпись на кирпичах prnh «дом ясизни»(школа). В этом Здании, пишет в своем отчете Pendlebury,[6] «было найдено некоторое количество острака со списками царских писцов,— возможно, лекторов этого университета» и др.

Из этих зданий можно остановиться лишь на «податном бюро» (рис. 17).[7] Оно состоит из жилища начальника бюро, обычного типа хозяйственных пристроек и помещений для слуг, а также официальных помещений. Эти последние состояли из дома с приемной залой и комнатами для писцов, 6 больших кладовых (общим размером около 20x13 м) и такого же

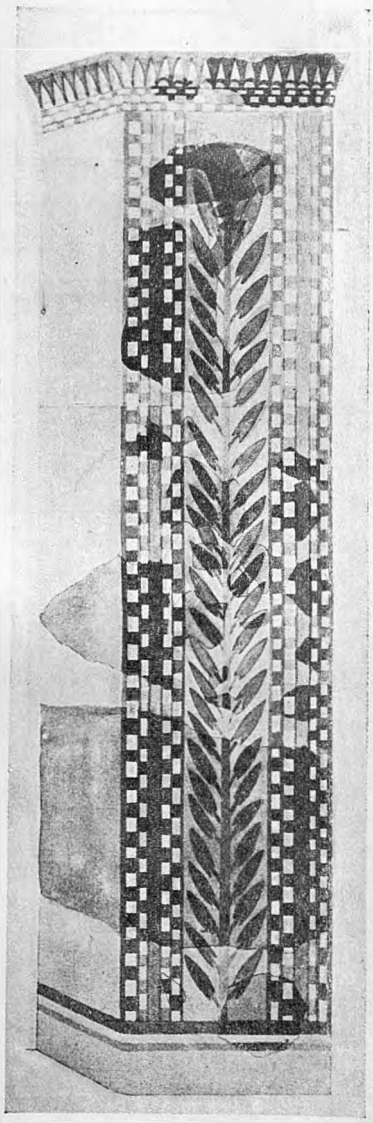


Рис. 16. Расписной пилястр.

1 Там же,. И, табл. XIII.

[3] Там же,. И, стр. 62, фиг. 7.

[3] J. E. A., t. XII, p. 10 sqq.

[4] J. E. A., 1. XX, p. 134. Здесь Petrie нашел известный клинописный архив.

5 J. E. A., t.XX, p. 135.

* J. E. A., t. XX, p. 134.

[7] The City of Akhenaten, II, pi. XIII. О зданиях других учреждений говорить что-либо трудно, так как о них не только очень мало сказано в имеющихся отчетах, по и не воспроизведены планы их.

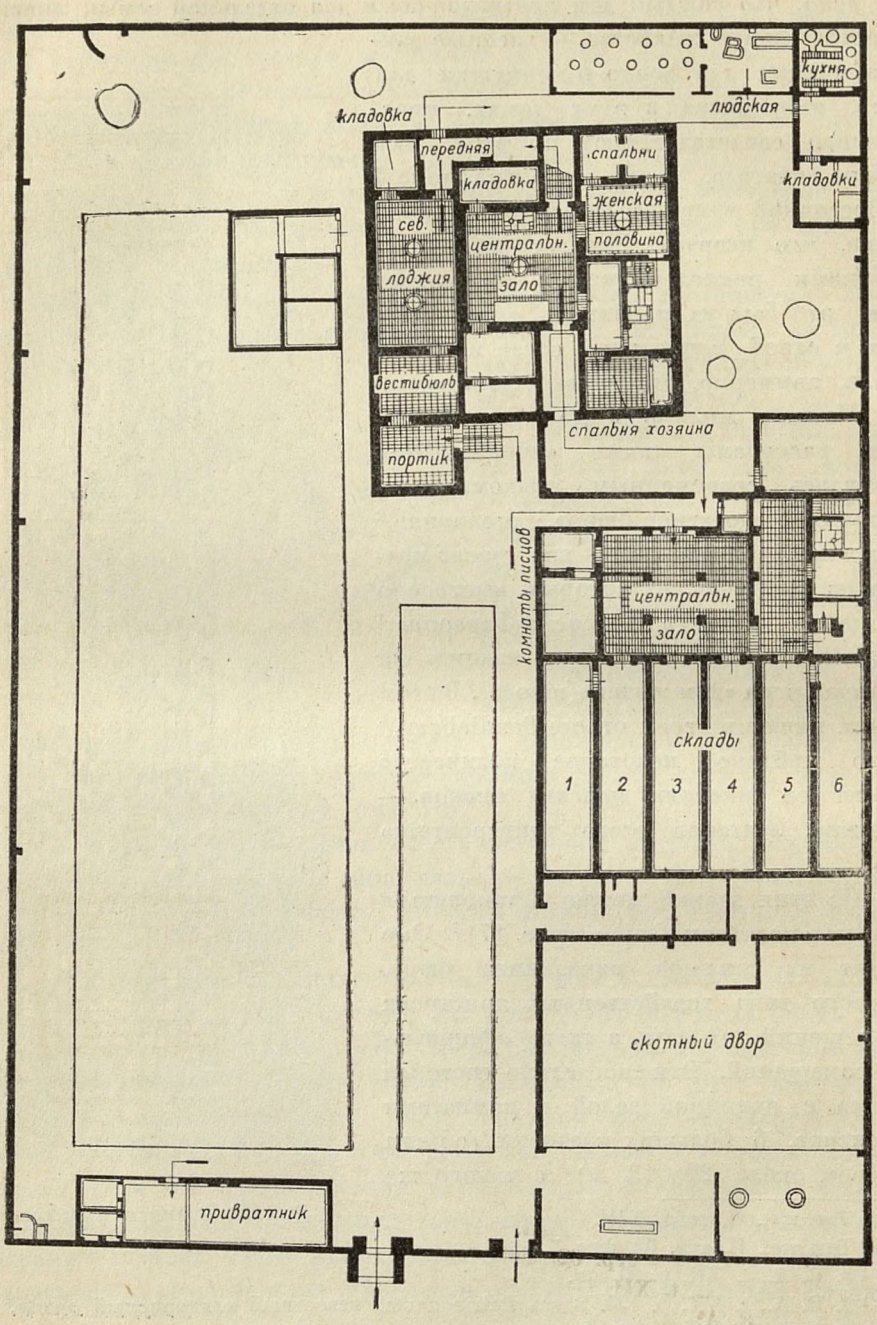


Рис. 17. План «податного бюро».

приблизительно по размерам скотного двора. Размеры кладовых и скотного двора говорят о том, что преобладающее место среди вносимых податей занимали натуральные подати.

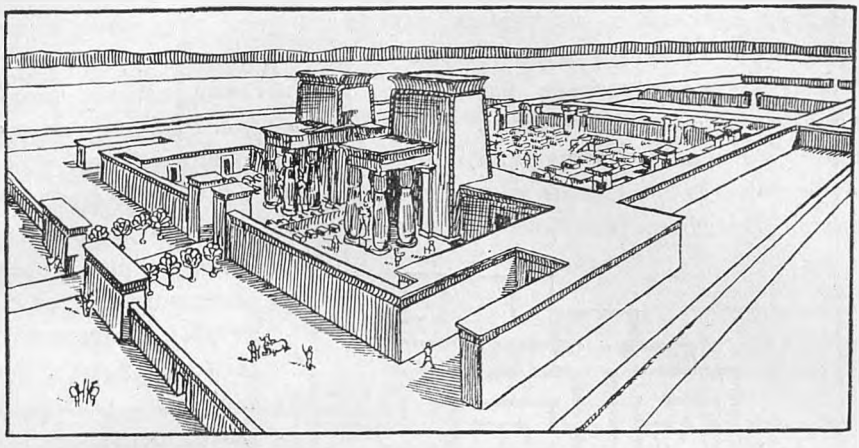
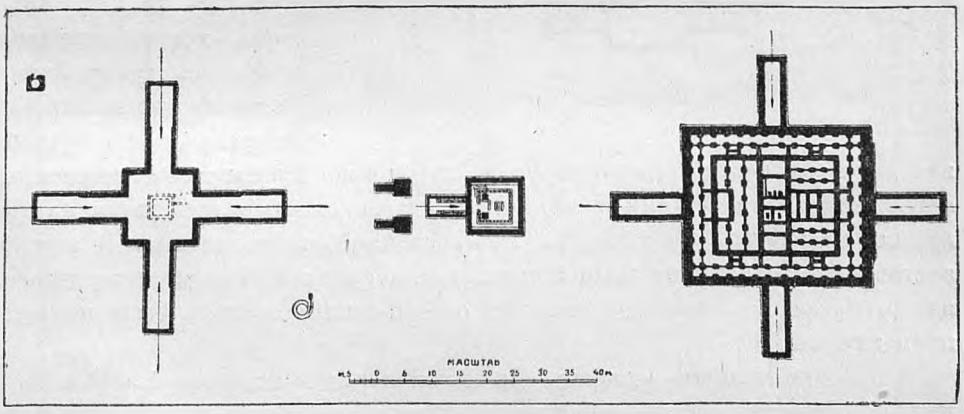


Рис. 18. «Большой Храм» (реконструкция).

Достаточно существенную часть города составляли храмы [1] и дворцы.[1 2]

Основным отличием храмов Тель-Эль-Амарны (рис. 17)[3] от хорошо известных храмов Нового царства является то, что вместо святой святых в них имелся алтарь, стоявший открыто на воздухе. Этиы храмы Тель-



Рпс. 19. Алтарь.

[1] Храм «Меру-Атон», The City of Akhenaten, I, pi. 29; приречный храм (от которого раскопана небольшая часть), там же. т. I, табл. 41; храм «Дом Атона», J. E. A., t. XVIII, pi. XVI; храм «Гем-Атон», J. E. A., t, XIX, pi. XIII; Большой храм, J. E. A., t. XX, pi. XVI, и алтарь к северо-востоку от города, The City of Akhenaten, J. II, pi. XXVI.

[2] Дворец, J. E. A., t. XV1I1, pi. XVI, и «Северный дворец», J. E. A., t. XII, pi. II-

[3] J. E. A., t. XX, pi. XIV, 2.

Эль-Амарны напоминают солнечные храмы Древнего царства. Алтарь же, находившийся к северо-востоку от города, не похож на известные нам храмы. Он состоит из 3 зданий (рис. 19) [1] — из самого алтаря — квадратная платформа, на которую ведут располоягенные с четырех сторон рампы, из капеллы и из здания, напоминающего павильон, имеющего (так же как и алтарь) четыре рампы.

Несомненно культовое назначение имеет также здание, названное раскопщиками «Бюро иноземных приношений» (рис. 20);[1 2 3] они видят в нем то здание, которое изображено на Эль-Амарнской гробнице Хеви[а] и обозначено на ней как «Великий трон Ахетатона для получения даров кая;дой страны».[4] Это здание выстроено рядом с большим храмом Атона и входит в его ограду, частично сломанную для того, чтобы поместить здесь это сооружение. Оно делится на четыре части двумя перекрещивающимися коридорами. Концы коридоров упираются в платформы, на каждую из которых ведут три лесенки. Pendlebury предполагает, что сюда приносились те иноземные дары, которые предназначались храму Атона. Во время церемонии поднесения даров фараон находился на северной платформе и перед ним дефилировали иноземцы, нагруженные продуктами своих стран; дары складывались затем на три другие платформы, а таклсе в юго-восточной части здания. В северо-восточной части здания были аппартаменты фараона, где он переодевался пли отдыхал во время церемонии; северо-западная часть была помещением жрецов.

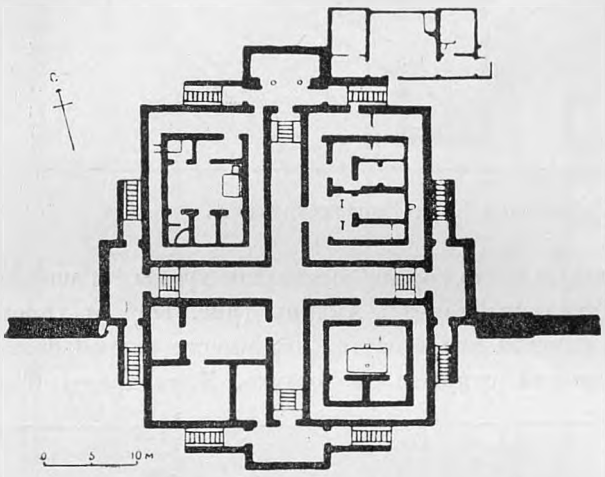


Рис. 20. «Бюро иноземных приношений».

Царское жилище — дворец — находилось рядом с храмом Атона, с которым он непосредственно сообщался.[5] Во дворце обращают на себя вии-

---

[1] The City of Aklienaten, 11, pi. XXVI.

[2] J. E. A., t. XIII, pi. 49, 2.

[3] N. do G. Davies. The Rock Tombs of El-Amarna, t. Ill, pi. XIV.

[4] Там же, табл. XIII.

[5] Это было, повпдимому, обычным явлением; ср. дворец Рамзеса III в ограде храма Амона H. Hiilsclier. Medinet Habu Studies, 1928/29, p. 3 (Oriental Institut Communication, № 9).

мание 6 спален, все выходившие в один коридор.[1] Большой сад, находившийся при дворце, заканчивался мостиком, перекинутым через «царскую улицу»,—одну из главных улиц города. Мостик вел в другую часть дворца.

Другой дворец—«Северный»—(рис. 21) [1 2] являлся, невидимому, летней резиденцией фараона. Дворец занимал площадь в 112х142 м, окруженную стеной толщиной в 2 м; высота стен неизвестна, однако, остатки ее местами достигают 2 м. Главные ворота дворца находились в западной стене его и выходили к Нилу, протекавшему на расстоянии нескольких сот метров от дворца. Из ворот попадали в большой двор, слева от которого, за оградой, находилась капелла; по обеим сторонам дворика, окружавшего капеллу, шло по 9 небольших комнаток и лестница, по которой поднимались на их крышу. Справа от двора, также в ограде, паходилась постройка сложной планировки. В этом здании, так же как и в капелле, по мнению Th. Whittemore,[3] происходили солнечные мистерии.

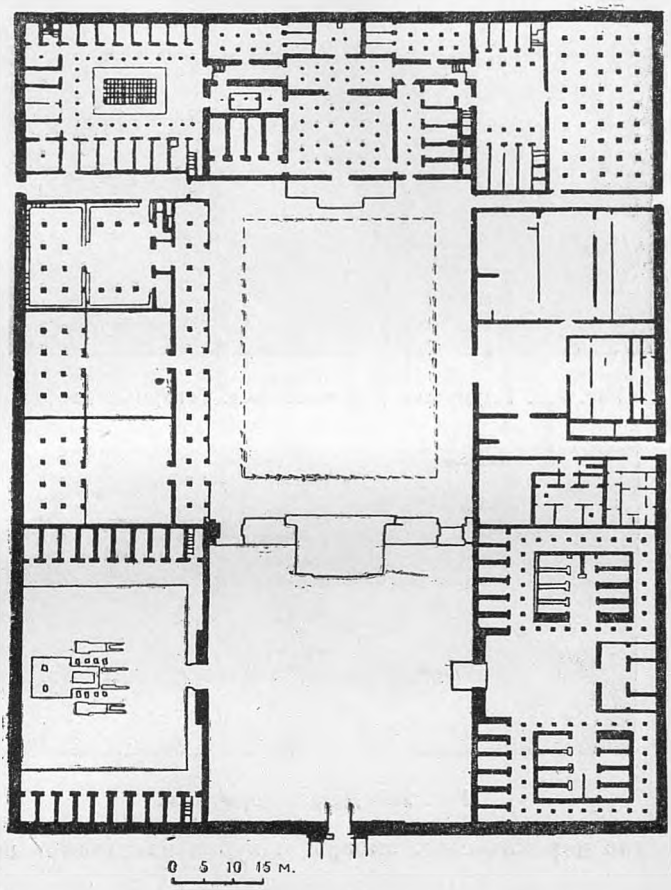


Рис. 21. План Северного дворца.

За передним двором находился центральный, середина которого занята исскуственным прудом. Направо от пруда расположен ряд помещений, вероятно, жилье придворных чинов. Налево от пруда, за оградой с тремя входами, находился зверинец, где содержались различные живот-

[1] По мнению Pendlebury это спальни шести молодых дочерей Эхнатона. J. E. A., 1. XVIII, p. 147—148.

[3] J. E. A., t. XU, p. 3 ss., pi. Ц.

[3] J. E. A., t. XII, p. 4.

ные, изображения которых носят имеющиеся здесь кормушки (рис. 22).[1]

В восточной части дворца, отделенной коридором от зверинца и помещения дворцовых чинов, находилась царская половина. В северной части царской половины имеется 21 небольшая комната с дверьми, выходящими в сад из цветочных клумб, вокруг которого стояли 27 колонн. Это был царский гарем. В противоположном, южном, конце царской половины находилась большая, 45-колонная зала, в которой вельможи ожидали начала царского приема. Помещение между гаремом и залой ожидания было занято комнатами самого фараона. Самая большая иэ имеющихся здесь комнат— это зала с 26 известняковыми колоннами; с одной ее стороны шла терраса, спускавшаяся к большому пруду, а с другой— она примыкала к другой, меньшей 12-колонной зале. 3» Этой последней находилась двухколонная тронная зала.

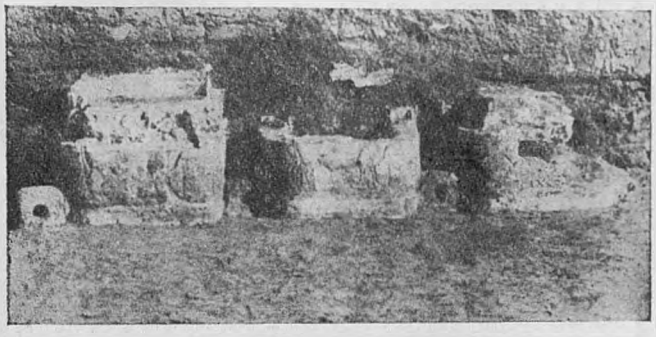


Рис. 22а. Кормушки для животных. Северный дворец.

Рис. 226. Деталь кормушки.

Все помещения для царских слуг, амбары и кухня находились вне ограды дворца.

* *

Раскопки в Тель-Эль-Амарне продолжаются, и каждый год археологи открывают здесь новые здания, каждый год обогащаются наши знания об этом древнеегипетском городе, имеющем, представляется нам, несмотря на свое искусственное возникновение и связанные с этим особенности, много черт, типичных для египетских городов эпохи Нового царства.[2]

---

[1] J. E. A., t. X, pi. XXX.

[a] В нашем кратком обзоре мы совершенно не касались найденных в Тель-Эль-Амарне памятников, поскольку это не входило в нашу задачу — дать представление о самом городе.

I. LOURIE´

LA VILLE DE TELL-EL-AM ARINA

RÉSUME´

Tell-el-Amarna est la seule ville de l'ancienne Egypte qui soit aujourd'hui e´tudie´e depuis plus de 40 ans, non sans interruptions il est vrai^ Les fouilles qui y ont e´te´ faites permettent de comple´fer dans une certaine mesure les faibles connaissances que nous avons sur la ville dans l'ancienne Egypte. Etant donne´ que Tell-el-Amarna est l'une des quelques villes peu nombreuses qui soient l'objet d'une e´tude syste´matique, il est particulie`rement regrettable de constater 1) que les comptes rendus pre´liminaires publie´s, surtout dans les dernie`res anne´es, ne contiennent pas de plans des fouilles et des ba^timents, 2) que les re´sultats des travaux de 1923—1924 et de 1924—1925 font de´faut dans les comptes rendus de´taille´s et 3) que dans les mate´riaux publie´s une place insuffisante soit accorde´e aux ateliers d'artisans et aux habitations des couches infe´rieures de la population urbaine.

Le pre´sent article donne un apercju sommaire des fouilles aceomplies-

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ЖУРНАЛОК

A. Z. — Zeitschrift fiir Agyptisclie Sprache mul Altertumskunde.
R.I.F.A.O. — Rulletin de PInetitut Frangais d'Archeologie Orientale au Caire.
J.E.A. — Journal of Egyptian Archaeology.
M.D.O.G. — Mitteilungen der Deutsclien Orient-Gesellschal't zu Rerlin.
Rec. de Trav. — Recueil de Travaux relatifs `a la philologie et à l'arcliéologie-égyptiennes et assyriennes.

МЕЛКИЕ СООБЩЕНИЯ

В. И. ГРОМОВ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИИ ПО ПАЛЕОЛИТУ СССР В 1935 г.

*

Летом 1935 г. научными учреждениями СССР были произведены исследования по палеолиту в различных местах нашего Союза — в Крыму, на Северном Кавказе и Закавказье, в БССР, УССР, в Северной Азии. Минувший 1935 г. был особенно удачен именно в этой области археологических исследований, однако, в задачу настоящей заметки не входит освещение всех этих исследований, но лишь тех из них, результаты которых принесли новые и существенные данные, позволяющие поставить вопрос о пересмотре общепринятой стратиграфии палеолита. К числу таких исследований следует отнести работы на восточном побережье Черного моря, между Сухуми и Очемчири, изучение мустьерской стоянки Кодак близ Днепропетровска, разведочные работы на Алтае п некоторые находки кремней в террасовых отложениях Азовского побережья.

Прежде чем перейти к изложению главнейших результатов перечисленных исследований, может быть не лишним будет напомнить, хотя бы в двух словах, о том, что наиболее распространенным как у нас, так и в Западной Европе, является представление о сравнительно позднем геологическом возрасте палеолита в целом. Пользуясь общепринятой у нас альпийской схемой и терминологией, весь верхний палеолит (ориньяк, солютре и мадлен) обычно относят к концу последнего, так называемого «вюрмского оледенения» (точнее — ко времени после-максимума этого оледенения и до бюльской стадии его отступания), а нижний — к вюрму и рисс-вюрмскому меягледниковыо. Следует все же заметить, что такая датировка в отношении палеолита СССР до известной степени является провизорной, так как стоянок старше верхнего орпньяка с хорошей геологической стратиграфией (кроме Ильской на Северном Кавказе, еще слабо изученной) на территории Союза известно до последнего времени не было. Отсюда следует, что стратиграфия палеолита СССР фактического обоснования полностью не имеет. Поэтому находки ашёльской и мустьерской стадии, сделанные в самое последнее время, о которых идет ниясе речь, представляют большое значение не только для данного района, но приобретают и более широкий общий интерес.

ИССЛЕДОВАНИЯ В СУХУМСКОМ РАЙОНЕ

Первые находки палеолитических орудий в этом районе были сделаны в 1934 г. С. Н. Замятиным; под руководством его же летом прошлого года здесь были поставлены Институтом антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР обширные археологические работы. Одновременно с Этим Геологическим институтом Академии Наук производились в этом же районе геологические исследования под общим руководством Г. Ф. Мирчинка и автора настоящей заметки.

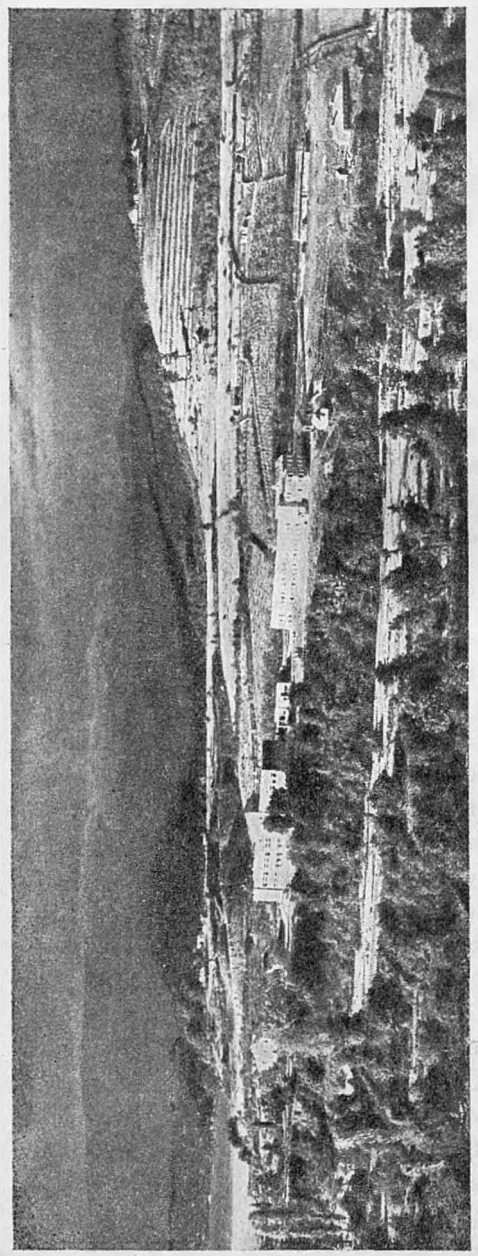


Рис. 53. Террасы устье реки Келасури.

Совместная работа геологов и археологов дала весьма любопытные результаты.

Несмотря на то, что большой археологический и геологический материал, собранный С. Н. Замятиным и его сотрудниками, а также прорабом геологической партии Н. А. Ласкарунской и геологом Л. Н. Соловьевым еще не обработан полностью, некоторые существенные результаты, после совместных с Л Г. Ф. Мирчинком экскурсий, У все же могут быть намечены.

В районе Сухуми, от Очемчири к северо-западу вдоль побережья Черного моря до Сочи, прослеживаются более или менее хорошо выраженные террасы. Далее к Новороссийску наличие террас отмечается многими авторами, причем для некоторых мест указывается также и содержащаяся в них фауна беспозвоночных, позволяющих определить геологический возраст некоторых из этих террас.

Нами для района Сухуми и Очемчири констатировано не менее 5 более или менее хорошо сохранившихся террас.

Не считая современного морского пля;ка, здесь моашо выделить хорошо оформленную I террасу высотою на бровке 2—4 м над ур. м. В толще этой террассы, повидимому, погребены остатки римского времени (IV в. до н. э.)- Местами эта терраса на высоте около 1 м над ур. м.. имеет уступ, представляющий, может быть, самостоятельную террасу, но пока нами не отделяемую от I террасы.

Следующая по высоте II терраса имеет в среднем отметки в 10—15 м, возрастающие за счет делювия до 20 м и несколько более у внутреннего ее края. Морфологически II терраса хорошо выражена в рельефе и легко отделима от III более высокой 32—40-метровой террасы, так ясо и по своему геологическому строению. Несколько хуже чем И и III террасы сохранилась IV терраса с отметками в 80—110 м над ур. м. Местами наблюдалась еще промежуточная ступень м е at д у III и IV террасами на высоте около 60 м. Однако для выделения этой ступени в самостоятельную террасу в настоящее время достаточных данных пока не имеется. Наконец, на высоте около 450—500 м также имеются, повидимому, остатки очень древней, может быть, плиоценовой, террасы (рис. 1).

Культурные остатки, найденные на этих террасах, по определению С. Н. Замятниина, представлены большим числом кремневых орудий ашёльского, мустьерского и верхнепалеолитического возраста.

Насколько удалось выяснить, древнейшие для данного района палеолитические находки ашёльской (или более ранней) стадии залегают in situ на глубине около 0.50 м от поверхности земли в суглинках аллювиально-дилювиального происхождения IV 80—100-метровой террасы; наиболее типичным из обследованных местонахождений этого типа является Яштух. Нередко орудия того же «яштухского» типа встречаются как выше IV террасы, так и ниясе, на III террасе, но в последнем случае область их распространения ограничивается лишь периферическим краем этой террасы, а самые орудия носят следы более или менее заметной окатки; это свидетельствует об их вторичном отложении. Наконец, отдельные орудия того же типа можно встретить вместе с более поздними среди горных выносов даяге на II террасе.

Таким образом, геологический возраст ашёльских орудий можно определить в согласии с Г. Ф. Мирчпнком самым концом формирования IV террасы и считать их синхроничными одной из фаз накопления III террасы. Впрочем, для окончательного решения этого вопроса требуются еще дополнительные наблюдения.

В более ясных стратиграфических условиях были найдены остатки мустьерских орудий. Одно из наиболее характерных местонахождений орудий этого типа — Очемчири. Кремневые орудия и отщепы залегали здесь in situ в верхней части аллювиальных суглинков III (32—40 м) террасы. В противоположность Яштухскому местонахоягдению культурные остатки здесь были обнаружены у перпфери-

ческой части очень хорошо развитой широкой террасы.

В несколько иных геологических условиях орудия очемчирского типа были найдены под Сухуми, в устье р. Келасури. Орудия этого типа были обнаружены там также in situ, но не в аллювии, а в дилювиальном шлейфе, на склоне IV и на поверхности III террасы у ее внутреннего края. Эти наблюдения говорят о том, что геологический возраст очемчирских орудий может быть определен последней фазой формирования 111 (32—40 м) террасы, причем очемчирский человек жил еще в эпоху начала накопления на этой террасе дилювиальных образований.

Что же касается остатков верхнего палеолита, то условия их залегания таковы, что они не дают возможности судить об их геологическом возрасте. Они были встречены только в современном почвенном слое на III и IV террасах.

Из всего сказанного естественно вытекает вопрос о геологическом возрасте III и IV террас, образование которых в известной фазе их формирования было одновременно поселению на них человека. Ответить сейчас на этот вопрос с уверенностью не представляется возможным, но уже имеются все данные для того, чтобы этот вопрос мог быть разрешен путем дополнительных исследований. В настоящее время можно лишь в форме одного из вероятных сообраягений высказать предположение о том, что III (32—40 м терраса) будет отвечать древнеэвксинской террасе (с *Didacna crassa*), а II так наз. карангатской (туберкулятовой террасе с *Cardium tuberculatum).* В таком случае орудия очемчирского типа (развитое мустье, по Замятнину) должны быть отнесены к концу миндель-рисса, орудия же яштухского типа (ашёль, по Замятнину) окажутся не моложе конца минделя. Нужно, впрочем, сказать, что столь глубокая древность ашёля представляется мало вероятной, если не признать, что в орудиях яштухского типа мы имеем или очень примитивный ашёль, или, скорее, одну из стадий шелля (так наз. клектон).

Однако как бы ни был решен вопрос о геологическом возрасте очемчирских и яштухских находок, мне кажется несомненным, что очемчпрскпе (мустьерские), а тем более яштухскпе (ашёль) орудия не могут быть отнесены (вопреки общепринятой схеме) к рисс-вюрму, не говоря уже о какой-либо стадии вюрма. Последние (Яштух), если справедливо высказанное Г. Ф. Мпрчинком заключение об их относительном геологическом возрасте, безусловно окажутся значительно древнее и должны быть отнесены к низам квартера. Не безинтересно подчеркнуть также и значительный интервал во времени, разделяющий оба типа этих находок.

Итак, сухумские находки палеолита не укладываются в общепринятую схему.

В связи с этим представляют интерес находки кремней, сделанные В. А. Хохловкиной и автором в террасах Азовского побе-

режья. Не останавливаясь здесь подробно на геологическом разрезе, yitaaty, что еще в 1933 г. мною в одном из разрезов у Бессергеновки (близ Таганрога), которые считаются классическими, был найден, безусловно in situ, отщеп мустьерсхшго (по мнению В. А. Городцова, С. Н. Замятннна, Г. 11. Сосновского) возраста на «миндель-рисской» погребенной почве, в основании «рисского» лёсса,[1] что также не укладывается в общепринятую схему, допускающую наличие развитого мустье только в начале «вюрма». Летом 1935 г. в этом же районе продолжались работы Геологического института Академии Наук и Советской секции АИЧПЕ по палеонтологическому обоснованию азовской толщи; еще раз осмотрено и место нахождения отщепа у Бессергеновки совместно с Г. Ф. Мирчинком, причем первоначальное определение возраста этой находки не вызвало никакого сомнения. Таким образом и этот пункт дал указания на миндель-рисский возраст мустье.

Заслуживают внимания также находки кремней у дер. Лакедемоновки, по определению С. Н. Замятнина верхнепалеолитического облика, сделанные Б. А. Хохловкиной в толще рисского лёсса, что также не укладывается в общепринятую схему, согласно которой находки этого типа должны были бы занимать более высокое стратиграфическое положение.

Наконец заслуживают быть отмеченными находки эолитоподобных кремней, сделанные в 1934 г. и значительно дополненные Б. А. Хохловкиной в 1935 г. в галечниках у ст. Матвеев Курган. Интерес Этих находок, еще требующих однако дальнейшего изучения, заключается в том, что им одновременна типичная верхнеплиоценовая «хапровская фауна» с *Etephas* cf. *planifrons, Mastodon arvernensis*,[1] [2] *Machairodvs* sp., *Hipparion* sp. etc.

Если в дальнейшем удалось бы доказать действительное участие человека в обработке этих кремней, то мы имели бы новое и весьма существенное доказательство необходимости пересмотра установленной в настоящее время стратиграфии палеолита.

В полном согласии с полученными новыми фактами о геологическом возрасте палеолита стоит также находка стоянки Кодак близ Днепропетровска. Результаты изучения геологических условий залегания культурных остатков этой стоянки привели И. А. Лепикаша к выводу о принадлежности ее ко времени до-днепровского оледенения или к начальным стадиям этого оледенения. [3] С таким определением хорошо согласуется и фауна, среди которой оказались остатки *Elephas trogontherii-*, типичного представителя так называемой «хозарской» фауны. Таким образом, и здесь мы имеем факт, свидетельствующий о миндель-рисском или ранне-рисском (а не вюрмском) возрасте мустье.

---

[1] Подробнее см. Бюллетень № 1 Советской секции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы за 1935 г.

[2] Подробнее см. там же, Бюллетень № *2* АИЧПЕ (печат.).

[3] Четвертичный период, вып. X, Укр. Ак. Наук, Киев, 1935.

Наконец, о конце рисского времени, если допустима параллелизация максимального оледенения Сибири с европейским, свидетельствуют находки верхне-палеолитического типа, сделанпые Г. П. Сосновским в низовьях р. Катуни близ Бийска на верхней 20-метровой террасе, повидимому, в озерно-речном аллювии эпохи самого конца максимального оледенения Сибири.

С. А. ЛОКТЮШЕВ

РЕДКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ И ОСТАТКИ СТОЯНКИ В ДОНБАССЕ

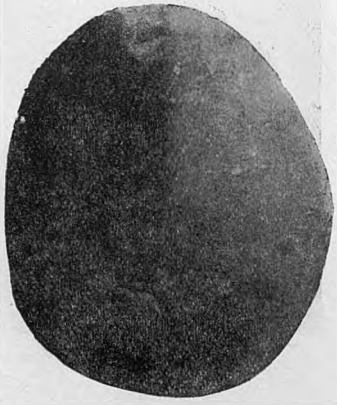
I

В полевой сезон 1933 г., во время наших разведочных археологических работ на магистрали Москва—Донбасс и на ее периферии, производившихся совместно с Харьковским научно-исследовательским институтом истории культуры, нами были открыты вблизи Луганска древнее погребение и остатки стоянки. Погребение залегало в грунте стенки одной траншеи, оставшейся от бывших земляных работ Госстройки 1930 г.

Грунт был покрыт ненарушенным слоем, 32 см мощности, подкурганной, дилювиального характера, стенной почвы. Это место занято было раньше курганом. Встретившие его тогда случайно землеробы строительства некоторую часть насыпи при копке срезали и уничтожили. Для раскрытия погребения нами была заложена прямоугольная, со сторонами 2 X 2.5 м выемка. Раскопка велась послойно.

Вплоть до погребения, под почвою шел лёссовый суглинок, с редкими выцветами карбоната и сильно изрытый кротовинами. Погребение обнаружилось на глубине 67 см от поверхности и представляло, благо-

Ряс. 1.



Рпс. 2.

даря сказанному, неполно сохранившийся человеческий костяк. Оно занимало 1.46 м в длину и 61 см в ширину. У костяка не доставало черепа, шейных позвонков, лопаток и костей левой руки.

Сохранившиеся кости были сильно фрагментарны. Судя по их положению, было видно, что погребенный помещался здесь вытянуто на спине, ориентированный с ВЮВ на СЗЗ- Площадка под ним была обожжена, отличаясь буро-красным цветом, и покрыта слоем мелкого древесного угля.

Обожженность земли с угольным слоем распространялась и за стенки

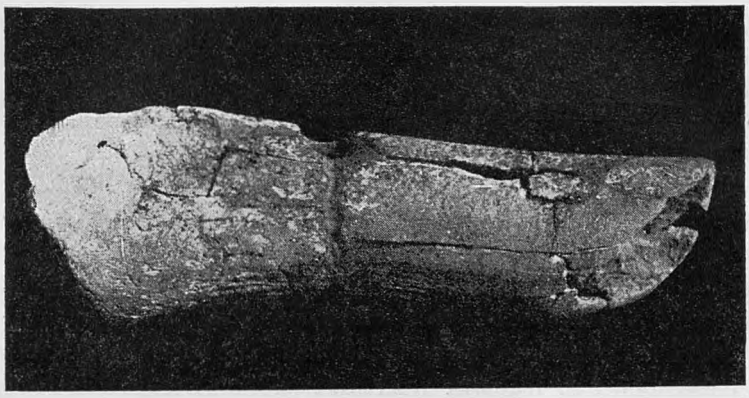
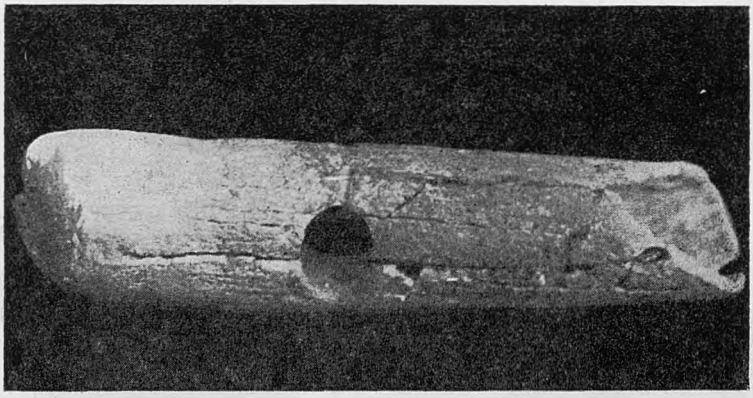


Рис. 3.

произведенной выемки. С костяком находилось: два каменных орудия и одно орудие —роговое. Оба каменных —имеют микролитический облик (рис. 1 и 2).

Кремневое орудие, тронутое темносерой патиной, представляет нуклеус 4 см высоты, лежавший у лучевой кости правой руки (фиг. 1).



Рпс. 4.

Кварцевое орудие представляет отбойник в виде округлой гальки размером 7 X 6 X 3.5 см, имеющий на двух противоположных краях следы долгой утилизации. Он лежал около плечевой кости правой руки на расстоянии 9 см (рис. 2).

Орудие из рога представляет топоровидную кирку длиною 25 см, лежавшую с правой стороны у тазовой кости; она была найдена в сильно фрагментарном состоянии.[1]

У этого орудия, почти по середине длины, пробуравлено вертикальное поперечно-расположенное овальное (2 x 3 см) отверстие, сверлина; на одном конце сделан молоткообразный обух, а на противоположном — косо спилено параллельное рукоятке лезвие (рис. 3 и 4). Поверхность местами заглажена.[1 2 3]

В своей форме топоровидная кирка имеет сходные морфологические черты как с ранними неолитическими формами кирок, так и с поздними неолитическими формами, например из стоянок робенгаузенского типа.

II

В этом яге месте, еще в 1930 г., при снятии названным строительством кургана, во время наших археологических раскопок могил были нами обнаружены на одной межмогильной небольшой площадке, в нижних частях подкурганной почвы, остатки стоянки. Они представляли небольшой, сохранившийся здесь участок культурного слоя. Содержимое их дало: 11 экземпляров кремневых микролитических поделок, три экземпляра небольших фрагментов глиняной посуды, один зуб оленя и одну остро-обрезанную, на одном конце — 8 см длины, ножную кость кабана. Многие кремневые поделки несут темносерую патину. Среди них имеется 8 экземпляров орудий изготовления орудий труда и три экземпляра орудий труда.

В первые входят: три призматических нуклеуса от 2.5 до 5 см длины; три же экземпляра ножевидных пластинок от 3 до 5 см высоты и два ножевидных и несколько неправильных форм осколков от 1.5 до 2.5 см длины. Во вторые входят: овальный скребок 2.5 см высоты, геометрический трапециевидный наконечник — 2 см высоты, и, наконец, шарообразное, 2.5 см диаметром, неопределенное орудьице.

Фрагменты посуды обладают присутствием, в глинистом тесте, толченых раковин; поверхность одного фрагмента сохраняет гребенчатую орнаментику в виде косых, коротких точечных полосок.

Остаткам стоянки, сочетающей микролитические орудия с фрагментами глиняной посуды, мы не находим аналогий в пределах Донбасса. Аналогии ей усматриваются — одни, например, в правобережье Днепра в стоянках, открытых М. Рудинским [1] и относимых им к началу позднего неолита; затем в одной из приднепровских же стоянок,[2] открытых

[1] М. Рудинський. Деякі шдсумки та ближчі завдання палетнолопчних вивчень у межах УССР. К., 1931 (157, 161, табл. 3, 4, 7).

[3] В. Хвойко. Каменный век среднего Приднепровья (754—763 и табл. XVIII, XIX), Тр. XI Археол. съезда Киев, т. I, М., 1901.

В. Хвойко, которые он относил к неолиту, и, наконец, другие отчасти видны в бассейне р. Самары, в стоянке,[1] открытой В. В. Гольмстен в пределах б. Бузулукского у., относимой ею, повидимому, к началу эпохи бронзы.

У перечисленных кремневых микролитов стоянки замечается тождественный, общий характер с теми двумя, которые были найдены в погребении, сказывающийся как на технически одинаковой их изготовке, на размерах, так и на одинаковой сохранности. Особенно это относится к нуклеусам, которые имеют одну и ту же цветность патины. Так как среди микролитического материала, несмотря на его малочисленность и случайность, имеются орудия типа нуклеусов, можно говорить о существовании здесь мастерской. Микролитические орудия погребения— нуклеус с отбойником, являющиеся как раз орудиями для тех же технических целей, несомненно составляли неотъемлемую принадлежность этой мастерской.

Вместе с тем эти орудия могут свидетельствовать о причастности погребенного лица, при жизни, к производству каменных орудий труда, т. е. к мастерской, и, очевидно, и к производству добычи в залежах сырьевого для них материала — мелового кремня.

---

[1] В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губ., стр. 130. Тр. Секц. Археол. IV РАНИОН, М., 1929.

А. А. МАНСУРОВ

К МАТЕРИАЛАМ ПО ИЗУЧЕНИЮ ХИМИЧЕСКОГО СОСТАВА ИСКОПАЕМЫХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ

Несколько лет тому назад по моей инициативе были проведены химические анализы материалов Археологического отдела Рязанского музея—металлических предметов, добытых путем раскопок. Предполагалось эту работу поставить широко и собрать значительное количество анализов. Но, в силу ряда причин, работа эта не была закончена.

Я считаю целесообразным опубликовать результаты некоторых анализов из числа произведенных. Несмотря на то, что эти сведения имеют случайный и отрывочный характер, — мне каягется, что они, все-таки, могут пригодиться для исследователей соответствующих вопросов, тем более, что до сих пор таких анализов произведено чрезвычайно мало и данных их в литературе почти нет.

Анализы были проведены в Химико-бактериологической лаборатории Касимовского отдела здравоохранения. Для проверки получаемых результатов анализ производился двумя способами: весовым и титрованием. Выводы, если они не совпадали, брались средние.

Перечень подвергнутых анализу предметов и результаты исследований видны из прилагаемой таблицы:

Нагрудные бляхи

Борковской могильник:	а) Sn—6.2%, Си 93%, Fe 0.8%
	б) Sn—3.8%, Си 96.2%
Курманский могильник:	а) Sn—4.6%, Си 95.4%
Шатрпщенский (Старо-Рязанский, финский):	а) Sn 14.83%, Си 85.17%
	б) Sn 49.2%, Си 50.8%

Спиральные кольца

Тырновский могильник:	Sn 25.6%, Си 74.4%
Кулаковский могильник:	Sn 22.6%, Си 77.4%

Гривны шейные

Тырновский могильник:	Sn 9.3%, Си 90.7%
Курманекий могильник:	Sn 14%, Си 86%
Закаппщенский могильник:	Sn 6.25%, Си 93.75%

Шумящие привески

Курманскйй могильник:	Sn 7.03°/o, Си 92.97°,'o
Закапищенскпй могильник:	Sn 1.4%, Си 98.6%
Жабкпнсвпй могильник:	Sn 3.81%, Си 96.19%

Бубепчпк

Жабкпнскнй могильник:	Sn 5.25%, Си 94.75%

Семилопастные подвески

Кривпшпнскпе курганы:	Sn 9.9%, Си 90.1%
Княжевскпе курганы:	Sn 1.7%, Си 98.3%

Дротпки

Борковской могильник:	$Fe_2 S_3$ 48%, Fe 52%
Кузьминский могильник:	$Fe_2 S_3$ 16%, Fe 84%.

Для сопоставления этих изделий с современными бронзовыми изделиями следует вспомнить, что состав красной современной бронзы содержит: Sn 5%, Си 95%; желтой — Sn 15%, Си 85%; белой — Sn 28%, Си 72%; стально-серой — Sn 65%, Си 35%.

НЕКРОЛОГ'

ГЕНРИ ФЭРФИЛЬД ОСБОРН

6 ноября 1935 г. скоропостижно скончался всемирно - известный американский палеонтолог, создатель отдела позвоночных животных в Американском музее естественной истории, почетный президент названного музея, профессор Колумбийского университета Генри Фэрфильд Осборн.

Осборн родился 8 августа 1857 г. Биографы отмечают его рано выявившийся интерес к естественным наукам, что ставится иногда в связь с проведенными в сельской местности детскими годами. Однако, первым увлечением Осборна в студенческие годы (в Принстоне) являются психология и философия. Глубина этого увлечения доказывается тем, что еще в период 1880—1884 гг., будучи уже вполне законченным палеонтологом, Осборн публикует ряд статей по философским проблемам. Полное оформление активного интереса к занятиям палеонтологией относится у Осборна к 1877 г., когда он выступает в качестве одного из организаторов и деятельных участников Прнстонскон" научной экспедиции, открывшей, в частности, значительное количество остатков малоизвестных эоценовых млекопитающих в Северной Америке.

В 1879—1880 гг. Осборн совершил поездку в Англию, а затем перешел в Лондонский университет, став учеником знаменитого Гекели. Для этого периода жизни Осборна особенно знаменательны его усиленные занятия сравнительной анатомией. Уже в этих ранних исследовательских работах Осборна по сравнительной анатомии (об эмбриологии опоссума, о происхождении corpus callosum у млекопитающих, о мозге амфибий) — сказалось умение Осборна ставить и разрабатывать стержневые проблемы науки. Важность этих работ Осборна неоднократно отмечалась впоследствии исследователями, разрабатывавшими аналогичные темы.

В 1883—1887 гг. Осборн занимается весьма энергично сравнительной анатомней.

Однако все более и более его внимание концентрируется специально на вопросах палеоантропологии позвоночных.

В 1888 г. он заканчивает труд по мезозойским млекопитающим. Эта работа окончательно укрепляет за ним славу исследователя, умеющего находить и освещать стержневые проблемы науки.

В 1891 г. Осборн приглашается для работы в Нью-Йорк и становится профессором Колумбийского университета.

Здесь Осборном была, между прочим, основана известная «Биологическая серия Колумбийского университета», одним из первых выпусков которой явилась ставшая знаменитой книга Осборна «От греков до Дарвина», в которой был дан один из наплучших очерков истории развития эволюционного учения.[1] Эта работа весьма способствовала популярности Осборна как ортодоксального дарвиниста.

С 1908 г. по 1933 г. Осборн — президент совета Музея естественной истории.

В 1933 г. — Осборн избирается почетным президентом совета.

За свои выдающиеся научные заслуги Осборн был избран членом-корреспондентом, членом и почетным членом многочисленных научных обществ, университетов, академий и т. д. в различных странах мира. Неоднократно ему присуждались также награды и премии за научные исследования.

---

[1] From the Greeks to Darwin. An outline of the Development of the Evolution idea. Columbia University, Biological Series, I, B. На русском языке прекрасный реферат этой книги был дав Н. А. Холодковскпм в 1895 г. См. Н. А. Холодковский. Биологические очерки. Гпз, 1923.

Одна из основных и крупнейших заслуг Осборна перед мировой наукой — помимо его ценнейших конкретных исследовательских работ — является созданный им и систематически разраставшийся в течение 45 лет отдел палеонтологии позвоночных в Американском естественно-историческом музее. При учете всех исследовательских и организационных заслуг Осборна не остается сомнений в том, что в его лице наука об ископаемых животных потеряла одного из наиболее блестящих своих представителей.

Следует заметить, однако, что широким слоям советских читателей Генри Фэрфпльд Осборн известен, главным образом, не как палеонтолог в тесном смысле слова, а как автор одной из популярнейших в мировой литературе систематических сводок по вопросам антропогенеза [1] [1], и, отчасти, как биолог-теоретик, пытавшийся предложить оригинальную систему взглядов на основные проблемы органической эволюции.

В плане разработки проблем антропогенеза Осборп известен как автор одной из новейших реакционных теорий, оспаривающих основные положения дарвинизма. Теория Осборна может быть названа теорией ранней специализации, «раннего приспособления» предков человека. С формальной стороны его взгляды сводятся к утверждению, что отделение человеческих предков от общего ствола антропоидов произошло в самом начале третичной эры, в эоцене и олигоцене, и с той поры развитие человека и обезьян шло совершенно особыми путями. Общиость ряда признаков человека и антропоидов, противоречащую такого рода представлениям, Осборн склонен объяснять не генетически, а «параллелизмом» развития. Нетрудно видеть, что по существу теория Осборна стремится к тому, чтобы вывести антропоморфных обезьян из числа прямых предков человека, к тому, чтобы опорочить и опровергнуть дарвиновскую «обезьянью теорию» антропогенеза. При учете того обстоятельства, что взгляды Осборна делают практически непознаваемым самый процесс эволюции гоминпд, уводят изучение этого процесса из области фактов в область спекулятивных построений — становится понятною глубочайшая реакционность и антинаучность подобного рода представлений. Не случайным, поэтому, является тот факт, что для «доказательства» своей теории Осборну пришлось согласиться на «признание» и даже заняться пропагандой пресловутой «пплътдаунской фальшивки» — реконструкции мифического пплътдаунского «эоантропа». Неслучайно мы находим в его сводке по антропогенезу пропаганду параллелизма в развитии неандертальцев и кроманьонцев, защиту смехотворной теории о физическом истреблении «низшей» расы неандертальцев «высшею» расою кроманьонцев и т. д.

Реакционность взглядов Осборна неоднократно . вскрывалась в советской исторической науке. С разнообразных сторон это делали В. И. Равдонпкас,[1] А. Быховский [3] и мн. др. К сожалению, однако, взгляды Осборна, в известный период времени, получили слишком большое хождение в русской литературе, с легкой руки первых пропагандистов Осборна в СССР—Б. Н. Вишневского и Б. С. Жукова — авторов популярных работ по антропогенезу.

Мы имеем бесспорные свидетельства откровенного поворота Осборна к неприкрытому идеализму в последние годы его жизни. Прекрасно свидетельствует об этом хотя бы следующее его мнение об основных движущих силах эволюции: «я принял за основу то, что имеется еще совершенно неизвестный фактор эволюции... действительные причины эволюции неизвестны, и мое убеждение в данный момент таково, что вряд ли они когда либо будут известны» (разрядка моя. *Г. П.*).[3]

Отдавая должное заслугам Осборна в деле собственно научных его заслуг, мы не можем не отметить реакционных тенденций Осборна в интерпретации фактического материала и полагаем, что лучшей формой уважения к нему со стороны советских ученых явится очищение от метафизической шелухи его огромного научного наследства, которое заслуживает углубленного критического изучения.

Громадное количество работ, опубликованных покойным ученым (до 940), заставляет обратить поставленный здесь вопрос к самым широким кругам советских ученых.

Г. И. Петров

---

[1] H. F. Osborn. Man. of the Old Stone age. Переведено на русский язык по инициативе Б. Н. Вишневского («Человек древнего каменного века». Л., 1924, гзд. «Путь к знанию»).

[1] В. И. Равдоникас. Происхождение человека. Сб. Первобытное общество. Изд. ОИМ, 1932, и др. раб.

[3] А. Быховский. Расы и происхождение человека. Мол. гвард., 1934.

[3] Science, vol. 77, № 1991 от 24 II 1933 г.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

А. С. СТРЕЛКОВ

ТРЕТИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ПО ИРАНСКОМУ ИСКУССТВУ И АРХЕОЛОГИИ

Имевший место в Ленинграде и Москве с 11 по 17 сентября 1935 г. III международный конгресс по иранскому искусству и археологии являлся крупным событием в жизни советского востоковедения. Девять лет отделяют последний конгресс от первого, собравшегося в 1926 г. в Филадельфии. За это время проделаиа огромная работа, пройден длинный путь. На I конгрессе было представлено всего шесть стран. На III конгрессе присутствовали делегаты 25 государств. В 1931 г. во время II конгресса некоторые иностранные делегаты выступали с предложением созвать очередной конгресс в СССР, в Ленинграде. Это предложение было встречено единодушным одобрением. При этом в большой степени имелось в виду, что в Ленинграде, в стенах Государственного Эрмитажа, к моменту созыва конгресса будет организована выставка, которая, помимо собраний этого музея, покажет также экспонаты из коллекций других музеев Союза.

Открытая 12 сентября 1935 г. выставка иранского искусства, планировавшаяся как всесоюзная, присылом экспонатов из-за границы была превращена в международную. В то же время ее основным материалом является материал, принадлежащий Государственному Эрмитажу, в силу чего, с выводом из ее состава коллекций, принадлея{ащих другим • музеям Союза и иностранным собраниям, она не распадается, а сохраняется как постоянная. В этом отношении она останется живым свидетельством работы последних лет в области советского востоковедения.

Результаты деятельности конгресса представляют собою подлежащий опубликованию обширный том." Всего было заслушано 55 докладов, из которых 25 приходится на советских ученых. На одиннадцати заседаниях доклады тематически располагались в основном в хронологическом порядке.

Первыми были заслушаны доклады по «доистории». Член иранской делегации Molisen Moghadam прочел доклад на тему «Возникновение искусства в Иране». Докладчик, ученик Contenau, старался показать, что в настоящее время, благодаря археологическим работам в Нихавенде, Дамгане, Кашане, Персеполе (ранее были известны Сузы), можно считать установленным, что Иран имеет богатейшую доисторию. Сузы I, предшествующие, как установлено, Сузам II, дают чрезвычайно сложные формы орнаментации. Уже отсюда следует считать, что этому предшествовал длительный путь развития. Вновь исследованный материал вполне подтверждает это предположение. Докладчик отметил далее, что стилизованные орнаментальные изображения на доисторической керамике до сих пор бытуют в современном Иране. Этпм самым устанавливается связь современности с отдаленнейшими временами.

Проф. Стокгольмского университета T. J. Arne доложил конгрессу о результате шведской экспедиции 1932—1933 гг. в иранские прикаспийские степи. Экспедиция вела обследования в районе Астрабада. Американская экспедиция Dr. Wulsin'a работала в Тюренгтепе, а Dr. E. Schmidt обследовал тепе Гиссар близ Дамгана. В результате создается более пли менее определенное представление о доисторическом прошлом соответствующей части Хоросана. Экспедиция проф. Arne тщательно осмотрела около девяносто тепе из общего числа приблизительно двухсот, обнаруженных в данной местности; полностью раскопан был Шах-тепе. Шахтепе представляет курган размером 165X135 м при максимальной высоте

в 11 м. Проф. Агпе установил в нем три основных археологических слоя. Первый, датирующийся IX—XI вв. н. э., дал многочисленные мусульманские погребения, расположенные вокруг исламского башенного типа надмогильного сооружения типа известного, находящегося по близости Гумбедц Кубус или башни в Радкане. Во втором слое найдена черно-серая, темносерая и грпфельно-серая керамика. Третий сдой дал ту же серую керамику и расписную черным и красным по светлому' фону. Из 260 обнаруженных в Шахтепе погребений 90 было мусульманских, остальные—доисторические. Всего, по предположению проф. Агпе Шахтепе должен включать около 4000 погребений. За редкими исключениями, доисторические погребения дали костяки в скорченном состоянии, покоившиеся на правом или на левом боку. Костяки этих погребений принадлежат долихоцефалам пли мезоцефалам, а мусульманские — брахицефалам и гппербрахнцефалам. Население занималось по преимуществу скотоводством, но существовало и земледелие, т. е. образ жизни обитателей Шах-тепе весьма походил на таковой одновременного населения степей юга Прикаспия. До сих пор не закончено изучение костей животных, найденных в Шах-тепе, но установлено, что среди собрания имеются кости овцы, козы, свиньи, собаки, коровы и, возможно, мула и верблюда. Не установлено, известна ли была лошадь. Скорей всего, найденные кости, принятые первоначально за лошадиные, принадлежат дикому полуослу, онагру, известному с глубокой древности в Шумере. В противоположность теперешним туркменам-кочевнпкам, живущим в палатках, древнее население хорасанской степи пользовалось глинобптнымп строениями. Степь довольно густо была покрыта такими селениями. Так, от Каспийского моря до района Гумбад и Кабус проф. Агпе насчитывает до 300 селищ.

Хронологические моменты устанавливаются не только стратиграфическим путем, но и сравнением с находками в Ираке, Сузах и на территории юга СССР. В Шах-тепе были найдены сердоликовые бусы, имеющие в разрезе форму вытянутого овала, покрытые орнаментом из углубленных линий в виде кружков и ромбов. H. C. Beck считает, что этот тип бус датируется временем не позднее 2700 до н. э-, он известен в Месопотамии и обнаружен в Мохенджо Даро. Раскопки 1933—1934 гг. вУре обнаружили бусы того же типа в погребениях эпохи саргонидов.

C. Beck выразил удивление, почему подобные бусы до сих пор не найдены в Персии—в Сузах или тепе Муссиана. Шах-тепе восполнил этот пробел; подобные бусы найдены там во втором слое. Правда, может быть, этим устанавливается определенная связь с юго-востоком и юго-западом, а внутренний Иран остается обособленным, но это позволят проверить лишь последующие археологические работы.

В нижнем, 3-м слое серо-черная керамика встречается главным образом двух форм — низкой чашеобразной и очень низкой, напоминающей блюдце. Оба вида близки к хорошо известной сузской керамике. Тонкостенные той же массы кубики встречаются в 3-м слое, но главным образом во 2-м. По мнению проф. Агпе, следует поражаться, что расписная керамика типа Тепе Гпссара представлена в Шах-тепе лишь небольшим количеством фрагментов. В то же время Дамган не дал разных образцов серо-черной керамики. Это свидетельствует о том, что в древнейший период связь между степью и плоскогорьем была слабая. Проф. Агпе предполагает, что Тепе Гпссар I одновременен Шахтепе 3, равно как тепе Гиссар II и III хронологически совпадают с Шах-тепе 2.

Больший интерес представляет собой пластика, найденная в различных слоях тепе. На двенадцать изображений животных приходится всего лишь три женских фигурки. Эти последние весьма близки происходящим из Тюренг-тепе. Они отличаются исключительно резко выраженными бедрами. Это—тип, встречающийся от Амшар в Малой Азии до Шарп Дхери около Пешавара в Индии. Фигурки животных, по всей вероятности, должны изображать рогатый скот, но сказать это с уверенностью трудно, ибо сохранились лишь одни туловища.

По предположению проф. Агпе, конец культуре северохорасанских тепе был положен нашествием какой-то народности, прекратившей в стране оседлую жизнь на долгое время, чуть ли не до исламского времени. Проф. Агпе указывает, что точное хронологическое определение культуры Шах-тепе представляется чрезвычайно трудным, однако, подобно культурам других тепе этой местности, она имеет не менее 1000-летней длительности.

Доклад проф. Агпе представляется особенно интересным еще тем, что, благодаря присылу правительством Ирана значительного количества экспонатов, в распоряжении членов конгресса оказался большой материал для сопоставления.

Несмотря иа успешные работы последних лет, приходится признать, что наше знание в области истории древ-

него Ирана, особенно хронологии, далеко не блестяще. Утверждения касательно распространения того пли иного керамического типа следует отложить до момента, пока мы будем располагать бо́льшим количеством данных. Однако если мы припомним, что какие-нибудь двадцать — двадцать пять лет тому назад были известны лишь Сузы, то приходится удивляться достигнутым результатам. В настоящее время уже можно установить ряд типов, которые являются более ранними, другие более поздними. Для всех местностей одинаково в раннюю эпоху появляется расписная керамика черным, черно-бурым или бурокоричневым, с геометрическим пли стилизованным животным и растительным орнаментом. Это керамика Мохенджо Даро, Белуджистана, Тепе Гпссара I, Анау III, раннего Тепе Сиалка, Ак-тепе. Результаты раскопок в последней местности, произведенных А. А. Марущенко по поручению Научно-исследовательского института Туркменистана, вызывают живейший интерес. Тем же исследователем проделана большая, разведочного характера, работа в окраинах Кызыд-кумов и по Копетдагу. В связи с этий материал из Ак-тепе приобретет еще бо́льшую значимость. Намечается связь Средней Азии с Белуджистапом и долиной Инда. Совершенно, однако, неясно, как соответствующий тип расписной керамики под конец своего существования уяшвается в ряде мест с черно-серой керамикой, лучше всего на выставке, представленной раскопками Тюренг-тепе. Район распространения черно-серой керамики чрезвычайно велик. Она обнаружена на пространстве от озера Урмии до долины Зеравшана, но длительность ее существования опять-таки неясна. Возможно, что в ряде мест Средней Азии она доживет до эллинистического времени.

Материалы выставки дают возможность проследить эволюцию отдельных керамических форм. Особенно это относится к сосудам с шарообразным туловом и носиком — форме, которая встречается в весьма ранних слоях. Путем анализа керамики этого типа (с непомерно длинным носиком), происходящей из Сепе Сиалка близ Катана, устанавливается подражание формам, созданным в металле. Насколько долго, постепенно вырождаясь, мог деря!аться определенный тип, доказывает та же керамика Тепе Сиалка, датирующаяся VIII—VII вв. до н. э.

Два зала выставки заняты памятниками Кавказа и юга СССР, позволяющими уяснить развитие и переработку в Иране так наз. «звериного стиля». Здесь же экспонированы и луристанские бронзы. Эти памятники, служившие предметом многих обсуждений на втором конгрессе, на выставке представлены лишь небольшим количеством Экземпляров, однако, исключительно характерными. Вплоть до регулярных раскопок вопрос о датировке луристанскпх бронз остается открытым. Несмотря на то, что найдено значительное количество памятников, на которых имеется клинописный текст легенд, до сих пор неясно, имеем ли мы дело с культурой большой длительности, или же вещи, на которых имеются надписи, попали в дуристанские погребения случайно, напр., в результате ограбления какого-нибудь храма, где они являлись вкладами. Наиболее ранняя надпись на лурпстанской вещи относится ко времепи Шаргали шари (2624—2603 до н. э-)> сына Нарамсина и, следовательно, внука Саргона старшего; самая поздняя датируется IX в. до н. э- Принимая во внимание, что большинство надписей относится ко времени, начиная со второй половины II тысячелетия до н. э„ можно предполагать, что это и есть перпод, которым датируются дуристанские памятники, а более ранние вещи попали туда как предметы военной добычи.

Неясно, кто были насельппкп современного Лурпстана: кассппты, как это думает большинство исследователей, или лулубеи, как предполагают некоторые. Может быть, новый свет на дурпстанский вопрос будет пролит археологическими экспедициями этого сезона, организованными в до сих пор труднодоступную страну луров. Полное разрешение, однако, эта проблема сможет получить лишь цосле рассмотрения ряда вопросов, связанных с Кавказом и Причерноморьем.

Роли Ирана во всеобщей истории искусства был посвящен доклад венского искусствоведа, проф. J. Strzygowski, «Iran als Kreuzpunkt eiszeitlicher Kunstströme».

Исключительно спорно и для пас методологически неприемлемо J. Strzygowski пытался говорить о доахеменидском искусстве Ирана. Для тех, кто знает работы венского ученого за последние двадцать лет, доклад не явился ни в какой степени чем-то новым. Построения J. Strzygowski за последнее время имеют характер сомнительных схем и отличаются отсутствием анализа материала. Этим страдают его последние книги, этим явно страдал и доклад.

J. Strzygowski все более и более попадает в плен расовых теорий. Для него Иран до-ахеменидской Персии являлся перепутьем послеледниковых художественных течений. Индогерманцы в своем

движении на Восток столкнулись с амеразпатамп, осевшими, в свою очередь, на номадов Северной Азии, и с атлантпками, покорившими Средиземноморский бассейн. Иран II тысячелетия до н. э., по мнению J. Strzygowski, это Греция доархапки, но наше знакомство с ним подобно представлениям об античном искусстве Винкельмана, в распоряжении которого были лишь римские памятники. По мнению венского ученого, Иран потому не изучался достаточно, что персы были врагами греков и римлян, а идеалом европейской образованности продолжает оставаться «гуманист», человек, воспитанный на классиках. Все это необходимо J. Strzygowski для обоснования взгляда, что специфическим для иранского, вообще индогерманского художественного творчества является пейзаж. Мы его видим впервые, якобы, на майкопской вазе. J. Strzygowski противоречит себе: «древнеиранское» следует искать в скифском искусстве Причерноморья, а, как известно, в данном искусстве пейзаж вовсе отсутствует.

Вся система венского ученого является ложной. J. Strzygowski высказывал утверждения, которые заведомо являются неправильными, вроде «северного» происхождения греческой архитектуры, (имелась в виду двускатная крыша) и т. д.

Докладом, который непосредственно затрагивал вопросы, связанные с луристанскими бронзами, являлся доклад А. А. Иессена «К вопросу о значении древнейшей металлургии Кавказа». Докладчик подробно останавливался на проблеме примата Древнего Кавказа в области металлургии на переднем Востоке. Исследования привели А. А. Иессена к выводу, что на территории Кавказа существовало несколько местных центров металлического производства, которые соответствовали всем крупным меднорудным кавказским районам. Однако сопоставление с металлургией более . южнолежащпх местностей (Курдистан, Иран, Армения, Анатолия) заставляет утверягдать, что древняя металлургия Кавказа является периферийной группой переднеазиатской металлургии.

Основная часть выставки, залы, начиная с посвященных ахеменидскому искусству, дана в единой амфиладе, тогда как ее «доисторическая» часть показана отдельно. Центром внимания залы искусства эпохи ахеменидов являются золотая и серебряная доски с надписями. Эти доски были заложены в фундамент здания при возведении царских построек на персепольской платформе. Доски были вложены в каменный ящик, экспонированный тут же. Эта находка была сделана в 1932 г. во время работ нраноамерпканской экспедиции. Всего ящиков было четыре; дошло до нас два. Трехъязычный текст надписи — на вавилонском, эламском и древнеперсндском — сообщает данные о пределах царства Дария, которые простираются «от саков, живущих за Согдианой, до кушня (нубийцев), от Индии до Сард». В зале на ряду с знаменитым серебряным ритоном из 4-го Семибратнинского погребения и мелкими золотыми поделками (серьги и подвески) в виде животных, которые рассматриваются в качестве иранских, эскпонпрованы некоторые памятники, происходящие из Причерноморья и Северного Кавказа. Сделано это с целью сопоставления ахеменидского материала с памятниками скифского «звериного стиля». Многое во взаимоотношении скифских памятников к ахеменидским остается, однако, невыясненным. Первый этап изучения ахеменидского искусства пройден, в настоящий момент мы переживаем бесспорно второй этап; собран большой материал, произведены значительные археологические работы, но никто еще не пытался обобщить этот материал и критически оценить накопленное.

Из докладов конгресса лишь один непосредственно имел отношение к ахеменидскому искусству—доклад St. Przeworski: «Achaemenidische Kunst in Anatolien». Докладчик пытался показать, что скальные могилы Каппадокии подражают иранским; большинство конструктивных элементов получило здесь чисто декоративный характер. То же имело место в искусстве рельефа. Докладчик видел в этом признаки деградации искусства удаленных центров.

Часть ахеменидского зала занята памятниками искусства Бактрии. Последние давно стоят в центре внимания и востоковедов и специалистов по античности, но до сих пор плохо поддаются определению. Проблеме бактрийского искусства был посвящен на конгрессе доклад К. В. Тревер. К. В. Тревер выделены металлические изделия, которые по своим сюжетам могут связываться с Восточным Ираном, по технически никак не могут считаться работой античных мастеров. Балх, древняя Бактрия, крайний восточный эллинистический центр, несмотря на все попытки европейских ученых раскрыть его прошлое, хранит упорное молчание. Французской миссией в Афганистане, работавшей в районе современного Балха, не найдено никаких архитектурных остатков, которые могли бы датироваться II—I вв. до н. э. Причину тому исследовавшие

этот район усматривают в специфических свойствах основного строительного материала—лёсса, который, будучи применен в дело в качестве сырца, т. е. кирпича солнечной сушки, пли служа для возведения глинобитных стен, за два тысячелетия, слеживаясь и впитывая весенние воды, слился с лёссовой почвой. Работы были затрудн вы тем, что местные власти не разрешали производить археологические работы, ссылаясь на недовольство населения. Все же памятники Гаыдчары и юга современного Афганистана, в особенности Хадда, свидетельствуют о существовании в данном районе мощного древнего очага эллинистической культуры. К. В. Тревер удалось выделить ряд памятников торевтики, которые она считает связанными с Бактрией. Сюда относятся экспонированные на выставке серебряные фадары с изображением слонов. Свое происхождение фалар, невидимому, ведет из искусства тех кочевников, которые появились в приаральских и причерноморских степях в последни ■ трп века до п. э. На фалара х имеются изображения лошадей кочевников. Последние изображены на ткани эллинистического происхождения из 6-го Ноннулпнского погребения раскопок П. К. Козлова. К бактрийскому кругу долиты быть отнесены и другие серебряные фалары, выставленные почти рядом с предшествующими. На них имеются стилизованные изображения вписанных в круг грифонов. В позднебактрийском искусстве должны были существовать элементы искусства, созданного кушанамп. К подобным памятникам относится, например, серебряная чаша. На ней изображена сцена пира. Одна из фигур воспроизводит Зевса; рядом— изображение играющей на барабане обезьяны. Последнее повторяет одну из терракотт из Хотапа. Повпдпмому, к тому яге времени относятся серебряные медальоны (донца чаш) с изображениями крылатой богини и женщины, стреляющей из лука. Для них характерна схематичность складок одеягды и волос, придающая всему изобраягенпго долю условности.

Памятникам материальной культуры Ирана эпохи Парфии был посвящен доклад А. А. Марущенко. Последний вел на протяжении нескольких лет археологические раскопки в аулеБагпре (18 км к ЮЗ от Ашхабада), местоположении древней Несы. Эти работы велись по поручению Туркменского научно-исследовательского института. Предметы экспонированы в парфянском зале выставки. Покойный академик В. В. Бартольд высказал предположение, что городище «Старой крепости» в ауле Багпра представляет остатки одной пз столиц аршакидов. В Несе находились царские погребения парфянской династии. А. А. Марущенко был обнаружен в «Старой крепости» комплекс зданий. Среди них выделялось одно квадратное, на высоком цоколе, имевшее два нротивополоягных входа. Перекрытие здания было, очевидно, плоским; оно поддерживалось четырьмя пучкообразными, симметрично располоягепными колоннами. Здание выстроено из кирпича; вся егодекорпровка выполнена из глины. Внутри строения, между колоннами, друг против друга, помещались две статуи ендящнх воинов, от которых сохранились лишь жалкие фрагменты — часть спины одной из статуй, остатки бороды, части руки с рукавом. Оставшееся обнаруживает стилистически эллинистические элементы. Фпллэллпны аршакпды пользовались в качестве придворных мастеров греками или их выучениками. От того яге здания, которое производившими работы условно названо «наус», имеются фрагменты темперной росписи, часть аканфа, очевидно слуягпвшего декоративным украшением капителей колонн, и плита с изображением львиной маски, выполненной в чистой античной манере. В том же «наусе» найдена плита с рельефным изображением дубинки типа палицы Геркулеса.

Другое здание дало целый ряд декоративных деталей. Последние, несмотря на следы сильного воздействия эллинистического искусства, позволяют говорить о местной «переработке». Среди подобных декоративных деталей следует отметить плиты с изображением горпта, двенадцатиленестковой пальметты, зубцеобразное венчающее украшение типа вавилоноасспрпйскпх з\ бцов. Последняя архитектурная деталь особенно интересна, потому что недавно откопанная в Персеполе Ирано-американской экспедицией лестница была увенчана подобным украшением. Такими же зубцами венчалось здание в Пайкулп, на котором имелась знаменитая надпись. Говорить о точном назначении строения можно будет лишь после того как раскопки будут произведены на более широком пространстве городища.

Неожиданной оказалась находка в 1935 г. вещей одинаковой древности на другом городище аула Багпра, так наз. «Новой Крепости». Новая Крепость до сих пор датировалась самое позднее VI в. и. э- Здесь были найдены вещи, которые скорее всего относятся к тому же периоду, что и памятники Старой Крепости. Особенно выделяются фрагменты пластинки из слоновой кости. На ней изображены люди в башлыках.

Так изображаются саки и согдийцы на ахеменидских рельефах. Аналогична •одежда на фигуре, изображенной на аверсе местной монеты, чеканившейся в Фарсе, после падения ахеменидекой империи. Из слоновой кости сделана небольшая статуэтка, изображающая человеческую фигуру. Сохранилась бодее или менее лишь голова, на которой видна разделка, переданная условными локонами-завитками волос, напоминающими трактовку волос на рельефах ахеменидского времени. Замечательно интересен происходящий из этой ясе Новой Крепости стеатитовый четырехугольный предмет с цилиндрической уступчатой ножкой, представляющий собой, очевидно, жертвенный столик. В стенках верхней части этого предмета, украшенных орнаментом из концентрических кружков, имеются прямоугольной формы отверстия с пологой нижней стороной; отверстия могли служить для стока. Из стеатита сделаны подставки, технически близкие только что описанному предмету, найденные на городище Старой Крепости.

Автору этих строк приходилось обращать внимание среднеазиатских работников на стеатитовые предметы, находимые на Афраспабе н в других городищах долины Зеравшана, представляющие собой блюдца с высокими вертикальными стенами и отводом, к которому прикреплялась ручка. Мне казалось всегда, что мы имеем дело с курильницами. Датировал я эти вещи, разумеется, доисламским временем. Находки в Несе как-будто подтверждают мое предположение. Интересно отметить, что стенкп афраспабскпх памятников орнаментированы концентрическими кружками, как и стенки столика из Новой Крепости. На Новой Крепости была также найдена большая коническая морская раковина, завезенная сюда и, очевидно, служившая каким-то культовым целям.

Памятники Неса придают парфянскому залу выставки характерный вид. Бросаются в глаза своеобразная местная переработка и претворение эллинистических элементов, совершенно, однако, отличные от того, что мы наблюдаем на вещах того же времени кавказского происхождения. Среди последних особенно интересна архитектурная часть (квадры, свинцовые скрепы и проч.) и украшения из античного храма в Баш-Га|)нп (в 40 км от Эрпванп). Храм в Баш-Гарнп па территорпп СССР является единственным вполне сохранившимся античным храмом. Храм в Баш-Гарнп может быть вполне реставрирован, с восстановлением его первоначального вида. Его пропорции и приземистость отличают его от других античных зданий этого времени.

Среди вещей парфянского зала, происходящих из Кавказа, привлекают внимание металлические изделия в большинстве римского происхождения. Они свидетельствуют о том, что верхушка парфянского общества Кавказа, как и во внутреннем Иране, тяготела к Средиземноморью, к Риму и его культуре.

В зале собрана поливная и неполивная керамика парфянского времени. Следует отметить бокалообразные сосуды красной глины, покрытые ангобом, из той же мелкопросеянной глины, поверх которой дано лощение, вернее всего, костью. Керамика эта известна ив Средней Азии и в Закавказье. Она напоминает поздние формы terra sigillata, или, вернее, их византийские дериваты. Время появления этол керамики ещл не установлено.

Поливная керамика парфянского периода представлена изделиями зеленоголубой поливы, происходящими из Ольвии. Оттуда же имеются изделия из тонкой резной кости с изображением парфянского монарха (?), придворных и акробатов. Очевидно, в прошлом между Парфпей и, Причерноморьем существовала живая постоянная связь.

Из докладов конгресса, которые затрагивали парфянский период, следует отметить доклад уч. спец. Узкомстариса М. Е. Массона «Об археологических работах в Средней Азии за последнее время». М. Е. Массон сообщил об исследованиях последних лет и, в частности, подробно— о своих раскопках в Аиртаме близ Термеза, где им был раскрыт буддийский храм. Главной находкой является каменный фриз с изображением полуфигур музыкаЕ1Тов между листьями аканфа. Фриз шел, как позволяет судить его форма, по внешней стороне строения, которое было сложено из сырца. Одна из плит фриза была ранее случайно найдена в Аму-дарье под водой. Фриз датируется, по всей вероятности, I в. н. э., самое позднее II, хотя он, видимо, доделывался, и некоторые его части могут быть более позднего времени. Находка имеет первостепенное научное значение: с одной стороны, она указывает на роль Парфип в деле распространения эллинистических форм; с другой — важно для понимания «Кушанской Бактрии». Эллинистическая Парфия должна была оказывать сильнейшее воздействие на Среднюю и Центральную Азию и северную Индиго.

Докладов, непосредственно посвященных сасанидскому периоду, на конгрессе не было. Зато между участниками конгресса состоялся исключительно оживленный обмен мнениями по поводу

некоторых памятников сасанидского зала. Такого рода обсуждения, носящие в западноевропейской археологической и искусствоведной среде название aupitostov, все более и более входят в обыкновение. Одним из предметов обсуждения явилось серебряное блюдо сасаиидскнх времен из собрания Государственного Эрмитажа, с изображением взятия крепости. Убедительной и оригинальной оказалась по поводу этого памятника мысль профессора Ш. Я. Амиранашвили, считающего, что сюжетом данной композиции служит изображение взятия Иерусалима и что блюдо — сирийской работы VI в. н. э.

Сасанидский зал выставки является несомненно центральным. К примечательному собранию торевтики Государственного Эрмитажа прибавилось некоторое количество памятников, среди которых — уступленное на выставку блюдо с изображением Хосроя Парижской Bibliotlieque Nationale. В зале экспонировано исключительное собрание разных камней, среди которых интальи-аметист царицы Дпнакп, аметист Варахрана I, халцедон (палимпсет), ранее находившийся в собрании герцога Орлеанского (все из собрания Эрмитажа). Музей Лувра предоставил штуковые рельефы, которые весьма дополняют естественно отсутствующую на выставке пластику. Зал включает памятники не только сасанидского времени, но и памятники последующих веков, восходящие к сасанидским. Такой подбор экспонатов способствует пониманию искусства эпохи Сасанидов.

Между залом Парфип и сасанидским вклинился зал ранней Византии. Введение Византии в экспозицию оказалось совершенно необходимым в виду того, что выставка показывает не только искусство одного Ирана, но и связанных « ним территорий. Византия, предел •европейского Средиземноморья на востоке, как известно, включает в свою культуру много «восточного». В то же время «Ромейские» мастера работали в Иране.

Проблеме взаимоотношения Византии и Ирана был посвящен доклад David Talbot Rice «Some persian elements in byzantine art». Докладчик сперва останавливается на текстильном материале, указывая, насколько наименование «иранский» или «византийский» здесь условно. Многие ткани, экспонированные на Лондонской выставке 1931 г., перекочевали на Парижскую выставку византийского искусства. В отношении византийской перегородчатой эмали, которая технически ведет свое начало вернее всего из Ирана, наблюдается приблизительно то же. И, наконец, в составе керамики имеется определенная европейская группа, представляющая подражание восточной, иранской. Это прекрасно иллюстрируется эрмитажной более поздней (X—XII вв.) керамикой херсонесского происхождения.

Зачитан был доклад отсутствовавшего проф. Ugo Monneret de Villard «The western expansion of Sasanian architectural forms». Ugo Monneret de Villard считает, что в Египте не только всем очевидная скульптура —пластические архитектурные украшения — хранят следы иранского влияния, но и архитектура. Он усматривает иранское влияние в применении поперечного бочарного свода, упрощенного бочарного свода и такого бочарного свода, где поперечная дуга держится на двух фланкирующих сводах. Последний тип встречается также в Египте, но происходит из Ирана. Многие архитектурные формы установились в Испании, откуда были перенесены дальше в Европу.

А. Я. Борисов прочитал доклад «Об одном иллюстрированном астрологическом трактате сасанидского временп». Докладчнк говорил о пехлевийском переводе (VI в.) ipenecKoro астрологпческог, трактата Тевкра Вавилонского (I в. н. э.) иллюстрированном миниатюрами. Миниатюры до нас не дошли, но арабская версия трактата позволяет восстановить их сюжеты. Уномянутый литературный памятник ценен особенно тем, что позволяет расшифровать ряд символических изображений на памятниках торевтики, на тканях, в глиптическом материале.

О сасанидских элементах в брахманском искусстве докладывал проф. J. Hackin, директор Musée Guimet в Париже, глава Французской археологической миссии в Афганистане. В 12 км от Кабула им был раскопан брахманский храм,— первый на территории современного Афганистана, в котором была найдена статуя солнечного божества, несущего «одежду с передником» сасанидского типа. Иранскими являются также обувь божества и его головной убор. Это первый случай ярко выраженного иранского влияния в брахманском, а не в буддийском искусстве. J. Hackin предполагает посвятить названному памятнику очередной том «Mémoirrs de la délégation frangaise en Afganistan». В том зке томе будет помещено его же исследование о двух спутниках солнечного бога —• тема, охватывающая широкие культурные темы Ирана, Индии и Центральной Азии.

На материале памятников парфянского и сасанидского времени был построен доклад А. С. Стрелкова «Об иранских элементах в афрасиабскпх терракотах». Автор, рассматривая этот многочислен-

ный и с первого взгляда однообразный, а на самом деле разносторонний материал, приходит к выводу, что афраспабские терракоты отражают все стилистические явления, которые происходили в искусстве Средней Азии. Поскольку это последнее стояло под непосредственным воздействием иранского, имея ряд лакун в искусстве парфянской и сасанидской эпох, мы в состоянии их восполнить из среднеазиатского материала. Так, например, устанавливается, что в Парфип было два параллельных художественных течения – одно, которое должно быть названо эллинистическим, другое — местным. Это последнее берет верх над первым под конец парфянского периода. Материал терракот доказывает, что Парфия была мощным очагом и проводником эллинистических форм на Востоке.

Следующий зал за сасанидским посвящен искусству Средней Азии VHI—XIII вв. Зал должен показать эволюцию, которую претерпевает туркестанское искусство под влиянием усиления значения города в феодальном обществе. Небольшой город —• Шахрпстан — Эпохи господства земельной аристократии, окруженный замками феодалов — кӧшками, воскресает перед нами, когда мы рассматриваем памятники, открытые экспедицией Таджикской базы Академии Наук, работавшей на горе Муг, близ кишлака Кум в Захмедабадском районе Таджикской ССР. Экспедиция раскопала строение домусульманского времени, которое нам представляется сторожевым сооружением. Найденные здесь согдийские, арабский и китайские документы частично изданы. Ак. И. Ю. Крачковскпй точно устанавливает время происхождения большинства найденных рукописей прочтением датированного арабского документа — именно время начала арабского господства в Средней Азии. Находка согдийских документов имеет первостепенное научное значение. До сих пор были известны лишь согдийские рукописи из Китайского Туркестана. При раскопках, далее, обнаружен целый ряд предметов, среди которых на первом месте стоит часть росписного щита с изображением согдийского всадника-воина. Всадник одет, вернее всего, в кожаную, стянутую в талии одежду, удивительно напоминающую одежду карашарских и кучарскпх феодалов. Она знакома нам по пластике и росписям Восточного Туркестана. Поразительно сходен жест держания поводьев, который мы наблюдаем у всадника на щите и у восточно-туркестанских феодалов. Лошадь бесспорно должна быть определена как «сасанидская». Эти находки лишний раз подтвердили нами ранее высказанную мысль, что Западный и Восточный Туркестан в домусульманское время жил какой-то единой культурной жизнью.

В зале выставлена прекрасная коллекция ранней среднеазиатской керамики, .среди которой выделяются такие вещи, как блюда Гос. Музея восточных культур с изображениями коня и птицы, несущей венец на голове. Рядом с керамикой удалось показать, благодаря эпиграфпческой работе Л. Т. Гюзальяна и М. М. Дьяконова, и среднеазиатскую бронзу, кажется, впервые выделенную на выставке из общей массы «мусульманских» изделий. Отметим, что была проделана перед экспозицией большая эпиграфическая работа, благодаря которой, во-первых, удалось определить много вещей, во-вторых классифицировать ранее зарегистрированный материал, наконец, найти ряд надписей исторической значимости. Стены зала заняты фрагментами штуковой резьбы из Афраспаба и из Термеза. Последние открыты Экспедицией Гос. музея восточных культур, работавшей на городище древнего Термеза в 1926, 1927 и 1928 гг. Не лишено интереса, что пнш \ щим эти строки там же были найдены эллинистического типа архитектурные украшения (части баз колонн, профилированные карнизы), фрагменты буддийской пластики, эллинистический нагой мужской торс. Фрагменты резного штука относятся к частично откопанному зданию (на плане экспедиции A's 1), вернее всего культового назначения. Это резная декорация, о которой был на конгрессе прочтен доклад, проф. Б. П. Денике датируется вернее всего XII в. Отличительной ее чертой является наличие в верхней части декорации небольших панно с изображениями шестпрукого дива (явное подражание индийским божествам) и геральдически расположенных фантастических животных.

Конгресс заслушал интересный и содержательный доклад г. Georges Salles о штуковых декорациях в Балисе (современный Мексэне на Евфрате), где работала французская экспедиция при участии докладчика и г. Eustaclie de Lorey. Здесь была откопана целая улица, на которой находилась мечеть. Мечеть и один из частных домов дали наиболее богатые штуковые декорации. Декорации мечети имеют дату 1071 г. и подпись «Сделана и изваяна Мансуром сыном...» Отдельные орнаментальные мотивы имеют весьма архаический характер и, но всей вероятности, восходят к сасанидским образцам (пальметты), В штуках частного дома имеем изображения цесарок, обрамленных растительным орнаментом.

Ирану и Кавказу X—XIII вв. на конгрессе было уделено немало внимания. Зал искусства этого периода на выставке является одним из главных. Этот зал дает композиционно ясное и законченное представление об Иране и Кавказе данного периода. Тогда как передовой Иран выступает с поливной декорацией, целиком охватывающей здание и создающей красочную иллюзорность архитектурной оболочки, Кавказ обнаруживает повторения и изживания мотивов и композиций, принадлежащих сасанидской эпохе. Порой кавказские памятники настолько напоминают доисламские, что свободно могут быть отнесены к доарабскому периоду. В зале выставлены архитектурные фрагменты, исключительное собрание рельефов из аула Кубани. Здесь же показаны кавказские бронзовые котлы. Из них самый большой прислан на выставку из Армении — из Эчмиадзпна. Он датируется 1232 г.

О поливных изразцах из мавзолея Пир Гусейна в Ханаке (Азербайджан), экспонированных в данном зале, был прочитан доклад В. А. Крачковской. Упомянутый мавзолей открыт в 1858 г., в 1913 г. он подвергся разграблению. Поливная декорация данного памятника поступила в Гос. Эрмитаж в два приема (1915 п 1926 гг.). Портал имеет дату постройки здания 1243 г., а изразцы датированы 1283, 1284 и 1285 гг. н. э.

В. А. Крачковской удалось установить, что изразцы являются работой двух мастеров. С точки зрения содержания орнаментальных мотивов важно отметить, что в растительном орнаменте поместились изображения зайцев, аистов, хищных птиц; из растений изображены ирисы и лилии; имеются китайские изображения облаков. Влияние Китая сид} но сказывается в данном памятнике вообще. Не менее интересно, что, помимо обычных изречений из Корана, в надписях изразцов находим четверостишие поэта мистика Джелаль ад-дина Румп. Изразцовая декорация является работой мастеров, уроженцев Верамина и Дамгана, пли их учеников.

В зале собрана первоклассная коллекция иранской керамики XI—XIII вв. Ей было посвящено несколько специальных докладов, из которых отметим доклад проф. А. И. Pope «The classification of Iranien of islamic period», др. R. Ettingliauten «The identification of Katslian pottery», Mehdi Bahraini «La Reconstruction des carreaux de Damghan d'aprés leurs inscriptions». М. М. Дьяконов сделал доклад «О бронзовом водолее 1206 г. в форме коровы-зебу». Доклад этот, казалось бы затрагивающий публикацию одного памятника, узкую тему, на деле ставит целую историко-культурную и художественную проблему. Еще очень недавно наличие на Востоке водолеев не было засвидетельствовано. В настоящее время известен ряд подобных памятников. Памятник Гос. Эрмитажа имеет надпись: «Мухаррем 603 года (1206). Сделал Али сын Мухаммеда сына Абуль Касима, художник. Эти корова, теленок и лев отлиты за один раз с помощью бога, справедливого, всемогущего. ЗаказРузбе, сына Афридуна, сына Бурзина. Слава хозяину вещи шаху Бурзину, сыну Афрпдуна, сына Бурзина». Памятник является образцом того искусства, которое возникло в экономически и культурно отсталой среде кавказских (Армения) феодалов, где долго продолжали существовать старые традиции.

Искусству этого времени был посвящен проблемный доклад акад. И. А. Орбели «Искусство в Армении и на Кавказе в эпоху сельджукпдов». И. А. Орбелп указывал, что термин «сельджукское искусство» предполагает обычно создание нового искусства в результате проникновения новых племен на Передний Босток из Средней Азии. Однако, термин не отраясает того, что за ним стоит, и тех корней, из которых это искусство выросло. Термин «возрождение» то нее неприемлем, в виду того, что имеет место не воскрешение и возврат форм, а последовательное развитие форм и явлений, которые никогда не умирали, а продолжали жить и разбиваться и на Кавказе, и в Персии, и в Малой Азии и в определенный момент выступили на историческую арену как результат известных социальных явлений. В эпоху сельджукидов, однако, те формы и композиции, которые существовали в искусстве замкнутой феодальной верхушки сасанидского Ирана, вышли из замковых мастерских п распространились вширь. И. А. Орбелп приводил в подтверждение своих мыслей интересные примеры. В частности, он обратил внимание на модели, которые перевозились из города в город; этим как бы еще более утверягдалась традиция.

Значительное внимание было уделено следующему историческому периоду, эпохе Тимура и Тпмурпдов, богато представленным на выставке. Проф. А. Ю. Якубовский прочитал доклад об иранских мастерах, работавших в западном Туркестане при Тимуре. Докладчиком был использован исключительной ценности материал, находящийся в залах выставки, а именно котел и подсвечники, имеющие надписи, из мечети, выстроенной по приказанию Тимура в г. Ясы (современном г. Туркестане), а такя;е другие эпиграфические памятники эпохи. На основании надписей А. Ю. Якубовский

установил, что авторами «вкладов» Тимура были иранские мастера, которых вызывали или насильно выводили из Хорасана, Ирака или Азербайджана. Так, котел туркестанской мечети ходжи Ахмеда Ясеви имеет надпись, из которой следует, что он выполнен в 1399 г. мастером Абдал Азизом сыном Шереф-ад-днна из Тебриза, а подсвечники — в 1397 г., мастером Изз ад-дином из Исфахана. На стенках тимуровских мечетей появились шиитские надписи, явно одиозные для суннитов; иранские мастера маскировали эти надписи трудночитаемым сложным письмом. Тимуровская Эпоха с ее стремлением к грандиозному, величественному сказалась и в прикладном искусстве, памятники которого имеют необычайные масштабы.

В залах выставки сосредоточено исключительное собрание памятников тимуровской эпохи. В первую очередь следует отметить резные, с инкрустацией, двери Гур Эмира, поливную наборную надпись над входом в Гур Эмир, нефритовую резную плитку тончайшей работы. Ряд зал занят архитектурными памятниками, вернее их декоративным убранством. Коллекции поливных изразцов различных типов настолько полны для каждого здания, что при наличии фотографии вполне можно себе составить представление о поливной декорации зданий.

Данному периоду был посвящен доклад m-r Robert Byron «Timurid Monuments in Afganistan». Доклад был основан на материале, собранном лично докладчиком во время его жизни в Герате, но не отличался, несмотря на хорошие фото, глубиной исследования; он имел описательный характер. R. Byron вовсе не касался исторического материала, весьма необходимого для уяснения ряда вопросов, связанных с тимуровскими памятниками Герата. Зато исключительно ценно было выступление г. A. Godard, главы Service des Antiquités du gouvernement de l'Iran, прочитавшего большой доклад под скромным заглавием «Notes sur les anciennrs mosqués de l'Iran». Первоклассный знаток архитектуры Персии, архитектор A. Godard дал эволюцию плана большой «пятничной» мечети в Иране. Это было сделано с большим уменьем и мастерством. Построение доклада было просто, а иллюстративный материал четко продуман и умело использован. Фактически доклад A. Godard представлял изложение истории иранской культовой архитектуры с VIII в. н. э.

Блестяще представленная на выставке эпоха сефевидов и культурные связи позднего Ирана с сопредельными с ним странами на конгрессе затрагивались меньше, нежели другие периоды. Выставка поражает своим богатством миниатюр, керамики, текстиля. Ковры представлены меньше, нежели другие разделы прикладного искусства этой эиохи; однако и здесь следует отметить шедевры, вроде ковра, с изображением охотничьих сцен пли ковра из Ардебильской сокровищницы.

Живописи позднего Ирана было посвящено два доклада: E. Kühnel— о знаменитом миниатюристе Бехзаде, и профессора III. Я. Ампранашвпли — об армянской и грузинской живописи XVI и XVII вв., уникальное собрание которой экспонировано на выставке. E. Kiihnel дал углубленный анализ творчества Бехзада. Докладчик сделал попытку дать периодизацию вещей великого иранца. Доклад представляет краткое изложение части большой работы, которую E. Ktihnel посвящает мастеру.

Из докладов, которые не относятся к материалу упомянутой эпохи, следует назвать сообщение Мусы Сейджанова «О новых реставрационных работах в Самарканде». Докладчик касался, между прочим, выпрямления минарета медресе мирзы Улугбека. Наиболее интересной была часть доклада, посвященная раскрытию надмогильного памятника легендарной могилы Кусама ибн Абааса в Шах п Зпнда, который оказался первоклассной работой иранских мастеров XIV в. н. э.

С большим докладом «Tranisclie Tradition» выступил президент конгресса, проф. Fr. Sarre, старейший из специалистов по искусству Ирана. Проф. Fr. Sarre говорил об устойчивости композиционных принципов в иранском искусстве. С ахеменпдского времени до настоящего дня иранское искусство разрабатывает, видоизменяя и творчески обновляя, созданные пм навыки и традиции. Проф. Fr. Sarre доказывал это примерами, в частности демонстрировал трон ахеменпдов в рельефах Накш и Рустема, трон гилюстанского дворца в Тегеране, выполненный в Ширазе в XV11I в. Далее он приводил пример Бостанскпх Ник и летящих ангелов одной рукописи Британского музея. В последнем примере в обоих случаях идентичен и растительный орнамент, обрамляющий изображения летящих гениев.

Доклады конгресса теснейшим образом увязывались с материалом выставки. Сама выставка является как бы своеобразным застывшим докладом, посвященным истории иранского искусства п культурно связанных с Ираном стран. Если учесть, что в смеяшых с выставкой помещениях находятся памятники древнего Востока, центральной Азии и Китая, то станет ясно, какая картина

открывается веред посетителем. В залах Эрмитажа создан крупнейший музей культуры п искусства Востока. В основу его положены новые методологические принципы. Отбор экспонатов для выставки иранского искусства произвол дился не только по линии их качественности, а ставилась задача максимально полного показа истории материальной культуры Ирана.

С. А. ТРУСОВА

ПЛЕНУМ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСКОПАЕМОГО ЧЕЛОВЕКА СОВЕТСКОЙ СЕКЦИИ INQUA

С 21 по 24 декабря 1935 г. в Ленинграде состоялся пленум Комиссии по изучению ископаемого человека при Советской секции 1NQUA. В задачу пленума входило подытоживание археологических исследований в СССР за последние три года, а также постановка методологических проблем, открывающих новые пути к освещению накопленных материалов. Работы пленума ставилась в общем плане подготовки к Международной конференции по изучению четверт. чного периода в г. Вене в 1936 г. На пленуме были представлены делегаты Академии Наук СССР, Украинской Академии Наук, Белорусской Академии Наук, Гос. Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, Гос. Исторического музея в Москве, Крымского Научно - исследовательского института и других учреждений.

Открывая пленум, член президиума И. А. Лепикаш в краткой речи охарактеризовал современное состояние изучения ископаемого человека и окружающих го физико-географических условий на ранних этапах исторического развития. И. А. Лепикаш подчеркнул, что методология классиков марксизма-ленинизма обеспечила новый подход к памятникам прошлого. Комплексное послед вание, основанное на объединении обществоведов с представителями естественных наук, открывает новые перспективы для целостного познания как истории социальных и хозяйственных форм древнейших обществ, так и Toil внешней природной обстановки, в которой складывались эти формы.

Выступивший вслед за И. А. Лепикашем председатель Комиссии по изучению ископаемого человека ГГ. П. Ефименко обрисовал профиль дальнейших Занятий пленума, указав, что в последние годы достижения в области накопления материалов позволяли подойти к разрешению ' зловых вопросов доклассового общества.

К числу докладов общего значения относятся также доклады Г. Ф. Мирчинка «Значение археологии для четвертичной истории и геологии» и В. И. Громова «Ископаемый человек как элемент стратпграфии».

Г. Ф. Мирчпнк начал изложение с тех еще недавних представлений, которые связывались с четвертичными отложениями. Последние обычно расценивались как наносы, не представляющие интереса, особенно с точки зрение наличия в них полезных ископаемых. Дальнейшие наблюдения заставили отвергнуть подобный взгляд. Они поставили вопрос о разработке новой методики изучения этих образований. Последние исследования палеолитических местонахождений в долинах рек Дона и Днепр» делают возможной увязку культурных горизонтов с ледниковыми отложениями,, чем вносят некоторые коррективы в ранее сделанную геологическую датировку этих отложений. Приуроченность палеолитических местонахождений в районе Кавказо-Черноморского побережья к определенным террасам может оказать в дальнейшем существеннейшую помощь в определении их возраста. Рекогносцировочные обследования летом 1935 г. в Крыму также намечают пути к разрешению проблемы относительной датировки некоторых палеолитических местонахождений в скалистых убежищах. Специальный доклад Г. Ф. Мнрчпнка, посвященный истории современного рельефа в районе стоянки 1Пан~Боба, ставил задачей показать, что анализ формирования рельефа иногда способен дать некоторые прогнозы для поисковых археологических работ, с точным указанием возраста стоянок, которые могут быть встречены на исследуемой территории.

15. И. Громов подчеркнул в своем докладе две группы вопросов: 1) что может дать изучение палеолитически»

стоянок для стратпграфпн отлозкенпй четвертичного периода и 2) что дает интерпретация имеющегося фактического материала. Остатки фауны, флоры, так яге как и остатки деятельности человека, встречаемые в стоянках, составляют ваягные элементы стратиграфии п представляют особый интерес, так как приурочиваются к определенным горизонтам и составляют одновременные комплексы. Основным вопросом остается определение возраста палеолитических стоянок. Анализ фауны из палеолитических стоянок не выявляет смены холодного и теплого комплексов, а показывает непрерывность ее развития до самого конца червертпчного периода, и только в конце последнего, когда действительно проявляются признаки похолодания, увеличивается преобладание арктической фауны, которая по временам совпадает с верхним палеолитом. При сопоставлении датировок в определении геологического возраста некоторых стоянок получаются расхождения, которые происходят не из неправильности общей стратиграфической схемы, а скорее из неправильной интерпретации геологических разрезов. Поэтому сейчас возникает вопрос о пересмотре некоторых опорных разрезов.

Итоги изучен ияснбпрского палеолита за последние три года были даны в обзорном докладе Г. П. Сосновского, показавшего исключительный рост интереса к древнейшим памятникам прошлого в Сев. Азии в послереволюционное время. Свыше шестидесяти стоянок палеолитического возраста известны на территории Сев. Азии. Среди этих памятников имеются местонахождения мирового значения.

Разведки 1935 г. открыли новые местонахождения. На высокой, 80-метровой террасе у сел. Сростки на р. Катунп обнарузкена стоянка, в которой на ряду с верхнепалеолитнческим инвентарем имеются орудия более архаического облика. Геологические условия залегания позволяют ее ставить в один ряд с Томской стоянкой. Кроме того, открыт еще ряд поздне-палеолитических памятников по р. Белой и у оз. Байкала.

Б дополнение к докладу Г. П. Сосновского, с краткой характеристикой геологического возраста некоторых сибирских стоянок выступил Б. И. Громов. Как показывают наблюдения, сообщил В. И. Громов, вся северная часть Западно-Сибирской равнины была покрыта большим ледниковым пластом рпсского времени. Затем, после таяния ледника, в Омско-Барабинском районе формируется основной рельеф. Здесь установлены две основные террасы: 40—60 м и 15—20 м. Интересно, что все сибирские стоянки верхнего палеолита одновременны накоплению 15—20-метровой террасы, следовательно они моложе максимального оледенения. Ко времени образования ледникового покрова в Западно-Сибирской равнине относятся образования озер, связанных с запруживанием рек ледяными массами. Поэтому для периода образования ледяного покрова на этой территории вряд ли возможны находки палеолитических стоянок. И только к концу таяния ледника, когда освобозкдались более высокие большие участки равнины, можно отметить первые следы человека, например, стоянка Томская и стоянка у сел. Сростки, о которых сообщил Г. П. Сосновский.

Пользуясь материалами, собранными в бассейне р. Ангары, геолог Д. И. Соколов поделился результатами исследования геологических условий залегания палеолитических стоянок. Докладчик отметил, что, вероятно, наиболее благоприятные географические условия устья рр. Белой и Иркута привлекли сюда древнейших обитателей, стойбища которых тяготеют к этим районам и связываются с распространением кремнистых пород в этом районе. Все стоянки палеолитического возраста приурочиваются к террасе 18 м. Ниже террасы 18 м стоянки палеолитического возраста не встречаются. Исключением может служить лишь стоянка Рогатка, датируемая эпипалеолитом. Это обстоятельство служит доказательством того, что отложен* ия, залегающие низке террасы 18 м, представляют собой послеплейстоценовые образования.

Обзору эпипалеолитических памятников бассейна рр. Верхней Волги п Оки были посвящены доклады П. И. Борпсковского, П. Н. Третьякова и М. В. Воеводского.

П. И. Борпсковский ознакомил пленум со своими работами на эпппалеолптпческой стоянке Елин-Бор в 1934 г., где им во время разведочных работ был собран интересный кремневый инвентарь. В нетронутом слое были обнаружены следы зкилья, невидимому, землянки. П. И. Борисковский обследовал стоянку близ сел. Карачарово, известную по | аскопкам 1877 —1879гг. Уваргва и Полякова. Раскопочные работы на этой стоянке не дали результатов. П. И. Борпсковский полагает, что раскопки Уварова исчерпали культурные остатки деятельности человека і а стоянке. Небсзинтересным является новое местонахозкденне кремней у сел. Ясаково (Троине-Пеленицы) на р. Оке. Это местонахождение из-

вестно по находкам костей древних животных. Из собранных здесь же кремневых осколков некоторые носят следы обработки. Не вполне уточненными «стались геологические условия залегания кремней, которые необходимо выяснить специалпстам-геологам.

П. Н. Третьяков посвятил свой доклад обзору некоторых памятников, близких по формальным признакам находимого кремневого инвентаря к типу так наз. свидерскпх. Оперируя большим фактическим материалом, собранным экспедицией, и нривлекая.штературныепсточннкп, П. Н. Третьяков ставит своей задачей показать, что те памятники, которые М. В. Воеводский был склонен относить к свпдерскнм, по существу не являются таковыми. Так, например, в стоянках Золоторучье и Коприно вместе с кремневым инвентарем эпппалеолптического облика отмечаются находки сетчатой керамики и шлифованных орудий. Геологические наблюдения также противоречат датировке М. В. Воеводского.

Утреннее заседание 22 декабря было посвящено вопросам изучения крымского палеолита за истекшие три года. Заместитель директора Центрального музея Тавриды проф. Н. *Л.* Эрнст выступил с обширным докладом, резюмирующим работы по исследованию одной из интереснейших пещерных стоянок близ Симферополя — Чокурча. Обильный кремневый инвентарь, собранный в этой пещере вместе с остатками древней фауны (мамонт, песец, пещерный медведь, гиена и т.д.), относится, по мнению Н. Л. Эрнста, кпозднеиу ашёлю. К сожалению, отмечает докладчик, никаких геологических изыс анний в районе этого местонахождения до сих пор не производилось, поэтому целый ряд вопросов не может быть разрешен при помощи лишь археологических сборов. Кроме обзора работ на стоянке Чокурча Н. Л. Эрнст наметил те большие перспективы, которые должны быть открыты плановыми, систематическими исследованиями палеолитических стоянок и широким использованием разведочных работ в Крыму. Выступивший в прениях П. П. Ефименко, ссылаясь на убедительные факты, свидетельствующие о более позднем возрасте стоянки в пещере Чокурча (как, например, наличие обработки кости), датирует ее эпохой мустье.

В. И. Громов в докладе «Итоги изучения крымской фауны» поделился теми выводами, которые явились следствием совместного с В. И. Громовой пересмотра фаунистпческих остатков из пещерных местонахождений в Крыму. По мнению докладчика, крымская палеолитическая фауна настолько однообразна, что может быть отнесена только к одной геологической эпохе, связанной с явлением значительного похолодания. Холодолюбивые формы встречаются не только в ориньякских слоях Сюрень I, но и в ранне-мустьерской стоянке Киик-Коба, где определены остатки костей северного оленя и песца. Крымская палеолитическая фауна представляет лишь фациальные отличия от фауны более северных русских стоянок и связана с одной ледниковой эпохой, повидимому, рисской, но с различными ее фазами. Лишь в азильско-тарденуазское время происходит резкое изменение в составе фауны, вызванное смягчением климатических условий и истребляющей деятельностью человека. К этому времени в азило-тарденуазских слоях впервые отмечаются находки костей домашней собаки.

С. А. Трусова сделала информационное сообщение о раскопках нового палеолитического местонахождения на восточной окраине Караби-яйлы в пещере Аджи-Коба. В пещере обнаруясены два культурных горизонта. Верхний горизонт, судя по кремневому инвентарю, о іносится к орпньяку, нижний — к эпохе мустье (?). В обоих горизонтах отмечается присутствие холодолюбивой фауны: северный олень, песец наравне с благородным оленем, быком, сайгой, медведем, гиеной и др. В мустьерском слое найдены остатки носорога.

С. Н. Бибиков ознакомил пленум с птогамп работ экспедиции, работавшей летом 1935 г. в скалистом навесе Шап-Коба (Байдарская долина). Под навесом сохранились остатки кулыуры позднего палеолита азпльской и тарденуазской стадий. Стратиграфия пещерных отложений вместе с культурными остатками in situ отличают стоянку Шан-Коба от всех других стоянок, датируемых тем я;е временем. В результате Н/з - месячной работы экспедицией собран обильный материал. Кроле того, в процессе работы были раскрыты интересные бытовые детали из области хозяйственной деятельности обитателей навеса. Докладчик привлек для сравнения аналогичные западноевропейские и афрп! анекпе стоянки, причем указал на неправильность некоторых сопоставлений и выводов, в частности, например, не соглашаясь с интерпретацией гзило-тарденуазской ступени развития как показателя регресс:,вного состояния в технике обработки камня и кости. В заключение докладчик пытался доказать, пользуясь аналогиями и предварительным изучением добытого в Шан-

Коба материала, принадлежность Крыма к так наз. каспийской области.

В заключение заседания было заслушано сообщение Т. Ф. Гелаха о сборах кремневого инвентаря нл стоянках Балпи-Кош, на Яйле п близ сел. Зуя в 18 км к востоку от Симферополя.

На объединенном заседании Советской секции и Института истории докласс-сового общества Гос. Академии истории материальной культуры были заслушаны доклады П. И. Ефименко, К. М. Полпкарповича (Белоруссия) и А. Я. Брюсова,

П. П. Ефименко в докладе «Ч т о д а ю т р а с к о п к и в К о с т е н к а х д л я и з у ч е н и я п а л е о л и т а» осветил исключительно важные проблемы исследования палеолитических памятников вообще. Взяв за основу материалы палеолитических местонахождений в Костенковско-Боршевском районе, П. П. Ефименко изложил сущность той целеустремленности, которой должен руководствоваться исследователь в работе над памятником. Раскопки большими площадями, с оставлением всех находок деятельности человека в культурном горизонте на месте, наблюдения над остатками жилых сооружений, планировка их внутри и относительно друг друга, осмысление памятника с точки зрения не только его бытового, но исторического значения, — вот те пути, которые подводят исследователя к постановке социологических проблем. Новые методологические приемы исследования памятников уже сейчас опровергают некоторые выводы западноевропейских ученых. Широко распространенный взгляд на первобытную орду в верхнем палеолите как на бродячую группу охотников отвергается докладчиком. Он считает эти группы, напротив, оседлыми ордами, использующими соседние местности в качестве охотничьих угодий. П. П. Ефименко указал, что советская историческая наука как бы открывает палеолит наново как историческую область знания. В заключение он подчеркнул, что задачи по изучению палеолита настолько разрослись, что требуют широкой кооперации труда исследователей.

С большим интересом пленум прослушал доклад К. М. Полпкарповича. Осенью 1935 г., во время раскопок у дер. Елисеевичи, к западу от г. Брянска, на правом берегу р. Судости, докладчику удалось раскопать стоянку, давшую богатейший материал, который открывает новые страницы истории доклассового общества. Помимо обширных сборов кремневого инвентаря мадленского типа и костяных изделий в виде шильев и иголок, К. М. Полпкарповичем вскрыто скопление черепов мамонта, образующих круг. Внутри этого круга найдены расколотые бивни молодых мамонтов, некоторые из них с нарезками, пластины из мамонтовой кости, покрытые геометр!,ческим орнаментом и гравировкой, напоминающей изоГраж нпя жилища. Тут же были найдены две костяных пластины с изображением рыбьей чешуи, которая выполнена с поразительной реалистичностью, и резная статуэтка женской обнаженной фигурки. Докладчик полагает, что скопление черепов в м е т о с находимыми внутри него предметами относится к культовой сфере деятельности человека. Раскопки в Елисеевичах представили еще и остатки двух жилищ. Мерное жилище типа стоянки Гагари о, второе же,только частично затронутое раскопк; ми, имеет любопытнейшее ограждение из стоящих вертикально крупных костей мамонта (тазов, лопаток), некогда укреплявших основание жилища. Фауна, которую удалось собрать, дает следующ е виды: мамонт, песец, северный олень, волк, медведь и различные грызуны. Кроме стационарных раскопочных работ на стоянке Елисеевичи, К. М. Полпкарпович предпринял ряд поисковых ма| шрутов, в результате которых найдены следы палеолитического мсстопахожде пли две стоянки эпипалеолнтического возраста.

Работы последних трех лет на территории Украинской ССР были представлепы в докладах А. Я. Брюсова, И. А Лепикаша, Т. Т. Теслп, и И. Г. Пидоплпчки.

А. Я. Брюсов с о о б щ и л о р е з у л ь т а т а х э к с п е д и ц и и, р а б о т а в ш е й п о д р у к о в о д с т в о м И. Ф. Левицкого по и с с л е д о в а н и ю Г о н ц о в с к о й п а л е о л и т и ч е с к о й с т о я н к и в Харьковской области. Раскопки позволили установить, что площадь, занимаемая стоянкой, значительно больше, чем предполагалось раньше, и что ст< янка имеет несколько культурных горизонтов с находками. Вскрытые раскопками остатки жилища, с полом из плотно-утоптанного лёсса, смешанного с глиной, составляют важное открытие экспедиции. Ниже пола залегает еще один культурный горизонт, отделенный от верхнего 49-см стерильной прослойкой, заключающий в себе остатки кострищ с многочисленными костлми животных. Среди собранного фаунистического материала, обработанного И. Г. Пидопличка, определены следующие виды: мамонт, бизон, северный олень, медведь, рысь, росомаха, волк, байбак, суслик, заяц, песец и некоторые другие. С дополнениями к докладу А. Я. Брюсова выступил И. Г. Ппдопличка, производивший

геологические наблюдения на стоянке Гонцы. Между прочим, наличке дислокации слоев на этой стоянке (микроскладчатость) докладчик склонен объяснять присутствием линз вечной мерзлоты в то время и оползневыми явлениями по склону.

Т. Т. Тесля сделал сообщение о находках древнейшего мустьерского местонахождения у сел. Кодак на правом берегу Днепра, в бассейне которого до сих пор не было указаний на присутствие столь древних стоянок. Обработанные кремни и кости животных находятся здесь в переотложенном состоянии, в основании др'-внего овражного аллювия.

И. А. Леиикаш относит э и it аллювий к озеро-речным отложениям, синхроничным с начальной фазой Днепровского оледенения. Собранная фауна представлена следующими видами: слон — трогантерий, носорог, бизон, лошадь, гигантский и благородный олень, северный олень, медведь, лев, которые вполне подтверждают геологическую датировку. Т. Т. Тесля считает необходимым начать планомерные исследования древнеовражных аллювиальных отложений, в которых должны быть находки наиболее древних остатков человеческой культуры.

С докладом о новом местонахождении палеолитического возраста близ сел. Чулатово в Ново-Северском районе выступил И. Г. Ппдоплнчка. Остатки деятельности человека в виде кремневого инвентаря, костяных изделий и костей животных приурочены здесь к древней террасе р. Десны. Культурный слой залегает на высоте 20—25 м над уровнем реки, на размытой аллювиальными процессами морене. Геологические условия залегания культурных остатков весьма схожи с известными местонахождениями в Мезпне и Пушкарях. Типологически кремневый и костяной инвентарь также близок к собранному в Мезпнекой стоянке. Особенно любопытна находка лобно-теменной кости человека, носящей следы преднамеренной обработки. Докладчик полагает, что эта часть черепа служила древнему человеку в качестве сосуда. По своему строению обломок черепа не имеет морфологических отличий от современного. Собранная на стоянке фауна дает следующие виды животных: северный олень, песец, медведь, волк, лошадь и мамонт. Остатки костгй мамонта, по предположению И. Г. Пидопличка, занесены на стоянку человеком для утилитарных целей в ископаемом состоянии, тогда как самих животных в этом районе в живом виде уже не существовало.

Геологические наблюдения показывают определенную стратиграфическую однородность в стоянках Мезин, Пушкари и Ч>латово, что дает основание, ориентироваться в дальнейших поисковых работах главным образом на террасовые образования.

И. А. Леиикаш, изучая просверленные раковины моллюсков из стоянок Кайстрова балка, Дубовая балка и Мезин, пцпшел к интересным выводам, которые и представлены им для обсуждения на пленум. В указанных стоянках определены следующие моллюски: *Cerithiurn vulgatum* Brug. и *Nassa reticulata* L. Из нижней прослойки на стоянке Кайстровая балка определена *Didacna* sp. Ископаемые моллюски *Cerithium vulgatum*, Brug., вероятно, происходят и из тирренских (карангатских) отложений южного берега Черного моря (Судак, Керченский полуостров). *Didacna* sp. известна из находок в древнеэвксппских или чаудпнекпх отложеннях. Пытаясь установить места, откуда эти моллюски могли попасть на стоянки, докладчик пришел к следующим выводам.

1. Нахождение моллюсков *Cerithium vulgatum* Brug., *Nassa reticulata* L. и *Didacna* sp. в стоянках верхнего палеолита свидетельствует о каких-то сношениях между областями Днепра и Крымско-Кавказского побережья. 2. Находки одинаковых моллюсков в стоянках Мезин, Кайстровая балка и Дубовая балка сближают возрасты этих стоянок. 3. Моллюски из карангатских отложений Черноморского побережья могли попасть в палеолитические стоянки во время существования карангатского бассейна,[1] будучи собираемы на берегу моря, или несколько позже. Следовательно, стоянки Мезин, Дубовая балка и Кайстрова балка не старше карангатских отложений, а, наоборот, лпбо моложе их, либо синхроничны им.

С большим интересом пленум заслушал доклады С. Н. Замятина и Г. Ф. Мпрчпнка об исследованиях палеолитических стоянок на Кавказе.

В первом докладе С. Н. Замятин ознакомил пленум с находками в Имеретин. Экспедиция 1934 г. значительно расширила наши представления о палеолите на территории Имеретин. Найден ряд новых местонахождений верхнепалеолитического возраста, причем в одной из пещер сохранились следы гравировки на поверхности скалы, бесспорно одновременной с остатками культуры в этой пещере, весьма напоминающей по типам кремневых изделий

[1] Карангатская терраса большинством исследователей относится к рпсс-вюрмскому времени. С. Т.

собрапные ранее в Девпс-Хврели. В «павесе № 5» обнаружены следы искусственных насечек на скале, расположенных по краю навеса. Пользуясь сопоставлениями с рпсункамп из грота Романелл п п других местонахождений, например, Константине (Малая Африка), С. Н. Замятнпн относит эту стоянку к капспйскому временп.

Во втором докладе «Палеолитические памятники восточного побережья Черного моря» С. Н. Замятнпн ознакомил пленум с результатами работ экспедиции в 1935 г. в Абхазии. Еще из разведок 1934 г. имелись некоторые указания на присутствие в районе Сухуми — Михайловское обработанных кремней архаического облика. Обследование 1935 г. установило наличие около 20 местонахождений палеолитического возраста, которые размещены не только на территории Абхазии, но и выходят в Мингрелпю. По хронологическим группам местонахождения развиваются следующим образом: 8 пунктов имеют кремневый инвентарь типа ашёльской Эпохи; 7 пунктов связываются с мустьерской эпохой; 4—5 пунктов определяются верхне-палеолитическими местонахождениями. Кроме того, имеют место и отдельные, не вполне выясненные палеолитические находки. К наиболее исследованным ашёльскпм местонахождениям относится Яштухское, в котором найдены впервые в Союзе типичные древне-палеолптпческпе ручные рубила. Кроме ручных рубил в большом количестве собраны кремневые отщепы грубой треугольной формы, многие со следами употребления, а также различные скребла. Мустьерские местонахождения (наиболее исследовано Очемчири), доставившие кремневый инвентарь, типологически схожий с инвентарем из Ильской стоянки и крымских пещерных стоянок, характерные остроконечники, скребла, треугольные тонкие пластины — составляют основные находки из мустьерскпх стоянок. Верхнепалеолитические столики имеют довольно обычный кремневый инвентарь, известный из стоянок Кавказа, Крыма и других областей.

Анализ геололичеекпх условий, в которых залегают некоторые палеолитические стоянки Абхазии, был дан в докладе Г. Ф. Мирчппк. Докладчик отметил в районе Сухуми четыре террасы, которые ясно вырисовываются в условиях местного ландшафта: I терраса высотой до 2 м, II—высотой 'О—12 м, III—30-35 м и IV—80-100 м.
К последней террасе приурочиваются находки ашёльского типа, как, например, Яштух. С третьей террасой связываются находки мустьерского времени. Возраст террас, по мнению Г. Ф. Мирчпнк, определить сейчас трудно, так как геологические данные не дают достаточного материала.

Процесс почвообразования в условиях субтропического климата, приводящий к распаду костных остатков, исключает возможность нахождения фауиистических остатков. Следовательно, руководящее значение при определении возраста приобретают археологические находки. В. И. Громов, выступая в прениях, высказал мысль, что ашёльекпе местонахождения в ЯштуХе и мустьерские стоянки в Очемчирп не могут быть отнесены к рисс-вюрму, не говоря уже о вюрме. По датировке В. И. Громова, яштухские орудия не моложе конца мпнделя, если признать, что они представляют тип примитивного ашёля пли одну из стадий шелля (так наз. клектон). Мустьерские находки из Очемчир относятся к концу миндель-рпсса.

Вопросу о так называемом арктическом палеолите — на побережье Ледовитого океана в районе северной оконечности Кольского полуострова (полуостров Рыбачий) был посвящен доклад Б. Ф. Землякова. Докладчик совместно с П. Н. Третьяковым летом 1935 г. обследовали ряд местонахождений со следами стоянок древнего человека, аналогичных по ряду признаков со стоянками Норвегии и Финляндии, относимыми зарубежными учеными к так наз. «арктическому палеолиту». Неблагоприятные геологические условия залегания культурных объектов не сохранили фауны и других органических остатков. Находки представлены лишь грубыми кварцитовыми орудиями. Основным датирующим критерием остаются геологические данные. Стоянки, расположенные на террасовых уступах побережья Ледовитого океана, образовавшиеся в результате колебаний береговой линии, дают две группы памятников. Первая группа — более поздние неолитические поселения — совпадает с уровнем 12—15-м террасы. Вторая группа занимает более высокие террасы, с наибольшей отметкой—72 м, и связываются с так наз. арктическим палеолитом. На основании анализа рельефа и условий, в которых залегают остатки культуры на стоянках второй группы, Б. Ф. Земляков полагает, что возраст их не может быть мадленским, как определяют его норвежские ученые, а относится к послеледниковому времени. Это — нпиболее древние стоянки для данного района. Сопоставление этих стоянок с близкими к ним онеж-

сними, возможно, решит вопрос о путях заселения северных районов нашего Союза.

Заслушав и обсудив доклады, пленум принял резолюцию, которая должна послужить основой для планомерной работы в области изучения ископаемого человека в ближайшие годы. В резолюции отмечены плодотворные результаты комплексного исследования отдел:.ных палеолитических памятников. Соответствующие приемы требуют дальн< йшего применения в экспедиционной и камеральной исследовательской работе. Пленум счел необходимым отметить большие успехи, достигнутые в СССР в деле изучения ископаемого человека и окружавшей его среды, и отобразить их на предстоящей Международной конференции в Вене.

Одновременно пленум подчеркнул, что «комплексное изучение археологических памятников, осуществляемое совместными усилиями представителей различных специальностей, — нашло свое наиболее яркое выражение в форме организации пленума комиссии по ископаемому человеку». В дальнейшем «пленум считает целесообразным закрепить Этот опыт: поставив перед президиумом Советской секции 1NQUA вопрос об объединении всех научных и хозяйственных организаций, работы которых могут быть использованы для проведения принципов широкой плановости и комплексности в изучении ископаемого человека».

Организованная к пленуму, совместно Советской секцией JNQUA, Институтом антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР и Комиссией по изучению четвертичного периода Академии Наук, выставка археологических материалов отображала богатство коллекционных сборов, добытых за последние годы на территории Союза. Множество фотографий, чертежей и рисунков документировали остатки деятельности ископаемого человека на местах исследования. Выставленные коллекции были расположены по районам и служили наглядной иллюстрацией к тем докладам, которые были заслушаны на пленуме.

Экспонированные материалы представляли следующие районы и стоянки.

Крым — раскопки в гроте Чокурча, в пещере Аджп-Коба, в скалистом навесе Шан-Коба п открытая стоянка Балпн-Кош на Янлё.

Кавказ был представлен сборами Экспедиции в 1935 г. из местонахождения Яштух (ашёль), Очемчпрп (мустье). и некоторыми другими.

Украина — стоянки Кодак, Чулатово и Гонцы. Последняя стоянка была представлена материалами И. Ф. Левицкого.

Среди е-р усскаяравнпна представлена стоянками Костенки I, Тпмоновка, Елисеевичи, Елин-Бор, Ясаково (р. Ока), Золоторучье и Коприно (Верхняя Волга), Деркульская макролптическая стоянка (по раскопкам Локтюшева).

Сибнрь—-Мальтийская стоянка п стоянка у сел. Сростки (Алтай).

Арктический палеолит с Кольского полуострова был представлен сборами в районе Рыбачьего полуострова.

В. И. СЕЛИВАНОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ им. Н. Я. МАРРА в 1935 г.

Археологическая работа Государственной Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в 1935 г. проходила по трем основным направлениям: 1) археолого-экспедиционные работы, связанные с научно-исследовательской тематикой Академии, 2) археолого-экспедиционные работы, проводимые Академией в порядке охраны памятников на новостройках, и 3) издание материалов, получаемых в результате экспедиционной деятельности Академии в предшествующие годы. Археолого-экспедпцпонная работа на новостройках в некоторой своей части была увязана с исследовательской тематикой Академии.

Из экспедиций, проводимых Академией в порядке выполнения своего тематико-производственного плана, наиболее крупной являлась Саркелская экспедиция, продолжавшая работы 1934г. Осуществлялась она совместно с Азово-Черноморским краевым музеем коммунального хозяйства под руководством

действ, члена Института истории феодального общества академии М. И. Артамонова.

Работа экспедиции проводилась в районе станицы Цымлянской на Дону, на месте предполагаемого нахождения крепости Хазарского государства г. Саркела. Здесь производились раскопки курганного могильника, находящегося возле городища, раскопки девяти малых курганов и одного из больших в составе могильника, а также раскопки городища и поселения у Красног > Яра.

Курган оказался насыщенным погребениям::: в раскопанной его части было обнаружило 124 погребения. Все погребения большого кургана датируются XI в. Совершенно очевидно, что ку, ган этот сложился в порядке постепенного прибавления все новых и новых погребений и, в связи с этим, подсыпания насыпи. Первоначальное нредп ложение, что в основе кургана находится более древнее погребение, не подтвердилось. Погребения представляют интерес по тому инвентарю, который в них обнаружен. Найдено большое количество украшений, оружия; в числе украшен и й — разнообразные бусы, подвески, браслеты, золотые височные коль1 а и др.

Раскопки дали отчетливое пре ютавление о Саркеле в эпоху конца X—XI вв., т. е. о времени, слабо освещенном предшествующими работами. В слоях XI в. выступает совершенно отчетливо русский материал. Интересный материал получен но части конструкций и строительной техники позднейшего периода существования городища.

Раскопки городища у Красного Яра дали также весьма интересный материал. Здесь были обнаружены остатки сложного сооружения, представлявшего, по всей вероятности, землянку с круглой основой на столбах; на месте стоянки найдены остатки очагов, громадное количество кремня и костный материал. Расчистка ямы раскопа предшествующего года дала новый интересный материал: несколько серпов п др.

Азово-Черноморский краевой музей коммунального хозяйства получает в результате проведенной экспедиции значительный строительный материал, а такжз бытовой.

В экспедиции принимали участие 18 практикантов — студентов ЛИФЛИ, Истфака ЛГУ и др.

В 1935г. Академией совместно с Институтом истории материальной культуры Всеукраннской Академии Наук были возобновлены раскопки в Ольвии. Возобновление археологических работ в Ольвии, прерванных в 1932 г., было сильпо затруднено из-за отсутствия отчетов о раскопках за предшествующие годы: 1927-1932.

О л ь в п й с к а я экспедиция по числу вовлеченных в нее научных работников и по суммам, затраченным на нолевую работу, была самой крупной из всех археологических экспедиций 1935 г. Во главе экспедиции стояло бюро в составе: начальника экспедиции директора ПМК, заместителя начальника Л. М. Славина (ученый секретарь Института истории рабовладельческого общества ГАИМК) и ученого секретаря Ф. И. Молчановского. Полевая работ продолжалась всего 1 месяц 7 дней, с 9 сентября но 16 октября. Работы в основном были сосредоточены на двух участках: на раскопе «И», где работы ведутся уже в течение трех лет, п в нижней части Ольвии. Удалось закончить работу по открытию и изучению квартала города эллинистической эпохи. Здесь было открыто несколько зданий, из которых одно, находящееся на север от улицы, ведущей от места главных ольвийских ворот вниз, в гаванную часть города, определяется как храмовое, а другое, расположенное на юг от улицы, — как общественное жилое.

В истекшем году была проведена большая работа не только по раскрытию этих двух зданий, но и по описанию их как в части, раскрытой в этом году, так и в части, раскрытой в предшествующие годы. Проведена также работа по открытию и изучению северной оборонительной стены города, имеющей ширину от 2 до 3 метров. На протяжении, примерно, 100 м обнаружена глинистая подтрамбовка, сооруженная как субструкцпя для стены.

Раскопки 1935 г. дали богатейший материал для разрешения многих вопросов истории Ольвии.

Раскопки в нижней, гаванной части города производились на площади в 700 кв. м. Здесь экспедиция успела исследовать только римский слой, имеющий мощность от 2 до 3 м. Налицо большой культурный комплекс, относящийся к И —111 вв. н. э.; можно предполагать, что это остатки от пекарни: открыты две большие печи с чрезвычайно большими подами.

Кроме того, были проведены работы на некрополе, где были вскрыты 2 склепа, в которых обнаружено много интересных вещей, в том числе золотые изделия. Количество золотых вещей доходит до 100, причем среди них 63 лепестка от венка.

Для работников, работающих в Ольвии впервые, был организован семинар, в котором проводились занятия по методике и технике раскопок, по технике обмеров и т. п.

На месте работ было организовано до

25 экскурсий, преимущественно колхозников и совхозников из ближайших колхозов и совхозов, а также экскурсии школьников, студентов и профессоров Истфака Одесского университета, учителей и т. п,

Из экспедиций, организованных на места новостроек и увязанных с исследовательской тематикой институтов Академии, следует прежде всего остановиться на Керченской экспедиции, Камской и Алтайской.

Керченская археологическая экспедиция состояла из двух отрядов, из которых один производил раскопки древнего города Мирмпкия, в 6 км к северо-востоку от Керчи, а другой — раскопки в районе Камышбурунстроя — в 10 км к югу от Керчи. Раскопки в этпх местах велись Академией уже третий год и имели своей научной задачей изучение социально-экономической истории древнего Боспорского царства, в состав ботового входили города Мирмпкия иДия.

Экспедиция работала сначала под руково ictbom действительного члена Академии О. О. Крюгера, а затем — ст. научного сотрудника В. Ф. Гайдукевича.

Работа в Камыш-Буруне, на месте строительства железорудного Камышбурунского комбината, велась и на ранее раскапывавшихся и на новых участках. В результате раскопок этого года и предшествующих двух лет открыта мощная оборонительная стена в 100 м протяжением. Толщина сохранившихся стен местами доходила до 3 м. В связи со стенами выявлены канализационные каналы для отвода сточных вод из города за его пределы.

Расширение площади раскопок привело к открытию стены V в. до н. э. Ряд >м с оборонительными степами открыты интересные хозяйственные комплексы позднего времени, т. е. того времени, когда стены были уже уничтожены.

Раскопки городища дали целый ряд памятников, связанных с рыбопромышленным делом: почти каждый из раскопов открывал рыбозасолочные цистерны. В центральной части города в этом году обнаружен еще один крупный комплекс рыбозасолочных ванн, построенных из каменных цементированных плит. Раскопки этого года вскрыли и ранний средневековый период жизни городища. Обнаружены остатки большого дома, в котором оказалось 15 жерновов, несколько зернохранилищ с остатками пшеницы, много костей яшвотных, хозяйственной посуды и т. д.

Результаты работ другого отряда, производившего раскопки г. Мирмпкия, в основном сводятся к интересным открытиям на раскопе «Е»: там открыты еще две большие винодельни. Основное место в этих винодельнях занимает слегка наклоненная цементированная площадка, состоящая из трех отделений. Каждое из этих отделений имело свой резервуар, куда стекал виноградный сок. В боковых отделениях виноград подвергался сортировке, и затем его давили ногами; для окончательной выжимки сока он поступал на среднюю площадку, где подвергался механическому давлению посредством пресса, от которого сохранилось нижнее каменное основание. При раскопках виноделен обнаружено много глиняной римской посуды. Исследование прекрасно сохранившейся штукатурки, покрывающей те части виноделен, которые соприкасались с жидкостью, говорит за то, что применявшиеся для нее строительные растворы отличались большой прочностью.

Данные раскопок этого года чрезвычайно интересны и позволяют внести ряд очень существенных поправок и дополнений в историю Боспора.

Камская археологическая экспедиция, работавшая под руководством старшего научного сотрудника Института истории доклассового общества Академии И. А. Прокошева, продолжала раскопки в районе строительства Камской гидроэлектростанции по договору Академии с Гпдроэлектропроектом на охрану памятников.

Раскопки производились в нескольких местах. У оз. Грязного продолжались начатые в 1934 г. раскопки у хутора Астраханцева. Здесь была вскрыта площадь около 409 кв. м и были обнаружены остатки четырех неолитических жилищ. Жилища эти, четырехугольной формы, врезаны в землю на 50—60 см; имеются следы очагов, следы столбов, найдено много керамики, кремня и большое количество орудий.

После работ у хут. Астраханцева экспедиция разделилась на две партии, пз которых одна проводила рабочы у Турбине, а другая на Конегорском селище.

В Турбине в этом году вскрыта площадь в 250 кв. м. В результате проделанных работ удалось установить, что та группа погребений, которую обнаружил здесь во время своих раскопок покойный А. В. Шмидт, может считаться исчерпанной, так как никаких новых погребений на протяжении 10—20 м не обнаружено. Раскопки в Турбине дали интересный материал: найдены такие вещи, как нефритовые кольца, скребки, много кремневых вкладышей, удочка п т. п. Материал этот поможет определить облик верхнего селищенского слоя.

В дальнейшем экспедиция произвела пробные раскопки на Родановом городище. Здесь вскрыты остатки одного

жилища, довольно хорошо сохранившегося.

Здесь же обнаружен небольшой клад (бронзовые перстни, серебряные колокольчики, хрустальные п сердоликовые бусы и др.), который вместе с другим материалом позволяет датировать это городище XI в.

Кроме того, экспедицией произведены небольшие раскопки стоянки у ручья Гремячего и разведки по течению р. Чусовой, давшие много новых памятников: зарегистрировано около 20 городищ, селищ и могильников.

Полученные Камской экспедицией материалы представляют большой научный интерес для изучения истории Прикамья.

Алтайская экспедиция, организованная Академией по договору с Цудортрансом с целью обследования трассы строящегося Чуйского тракта, работала под руководством действ, члена Московского отделения Академии — С. В. Киселева. Экспедиция работала двумя отрядами, причем второй отряд состоял исключительно из местных научных работников (начальник отряда — директор Бийского музея т. Сергеев).

Первым отрядом обследовано 570 км трассы Чуйского тракта и зарегистрировано до 700 различных памятников. Основные раскопочные работы проводились в районе Курайской степи. Здесь были открыты интересные памятники: небольшие каменные курганы, содержащие в себе каменные ящики, в которых были скорченные костяки. Никаких вещей, позволяющих датировать эти памятники, обнаружено не было.

Оба отряда экспедиции затронули несколько курганов сибирско-скифского типа, типа Пазырык. Раскопки одного большого кургана дали погребение с тремя лошадьми, причем одна лошадь была вынесена на крышу погребения. Курган этот оказался разграбленым, и украшения в нем не сохранились. При раскопках погребений скифского типа собран большой антропологический материал.

Другую значительную группу погребений, вскрытую экспедицией, составляют погребения, условно называвшиеся погребениями Таиской эпохи. Здесь был раскопан ряд небольших каменных курганов, расположенных в 8 группах около с. Кура й п содержащих погребение с конем. Они дали интересный материал, причем обнаруженная здесь керамика относится к эпохе от VII до IX вв. В одном из погребений обнаружен прекрасно сохранившийся колчан, содержащий стрелы; в двух погребениях найдены прекрасно сохранившиеся сложенные вместе жернова мельницы. Эти находки приобретают особый интерес. Курайская степь носит следы оросительных сооружений; в настоящее время орошение рассчитаио на луговодство; находка же эта подтверждает мнение работающих там сейчас мелиораторов, что все это старое оросительное сооружение было рассчитано на полевое хозяйство.

В урочище Тадпла экспедицией раскопано 3 кургана. Здесь раі положено большое количество могильных сооружений самых различных эпох: каменные курганы типа Пазырыка, мелкие так лаз. танские курганы, и, наконец, каменные курганы, оказавшиеся принадлежащими к той же эпохе, что и погребения с конем. В одном из курганов урочища Тадпла при вскрытии могильной ямы, находившейся в центре погребения, на специальном уступе, всего только на 40 см ниже уровня почвы, был открыт склад вещей, положенных здесь, повпдпмому, в заключительной стадии погребального обряда. Склад состоял из серебряного кувшинчика, на донышке которого обнаружена орхонская надпись, поясного серебряного набора пз 65 блях с прекрасным рисунком и трех — с орхонской надписью на обороте, серебряного уздечного набора, ножа, костяной рукоятки резной скульптуры с великолепным рисунком и др. В основном погребении, в восточной части могилы, находились три лошади, одна из них с хорошими украшениями; покойник лежал в деревянной колоде и имел колчан и лук монгольского типа; здесь же найдены остатки прекраспой шелковой одежды, пояс, серебряные серьги; в ногах стоял котел скифской формы, в голове, за колодой — пара прекрасных стремян.

В другом кургане, близко напоминающем первый, найдены были две лошади, но весь инвентарь лежал непосредственно при погребенном. Покойник был одет в шелковую зеленую одежду; среди тканей была обнаружена часть пояса, состоявшего из золотых штампованных блях; при лошадях найден сбруйный набор.

Всего первым отрядом Алтайской экспедиции вскрыто 9 курганов, 2 больших кургана и 18 погребений, так называемых танскпх; вторым отрядом — одно большое погребение скифского времени и 6 танских курганов.

Терская экспедиция, работавшая по договору с Гпдроэлектропрогктом под руководством ст. научного сотрудника А. П. Круглова, имела своей задачей закончить разведочные изыскания, начатые в 1934 г., и провести более углубленное изыскание в районе сел. Казбек. Подробнее см. заметку А. П. Круглова в следующем номере.

Манычская экспедиция, работавшая под руководством действ, члена

Института истории феодального общества М. И. Артамонова, сосредоточила свое внимание на раскопках одного большого кургана, исследование которого было начато еще в 1934 г., и двух новых курганов меньших размеров, сохранность которых находилась под угрозой в связи с работами по сооружению Манычского канала. Под насыпью первого кургана было найдено погребение, несколько катакомб и одно ямное погребение. В двух других; курганах найдено несколько погребений в насыпи и несколько погребений в материке. Погребения катакомбного типа представляют большой интерес. Найдены кремни, каменные изделия, деформированные черепа и др. Раскопки дали чрезвычайно богатый и интересный материал.

Моздокская экспедиция работала под руководством профессора М. А. Миллера в районе строительства Северо-Кавказской ж. д. в Моздокском карьере, Экспедицией было произведено детальное обследование обрезов карьера, обнажающих культурные слои и древние погребения и ряд раскопов северного обреза. Затем было исследовано 3 кургана в прилегающей к карьеру степи и 1 курган на площади карьера. Всего было обнаружено 22 погребения, из которых 12 в курганах и 10 в грунтовых могилах. Был исследован также культурный слой участка древнего поселения площадью около 30 кв. м. Путем разведки была обследована вся окружающая местность и правый берег р. Терека, где производится разрушение курганов в связи с работами кирпичного завода.

Исследованный участок древнего поселения представлял собою культурный слой довольно редкого насыщения, начинающийся на 30 см ниже поверхности и охватывающий толщу свыше 1 м. Материал, определяющий культурный слой, состоял из фрагментов керамики и обломков костей домашних животных. Керамика, насыщающая культурный слой, однородна и датируется VI—IV вв. до н. э.

Вторая группа памятников, исследованных экспедицией, очень многочисленна и состоит только из погребений I—IV вв. н. э„ причем в одном из погребений был обнаруяхен деформированный череп очень типичной формы для Приволжских степей.

Третья группа памятников, охватывающих так называемых поздних кочевников и относящихся к VI—X вв., также представлена погребениями в курганах.

Таким образом, памятник в целом, расположенный на возвышении, огибаемом древним руслом Терека и разрабатываемом железнодорожным карьером, представляет собою исключительное насыщение предметами материальной культуры различных эпох на протяжении не менее 15 столетий. Памятник этот представляет исключительную историческую ценность особенно остатками древне скифского поселения.

Работа Ярославской экспедиции (начальник — ученый секретарь Института истории доклассового общества Академии П. Н. Третьяков) являлась продолжением работ 1934 г. в районе строительства Ярославской гидроэлектрической станции, по ее начало следует отнести к 1933 г., когда большая Средневолжская экспедиция провела обследование огромного участка по обоим берегам Волги, по Шексне, Мологе и по ряду притоков Волги, т. е. на том участке, которому угрожало затопление в результате сооружения двух гидроэлектростанций.

Задачей Ярославской экспедиции 1935 г. являлось окончание исследования памятников, раскопка которых была начата в предыдущие годы. Работы производились на городище IV—V вв. н. э., половина площади которого была вскрыта в 1934 г. Этот памятник представляет большой интерес. Жизнь на этом поселении продолжалась в течение очень короткого промежутка времени, и поэтому в нем не было никакого смещения слоев. В 1935 г. была вскрыта остальная половина городища, и, таким образом, это городище является первым, раскопки которого закончены целиком.

Задняя сторона городища оказалась менее насыщенной культурными остатками, а большая площадь его была вообще лишена их. Основная часть культурных остатков располагалась в пределах передней части городища и затем в вале. Памятник этот в целом чрезвычайно интересен. Это поселение с родовой патриархальной общиной, содержащее ряд жилых домов, погребальных урн, мельничных и ткацких помещений и пр.

Помимо этого, экспедиция производила раскопки селища того же времени, расположенного ближе к Ярославлю. Это селище не содержит остатков жилых сооружений, и задачей экспедиции было собрать дополнительный материал, что и было ею выполнено.

Под руководством того же П. Н. Третьякова работала Угличская экспедиция, имевшая своею целью обследование и изучение памятников в районе проектирования Угличской гидроэлектростанции.

В районе проектирования Калужской гидроэлектрической станции работала небольшая Окская экспедиция под начальством научного сотрудника Ин-

ститута истории доклассового общества М. М. Герасимова. Этой экспедицией была обследована траса выше г. Белева п зарегистрировано 120 курганов поздних славян, 3 неолитические стоянки, 6 поздних неолптпческпх стоянок; обследовано 5 городищ. Все обнаруженные стоянки оказались распаханными. В районе было зарегистрировано 20 больших курганов, группа курганов у Добропокровского. Здесь были произведены раскопки 6 курганов, но онп все оказались крайне бедными, и только в одном из них было обнаружено ненарушенное погребение. Кроме того, экспедицией был зарегистрирован еще целый ряд курганов, попадающих в зону затопления при строительстве гидроэлектростанции.

С конца октября до середины ноября в районе строительства Сухумской гидроэлектростанции работала Сухумская экспедиция под руководством действ, члена Института исторической технологии А. А. Иессена. Экспедицией обследован весь район строительства и проверены имевшиеся ранее сведения о находках памятников во время строительных и дорожных работ.

Были подвергнуты подробному обследованию курганообразные насыпи на Ш участке строительства, большая пещера и расположенные вблизи меньшие пещеры на восточном склоне ущелья Зап. Гумисты; сделан ряд раскопок до скалистого дна пещеры; в отложениях пещеры найдены многочисленные кости животных, расколотые человеком, а также угли, зола, точильные камни и отдельные обломки горшков, позволяющие относить все эти находки к средневековью пли к еще более позднему времени, и др. Обследованы две стоянки бронзового века.

В зоне строительства Сухумской ГЭС памятников, целости которых угрожают работы строительства, экспедицией ие обнаружено.

Кольская экспедиция, организованная Академией совмество с Советской секцией АИЧПЕ под руководством ст. научного сотрудппка Б. Ф. Землякова, имела своей задачей произвести разведку в районе Рыбачьего полуострова с целью производства там археологических работ в связи с возможностью нахождения следов так называемого арктического палеолита. Главным районом работы экспедиции был район Мотовской губы, граничащий с территорией Финляндии. Здесь было обнаружено 3 стоянки, две из них на западном берегу залива и одна на восточном. Самая высокая — 60 м над уровнем моря, затем 42 м и 35 м, т. е., примерно, на тех же высотах, что и находки арктического палеолита норвежцев и финнов. Кроме этого, были обнаружены стоянки на более низком уровне, которые можно датировать временем арктического неолита. Были обнаружены еще две стоянки, давшие материал несколько иного типа: здесь оказался кремень. Одна из стоянок дала небольшое количество орудий — несколько наконечников, довольно грубо обработанных, и, на ряду с этим, целую серию пластинок, скребков. Третья стоянка, расположенная к северу от поселка Озерки, дала материал, примерно, такой же, как обе первые стоянки. Экспедицией был собран некоторый кварцевый материал, кремневый и наконечники из халцедона и, наконец, обломки шлифованных орудии.

Кроме того, при обследовании береговых линий встречался в большом количестве разрозненный материал. Обнаружены также землянки, принадлежащие лопарям: ямы, располагающиеся группами п имеющие более или менее выдержанные формы вытянутого эллипсиса.

Сиецпальная небольшая экспедиция под руководством действ, члена Академии В. В. Данилевского работала в Феодосийском районе Крыма по изучению истории древнего водоснабженоя. Экспедиция получила богатый материал по технике средневекового водопровода. В результате ознакомления с материалами экспедиции местные крымские организации вынесли решение о восстановлении двух водопроводов. Проведено археологическое обследование и раскопки на Тепе-Оба и в балке Джан Кутаран (остатки армянского монастыря XV в. и его водопровода).

Совместно с Военноинженерной академией им. т. Куйбышева, Академией была осуществлена еще одна небольшая экспедиция в Крым, под руководством того же В. В. Данилевского, с целью произвести специальное обследование воепнопнженерных памятников. Экспедицией пронзве ено обследование памятников Феодосии, Судака, Чабак-Кале, Арабата, Балаклавы, Гераклеп, Херсонеса, Инкермана, Эски-Кермена и Мангуп-Кале.

По договору с Союзникельоловоразведкой Академией была организована Казахстанская экспедиция под руководством действ, члена Института исторической технологии А. А. Иессена, в составе которой работал Калба-Нарымскпй отряд. Экспедицией обследовано 15 древних разработок металлической руды зоны Калбинского и Нарынского хребтов.

Всего, таким образом, Академией проведено в 1935 г. 15 археологических экспедиций, давших богатый археологи-

чеекпй материал. Кроме того, академия принимала участие в работах Карельской экспедиции, организованной Институтом антропологии, археологии и этнографии Академии Наук и Этнографическим музеем, а также руководила большими раскопками в Новгороде, организованными Новгородским гос. музеем.

Московским отделением Академии в 1935 г. проведены экспедиции: Харакская (нач. — Ю. В. Сергиевский), Суварская (нач. — А. П. Смирнов), Коломенская и Калининская (нач.—Н. П. Милонов), Истринская (нач. — К. Я. Виноградов), Вауловская (нач. — Д. А. Крайнов), Гонцовская (нач. — А. Я. Брюсов), совместно с Институтом истории материальной культуры В У АН — Трипольская (Т. С. Пассек); а также оно принимало участие в Кубанской экспедиции ИАЭ АН СССР (н-к В. А. Городцов).

В течение 1935 г. Академией подготовлены к печати материалы Керченской археологической экспедиции 1933—1934 гг., материалы всех экспедиций 1934 г. и материалы Тпмоновской палеолитической стоянки (раскопки В. А. Городцова). Все эти материалы издаются в серии «Материалы по археологии СССР».

Н. Н. ТРЕТЬЯКОВ

ЭКСПЕДИЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ «АРКТИЧЕСКОГО ПАЛЕОЛИТА»

Геологическими и археологическими исследованиями последних лет, проведенными на севере Фенноскандип, получены чрезвычайно интересные данные, касающиеся древнейшего населения этой отдаленной области. Прежде всего было установлено, что северное побережье Этой страны в эпоху, последующую за максимальным оледенением, сравнительно рано освободилось от ледяного покрова. Дальнейшие исследования сделали известными здесь остатки культуры, исключительно архаичной по своему облику и, несомненно, весьма древней по геологическим данным. Эти культурные остатки, впервые обнаруженные в 1926 г. А. Нуммедалем, получили название «арктического палеолита».

В настоящее время на севере Норвегии и Финляндии, в результате работ ряда исследователей, установлено несколько десятков пунктов с подобными находками. Они располагаются в совершенно определенных условиях у древних береговых уступов или на древних береговых валах на высоте от 30—35 до 70 - 75 м над современным уровнем моря, что соответствует морским уровням эпохи (по балтийской схеме) моря Иольдия и начала Анцилового озера. В слоях галечника или на поверхности здесь залегают осколки и отщепы кварца, кремнистых пли зеленокаменпых пород, а также грубые каменные орудия, напоминающие скребки или режущие острия, изготовленные из этих материалов. По форме своих орудий «арктический палеолит» является совершенно оригинальным и не имеет ничего общего с памятниками верхнего палеолита или эпппалеолита Европы. Это обстоятельство немало способствовало тому недоверию, которое проявили к «арктическому палеолиту» многие исследователи как в Западной Европе, так и у нас в СССР.

Результаты работ экспедиции, организованной летом 1935 г. Советской секцией АИЧПЕ и Гос. Академией истории материальной культуры им. Н. Я. Марра на север Кольского полуострова с целью обнаружить там остатки «арктического палеолита», могут быть изложены здесь лишь в самом предварительном виде, так как полученные материалы, геологические и археологические, еще не закончены обработкой. Местом работ экспедиции являлась территория Рыбачьего полуострова, на финляндской части которого, вблизи советской границы, остатки «арктического палеолита» были обнаружены финляндским исследователем Таннером. Работы экспедиции, руководство которой было осуществлено Б. Ф. Земляковым, носили по преимуществу рекогносцировочный характер. Они имели своей задачей обнаружить памятники и установить пути и возможности их углубленного изучения в этом крае, трудном по своим климатическим условиям (70—71° сев. шир.) и благодаря отсутствию удобных путей сообщения.

Местонахождения «арктического палеолита», как это было установлено Нуммедалем, Таннером и другими исследователями, располагаются преимуще-

ственно в местах, защищенных от действия холодных северных ветров, т. е. в глубине бухт, в фиордах, а не на открытом берегу моря. Исходя из этого обстоятельства, работы экспедиции былп сосредоточены в глубине Мотовской губы, представляющей собою глубокий залив, защищенный с севера скалистым массивом Рыбачьего полуострова. Произведенные исследования показали, что экспедиция не ошиблась в своих расчетах—побережье Мотовской губы оказалось буквально усеянным древними памятниками, среди которых были открыты и местонахождения «арктического палеолита».

В итоге своих относительно кратковременных работ экспедицией были выявлены три пункта с находками «арктического палеолита», три неолитических стоянки, до десяти иунктов со следами обработки кремня и кварца, относящихся, невидимому, также к неолитическому времени, и, наконец, шесть пунктов с остатками древних «лопарских» землянок.

Наибольший интерес представляют, несомненно, древнейшие памятники. Стоянки «арктического палеолита», давшие большое количество расколотого кварца п ряд орудий из этого материала, преимущественно в виде скребков, были обнаружены на гребнях береговых валов на высоте 33—60 м над уровнем моря. Следует думать, что стоянки были расположены не на самом берегу и, следовательно, уровень моря в ту эпоху был несколько ниже указанной высоты. Это позволяет относить стоянки ориентировочно к эпохе Анцнлового озера, или несколько более поздней поре. Следовательно, по времени они должны соответствовать древнейшим памятникам Скандинавии, таким, как Маглемозе пли кьеккенмоддингп.

Неолитические стоянки былп обнаружены на низких морских террасах на высоте 10—15 м над уровнем моря. По характеру своих находок они заметно отличаются от предыдущих. Кроме орудий из кварца, здесь встречены изделия из кремня и халцедона: скребки, наконечники стрел и копий, массивные острия. Заслуягпвает внимания присутствие шлифованных орудий, повторяющих формы орудий «арктического неолита» Скандинавии, хорошо известного по работам Брбггера. Следов глиняной посуды не было обнаружено ни на одной из обследованных стоянок. Любопытно, что все стоянки отличаются исключительно небольшой протяженностью. Их площадь исчисляется лишь несколькими десятками кв. метров.

Остатки древних «лопарских» поселков также весьма интересны. На некоторых из них были сняты точные планы расположения землянок п сделаны промеры самих полуподземных жилищ. Поселки состояли из 20 - 30 ягплпщ, размером преимущественно 4 X 7 м. Наиболее характерной формой остатков землянок являются овальпо-нрямоугольные ямы с примыкающими к ним со всех четырех сторон канавообразнымп спусками. Глубина ям достигает 1 м. Подобные землянкп были исследованы в Финляндии Таннером и дали находки, состоящие из камепных и костяных орудий, близких «арктическому неолиту». Время этих памятников более точно пока не является выясненным-

Э. В. З И БЕРТ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ НА АЛЯСКЕ

В конце 1933 г. президентом колледжа земледелия на Аляске и горной школы в Фербэнксе С. Е. Bunnel и его спутниками во время полевых работ был сделан случайно ряд археологических находок. Об открытии сообщили Американскому музею естественной истории. В июле 1934 г. Jack Dorsh под руководством Dr. Bunnel произвел расконкп на указанном участке. Было найдено около 400, большей частью разбитых, предметов. В числе найденных предметов пмеются каменные молотки, тесаные наконечники для метательных орудий, многочисленные отщепы, около двадцати нолуконпческпх кремневых ядер и значительное количество небольших концевых скребков. Весь материал был обработан в палеонтологической лаборатории; судя по сообщению в апрельском номере за 1935 г. ягурнала «Natural History», он относится к концу палеолита пли к азпльско-тарденуазской стадии.

Особенный интерес представляют собою кремневые ядра и концевые скребки-

которые во многих отношениях сходны <5 предметами, найденными в 1925—1928 гг. Центральной Азиатской экспедицией в пустыне Гоби.

Это открытие впервые дает нам конкретный археологический материал по Аляске, относящийся к столь раннему периоду. Этот материал имеет большое значение для выяснения взаимоотношений древних народов Азии и Америки.

Н. ЗАХАРОВ

ПОГРАНИЧНОЕ УКРЕПЛЕНИЕ БОСПОРСКОГО ГОСУДАРСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И КРАСНОБАТАРЕЙНОЕ ГОРОДИЩЕ

Территориально Боспорское государство на Северном Кавказе упиралось ® обширные болотистые пространства, расположенные от берегов Азовского моря до течения р. Кубани и сохранившиеся до последнего времени под именем «плавень». Далее к югу шла узкая полоса твердой земли на пространстве нескольких километров на левом берегу Кубани от этой реки до гористых гряд Кавказа. Затем шли покрытые густым лесом с болотами в долинках отроги Кавказа, труднопроходимые еще в начале XIX в., как известно из истории военных походов на завоевание Анапы, и, наконец, Черное море.

Указанная выше полоса земли шириной до 3—4 км в районе хутора Красная Батарейка была покрыта лесом, теперь вырубленным. В результате сведения леса обнаружились следы вала, являвшегося укреплением, видимо, вместе с указанными естественными препятствиями, закрывавшими доступ на территорию Боспорского государства из Северокавказских степей. Этот район обследован в течение 3 лет Н. А. Захаровым вместе с научн. работником Новороссийского музея Г. Ф. Чайковским и научным работником Адыгейского музея Г. А. Марточкиной. Вал, ясно сохранившийся на пространстве более 1 км, имел ров, наполнявшийся водой из реки, в которую он упирался. В систему его входила высокая «Батарейка» — курган высотой свыше 30 м с широким кольцевым рвом, видимо, также наполнявшимся водой.

За валом сохранилась высокая насыпь цитадели со рвами (рис. 1). Вскрытиями здесь обнаружены: большой камень со знаком боспорского правителя Тиберия Юлия Эвнатора (154—173 г. н. э.). замок античного времени и много остатков строительного материала, в том числе прямоугольные кирпичи, плоская черепица, глиняные обожженные трубы колинтеры, железные гвозди и, наконец, фрагменты штукатурки на мелкой толченой морской ракушке, окрашенной в красный цвет, характеризующие присутствие здесь богатого строения.

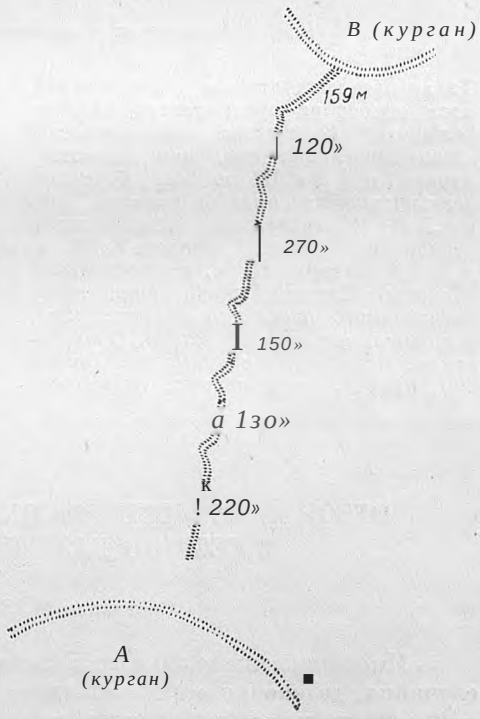


Рис. 1. План расположения следов вала

На месте входа в цитадель, рядом с камнем со знаком были найдены остатки пшеничных зерен в разбитом сосуде. Зерна эти типа Tr. vulgare, описанные Фляксбергером в Архиве истор. науки и техники, вып. 2, стр. 175—176, известны руководителю

работ из находок его на Краснодарском городище. Цитадель, обложенная па склонах мелким камнем, выходила одной стороной в существующее поныне болотистое пространство. Поверх этой высокой каменной кладки были, видимо, деревянные палисады, принятые здесь и известные еще ранее из описания Диодора Сицилийского.

Пребывание здесь боспорскнх воинов, охранявших этот важный пункт связи Северокавказскпх степей с городами Таманского полуострова и Горгпппией, дает основание предполагать наличие большого количества обращавшихся здесь денег, так как, как известно, период с I по Ш в. был периодом возвышавшейся оплаты римских воинов. II действительно, находки здесь боспорских монет, начиная с I в. и до 1-й четверти III в., исключительно обильны. Следами пребывания здесь автохтонного населения являются ямы, в которых оно, видимо, жило. Обследованное погребение с кромлехом (около 300 камней, окружавших невысокий курган) с остатками костяка со следами красной охры принадлежит, видимо» представителю этого населения (рис. 2). Найдепы здесь также сосуды с бусами и сожженными костями, характеризующие принятый здесь обряд трупосожженя.

Кроме того, обследовано еще 3 некрополя, различные по своему характеру.

Присутствие указанных выше зерен пшеницы говорит о том, что эта пшеница являлась, видимо, запасом для питания воинов. Если находки на среднем течении р. Кубани дают основание видеть здесь производство пшеницы рядом с культурой проса, то на Красной Батарейке нет еще оснований видеть у местного населения, жившего в этом болотисто-лесном предгорном районе, следов занятия им культурой пшеницы.

Среди обильного керамического материала бытовой утвари можно отметить найденное изображение человека в 7 см, рельефно слеланное на серой глине, повпдпмому, древними аборигенами.

Рис. 2. Курганчик с кромлехом из «Красной Батарейки».

ОБЗОР АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК ЗА 1934—1935 гг. В СССР ПО ГАЗЕТНЫМ СООБЩЕНИЯМ

Составила М. З- ПАШ1ЧКИНА

Многочисленные археологические находки, постоянно обнаруживаемые случайно, далеко не всегда попадают в руки специалистов, еще реже, попав в провинциальные храпилища, немедленно делаются предметом специального изучения и публикации. Очень часто сообщения в местной газете являются единственным следом, оставленным в печати, но эти сведения почти не доступны специалисту. Поэтому систематический учет и составление обзоров газетных сообщений, могущих быть весьма полезными при картировании археологических находок, составлении планов исследований, и т. д., является насущной необходимостью. Редакция считает полезным давать их систематически на страницах «Советской археологии».

I. Случайные археологические находки

Европейская часть СССР

ф В 12 км от Зарайска местные колхозники обнаружили два бивня мамонта, длина которых около 1 м кая;дый.

Находка передана в Москву, Музейному управлению Наркомпроса.

а*Комсомольская правда», 16 января 1935 г.*

ф На участке строительства завода в с. Чагпно Ленинского района, у ст. Люблино, Моек, обл., по сообщению техника завода «Можерез» Канна найдены кости мамонта. На месте находки обследование костей произвел сотрудник Института эволюционной морфологии и палеозоологии Беляев, которым установлено, что одна из найденных костей является плечевою костью мамонта. Длина ее 80 см. Другая из найденных костей является лобной частью со стержнями рогов ископаемого быка. Эта кость найдена на территории завода.

«Известия» ЦИК СССР, 24 июня 1935 г.

ф Рыбаки Зобнпнского колхоза, Кинешемского района, вытащили сетями со дна реки Елнатп нижнюю челюсть мамонта с двумя коренными зубами.

Находка передана в Городской музей.

«Рабочий край» (Ив.-Возп. обл.), 20 июля 1935 г.

ф В Рыбинский музей доставлен клык мамонта, найденный в Рыбинском районе. Обследованием Краеведческого музея обнаружено 6 «кладбищ» мамонтов, расположенных в 5 км от Рыбинска между Волгой и Мологой.

На оз. «Холман» возле фарфоровой фабрики обнаружено городище IX-X вв.

«Рабочий край», 29 сентября 1935 г.

0 Рабочий ст. Тула Гребес доставил в Краеведческий музей бивень мамонта, найденный им на перегоне Ревякпно-Лаптево, на полотне железной дороги. Длина обломка бивня 87 см.

«Коммунар», 22 февраля 1935 г.

ф В береговых обрывах рр. Иргнза, Камелика и Сестры Саратовским местным музеем найдены остатки ископаемых животных— мамонтов, носорогов, зубров, нижней челюсти пещерного медведя, Кроме того, обнаружены остатки растений в виде торфяных прослоек, мощностью в 15 м. Выше слоя болотных отложений лежат желто-бурые глины, в которых найдены кости степной лошади, быка, косули, оленя.

«Правда Саратовского края», 23 октября 1934 г.

® Работники Хвалынского музея обнаружили недалеко от г. Хвалынска, на берегу Волги, «кладбище» ископаемых животных — мамонта, зубра, носорога, пещерного медведя, древнего верблюда,— кости человека и его орудия.

На меловых горах возле Хвалынска обнаружено 17 городищ, внутри которых найдены жертвенники, очевидно, принадлежавшие финнам и относящиеся к периоду за 3—4 столетия назад.

«Колигунист», Саратов, 4 сентября 1935 г.

ф В Болыпебясском районе, Куйбышевского края, на берегу реки найдены два бивня мамонта. Каждый бивень весит 25 кг.

//. О. *«Правда», 31 июля 1935 г.*

ф Близ хутора Колпачки в Калачевском районе (Поволожье), в речке Карповке найдена лопатка мамонта.

Находка хранится в правлении Колпачевского колхоза.

«Поволжская правда», 15 октября 1934 г.

ф На левом берегу р. Урала, против речки Каргалки, колхозник поселка Чернореченского Д. А. Кузнецов нашел рог оленя.

Находка передана в Музей.

«Оренбургская коммуна», 8 июля 1935 г.

ф Агент Тапыпского Леспромхоза, Калтасиискоro района, Миронов на правом берегу р. Таныпа нашел часть зуба мамонта, а на левом берегу —часть рога неизвестного доисторического животного.

«Красная Багикгрил», 22 марта 1935 г.

ф В Мраковском, Мншкнпском, Благовещенском, Сопорнинсвом и Бурзянском районах Башкирии обнаружены в большом количестве кости мамонта.

На строительстве Демского моста, на железной дороге Уфа — Ишимбаево также найдены кости мамонта.

Находки переданы в Башкирский музей.

«Красная Башкирия», 3 февраля 1935 г.

Ф В деревне Тиянги-Тамак, Ворошиловского района (колхоз «Магариф»), найдены кости мамонта.

В окрестностях Казани на р. Сумке в 1934 г. также найдены кости мамонта.

В с Мысах, Лаишевского района, и на р. Меше, Казанского района, найдены бивни п зубы мамонта.

В с. Савине на Каме, близ Чистополя, обнаружены позвонки, лопатки и тазовые кости мамонта.

На песчаной косе Волги у В. У слона и на Красновидовской косе обнаружены вымытые водой ребра мамонта, кости бизона и носорога.

«Красная Татария», 20 .пая 1935 і.

ф На торфоразработке «Пустовский мох» (Западная область), на глубине 3 м обнаружена часть скелета мамонта.

«Рабочий Путы. (Смоленск), 12 .парта 1935 1.

ф В с. Любоши, Дятьковского района (Заи. область), был найден зуб мамонта. Подобные находки к Любоши повторялись неоднократно.

На железнодорожной линии Вязьма—Брянск в г. Дятьково при рытье котлована найден череп носорога.

«Рабочий путь», 9 марта 1935 г.

ф В с. Манюково, Новозыбковского района (Зан. обл.), гр. Рубан найден рог лося. Рог имеет 4 отростка, 2 длинных н между ними 2 коротких.

Находка передана в Новозыбковскпй музей.

и Рабочий путь», 24 июля 1935 г.

ф В р. Ипуть, в урочище Каменка Новозыбковского района, гражданином с. Новые Бобовпчи найден сустав ноги мамонта.

Находка передана в Новозыбковский музей.

«Ударник», 10 января 1935 ?.

ф На р. Вологде между затоном Векса и Лимендинскпми заводами рыбаки вытащили неводом с речного дна часть нижней челюсти мамонта.

На р. Сухонп около Наземскпх Исад найдены также кости мамонта,

к*Северный комсомолец», 23 октября 1935 »,*

ф Близ с. Лая, Тагильского района, на глубине 9 м артелью старателей найден клык мамонта длиною в 2.9 м.

Там же найден и зуб мамонта.

Находки переданы в Тагильский краеведческий музей.

«Колхозный путь», 30 октября 1934 г.

ф На берегу р. Лозьвы, в 7 км от с. Шабурова (Урал) краеведы из Таборинского Леспромхоза обнаружили в воде скелет мамонта. Часть скелета оказалась вымытой из двухметрового слоя торфа, покрытого глиной.

«Уральский рабочий», 29 сентября 1935 І.

— В Зпмнянском логу (Урал) на глубине 8 м А. Д. Власов нашел два коренных зуба и копытпую часть ноги древней лошади.

«Уральский рабочий», 28 апреля 1935 «.

ф В районе р. Сосьвы, близ деревни Артюшкп (Урал), рабочий Химлесхоза Князев нашел череп мамонта. В этом же месте Князевым в 1934 г. найдена часть скелета мамонта, переданная им в музей Дворца культуры.

*«Уральский рабочий», 15 января 1935 *.*

ф В колхозе «Красный Восток», Комбулатовского сельсовета, Бишкильского района, старателями золотых приисков Циквным и Замотаевым на участке Медведевского зерносовхоза (бывш. Тимин Лог) найдены кости мамонта.

«Челябинский рабочий», 27 сентября 1935 І,

ф В дер. Алешуниной, Боровицкого сельсовета, Фоминского района (Поволжье), на небольшом увале, на берегу оз. Виша, на поверхности земли найдены обломки керамики, глиняные сосуды, кремневое орудие и обломок кремневой трехгранной стрелы.

Находки переданы в Горьковский краевой музей.

Местные жители сообщают, что в 3—4 км от дер. Алешуниной, на берегу о. Виша, также встречаются подобные находки.

«Горьковская коммуна», 21 октября 1935 г.

f В с. Рыбном, Вольского района (Поволжье), на значительной глубине найдена челюсть человека, обломки керамики и следы очага.

«Коммунист» {Саратов), 20 августа 1935 t.

ф В песках среднего бассейна реки Оскола, в Валуйском и соседних с ним районах, местными краеведческими кружками, главным образом валуйекими школьниками, собрана коллекция» содержащая кремневые наконечники стрел, ножи, скребки, ядрища, обломки глиняной посуды с орнаментом из отпечатков пальцев, шлпфовапные молоты, крупные глиняные бусы. В медовых обрывах рр. Оскола и Валуя краеведами обнаружен ряд пещер с признаками древнего обитания.

«Оренбургская коммуна», 17 ноября 1935 «.

ф На берегу р. Свпяги, в песке, механиком кирпичного завода Киселевым найден костяной гарпун.

Находка передана в местный музей.

< | Волжская коммуна», 26 сентября 1931 1.

ф В г. Лпвны, на улице, на глубине полуметра, найден каменный топор с опоясывающим желобком-шейкой, для привязывания его к рукоятке.

Находка известна краеведу т. Шилову.

«Курская правда», 15 ноября 1935 г.

ф По р. Болве, от г. Песочни до впадения Болвы в Десну, бежецкими краеведами найдены: зуб мамонта, обломки кремневых орудий, керамика, курганы, селища и городища, значительной сетью разбросанные по выступам над Болвой.

«Рабочий путь». 25 декабря 1934 г.

ф На усадьбе Кармановской МТС, Западной области, на глубине 1 м от поверхности земли, найдено 5 кремневых шлифованных молотков разной формы и разного размера, два каменных долота, с шлифованными, острыми, ровными лезвиями, и 2 сосуда.

Находки переданы в Смоленский исторический музей.

«Рабочий путь», 17 июля 1935 г.

ф На берегу р. Пинегн, Северного грая, около колхоза им. Сталина, Пннежского района, колхозниками дер. Сомполье найдены каменные топоры, наконечники стрел и копий.

Находки переданы в Архангельский музей.

а Ленинградская правда», 14 ноября 1934 г.

ф На строительстве Орского Локомотивстроя при рытье котлована обнаружено погребение с сохранившимися костями человека, оружием п другими бронзовыми и каменными предметами.

О находке сообщено местным краеведам.

«Волжская коммуна», 26 ноября 1934 г.

ф В районе Поволжья, на территории Куйбышевского Дома отдыха водников, обнаружен могильник, в котором вскрыты отдельные погребения. В них найдены женские и мужские скелеты. С женскими скелетами обнаружены бронзовые, орнаментированные браслеты, застежки, пряжки, бусы, кольца, родовые знаки, вырезанные на бронзе. Возле мужских скелетов найдены стрелы и секиры. Рядом с одним скелетом находились кости лошади.

Кроме того, найдены монеты с татарскими надписями.

«Горьковская коммуна», 28 сентября 1935 !.

ф В поселке Боженкуль, Байнеткорского района, найден каменный наконечник стрелы.

По определению ироф. Дравера находка относится к андроновской культуре.

«Прикаспийская правда», 24 мая 1935 г.

ф В Дувалпнском районе, Южной области, при постройке шоссейной дороги найдены древние кувшины, блюда, ручные жернова. Большинство предметов хорошей сохранности.

Находки переданы Областному краеведческому музею.

«Прикаспийская правда», 8 июня 1935 «.

0 В окрестностях г. Издешково краеведом Фроменковым из дер. Яковнно, Каблуковского сельсовета, Издешковского района, обнаружены курганы и 2 городища.

а К обочин путь», 29 декабря 1934 '.

ф В дер. Артемьево, Домлатьковского сельсовета, Александровского района, при земляных работах обнаружен глиняный сосуд с серебряными монетами XVI—XVII вв.

Находки переданы в Ивановский музей.

Ц. О. «Правда», 3 октября 1934, см. также «Ленинец» (Иваново), 30 сентября 1934 «.

ф В Коврпнский краеведческий музей доставлены медные монеты чеканки XVIII в., которые секретно хранились в церкви с. Малые Всегодичи.

«Рабочий край» (Ив.-Возн. обл.), 12 сентябри 1934 г.

ф В г. Казани против Кремля, на ул. Баумана при проводке канализации найдены древние монеты и оружие.

На Банковской улице обнаружено скопление скелетов, относящихся к XVI в.

О находках сообщено в Центральный музей, который взял на себя наблюдение за дальнейшими работами.

«Красная Татария», 4 октября 1935 г.

ф Близ с. М. Барышка (Поволжье), сурскими краеведами в разрушенном могильнике найдена сабля татарского типа.

«Волжская коммуна», 17 ноября 1935 г.

ф В районе Средней Волги местными краеведами, на основании архивных материалов, найдено около 100 древних рудников, из которых 10—меднорудные, 9—железные и 5—серные. При обследовании рудников, расположенных в Оренбургском районе, под обвалом земли найдены человеческие скелеты, кожаные сумки, набитые рудой.

Местное бюро краеведения предпринимает составление карты расположения рудников, а также разрабатывает исследовательские маршруты.

Ц. О. «Правда», 21 декабря 1934 г.

ф Под Орском, в районе новостроек, между двумя казахскими аулами, обнаружена кольчуга, сделанная из железных колечек, диаметром в 1 см и толщиной в 1—Н/2 мм каждое. Внизу передней полы кольчуги впаяна медная бляха с надписью на арабском языке и цифрой 304.

Находка передана в Оренбургский областной музей.

«Горьковская колигуна» 23 августа 1935 г.

ф В Оренбургском районе геолого-разведочной партией обнаружен могильник, X в. н. Э-, содержащий стрелы, шлемы, нарукавники.

«Горьковская ко.п.пуна», 23 августа 1935 г.

ф Колхозником Липаииным артели «Путь Ленина», Бугурусланского района, найден в поле железный наконечник стрелы, поводимому относящийся к XII—XIII вв.

Находка передана в Бугурусланский музей.

«Оренбургская коммуна», 20 шоня 1935 г.

ф В 10 км от Куйбышева обнаружен могильник XIV—XV вв., в котором найдены оружие, а также золотые, бронзовые и серебряные украшения.

Ц. О. «Правда», 10 июля 1935 г.

ф В колхозе «Канаш», Куйбышевского пригородного района, колхозник Е. Белов на огороде нашел чугунный сосуд с серебряными монетами, выпуска времени Петра I, Елизаветы и Екатерины II.

«Волжская коммуна», 24 мал 1935 г.

ф В лесах Дубинского и Зубово-Полянского районов Мордовской республики обнаружено пять городищ-крепостей XVI—XVII вв.

В с. Ппмбуре найдено около 1000 серебряных монет, арабских, персидских п древнеру ских.

И. О. «Правда», 10 февраля 1935 г.

ф В дер. Кромки, Горно-Марийского района, крестьянин Кирилл Кузмич Лихачев в земле обнаружил глиняный сосуд, в котором оказалось 250 медных монет 1784—1786 гг. Почти все монеты копеечного достоинства, из них 8 штук трехкопеечные и 4—двухкопеечные. Монеты весят до 50 г каждая.

«Марийская правда», 15 августа 1935 г.

ф В поселке Зеленый Борок, Перёвозского сельсовета, Западной области, Мария Абросимова нашла на своем огороде 125 серебряных богемских монет XIV и начала XV вв.

Абросимова передала находку в Новозыбковскпй музей.

«Известия» ЦИК СССР, 3 апреля 1935 г.

ф В г. Смоленске, на территории строительства Льнокомбината (на площади, где прежде был базар) землекопы обнаружили погребения в дубовых гробах, относящиеся к XV—XVI вв. Гробы выдолблены из целого дуба. Там же найдено каменное ожерелье.

«Рабочий путь», 30 июня 1935 г.

ф В г. Смоленске, на обрыве городского вала, учеником Георгиевым найден железный топор, грубой кустарной ковки, с закругленным лезвием, с высеченным знаком «XII», длиною 40.4 см, весом 3.4 кг.

«Рабочий путь», 3 июля 1935 г.

ф Близ дер. Заэран, Кадуйского района, Ленинградской области, А. К. Мишенькин из колхоза «Новый путь» нашел 1958 серебряных монет, возле которых обнаружен глиняный сосуд. Монеты относятся к эпохе «Великого Новгорода».

О находке Мишенькин сообщил в районное отделение милиции.

«Красная газета», 26 марта 1935 г.
«Ленинградская правда», 23 апреля 1935 г.
Ц. О. «Правда», 25 апреля 1935 г.
«Порховская правда», 25 апреля 1935 г.

ф В дер. Подборовка, Старорусского района, у впадения р. Ловать в Ильменское озеро кр. Лохина нашла в земле сосуд с медными персидскими монетами, гирями и весами.

О находке было сообщено в Гос. Эрмитаж, сотрудник которого Ф. М. Морозов собрал у крестьян лишь разрозненные части находки.

«Комсомольская правда», 11 марта 1935 г., см. также «Красная газета.» 11 ггюня 1935 г.

ф В лесу, недалеко от р. Впхлис — притока р. Паши (Ладожский район), на глубине 30 см от поверхности, местным охотником найден медный котел, в котором оказалось 11 000 целых серебряных монет, 1000 обломков и серебряный слиток. Монеты являются немецкими, датскими, саксонскими, чешскими, итальянскими, а также входят восточные с куфическими надписями халифатов, месопотамские, персидские, монеты Центральной Азии и т. д.

Находка передана в Гос. Эрмитаж.

«Смена», 3 ноября 1934 г.; см. также «Ленинградская правда», того же числа 1934 г.

ф В г. Кирове, по ул. Халтурина, в огороде д. № 33, на месте бывшего рва, окружавшего посад города, Вл. Пономаревым найдено 14 медных византийских монет.

Находка передана Владиславом Пономаревым в Исторический отдел Кировского краевого музея.

«Кировская правда», 24 сентября 1935 г.

ф В г. Кирове, в райопе строительства Дома Крайисполкома рабочие обнаружили древнее кладбище, относящееся к XVII—XVIH вв., на котором сохранились остатки костей человека, медные кресты, монеты начала XVIH в., изразцы XVH в., слюда, ручные каменные жернова.

«Кировская правда», 28 сентября 1935 г.

ф На Малой Северной Двине, между Котласом и Великим Устюгом, в местечке Городок, в насыпном вале кольцеобразной формы, обнаружена железная дверь. О находке сообщено местным учреждениям.

«Вечерняя Москва», 11 ноября 1935 г,

ф В Свердловский краеведческий музей доставлена серебряная монета, относящаяся к началу первого тысячелетия н. э.

Монета найдена на побережье Черного моря.

«Труд» (Свердловск), 6 апреля 1935 г., см. также «С.пен а», 6 апреля 1935 г.

ф В 3 км от Тагила, на Лапиной горе, на глубине 2 м, группа рабочих обнаружила горшок, наполненный 70 серебряными монетами, достоинством в 1 рубль каждая, времени Петра I и Екатерины II. Общий вес монет около 4 кг.

Монеты переданы в Тагильский краеведческий музей.

«Известия» ЦИК СССР, 17 октября 1934 г.; см. также «Лен. правда», 18 октября 1934 г.
«Колхозный путь», 18 октября 1934 г.
«Уральский рабочий», 20 октября 1934 г.

Украинская ССР

ф В Днепропетровске, в карьере Завода на Аптекарской балке, на глубине 8—12 м, в песчано-глинистых наносах найдены кости мамонта — нижняя челюсть с зубами и кости конечностей, зубы первобытной лошади, челюсть небольшого хищника, а также значительное количество древесного угля.

«Звезда» (Днепропетровск).

ф При земляных работах, на строительстве Днепрогэса обнаружены шлифовальные каменные плиты.

Находки переданы в Харьковский исторический музей.

«Известия» ЦИК СССР, 15 .пая 1935 г.

ф В Киевский институт материальной культуры доставлен древний челн, найденный в торфяной массе близ с. Червонного, Андрушевского района. Челн хорошей сохранности. Длина его 1½ м, ширина 0.70 м.

Древность челна ориентировочно определяется в 2000 лет.

«Известия» ЦИК СССР, 17 ноября 1934 г.

ф В с. Александровка, Днепропетровского района на огородах колхоза им. Карла Лпбкнехта, на глубине около 1 м, найдена большая глиняная амфора, вместимостью около 2 ведер.

Находка передана в Днепропетровский исторический музей.

«Звезда», 6 ггюня 1935 г.

ф Иа горе Карачун, Сдпз р. Славямска, рабочие меловых карьеров нашли 2 сосуда, покрытые орнаментом, и череп человека.

*«Соц. Донбасс (Сталине), 15 октября 1935 *.*

ф Рыбацкая артель «Красный маяк» вытянула неводом в р. Конка греческую амфору.

Находка передана в местный Исторический музей.

«Известияь ЦИК СССР, 17 апреля 1935 ?.

9 В с. Кочкаревке, близ Никополя, найден железный орнаментированный шлем, с изображениями на нем женщин, животных и растений. В нижней части шлема расположены надписи.

Находка передана в музей Дненрострои.

«Челябинский рабочийв, 14 апреля 1935 t.

ф В Троянове колхозник артели «Большевик» Андрей Прплипко нашел сосуд с 562 польскими серебряными монетами.

Прилпико передал находку Бердичевскому историческому музею.

«Исеукраинский пролетарий», 25 *.пая 1935 1.;*
.см. также «Коммунист», 27 мая 1935 г.

ф В с. Райки, Бердичевского района, во время раскопок обнаружена литейная и кузница, относящиеся к XIII столетию.

«Рабочая Москва», 23 мая.

ф В Киеве, при прокладке водопроводных труб по ул. Короленко, обнаружены остатки ворот древнего города.

По мнению Института материальной культуры Украинской Академии Наук .рто фундамент «Батыевых ворот».

Ц. О. «Правда», 17 мая 1935 г.; см. также «Известия» ЦИК СССР, 21 мая 1935 г.

ф В Киеве, на правом берегу Днепра, при земляных работах, найдены остатки деревянной стены, представляющие частокол из крупных сосновых бревен. Стена идет вокруг Киево-Печерской .лавры.

«Вечерняя Москва», 21 июня 1935 ?.

ф В Киеве во время земляных работ обнаружены древние памятники: 1) остатки «Ярославова вала»; 2) в парке Дворца пионеров и октябрят, над обрывом Днепра, обнаружены погребения в два яруса. В двух погребениях пайлены глиняные сосуды; один из них орнаментированный.

«Ир олетарий» (Киев), 1S июля 1935 к

ф Колхозники Ново - Нетрпковского сельсовета, Старо-Каранского района, (Донбасс) во время земляных работ обнаружили подземный ход, идущий по направлению к кургану.

О находке сообщено Украинской Академии Наук.

«Пролетарий», 8 июня 1935 1.

ф В дер. 'Гралеспн, Белпничского района, найден глиняный кувшин с монетами XVH в. Большинство монет — польские, остальные — московские, немецкие, испанские.

Находка передана в Могилевский музей.

Ц. О. «Правда», 23 декабря 1934 г.

Северокавказский край и ЗСФСР

ф Таганрогскими краеведами найдено на месте раскопок курганов, близ завода им. Андреева, скопление костей ископаемых животных — южного слона, первобытного быка, оленя, верблюда.

Ц. О. «Правда», 18 ноября 1934 ».

ф На Малкпнских золотоприисках в районе Нальчика найден бронзовый топор, имеющий вид пластины, со слегка закругленным лезвием; длина топора 19 см. Находка относится к бронзовому веку. Передана в Областной музей г. Нальчика.

«Ко.псомольская правда», 10 мая 1935 ».

ф В совхозе «Южные культуры», Адлерского района, при закладке нового питомника цитрусовых растений найдены обломки глиняной посуды, кинжалы и ряд других предметов.

«Армавирская колшуна», 14 февраля 1935 и

| В с. Ново-Мпхайловке, Туапсинского района, найдено погребение, состоящее пз 6 высеченных каменных илпт, внутри которых обнаружен человеческий скелет, сабля длиною в 1*/2 м, сосуды, пять металлических наконечников стрел.

«Молот» (Ростов н/Д), 5 ноября 1935 г.

ф В с. Ново-Грековка, Матвеево-Курганенского района, в 50 км от Таганрога, во время земляных работ, у подошвы большого кургана, на глубине 1 м найден двухсторонний зкелезный топорик.

Находка передана ростовскому археологу Миллеру.

«Молот», 10 гктября 1935 1.

9 Близ Моздока рабочие железнодорожного карьера обнаружили несколько погребений, в которых найдены большие глиняные сосуды овальной формы до SO см высотой, большое количество маленьких сосудов с орнаментом, бронзовые наконечники стрел и кости животных.

Находки переданы в Пятигорск.

«Северо-Кавказский большевик», 30 мая 1935 л.; см. также «Волжская коммуна», 6 июня 1935 I.

• В г. Анапа и его окрестностях найдены чеканенные монеты, металлическая статуэтка воина, обломки надписей, сосуды и другие предметы.

Близ здания бывшей электростанции найдены фрагменты расписного чернолакового сосуда с двумя ручками хорошей сохранности. На обломках сосуда сохранились изображения человеческих фигур и головы животного с открытой пастью. Здесь же найдены черепицы, причем на некоторых имеются клейма.

«.Молоть, 16 июля 1935 л.

ф В районе ст. Гостегаевской, недалеко от Анапы, обнаружены 3 погребения, в которых найдены античные бусы, сосуды, покрытые черным лаком, и другие предметы.

Находки переданы в Анапскпй музей.

«Молоть, 17 октября 1935 л.

9 На территории кероспнопровода, близ станции Мухет (Грузия), во время земляных работ обнаружено погребение в форме ящика из обтесанных каменных плит, в котором найдены: глиняные сосуды, украшения и серебряная монета, относящаяся к I в. до н. э.

О погребении сообщено в Тбилиси. (Тифлис).

к*Тифлисский рабочийу>, 22 ноября 1939 л.*

9 В с. Ткварчелп в районе Сухума при постройке Акармарской дороги, учеником Сухумской образцовой школы найден бронзовый топор.

В с. Лечкоп, близ Сухума, членом коллегии защитников Жуковским найден бронзовый топор, тяжелый, массивный, колхского типа.

В Гаграх найдено 9 броизовых топоров.

Находки переданы в Абхазский музей краеведения.

«Коммунист» (Ереван), 20 апреля 1935 г.

9 В окрестностях Еревани, в садах Колда, при рытье оросительного канала обнаружены остатки гробницы, которые, по определению работника Института псторпп культуры Армении Кафаджяна, относятся к дохристианской эре.

а*Коммунисту>, 9 .чарта 1935 л.*

9 В татском поселке «Красная елобода», Кубинского района, на старом кладбище в земле найдены — бронзовая фигура оленя, оказавшаяся внутри полой, длиной 15 ем, светильник и спица с накопечником. На всех предметах имеются обрывки тонких цепочек. По времени находки относятся к последним векам до н. э-

Вещи переданы в Сектор истории материальной культуры Азербайджанского филиала Академии Наук.

«Бакинский рабочий», 9 октября 1935 л. см. также «Коммунист», 1(1 октября 1935 г.

9 В с. Хач-Булаг, в Достафюрском районе (Азербайджан), при рытье фундамента обпаруясена в земле каменная могпла, в которой оказались человеческий череп и костяк, 8 сосудов, расставленных по длине могилы (из них 2 были заполнены водой), орнаментированная глиняная миска красного обльига, бронзовый наконечник копья и обломок бронзового кинжала. В земле, окружающей могилу, было много круглых сердоликовых бус. Находки относятся к бронзовому веку.

Вещи переданы в Азербайджанское центральное управление охраны памятников революции, искусства и старины.

«Бакинский рабочий», 20 октября 1939 л.

9 В Ваке, предместье Тбилиси, (Тифлис), (бнаруяьена могила, слоя;енная пз обоясженных глиняных плит в форме ящика, в которой заключались кости мужского скелета и кости лошадп.

«Молодой рабочий» (Тбилиси), (Тифлис) 26 декабря 1939 г.

9 В Нагорном Карабахе, в районах нового строительства обнаружены находки: в с. Доландар найдены монеты времени римского императора Августа, оружие и золотые украшения. В с. Мадагиз найден орнаментированный эфес шашки, выточенный из слоновой кости. Близ с. Баллудгиа обнаружены большие каменные сосуды с частично сохранившимися костями человека, золотые и бронзовые серьги, браслеты и другие предметы.

«Красная лалета» (веч. вып.), 25 *.пая 1935 г.*

9 В Ширакской степи (Грузия) во время мелиоративных работ обнаружены древние глиняные сосуды.

Находки переданы в Музей Грузни^

«Тифлисский рабочий», 17 февраля 1935 л.

9 В м. Археплос-Кало (Спгнахскнй район), на высоте 740 м во время рытья Ширакского водопровода обнаружены.

гончарные изделия, человеческие кости, бусы, бронзовые бляхи и другие предметы. По определению археолога Ниорадзе предметы относятся к 1—2 вв. и. з.

«Тифлисский рабочий», 23 июлл 1935 г.

ф В дер. Агаяни, Горнйского района, во время земляных работ обнаруэ;ено погребение в глиняном гробу, в котором находился скелет женщины, золотые украшения — кольца, бусы и 2 золотые монеты. Одна из них имеет на лицевой стороне изображение императора Константина Великого, а на обороте — битву и двух побежденных. На этой же стороне надпись: «Виктор Омниум Гентум» (победитель всех народов). Другая монета — местной чеканки, имеет на лицевой стороне изображение императора в профиль, а на обороте — ангела победы.

Находки переданы в Музей Грузии.

« Коммунист», 6 января 1935 г.; см. также «Заря Востока», 18 января 1935 г.
«Вечерняя Москва», 20 января 1935 г.

ф На берегу озера Палеостом, недалеко от Лоти, найден овальной формы камень с надписью по-гречески «Елена-Константин»; камень относится к первым векам н. э.

«Вечерняя Москва», 14 февраля 1935 и

ф В Николакеви, близ станции Абаши, крестьянином с. Сепиетн найден небольшой глиняный сосуд с 501) монетами, -относящимися к первым векам н. э.

Находка передана в Музей Грузии.

«Заря Востока», 1 ноября 1934 г. также «Тифлисский рабочий», 10 ноября 1934 ».

ф Близ с. Тагелони на правом берегу р. Ингура найдены остатки мужского погребального инвентаря, в числе которого серебряная посуда, обломки золотой отделки оружия, конские удила, остатки кольчуги,

Находки относятся к первым векам н. э.

«Тифлисский рабочий», 25 сентября 1935 г.

ф В Музей Грузии в 1934 г. переданы 77 серебряных монет, которые найдены крестьянином Джобуа при ремонте Зугдидского шоссе, в 2 км от Зугдиди. Монеты хранились в глиняном сосуде.

Две монеты являются дидрахмами колхидского типа с изображением лежащего льва. На трех монетах с одной стороны изображена голова льва, с другой — голова львицы.

По определению работника Музея Грузии Макалатпя, монеты относятся к IV—V вв. до и. э.

«Мололой рабочий», 17 ноября 1934 см. т.; также «Известия» ЦИК СССР, 16 апреля 1935 ..

ф В с. Двин, Камарлинского района (Армения), колхозница Егнар Худоян нашла золотой крест весом 18.4 г. Крест покрыт орнаментом; посреди креста на красном камне изображена птичка. По времени крест относится к средним векам н. э.

Находка передана в Гос. Музей Армении.

«Заря Востока», 3 июня 1935 г.; см. также «Комсомольская правда», 12 июня 1935 «.

ф С каменистого дна Каспия рыбаками вынут медный литой котел, весом в 26 фунтов. Широкие с вырезами края котла украшены орнаментом. Основную часть орнамента составляет надпись на древнеарабском языке. На противоположной стороне котла по обе стороны сливного желобка изображены два крылатых льва. Эта часть орнамента связана рисунком вьющегося стебля. С двух сторон котла имеются ручки.

Находка передана в Дагестанский музей. По определению работников Музея, котел относится к средппм векам н. э.

«Дагестанская правда», 3 апреля 1935 т.; см. также «Известия ЦИК СССР», 6 апреля 1935 г. и *«Дагестанская правда», 10 апреля 1935* t.

Крымская АССР

ф На горе Мптрпдат близ Керчи на месте старых раскопов Пантикапеи, после обвала осыпи, найдепа мраморная плита, высотою 0.43 м, с художественными рельефными изображениями Силена, относящаяся к IV в. до н. э.

«Красный Крым», 26 июня 1935 г.

Западная Сибирь, Восточная Сибирь и Дальневосточный край

ф У дер. Ганнхпной, Иевлевского сельсовета, на р. Тоболе, местные рыбаки вытащили из воды два бивня, позвонки и зубы мамонта. Часть находки хранится в колхозе «Красный хлебороб».

О находке сообщено в Тюменский музей.

«Советский Север», 24 октября 1934 г.

ф На Бугрииском гравийном карьере (левый берег Оби, против Новосибирска) найден зуб мамонта и часть рогов оленя.

Здесь же, в 1934 г., в гравийной толще, на глубине около 3 м были найдены несколько зубов мамонта и череп ископаемого быка.

«Советская Сибирь», 5 *марта 1935 1.*

ф Жители с. Екатериновки, Таврического района, в р. Туй (приток Иртыша) на протяжении ряда лет извлекают из воды хорошей сохранности части скелетов мамонта и других ископаемых животных.

«Омская правда», 16 сентября 1935 г.

ф Как сообщает Сухобузимская районная газета «Ударник», в 2 км к юго-востоку от с. Нахвального, учащиеся местной школы на глубине 2 м нашли бивни мамонта и еще какие-то кости доисторических животных.

Находка направлена в Краевой музей.

«Красноярский рабочий», 2S сентября 1935 1.

ф Недалеко от г. Тулуна строители овощехранилища при рытье ям встретили кости мамонта; кости находились на глубине 2 м. Найдены: зуб мамонта, ребра, голень и часть позвоночника. Кости хорошр сохранились под слоем плотной почвы. Местные жители сообщают, что им п раньше приходилось часто находить громадные кости каких-то неизвестных животных.

«Состочно-Сибирская правда», 4 октября 1935 г.

@ В Глубокой пади на Якомовском участке Саватеевского сельсовета Иркутского района золотоискателем П. Г. Крестпковым найдены часть зуба и клык мамонта.

«Восточно-Сибирская правда», 6 августа 1935 «.

ф Местными жителями — юкагирами на р. Коркодон (приток Колымы) найден скелет мамонта, полностью сохранившийся.

//. О. «*Правда*», 25 *июня 1935 1.*

@ При слиянии р. Анадыря и Майи заведующий Анадырским музеем Седько обнаружил «кладбище» мамонтов. Нод льдом в разрушенных водой п ветром древних береговых отложениях отчетливо видна масса мамонтовых скелетов.

«Ленинградская правда», 24 *марта 1935 ч.*

ф В Педжинском районе, Дальне-Восточного края, найдено «кладбище» мамонтов. Собрано много бивней.

«//. О. «Правда», 15 января 1935 г.

ф В районе Маратовского предместья, в выемках земли на кирпичном заводе, в пластах лёссовидных глин, на глубине около 3 м, обнаружены многочисленные кости мамонтов, носорогов, оленей, ископаемого быка и каменные орудия. По устному сообщению А. Окладникова, аспиранта археолога Гос. Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, осмотревшего эти находки, каменные орудия аналогичны с верхоленскими палеолитическими цаходками.

Находки переданы в Краевой музей.

«Восточно-Сибирская правда», 3 сентября 1935 и

ф По р. Оми, недалеко от ст. Барабинск, членами кружка при Куйбышевской детской технической станции обнаружена стоянка, при обследовании которой найдены остатки костров, кости животных и обломки глиняной посуды.

«Советская Сибирь», 15 июля 1935 г.

ф На расстоянии полукилометра от ст. Угольной Уссурийской Я!, д., со стороны Владивостока, по левую сторону железнодорожного полотна, археологической секцией юнатов при Приморском областном музее найдены каменный топор, керамика п другие предметы.

В долине р. Песчанки, между ст. Угольной и с. Угловым, секцией же юнатов найдена глиняная жировая лампа с длинной ручкой, каменные грузила, керамика, каменные наконечнпкп стрел, наконечник из кости и другие каменные орудия.

«Красное знамя», 11 аеіуста 1935 г. и 16 сентября 1935 г.

ф На берегу р. Шим, вблизи от Васыоганскпх болот, учениками дер. Усть-Куренга, Сырбампнского сельсовета, Седельнпковского района, найдены череп и кости человека, каменные орудия и костяные украшения. В составе находок имеются зубчатый нояс из глинистого сланца, шлифованный кинжал из глинистого сланца и пилка пз глинистого сидерита.

Находки доставлены колхозником Лисовским в редакцию Тарской окружной газеты «Ленинский путь», откуда переданы в Омский музей.

По сообщению Лисовского, на месте, где найдены кости человека и другие предметы, в 1934 г. найден кремневый наконечник стрелы.

«Омская правда», 5 июля 1935 ».

ф В 3 км от Бердска, вверх по течению Оби, на правом берегу реки учениками новосибирских школ Е. Оболенским и Б. Еременко найдено городище на высоте 8 м над уровнем воды. На

месте городища обнаружены рвы, следы костров, кости п керамика с колотым п вычерченным орнаментом.

О месте находки сообщено в Бюро краеведения.

«Советская Сибирь», 2 августа 1935 г.; см. также «Пионерская правдам, 26 октября 1935).

ф На берегу р. Томи, ученица Старо-Кузноцкоп школы Поверннова нашла бронзовый подсвечник, изображающий борьбу дракона со зверем, обвитый цветами лотоса.

По художественному оформлению подсвечник можно отнести к VII—VIII вв. и считать принадлежащим уйгурам.

«Колгсомольская правдах, 10 апреля 1935 I.

ф В местности «Шаманский мыс», на левом берегу р. Васыогана, у с. Васыоганского найдены медные, бронзовые н костяные изделия, изображающие животных, птиц п человеческпе фигуры. Здесь же найдены бронзовые и каменные стрелы, бронзовый котел, обломки глиняной посуды и кострище.

Ряд стоянок п городищ находится но верхнему и среднему течению р. Васыогана — у Кильсина, Балганак, Содогпчп и других местах, а также по р. Час, у устья р. Иксы, на горе Кулайке.

Из предметов, найденных у горы Кулайка, следует отметить бронзовые ажурные изделия с изображением животных, птиц п человеческих фигур.

Разнообразные бронзовые изделия найдены при раскопках городищ по рр. Бокчару, Нгорсе, Парабелп и Бундюру.

«Советская Сибггрьх, 2 августа 1935 г.; см. также «Советская Сибиръх, 14 октября 1935 г.

ф Восточносибирскому краевому музею гр. Грюнбергом передана коллекция, в состав которой входят древние литые вещи из металла, резьба по дереву, кельты, кппжалы, допаши, бронзовые серьги, кольца, долота и ряд других предметов.

я Комсомольская правдах, 2 мая 1935 г.; см. также «Воет.-Сибирская правдах, 29 мая 1935 г.

ф На Канчальском баритовом руднике, в долине р. Уйбата (Хакасия), инженером Казанцевым во время земляных работ найдены деревянные статуэтки, кованый браслет и сбруйнь.е украшения.

Находки переданы Казанцевым в Минусинский музей.

«Краепопрекни рабочийх, 30 декабря 1935 г.

ф На пригородном хозяйстве Петропавловского рыбного комбината Далькрайсоюза, на Петропавловском озере, при раскорчевке пней на новых участках, на сопках, на глубине от 1 до 2 м, обнаружены обломка кинжалов и другое оружие, конская сбруя, изразцы с надписями и другие предметы. Вещи найдены на твердом грунте, поверх которого лежал толстый слой чернозема.

«Тихоокеанская звездах, 6 декабря 1934 г.

Среднеазиатские республики

ф На правом берегу Аму-дарьн. возле развалин Термеза, термезекпй уполномоченный Узкомстарпса т. Парфенов нашел каменные орудия п фрагменты керамики.

«Правда Востоках, 25 ноября 1935 г.

ф В г. Алма-ата, на углу улиц Дунганской и Пастера, при проведении траншеи водопровода на строительстве табачной фабрики, рабочие на глубине 1 м обнаружили глиняную водопроводную трубу, состоящую из нескольких колен с наружным диаметром 8 см и длиной 5о см. Труба состоит из строго цилиндрических отрезков, соединенных цилиндрическими же гончарными муфтами.

«Казакстапская правдах, 18 апреля 1935 «.

ф В г. Исфаре (Сев. Таджикистан) при прокладке новой мостовой найден небольшой кожаный мешочек с медными монетами.

Находка передана в Тадл;икскую базу Академии Наук.

Ц. О. «Правдах, 2 августа 1935 г.

ф В г. Ташкенте при очистке арыка Чаули найдена медная мопета, на которой сохранились арабские надписи религиозного значения.

По определению археолога Массона, монеты относятся к IX в.

«За коммунггстггческое просвегцениех, 24 марта 1935 г.; см. также «Комсомольская правдах, 24 марта 1935 г.

ф На Чпрчпкстрое, около Комсомольского поселка (Узбекистан), во время земляных работ на глубине 5 м обнаружены сводчатые гробницы VIII в. и начала XIV в. Длина каждой равняется 3 м.

Находки переданы в Узкомстарис.

иПравда Востоках, 11 октября 1935 г.; с.и. также «Звездах, 28 октября 1935 t.

% Близ пос. Бурно-Октябрьское (Казахстан) прп постройке шоссейной дороги колхозниками в земле'обнаружены различные предметы древнего происхождения, среди которых найдены еосуды, блюда, ручные жернова.

«Правда Южного Казакстана», 3 тонн 1935 г.

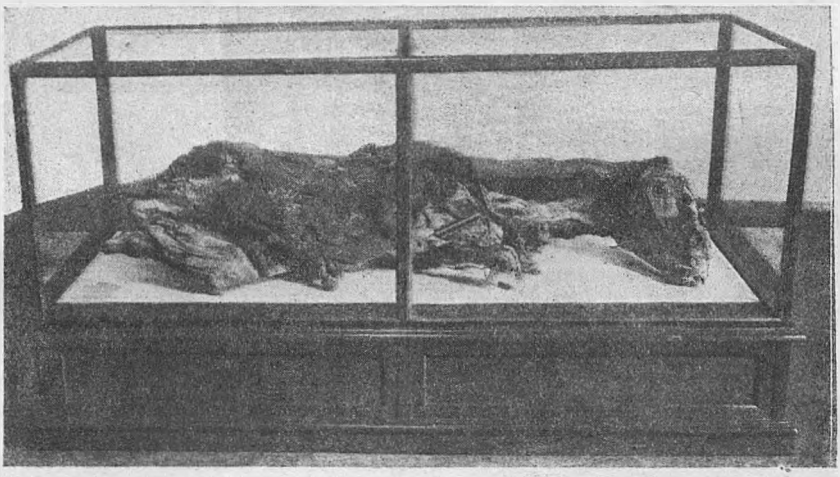
Б. РАБИНОВИЧ

РАБОТА СЕКТОРА ДОКЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА в 1935 г.

Сектор существует всего лишь пятый год. В течение первых трех дет сектором получен пз разпых музеев Ленинграда п Москвы ряд крупных археологических собрапий. Освоение этих собраний, часто находившихся в запущенном состоянии в прежних местах их храпения, явилось первоочередной пеобходимостью, без чего пельзя было полностью приступить к подготовке экспозиции. Поэтому основная работа сектора в истекшем году была направлена на приведение в порядок и организацию хранения своих обширных запасов. Много проделано по разбору коллекций по первоначальным комплексам и по очистке предметов н их реставрации.

Кроме первых поступлений, Сектор продолжает пополняться за счет материалов из последних раскопок, произведенных ГАИМК, по особой договоренности между этим учреждением и Эрмитажем. Из поступивших в Сектор намятпнков следует также упомянуть недавно вывезенный с Онежского озера массивный камень с петроглифами, который будет в ближайшее время помещен на выставке Северо-Восточной Европы.

На ряду с музейно-организационной работой, велась и экспозпцпоппая работа.



Рпс. 1. Эрмитаж. Пазырыкское погребение. Труп лошади.

н в конце прошлого года Сектор дал свои первые выставки.

Из подготовляемой выставки «Первобытно-коммунистическое общество и его разложение в Южной Сибири», устроителем которой является Г. П. Сосновскнй, закончен и открыт участок «Разложение первобытно-коммунистического общества» (Минусипский край и Алтай), занимающий четыре зала. В трех залах расположено Пазырыкское погребение, представляющее основную часть выставки. Этот исключительный по своей сохранности, цельный по содержанию, крайне ценпый для наукп памятник

экепонираван с возможной полнотой, е тщательным подбором комплексов конского убора и с значительной реконструкдией их отдельных элементов. Выставлены два трупа лошадей, все десять уздечек, семь седел целиком и части трех остальных:, при этом заново смонтировано много деревяпных украшенпй п кожаных аплнкаций и местами на них восстановлены золотые накладки (рис. 1).

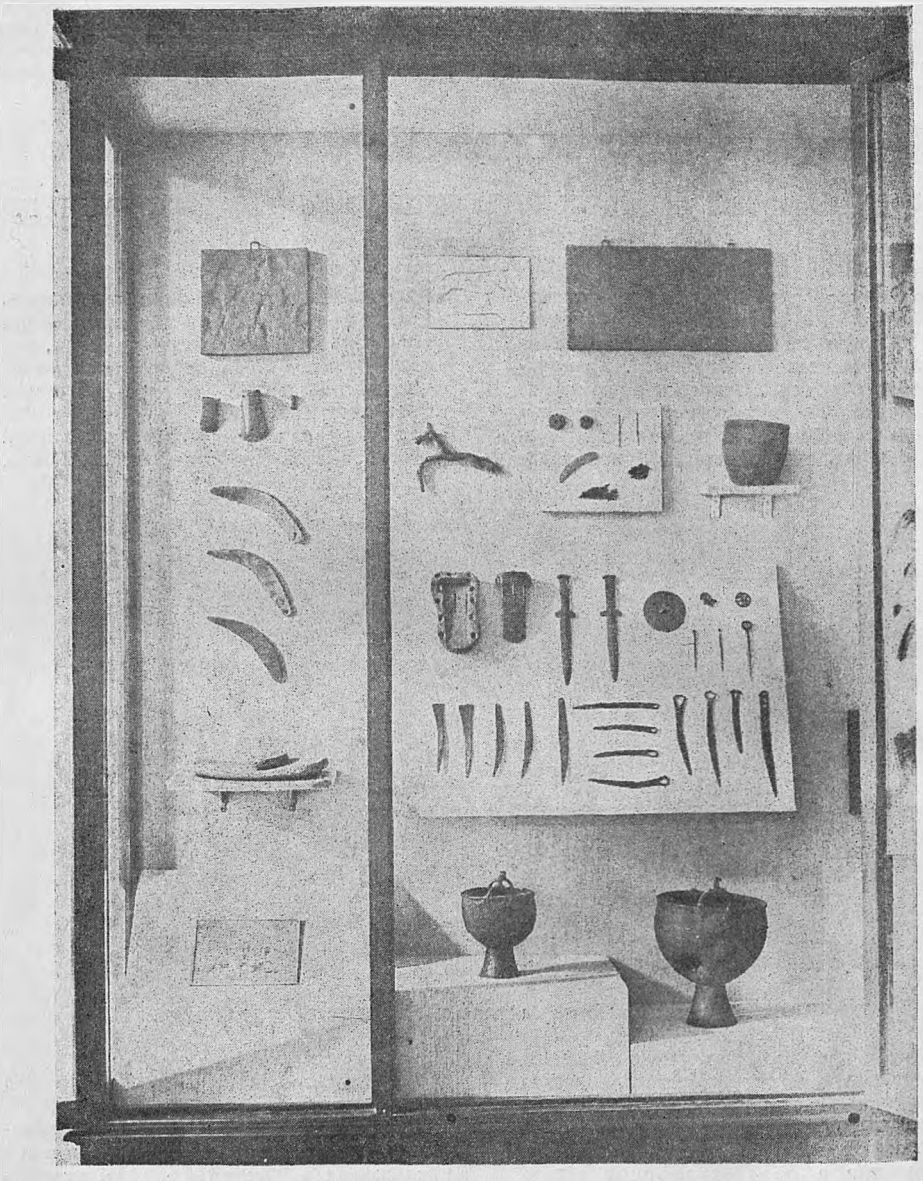


Рис. 2. Эрмитаж. Минусинский крап. Показ производства на стадии разложения доклассового общества.

В качестве противопоставления богатому погребению вождя показаны тут же в одном шкафе рядовые погребения предгорья Алтая, около начала п. с выявлением, в свою очередь, на их

могильном инвентаре имущественной дифференциации.

В зале, ведущем к экспозиции Пазырыка, представлено разложение рода в Минусинском крае, по тематическому принципу, по разным видам хозяйственной и идеологической деятельности общества, причем использованы как материалы случайных находок, так и ряд научно добытых комплексов.

В примыкающей к этим четырем залам галлерее дана к ним вводная часть, где сжато показаны все основные стадии развития доклассового общества в Южной Сибпри в их последовательности — от палеолита (Афонтова гора) до среднего периода эпохи бронзы (Карасукские погребения).

Эта вводная часть используется только при ведении экскурсий; для широкого же посещения она пока закрыта.

Сибирская выставка, открытие которой было приурочено к III Международному конгрессу по иранскому искусству и археологии, привлекла особое внимание иностранных гостей. В частности, виднейший делегат Конгресса, проф. •Сарре, отмечал сильное впечатление, производимое Пазырыкским погребением как памятником уникальным в своем роде.

Выставка заняла сейчас заметное место среди других выставок Эрмитажа, и посещаемость ее растет.

Кроме того, к Иранскому конгрессу Сектором доклассового общества была развернута экспозиция «Скифского звериного стиля», вошедшая в' состав выставки по иранскому искусству и археологии и имеющая поэтому временный характер.[1]

На 1936 г. намечено дальнейшее развертывание экспозиции Сибири и устройство следующих выставок по юго-восточной Европе: Родовое общество в северном Причерноморье и на Северном Кавказе (скорченные костяки); Разлоягение родового общества, в тех же районах (скифы), и Ранний феодализм—— там же (сарматы, готы и поздние кочевники) (рис. 2).

При Секторе работает научный кружок, на котором в истекшем году было зачитано несколько докладов.

Доклад Ю. В. Подгаецкого «Археологическое исследование М. П. Юргенсоп в 1912—1913 гг. в Воронежской обл.». Докладчик, на основании неизданных архивных материалов, относит рассматриваемые памятники к позднему периоду эпохи бронзы и определяет их принадлежность родовому обществу — стадии становления патриархально-семейных отношений.

Б. З. Рабинович прочел доклад; «О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья».[1]

Оживленные обсуждения вызвал доклад Л. А. Мацулевича: «Германский ли могильник городка Николаевки»?

Па основании тщательного изучения характера погребений, содержавшихся в них вещей и антропологических данных докладчик опровергает взгляд исследовавшего этот могильник буржуазного ученого Эберта, будто перед нами памятник, свидетельствующий о пребывании германцев в Нижнем Приднепровье.

Второй доклад Л. А. Мацулевича был посвящен: «Изображениям на умбоне из бывш. усадьбы Абдул-Керима (Керчь)». Два петуха на этом умбоне II в. н. э- связаны не с ролью петуха в римской религии, а отражают представления, восходящие к стадии культовокосмпческого мышления и должны быть рассматриваемы как расщепление образа неба-птицы. Прения шли, главным образом, по вопросу о непосредственном значении изображений петухов на умбоне в их новом переосмыслении.

Своих собственных археологических экспедиций Эрмитаж в истекшем году не имел, но часть сотрудников Сектора доклассового общества принимала участие в экспедициях других учреждений. Г. П. Сосновский возглавлял Алтайскую экспедицию от Советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода на Алтае, предпринятую в связи с подготовкой к третьей сессии Ассоциации в 1936 г. Исследования экспедиции впервые обнаружили памятники верхнего палеолита в районе Алтая.

Г. 11. Гроздилов и Н. Н. Гурина участвовали в Новгородской экспедиции ГАИМК (исследование Рюрикова городища). Н. Н. Гурина работала такясе в экспедиции по изучению петроглифов Карелии Академии Наук.

А. П. Манцевич участвовала в Ольвпйской экспедиции ГАИМК.

Б. 3- Рабинович участвовал в Моздокской экспедиции ГАИМК.

---

[1] См. каталог Международной выставки памятников иранского искусства и археологии, вын. I, Ленинград, 1935, .Зал 213. стр. 43.

[1] Напечатано в Сов. арх., № 1.

СОДЕРЖАНИЕ № 1 «СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ»

Стр.

Задами «Советской Археологии»..... 1

Статьи

В. И. Равдоникас (Ленинград). К изучению наскальных изображений Онежского озера и Белого моря..... 9
М. В. Воеводский (Москва). К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР ... 51
Б. Рабинович (Ленинград). О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья 79

Материалы

В. А. Городцов (Ленпнград-Москва). Уртуйская микролитическая стоянка в бассейне р. Амура..... 105
И. С. Рыков (Саратов). Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг..... 115
М. В. Покровский (Краснодар). Пашковский могильник № 1 . 159
В. А. Городцов (Москва-Ленпнград). Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г. '..... 171
А. В. Арциховский (Москва). Раскопки 1930 г. в Новгородской земле..... 187
С. Н. Бибиков (Ленинград). Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г..... 195
Я. И. Гуммель (Азербайджан). О планировке курганов эпохи бронзы в районе Ганджа-Чая..... 213
А. П. Окладников (Ленинград). Каменные рыбы..... 215
С. В. Киселев (Москва). Кузнецовские курганы..... 247
Н. А. Прокошев (Ленинград). Камская экспедиция 1935 г. . . 255

Археологическая хроника

А. М. Золотарев. Ноглпковская неолитическая стоянка (Восточный Сахалин)..... 273
П. Р. Археологическая экспедиция в Нижнем Поволжье..... 274
А. П. Окладников. К археологическим исследованиям в 1935 г. на Амуре..... 275
В. А. Адрианов. Раскопки у Сале-Харда в 1935 г..... 278
Г. П. Грездилов. Новгородская археологическая экспедиция 1935 г..... 279
В. И. Крупнов. Северокавказская археологическая экспедиция (Государственного исторического музея)..... 280
С. В. Киселев. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция 1935 г..... 282
Т. Ф. Гелах. Раскопки по палеолиту в Крыму (1935 г.) 285
Т. Ф. Гелах. Новые коллекции археологического отдела музея ИАЭ АН СССР..... 286
Т. Ф. Гелах. Приобретение коллекций по трипольскойкультуре. 287
У. Ф. Гелах. Политпросветительпая работа археологического отдела музея ИАЭ..... 288

Критика и библиография

А. В. Мачинский. Несколько новых книг по археологии и истории Центральной Америки •..... 291
А. А. Иессен, Д. Н. Лев. К истории горпого дела..... 302

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция сборника «Советская Археология» предлагает авторам в отношении присылаемых рукописей придерживаться следующих правил:

1. Размер статьи нс должен превышать 2 авт. листов.

2. Рукопись должна быть перепечатана на машинке через два переката на одной стороне листа с полями на девой стороне в 4 см. Ни в коем случае недопустимы в статье вставки от руки чернилами и карандашом, кроме знаков транскрипции.

3. К статье следует прилагать краткое резюме, исходя из расчета I стр. па 1 авт. лист.

4. Рукопись должна быть тщательно выправлена с литературной стороны.

5. Необходимо внимательное отношение к географическим названиям (придерживаться современной номенклатуры). Требуется единообразное, принятое в «Советской Археологии», сокращение названий метрических единиц (м, см, км, кг и т. д.) и румбов (СЗ,ЮВ и т. д.).

в. Цитаты должны быть сверены с источниками.

7. В ссылках должны быть точно указаны: год, место издания, том, выпуск, страницы.

8. Иллюстративный материал должен быть тщательно выполнен (особенно фотоснимки) и рассчитан на формат полосы текста «Советской Археологии» (при возможном уменьшении иллюстраций). Мелкие рисунки должны быть смонтированы в таблицы. Необходимо указывать масштабы. При монтировке указывать уменьшение. К иллюстрациям необходимо прилагать подписи и размечать в тексте рукописи их размещение. Желательно указывать, какие рисунки могут быть, в случае необходимости, сокращены. Плохо оформленный иллюстративный материал приниматься не будет.

9. По всем вопросам, связанным с рукописями, можно обращаться в редакцию «Советской Археологии» по адресу: Ленинград, Университетская набережная, д. 3, Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В моей заметке «Саяно-Алтайская Археологическая экспедиция 1935», помещенной в № 1 «Советской Археологии», выпало указание, что экспедиция проводилась Гос. Академией истории материальной культуры им. Ц. Я. Марра.

7 декабря 1936 г. *С. В. Киселев.*

Технический редактор Д. С. Б а 6 к и й;
Ученый корректор С. М. Да ни ни.
Сдано в набор 28 января 1936 г.
Подписано к печати 11 марта 1937 г.
4 стр. + 248 стр. (78 рис.) -}- 5 вкл. Формат бум. 72Х110 см. $16^{7}/_{8}$ печ. л. 51600 печ. зн. 21.93 уч. авт. л. Тираж 2200 Ленгорлнт *М* 851. — А Н И № 1266—Заказ № 2284.
Типография им. Володарского, Фонтанка, 57.